

Владислав Погадаев

Линия жизни

книга 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владислав Михайлович Погадаев

Линия жизни. Книга первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29413800

SelfPub; 2023

Аннотация

Быт и нравы Среднего Урала в эпоху развитого социализма. Занимательные и поучительные истории из жизни послевоенного поколения. Семья и школа. Человек и закон. Тюрьма и воля. Спорт и характер. Становление героя. Содержит нецензурную брань единичными вкраплениями, за что и получила возрастное ограничение, но из песни слов не выкинешь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	7
Владька	18
Заветная папочка	32
Таёжный промысел	38
Красная горка. Лето 1957 года	48
Сенокос	52
Верхотурье. 1957 год	56
Недетский праздник: всё как у больших	61
До всеобщей реформы образования	66
Бабушка да я – вот и вся семья. 1959 год	70
Пастуха ноги кормят. 1959 год	73
Последний год в школе. 1959 год	77
Нижняя Тура. 1960 год	82
Бокс	85
Баранча. 1961 год. Не всесоюзный староста	92
В луже у порога	96
Красота требует жертв. 1961 год	100
Дружелюбный грабитель	108
Письмо. 1961 год	110
Боксирующий тренер	114
Осенняя страда или осенние страдания. 1962 год	119
Труд и трудовые резервы	126
Выпускной. После бала. 1963 год	132

И снова Платина. Предложение, от которого я не смог отказаться. 1963 год	136
Серов и серовцы. 1963 год	145
1964 год	156
На дистанции 3000 метров	162
Серов – Минск и обратно. 1964 год	166
Предложение, от которого я не мог не отказаться	171
Сила вина безмерна. 29 октября 1964 года	174
Вовка-Монгол	180
СИЗО. СЧАСТЛИВЫЙ НОМЕР	183
Артист погорелого театра	191
Встать. Суд идёт. Июнь 1965 года	194
Снова в СИЗО	204
ИТК-2, второй цех, 2 августа 1965 года	207
Через две ступеньки. 1965 год	215
Ребята с нашего двора	219
Наш научный потенциал	225
Инстинкт половой не заменишь головой	227
Парад мертвецов	229
Кождвижок	232
Экономика должна быть экономной	235
Последнее свидание. 1967 год	240
Алхимики-добровольцы, или повторять не рекомендуется	244
Шура-механизма	249
Коробейники на Невском	251

Скоро на волю. 1969 год	253
Свердловск. Это сладкое слово «свобода». 30 октября 1969 года	261
Завод «Химмаш». 10 декабря 1969 года	267
По воле случая	272
ТТУ. Октябрьское троллейбусное депо. 27 февраля 1970 года	275
Тяга к знаниям. 1970 год	278
Бывших боксёров не бывает. 1970 год	288
Встреча выпускников. 1971 год	302
Я получаю жильё. Лето 1971 года	306
Операция «Ка»	308
Парламентёр из Чайковского. Лето 1972 года	311
10:4=2,5 метра на душу населения. 1972 год	315
Главное – чтобы костюмчик сидел! Апрель 1973 год	318
Честным пирком, да за свадебку. Ноябрь 1973 года	325
Дорога к храму. 1974 год	328
Верьте мне, люди. 1974 год	332
Предсказание продолжает сбываться? 1975 год	340
Люди, я расту. 1976 год	345
Мы строили, строили... 1980 год	350
Я б в водители пошёл...	358
Дело. Если друг оказался вдруг. 1981 год	365
ГПТУ№1. 8 июля 1981 года	373

Союз рабочих и трудового крестьянства	377
Какие мелкие кусочки! Декабрь 1981 года	389
Сюрприз-и-и-з! Апрель 1982 года	394
Я покупаю машину. На круги своя. Июнь 1982 года	398
Глаза боятся, руки делают. На двух стульях. 1985 год	406
Забастовка. Весна 1985 года	409
Анонимка. Лето 1985 года	413
Перспективы карьерного роста. 1985 год	420
Кража. Август 1985 года	423
Ротация и рокировка 1986 год	426
Анонимка-2. Весна 1987 года	430
Перестроечные процессы. Все на выборы	435
Перспективы карьерного роста. За? Против?	449
Воздержался!	
Тайга – закон, медведь – хозяин	461
Не жди от природы милости, сам садочек сади, сам и вырасти	474
Лихие девяностые. Вперёд – к капитализму или назад в будущее	477
Нет худа без добра. Таможня даёт добро	490
Рекламодатели и рекламопроизводители	503

Владислав Погадаев

Линия жизни.

Книга первая

*Моей бабушке,
Погадаевой Прасковии Григорьевне,
посвящается
Прожитое, что пролитое – не воротить.*

Пролог

Погадаевы

– Венчается раб Божий Матвей рабе Божьей Параскеве! – голос священника набирает силу. В церкви жарко, меховые воротники прихожан – в каплях растаявшего снега.

– Венчается раба Божия Параскева рабу Божьему Матвею!

В толпе – тугой гул, как под крышкой улея:

– Слыхали? Жених-то невесту увозом взял. Подкараулил на улице, да в кошёвку. А посля такого только и одно, что прикрыть грех венцом...

– Знамо, от такого посрамления и до петли недалеко. А чего ж так-то? Аль родители супротив?

– Невеста не схотела. Их у родителя-то, у Григория Петухова, четыре девки да сын Иван. Старша дочь Татьяна, две средни: близняшки Анна да Прасковья, и меньшая – Анфиса. Так девки-то больно балованы.

– Да будет вам трёкаться, ушники! Всамделе Матвей-то к Анфиске сватался! А Анфиска-то в попадьи ладится, так Матвейке от ворот поворот и вышел, ну, знамо дело, в попадьях-то оно для жизни способнее. Тако что Прасковья сама согласие дала.

– Ну, ты и ботало! Анфиска-то ещё дитё совсем...

– Ой, бабоньки, да какая ж девка такому соколу по своей воле откажет?..

Действительно, был Матвей Погадаев красив какой-то нездешней, немужицкой красотой: тонко выписанное лицо с пухлым, капризно изогнутым ртом той самой формы, что скульпторы называют «лук амура», прямой нос с изящно вырезанными ноздрями. Глядел и впрямь соколом. Под стать ему была и Прасковья со строгим иконописным лицом, обрамлённым кружевом фаты.

* * *

Так или иначе, а только зажили Матвей да Прасковья в деревне Походилова под Екатеринбургом вполне справно. Своё поле обрабатывали, свою скотину держали: тройку лошадей, двух коров и прочую живность без счёту.

А в девятьсот десятом году народили сына и дали ему имя Михаил. Крестили маленького Мишу в новом Походиловском храме, освященном во имя благоверного великого князя Александра Невского.

В обращении с женой и сыном Матвей был крайне суров. Единственного сыночка Мишу, как и всех деревенских, с детства приучал к труду. Запрягать лошадь, пахать, косить, метать сено в стога, ходить за скотиной – эти нелёгкие работы Мишаня освоил вполне, а вот учёбе места отводилось немного, потому и образования отхватил всего четыре класса, впрочем, по тем временам это считалось вполне достаточным.

* * *

По осени, после завершения всех полевых работ, Матвей плёл несколько пар лаптей. Лыко драл сам. Сам готовил котомку со съестным, прощался с семьёй и пешком по грунтовым дорогам шёл в Верхотурье помолиться Симеону Верхотурскому и другим святым. Замаливал грехи. Шёл только пешком туда и обратно, изнашивая при этом все сплетённые лапти, а он точно знал, сколько их нужно запасти. Приходил просветлённый, уже по первому снежку. И вот тут начинались аттракционы.

Работы по хозяйству было уже немного, справлялись жена с сыном, а Матвей уходил в загул. Он, как только выпадало достаточно снега, запрягал в кошёвку тройку лошадей и уезжал в Екатеринбург, где в трактире напивался до одури.

Но самое главное – не это. Когда Матвей возвращался домой и с гиком мчался на тройке по деревне, жена должна была успеть распахнуть ворота, чтоб он влетел во двор на полном ходу. Если же Прасковья задерживалась, Матвей брал плётку в одну руку, наматывал женину косу на другую и нещадно избивал супружницу. Чтобы исполнить ритуал встречи, Прасковья ночи напролёт сидела у окна и ждала, когда её благоверный с криком влетит в деревню. Так сказать, бессменное дежурство: он ведь не сообщал, в какой день и час явится. И телефонной связи тогда не было. Попробуй, угадай, как скоро твой ненаглядный нагуляется и прибудет домой.

* * *

Несмотря на то, что пряталась деревня вдалеке от дорог среди глухих лесов – про неё так и говорили: походи-походи, может, и найдёшь Походилову – эхо событий семнадцатого года докатилось и до этих мест.

Революцию Матвей принял, распорол женину то ли юбку, то ли кофту красную, соорудил флаг и с этим флагом гордо прошёл по деревне.

Да, откалывал Матюша трюки.

Мишка-то, сынок, в этом плане был послабже, но своих трёх жён, видать, по примеру отца, держал в строгости и гонял как сидоровых коз. Особенно, когда напивался.

В первый раз отец женил Мишаню в восемнадцать лет. Родили они с женой двоих сыновей, да только умерли те во

младенчестве.

К тому времени Матвея, которому с приходом революции и отменой страха Божьего все пути оказались открыты, уже кружило, словно щепку в водовороте: всё хозяйство этого «революционера» пошло прахом, семья распалась. Михаил остался при матери, а Матвей растворился в сплошных загубах. В последние годы жизни он обитал где-то в Екатеринбургe, в его трущобах, и был похоронен на Михайловском кладбище. Могилу его уж и не найти.

* * *

Сестра Прасковьи Анфиса вышла замуж за священника и сделалась попадьёй. Судьба её поначалу складывалась удачно: в Походилове, большой и богатой деревне, где насчитывалось более трёхсот дворов, жизнь батюшки и его семьи была вполне сносной. Уцелели они и в непростое время Революции, и в Гражданскую Господь уберёг. А, может, у Советской власти просто руки до них не дошли. К тому же пряталась Походилова в глухом бору, про неё ведь так и говорили: «Походи, брат, походи – найдёшь Походилову»...

Но пришёл и их черёд: в двадцать девятом году в Походилове был организован колхоз, а в начале тридцатых по стране прошла очередная волна гонений на веру: повсеместно закрывали церкви и монастыри, монахов арестовывали и отправляли в лагеря и ссылки.

«Служители культа» уже с восемнадцатого года находились в новом советском сословии «лишенцев», то есть не

имели права участвовать в выборах, получать медицинскую помощь и продовольственные карточки, пенсию и пособие по безработице, а начисляемые на них налоги были выше, чем для остальных граждан Республики. Дети «лишенцев» не могли получить образование выше начального.

Да, в конце концов, и это можно было бы преодолеть, но священнослужителей вновь начали ссылать и отправлять в лагеря. Забирали и высылали целыми семьями – на севера, в безлюдные места. Привозили пароходами, выгружали на берег и оставляли выживать. Голод, холод и эпидемии довершали начатое: выдерживали немногие. Особенно тяжело приходилось семейным клирикам, ведь в первую очередь умирали дети.

Поэтому, когда мужа забрали, матушка Анфиса не стала дожидаться ареста, а, собрав уцелевшее после обысков и национализации барахлишко, с двумя детьми бежала в Свердловск, так как в большом городе затеряться было легче.

Разумеется, устроиться на завод или в контору, не имея соответствующих документов, она не смогла, а посему перебивалась случайными заработками. Когда всё прихваченное из дому было продано и проедено, перед семьёй встала угроза голодной смерти. Осознавая безвыходность положения, Анфиса сама отвела детей в детский дом, строго-настрого запретив им говорить о том, кто их родители, ибо дети репрессированных и в детских домах считались низшей кастой и подвергались унижениям и издевательствам.

* * *

Между тем, Миша Погадаев удачно вписался в новую реальность и как человек, выросший при советской власти, был твёрдо уверен в том, что всё идёт так, как и должно идти: сначала комсомол, затем – ВКП(б), а потом – куда партия пошлёт. Нужно укреплять пожарную безопасность – его направляют руководить пожарной бригадой в Добрянку; нужно поднимать лесную промышленность – отправляют на Платинский лесоучасток; нужно насаждать культуру – назначают руководителем клуба на этой самой Платине. Вот такой менеджер-универсал с четырьмя классами церковно-приходской школы.

На фронт Михаил не попал, лишившись – ещё до войны – правого глаза.

Трембовецкие

Трембовецкий Никифор Яковлевич – поляк по национальности, и его супруга Бойко Евдокия – украинка – проживали в селе Писаревка, что находится в двенадцати километрах от станции Кодыма, под Одессой. Никифор Яковлевич служил директором спиртзавода, Евдокия уверенной рукой вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием единственной дочери Оленьки, которая родилась летом двадцать четвёртого года. Их дом в Писаревке, который цел и по сей день, был, что называется, полной чашей.

Всё кончилось разом. Никифора Яковлевича взяли по сфабрикованному ГПУ делу «Союза освобождения Украины», видимо, по национальной принадлежности, но, поскольку к украинской научной интеллигенции, для дискредитации которой и был затеян данный процесс, он имел отношение более чем косвенное, ограничились высылкой за пределы Украины.

Евдокия, подхватив дочь, отправилась следом за мужем в далёкую Сибирь, про которую знала только одно, что когда-то, ещё при царском режиме, туда ссылали каторжан да революционеров. Но сказать: следом за мужем – легко, а найти этот след гораздо труднее. Неведомыми путями она узнавала, где предположительно находится супруг, а, узнав, переселялась туда и, чтобы хоть как-то выжить, занималась натуральным хозяйством. Евдокия даже научилась лазить на кедры и сбивать шишки – так они с дочерью добывали кедровые орехи. Вдвоём с маленькой Олей пахали, сеяли хлеб и даже гречиху выращивали, что по местным природным условиям было просто невероятно.

Наконец Никифор Яковлевич оказался в Кривошеинском районе Томской области на должности заведующего сельхозотделом. Но в августе тридцать седьмого года его арестовали и спустя три месяца расстреляли как участника контрреволюционной шпионско-диверсионной организации. Так семья навсегда потеряла его след: сколько бы ни писали, сколько бы ни наводили справки – всё было напрасно...

В сорок четвёртом году, потеряв всяческую надежду на возвращение Никифора, Евдокия вышла замуж во второй раз. Её новый муж, Харченко Сергей, тоже отсидел в сталинских лагерях и после смерти первой жены остался один с тремя детьми, которых они с Дусей стали растить вместе, поселившись в большой деревне Ярино Пермской области.

* * *

В сорок втором году дочь репрессированного Никифора Трёмбовецкого, которой тогда едва минуло восемнадцать, познакомилась с ссыльным одесситом Теплицким. Спустя некоторое время его забрали на фронт, а через два месяца, в январе сорок третьего, Ольга родила кучерявого темноглазого мальчика, которого назвала Юрием.

После войны Юрочкин отец прислал Оле вызов в Одесу, но она не поехала. Вроде как, мать не пустила, но, скорее всего, причина была совсем в другом: в конце сорок пятого Оля снова была беременна. На этот раз отцом ребёнка был идейно выдержанный и морально устойчивый коммунист Погадаев Михаил Матвеевич, тридцати пяти лет отроду, бездетный и свободный: с первой женой к тому времени он уже успел развестись.

Лето послевоенного сорок шестого года в Пермской области выдалось на удивление щедрым на всякую лесную ягоду. Во второй день августа Оля, будучи уже на сносях, прихватила лукошко и собралась было отправиться за малиной.

– Олюшка, да куда ж ты наострилась-то? – попыталась

остановить её Прасковья Григорьевна. – Живот-то на нос лезет – рожать тебе скоро!

– Ой, мама, вон девчата соседские вчера по ведру притащили. Говорят, ягода крупная, сама в руки сыпется – не могу я такой случай упустить. Да и малинник – сразу за околицей, чего там со мной станется?

Прасковья Григорьевна, зная неуёмный характер невестки, только вздохнула:

– Ну, коли так – иди. За Юрочкой я пригляжу.

Малины и правда было невпроед. Выбрав нетронутый участок, Оля горстями ссыпала в лукошко душистую ягоду. Неподаляку потрескивали кусты. Видать, страдовал кто-то из своих, из поселковых. Ольга знала здесь всех, да и её многие знали. Приглядевшись получше, удивилась: кто ж ходит летом по ягоды в меховой шубе?

Додумывала Оля уже на бегу, что в её положении было крайне рискованно, но и медлить особо не стоило: счастье, что медведь – а это был именно он – лакомился ягодками с наветренной стороны и не учуял за спиной человека. Конечно, в августе зверь уже сыт, но кто ж знает наверняка? А вдруг это – медведица с пестуном?

Оля бежала, не чуя под собой ног, крепко вцепившись в ручку корзины. Вывалить малину на землю ей даже в голову не пришло.

Уже дома начались схватки и роженицу увезли в роддом села Перемское, где она благополучно разрешилась от бре-

мени светленьким горластым мальчонкой.

– Надо бы сына Мишкой назвать, – шутил отец, – да только нам в семье одного Мишки достаточно.

– Да уж, Олька, двух Мишек благодари, – вторила зятю баба Дуся, приехавшая навестить роженицу.

Вот так это и получилось, как-то очень уж быстро: первого августа зарегистрировали брак Погадаева Михаила и Трёмбовецкой Ольги, а второго родился их сынок Владюшка. Да, умели старые партийцы, воспитанники товарища Сталина, делать свою работу быстро, хоть и не всегда качественно.

Вскоре Михаил получил новое назначение, и семья переехала в Полазну – большой посёлок на берегу Камы, а спустя год у молодых родился ещё один сын, названный Валерием.

Владька

– Владик, ну-ка скажи, почему у тебя сегодня мамка всю ночь ревела? – мужик лукаво поглядывает на меня, пряча в бороде усмешку. Его волосы, как снежком, припорошены опилками – бригада вятских плотников ставит у нас в посёлке барак.

Я, естественно, не знаю, что ответить, ведь всю ночь крепко спал с бабушкой на кухне и ничего такого не слышал. Да и не мамка она мне, а вовсе чужая тётка. Ну и что с того, что отец велел её мамкой называть, мою-то маму я помню: красивая, весёлая – она вместе с братьями Юркой и Валеркой осталась где-то в Полазне, а нас с бабулей отец увёз на Платину...

– Ну, чего молчишь? Чего мамка-то ревела? – присоединяется к разговору второй мужик.

Я в сплошном недоумении: чего этим дядькам надо? Тогда из противоположного угла меня подзывает третий и, когда я подхожу, тихо шепчет:

– Да что ты, Владик, теряешься?! Ты им скажи: тебя всю ночь поеби, так и ты заревёшь.

И я громко на весь барак не просто говорю, а кричу:

– А тебя всю ночь поеби, и ты заревёшь!

Ответом мне служит гомерический хохот всей бригады, а я, не осознавая значения сказанного, довольный произве-

дённным эффектом, продолжаю играть с приятелями.

Вообще, Полазну я вспоминаю нечасто: здесь, на Платине, у меня уже появились друзья из местной малолетней шантрапы, и наша команда почти всё время проводит на стройке. Огромный барак ещё не поделён на комнаты, но уже подведён под крышу, потолок тоже сбит. Рабочие, разойдясь по разным углам, заканчивают стелить полы и делают перегородки.

Барак – самый большой в посёлке, и не с коридором, как это обычно делалось, а с отдельным входом с улицы в каждую комнату-квартиру. У каждой семьи свои сени, своя кладовка при входе. Строит барак большая бригада вятских плотников. Судя по тому, как ретиво мужики взялись за меня, моя новая мамка прибыла на Платину именно с ними.

Так продолжается изо дня в день: стоит мне появиться на стройке, вопрос повторяется в неизменном виде. Ответ тоже не заставляет себя долго ждать, затем следует оглушительный хохот, а я страшно горд собой, тем, что могу так лихо отвечать на вопросы взрослых мужиков.

* * *

Новая мамка, про которую спрашивали плотники – уже не первая в моей жизни: однажды, после очередной поездки в Свердловск папа привёз мне «маму с двумя братиками». Где он откопал это сокровище, для меня так и осталось тайной.

Бабуля очень переживала, и, как оказалось, не зря. Однажды, оставив меня на попечение «папиной жены», бабушка

отправилась в Свердловск: со здоровьем у неё не всё было в порядке, намечалась операция. Думаю, поэтому она и переживала, оставляя меня на «новую маму». В городе бабушка остановилась у своей сестры Анфисы – тёти Фисы, как мы её звали.

Поскольку прожила бабушка в городе достаточно долго, она выслала домой несколько посылок. После возвращения решила выяснить, что же из тех посылок перепало мне, и когда узнала, что ничего, состоялся её разговор с отцом. Не знаю, о чём они там говорили, но новую жену батя немедленно отправил туда, откуда привёз. Вместе с «братиками». Характер у бабули был очень мягкий, но не тогда, когда обижали меня.

* * *

А где же моя родная мама?

В Полазне, откуда мы переехали на Платину, случилось происшествие, круто изменившее существование всей нашей семьи.

Проживали мы на первом этаже большого двухэтажного дома, в котором кроме нас и соседей обитали целые полчища крыс. Наша с бабушкой кровать, а спали мы с ней вместе, находилась справа от входной двери. Как-то я проснулся поздно ночью и в тусклом свете висевшей у двери лампочки увидел, как какие-то серые зверьки вылезают из-под пола и бегают по комнате. Их было так много! Слегка попискивая, зверьки шныряли туда-сюда, видимо, в поисках пропитания,

а я, в то время ещё не зная, что это крысы, долго, пока не уснул, наблюдал за их манёврами.

В это время в гости к нам приехала баба Дуся с двумя приёмными сыновьями: Николаем и Петром. Места в наших апартаментах было не лишка, потому бабулю уложили на пол, расстелив матрас. Ночью раздался страшный крик. Оказалось, что крыса укусила бабушку за нос, и баб Дуся, проснувшись и увидев, сколько их, естественно, перепугалась. Утром Коля и Петро, которые были значительно старше нас с Юркой и, по всему виду, имели опыт борьбы с этой напастью, начали охоту на крыс: к перекладине нашего большого стола приладили петли из проволоки и разложили приманку. Улов составил три или четыре крысы.

Братья отволокли их подальше от дома, облили керосином и подожгли – первый опыт уничтожения врага прошёл удачно. А вот на следующий день вышла осечка: одна горящая крыса добежала до дома и юркнула в подпол. Только чудо спасло дом от пожара. Ремня от бабки получили оба предпринимателя, но, как выяснилось, напрасно: оставшиеся крысы ушли, видимо, наученные горьким уроком.

* * *

В комнату на втором этаже, где жили соседи, вела крутая лестница. Вот с этой-то лестницы я и вертанулся, а, падая, поймал гвоздь, который воткнулся прямо под левую коленку. Через несколько дней нога распухла, поднялась температура, ходить я не мог – положили меня в больницу большо-

го города Молотов вместе с бабушкой Пашей. Мне сделали операцию и, по словам бабушки, убрали гноя с целое куриное яйцо. Как оперировали – не помню, а вот перевязки запомнил хорошо: меня клали на операционный стол и держали несколько человек, а я орал: «Тётенки, вы нехорошие!» Толстый усатый доктор забивал рану бинтом, пропитанным лекарством, а на следующий день, присохший, из раны вытаскивал. Боль была дикая! Бабуля плакала вместе со мной, а доктор приговаривал:

– Терпи, казак – атаманом будешь!

Однажды нас навестил отец, и они о чём-то долго разговаривали с бабушкой – бабуля опять плакала.

Я быстро шёл на поправку, вскоре меня выписали, и мы вернулись домой, но вот мамы с братьями там уже не было. Из разговоров взрослых я узнал, что мама, забрав Юрку и Валерика, убежала неведомо куда. А вскоре и мы с отцом и бабулей переехали на Платину.

Поселили нас в бараке на четыре хозяина. У каждой семьи имелась комната с кухней. Кухня с большой русской печью являлась также столовой, да и одна кровать вместились, опять же возле входной двери – наше законное с бабушкой место.

* * *

После переезда на Платину бабуля не оставляла попыток найти мою мать: переписывалась с соседями по дому, с какими-то друзьями отца. Наконец отправилась в Полазну пар-

ламентёром.

Вернувшись, рассказала, что некоторое время после бегства из дома мать с братьями скрывалась у подруги, а потом баба Дуся забрала их к себе в Ярино, где мать устроилась работать учителем начальных классов. Проучительствовала она ровно год, разбив немало линеек о Юркину голову – в том же году брат пошёл в первый класс – а затем вернулась обратно в Палазну и определилась на прежнюю работу – в санаторий.

Нам с отцом надеяться не на что: баба Дуся категорически против воссоединения семьи, да и Оля, похоже, нашла своё счастье с другим. Всё же не напрасно, видимо, отец её ревновал: папочка прилично поддавал, а, приняв на грудь, был крайне несдержан, ревнив – отсюда и боевой задор в разборках с женой. Иногда в приступах ревности отец по целой ночи держал мать под ножом.

Это была не единственная печальная новость – умер мой брат Валера. Его не то уронили, не то толкнули в детском саду. В результате травмы у малыша лопнул желчный пузырь, и пока врачи разбирались, в чём дело, время было упущено, спасти братика не смогли. Причина смерти выяснилась только при вскрытии. Для отца это известие стало сильнейшим ударом: он очень любил Валерку. Тот рос подвижным, бойким и, несмотря на то, что был на год младше меня, старался ни в чём мне не уступать и спуску не давать.

Мне бабуля привезла подарок: брат Юра, который к тому

времени уже ходил в школу, увидев у бабушки мою фотографию, забрал её себе и сказал, что будет хранить, а бабушке отдал свою в школьной форме – для меня.

* * *

Отцу после крушения надежд на возвращение жены стало, видимо, совсем невмоготу: уж пятый десяток, а прислонить плечо не к кому. И однажды он привёл в дом девушку значительно моложе себя, как потом выяснилось – на целых двадцать лет. Вскорости мне велено было называть её мамой, что я воспринял без большого энтузиазма – всё ещё ждал свою мать.

Присмотрел батя новую мамку в бригаде сезонных рабочих – вятских плотников

Как он, истинный партиец, не оформив развод с моей матерью, смог окрутиться с беспаспортной девицей – не знаю, но Чагина Анна Алексеевна стала Погадаевой, получила паспорт, а вместе с ним – возможность не вертаться в родную деревню Голодаиху. Так мой отец сделал из крепостной колхозницы полноправную гражданку Советского Союза.

Великий вождь и учитель товарищ Сталин, хоть и провёл до войны индустриализацию, но сделал это за счёт крестьянского населения: раскулачивали наиболее работающих хозяев и отправляли в никуда. Многие тогда оказались на строительстве заводов и «перековались» в рабочий класс – это соответствовало требованиям времени. Но после войны вопрос оттока населения из деревни, по моим предположени-

ям, встал очень остро и решился очень просто: коммунистическое рабство. Колхозникам не выдавались паспорта, а без паспорта уехать из колхоза было невозможно, так как в любом городе или рабочем посёлке требовалась прописка. Тех, кто по партизански покидал насиженные места без паспорта, возвращали обратно. Но была одна лазейка: когда в колхозе заканчивались полевые работы, и высвобождалась рабочая сила, можно было получить справку и на зимнее время, до начала весенних работ, уехать на заработки в город.

Строительство и подъём Платинского лесочастка, особенно его левой, промышленной, части осуществлялись именно такими сезонными рабочими, которые приезжали почему-то в основном из Кировской области. У нас их, правда, называли вятскими – видимо, не до конца народ принял переименование древней Вятки в город Киров. Зачастую мужики из одной деревни формировались в бригаду и подражались на строительство: среди них встречались очень приличные столяры и плотники. Шабашники строили бараки, в которых временно жили и сами, для новых рабочих лесочастка. Ставили частные дома – для тех, кто мог заплатить.

Были в таких бригадах и женщины, ведь стряпню и постирушки никто не отменял. Вот тут-то мой папаша и нашёл новую молодую мамку с интересным вятским говорком.

Хотя в России крепостное право было отменено царём Александром II, при Сталине оно было, пусть частично, реанимировано. Но, как оказывается, от него можно было

освободиться, и, как видим, одним из способов было удачно выйти замуж за истинного партийца.

На горе – колхоз, под горой – совхоз,

А мне миленький задавал вопрос...

Задавал вопрос, сам глядел в глаза:

– Ты – колхозница, тебя любить нельзя.

– Что колхозница, не отрицаюся,

И любить тебя не собираюся.

Я пойду туда, где густая рожь,

И найду себе, кто на меня похож.

* * *

Все эти воспоминания вихрем проносились в моей голове, а глаза тем временем цепко шарили вокруг в поисках подходящей деревяшки: мне очень хотелось деревянный наган с резинкой, который стрелял гнутыми из проволоки пулями.

Не найдя ничего подходящего, я отправился домой.

Дома застал отца за интересным занятием. На расстеленной газете лежали часы-ходики. Раскрыв коричневый фибровый чемодан с облезлыми углами, папа доставал и раскладывал на столе отвёрточки, щипчики и вовсе непонятные мне инструменты.

В свободное время он ремонтировал часы всему посёлку. Дома имелся целый чемодан миниатюрных инструментов и приспособлений, а также старых часов и механизмов, которые отец использовал в качестве запчастей.

Затаив дыхание, следил я за точными и уверенными дви-

жениями его пальцев:

– Папа, а красить будешь? – отец умел растворять фосфор и наносить его на цифры и стрелки, превращая обычные ходики в светящиеся.

– Сегодня, наверно, не успею.

– А завтра будешь?

– Завтра буду.

– Ну, хорошо, только без меня не делай.

– Да уж, конечно, куда ж без тебя.

* * *

Но назавтра я заболел. Поднялась высоченная температура. Бабушка сбегала за фельдшерницей тётёй Аней, матерью моего друга Юрки Лебёдкина.

– Да успокойтесь Вы, Прасковья Григорьевна, Бог даст, обойдётся...

– Да как же, Анечка! – зашептала бабуля. – Ты ж ничего не знаешь! Помнишь, в прошлом годе цыганка тут ходила? Гадала нам с Владюшкой. Нагадала мне, что доживу до восьмидесяти семи лет и помру в Христов день на Пасху. Да не обо мне речь-то! Про Владюшку сказала, что линия у него на ладошке какая-то. Как только соединится она с линией жизни, так и конец, да и вообще навряд до тридцати годков дотянет ...

– Да слушайте вы этих цыган больше: соврут – не дорого возьмут! Гнали бы её со двора! А Вы, поди, ещё и денег дали? – возмущалась тётя Аня.

– Денег не дала – продукты. Да она допреж того взяла-то. Ну, а уж потом-то, конечно, выгнала, да что толку: теперь, чуть он заболел, ручку смотрю – не сошлись ли линии-то...

И, действительно, бабуля, которая и так надышаться на меня не могла, страшно пугалась всякий раз, когда я болел. А поскольку ребёнком я был хилым – переболел всеми детскими болезнями, какие только были – боялась она практически постоянно и постоянно внимательно всматривалась в мою ладошку.

Однажды, ещё в Полазне, я заразился корью. Через Юрку – он притащил инфекцию из санатория, где работала мама и где в то время был карантин. Причём, сам-то не заболел – вот какая хитрая зараза эта корь. Болел я тяжело, а потом ослеп на оба глаза: на них оказались бельма. Лечили народным способом: сахар перетирали в пудру и засыпали в глаза. Боль страшная! Бабушка намучилась со мной: ночами я не мог уснуть и всё время плакал. Бабуля брала меня на руки и носила по комнате. Путь был только один: от двери до окна да обратно. Когда идём к окну – сплошная темнота, когда к двери – вижу тусклый свет: висевшая у двери лампочка просвечивает сквозь бельма. Не знаю, сколько сыпали мне в глаза эту сахарную пудру, но один глаз стал видеть полностью, а другой – чуть-чуть. Бельмо полностью не свелось, и напротив зрачка осталось «облачко» – так сказал доктор.

А ещё – косоглазие, сильно осложнившее мою жизнь: впоследствии мне кулаками приходилось доказывать обидчи-

кам, что дразнить меня не стоит. В драку кидался не раздумывая.

Вот и в этот раз бабушка с тётёй Аней, столкнувшись лбами, внимательно рассматривали мою руку.

А температура всё не спадала! Через несколько дней к ней присоединился сильный кашель. Послушав и простукав меня со всех сторон, тётя Аня сказала, что есть подозрение на воспаление лёгких.

Бабушка, в очередной раз проявив характер и сломив сопротивление отца, повезла меня в Свердловск. Не знаю, кто посодействовал, но меня, уже тяжелобольного, положили в институт охраны материнства и младенчества. Одного, без моей бабули! Навещала меня там Людмила, младшая дочь тёти Фисы. Не помню, сколько я пролежал в больнице, наверное, не меньше месяца! Задница распухла от уколов так, что больно было сидеть. Медсёстры йодом рисовали мне на ягодицах сетку, объясняя, что так следы от уколов заживут быстрее. Меня чрезвычайно смешило и новое слово – ягодицы, и узоры на ж... Значит – пошёл на поправку.

И вот день выписки. За мной приехала Людмила и повезла домой, на улицу Шейнкмана, девятнадцать, где они всей семьёй проживали в подвале большого красивого дома. Жильцы его, как видно, были не из простых: на скамейках во дворе почти всегда сидели видные тётеньки в нарядных пальто и шубах и прятали руки в красивые меховые муфты. Зимой во дворе заливали каток, на котором ребята играли в хоккей,

да и просто катались на коньках. Дом был огромным, двор – широченным. Вот только тётке Фисе и дяде Гане, её второму мужу, досталась одна небольшая комнатка в подвале, да и то потому, что он работал дворником в этом важном доме.

Я знал, что до революции дядя Ганя, обладавший уникальным – так говорили все – голосом, пел в опере. Как случилось, что он оказался с метлой и лопатой, мне никто не рассказывал, да я и не интересовался. Да и поливать двор из огромного шланга мне казалось гораздо интереснее, чем петь песни. В этом огромном дворе дядя Ганя был, без сомнения, главным.

Людмила очень быстро доставила меня до места, так как ОММ – так называлась эта больница – находилась недалеко от их дома. Раздевшись, я оглянулся и оторопел: напротив меня сидели две бабушки, абсолютно одинаковые и лицом, и фигурой. Я мгновенно юркнул под стол и оттуда пытался определить: которая же из них – моя?

В комнате стоял хохот, а я испуганно выглядывал из-под стола и, переводя взгляд с одной бабушки на другую, пытался узнать свою, и только когда они заговорили, упрасывая меня вылезти, по голосу понял, которая из них – моя. Голос у бабы Анны был низкий, грудной, в остальном же близняшки были похожи друг на друга как две капли воды.

* * *

В одну из наших поездок в Свердловск бабушка привела меня на могилу деда, который был похоронен на Михайлов-

ском кладбище. Поплакала. Я спросил, от чего он умер. Бабуля ответила, что от дурной болезни. Я не понял: а разве бывают болезни умные?..

Заветная папочка

Почему станцию называли Платиной, я позднее узнал у местных пацанов: когда-то в этих местах добывали платину, которая гораздо дороже золота. Те же пацаны показали мне множество заросших ям-шурфов в окрестных лесах. Сам посёлок был разделён железной дорогой на две части. Правая сторона, ближе к Верхотурью – старые дома, построенные ещё до войны, понятно, что в них жили, в основном, справные хозяева; барачков здесь было мало. А левая – бараки и промышленная зона: склады круглого и разделанного леса, гараж, конный двор, сбитый из досок цех для производства тарной дощечки и пилорама. Все эти помещения не отапливались, и в морозную погоду в них стоял лютый холод.

Вообще, жизнь на Платине для нас, мальчишек, была интересной. Хоть тут и не было такого большого пруда, как в Полазне – на него меня иногда таскал сводный брат Юрка – имелось много чего занимательного. Грузы на складах перевозились лошадьми, и конный двор со стоящей рядом кузницей были любимым местом игр для меня и моих старших друзей. Да ещё стройка, где мы пропадали целыми днями, и где всегда можно было подобрать что-нибудь чрезвычайно нужное и полезное: узкую длинную щепку для сабли или подходящий обрезок доски для пистолета или поджига.

Отец работал то ли мастером, то ли десятником. Был даже

руководителем партячейки лесоучастка, правда, народу в ячейке было немного – всего несколько человек.

* * *

Я навсегда запомнил один случай. У отца имелась заветная картонная папка с тесёмками, в которой он хранил вырезанные из газеты «ПРАВДА» картинки. Трогать её не дозволялось никому. Вечерами отец прочитывал газету, а затем аккуратно вырезал из неё фотографии, складывал в папку, тщательно завязывал тесёмки и прятал на верхнюю полку шкафа. Газета же отправлялась туда, куда положено – в сортир, и там уже использовалась по прямому назначению.

Я, как и всякий ребёнок, картинки рассматривать любил, тем более что детских книг в доме не было. Да и у кого они тогда были? И меня раздирало страшное любопытство: что же за чудесные картинки там, в этой запретной папке?..

Однажды, уловив момент, когда отца не было дома, а бабушка возилась на кухне, я, соорудив пирамиду из табуретки и фанерного ящика, добрался до верхней полки, вытянул папку, дрожа от нетерпения, развязал тесёмки и, сидя прямо на полу, принялся рассматривать содержимое. На вырезках были какие-то дядьки: усатые, бритые, в смешных круглых очках, в пиджаках и мундирах с погонами. Больше всего, конечно, мне понравились те, что были в фуражках с кокардами, в мундирах, увешанных орденами и медалями.

Не знаю, сколько времени я провёл, разложив на полу вокруг себя эти фотографии, как вдруг стукнула дверь, и на по-

роге возник отец. Как это частенько бывало, под турахом. И что он видит? Его сынок вытащил дорогую сердцу папочку, разбросал бесценные картинки и топчется, и ползает по все-народно любимым рожам. Враз протрезвев, папа вытащил из галифе широкий солдатский ремень, благо, после войны этого добра хватало, и давай охаживать меня по заднице. Бабушка бросилась на защиту, но где там...

– Ты – на коммуниста? – папаша задохнулся от ярости.

Выпустив пар, он бросил ремень, сел на лавку, опустил сжатые в замок руки промеж колен и с каким-то даже стоном выдавил:

– Да что же вы творите, ироды? Да мы из-за этого паразита всем скопом по этапу пойдём...

На следующий день бабушка распустила закатанные по локоть рукава: разъярённый сынок исхлестал ей все руки, которыми бабуля пыталась прикрыть меня.

На этот случай я теперь, спустя годы, смотрю по-другому. Каждый партиец, и это правило соблюдалось до распада КПСС, обязательно должен был выписывать газету «ПРАВДА». Это был закон: если у тебя, партийца, нет денег на хлеб – умри, но найди их на «ПРАВДУ». А после того, как ты её прочёл, а это была ежедневная газета, куда она уходила не только в деревне, но и в городе? Правильно, в сортир, ведь задницу надо было чем-то вытирать. Интересно, чем её вытирали до всеобщей грамотности? А если в газете напечатаны портреты наших выдающихся руководителей: товари-

щей Сталина, Ворошилова, Молотова и многих других? Что делать? Правильно, вырезать! Не то вытрешь задницу портретом товарища Сталина, а кто-то из односельчан найдёт в нужнике использованный клочок с изображением вождя – и кирдык тебе! Поэтому мой батяня всё это аккуратно вырезал и складывал в заветную папочку.

* * *

Отец частенько возвращался домой под утро. Объяснялось это обычно тем, что ждали какую-то важную директиву из райкома, который должен получить её из обкома, который должен получить её из Москвы от товарища Сталина, который любил работать по ночам. Прямо «дом, который построил Джо» – дядюшкой Джо называли Сталина американцы. При этом утренний выход на работу не отменялся. Однажды отец пришёл на рассвете и торжественно объявил, что отныне ВКП(б) переименована в КПСС, в связи с чем будут меняться партийные билеты, а, значит, состоится очередная чистка партийных рядов. Что такое чистка, все понимали без объяснения.

Летом через Платину в сторону Верхотурья и Серова часто проходили составы с теплушками; на их открытых дверях стояли решётки: это гнали этапы на север области – в лагеря. Теплушки были заполнены заключёнными, и мы с ребятами – из любопытства – во время стоянок подходили к ним, но тут же разгонялись вертухаями. Иногда кто-то из старших пацанов передавал зэкам буханку хлеба, но на этом

всё заканчивалось, так как нужно было немедленно удирать.

Самое большое количество лагерей военнопленных Великой Отечественной войны находилось на Урале, а конкретнее, в Свердловской области. Уралу суждено было стать не только опорным краем державы, но большим лагерем для заключённых, среди которых, как известно, были не только враги и предатели. Заключённых лагерей в государственной статистике именовали «трудармейцами».

Хорошо помню март 1953 года, когда умер Сталин. День был тихий, морозный и очень снежный, словно сама природа тихо оплакивала его уход. Вдруг тишина взорвалась продолжительными гудками нашего лесоучастка и паровозов, которые медленно ползли через станцию.

* * *

А время неуловимо текло, наполняясь значительными и второстепенными событиями. Приехал познакомиться с зятем отец Анны и прогостил у нас долгое время. Следом за ним прибыл её брат Пётр, которому мой отец каким-то образом помог устроиться на работу. А мне подошло время идти в школу.

Никогда не забуду свою первую учительницу – Стихину Александру Фёдоровну, милостивую одинокую женщину, в то время ещё довольно молодую, с копной густых, но совершенно седых волос. Видно, война прошла и по ней.

Жила Александра Фёдоровна в той же школе, в небольшой комнатке, которая одновременно являлась и учитель-

ской. Была она в меру строга, требовательна, но никогда не повышала голос в ответ на наши, иногда очень дерзкие, выходки.

В классе были собраны ребята от семи до десяти лет – вследствие войны. Несмотря на разницу в возрасте, мы быстро сдружились группами, которые, как везде и всегда, периодически приходили в столкновение друг с другом.

В связи с быстрым ростом населения лесоучастка количество классов увеличилось до четырёх, а так как классных комнат было две, в школе появилась вторая учительница. Обучение пошло в две смены.

Таёжный промысел

Лесоучасток работал в три смены – страна нуждалась в стройматериалах, ведь война закончилась совсем недавно, и нужно было восстанавливать разрушенное хозяйство.

Зарботки рабочих были не слишком высоки. Более-менее высокооплачиваемыми считались лесорубы – вальщики леса, также те, кто этот лес трелевал, и кто вывозил с делянок – водители лесовозов.

Лес с делянок возили на газгенах – машинах, оборудованных газогенераторными установками. В один из бункеров установки засыпали дрова – мелкие чурочки или отходы деревообработки – там они перегорали; назначение второго, за малостью лет, я не понимал. Водитель делал рейс на делянку, возвращался, снова забивал бункер этими дровами, брал с собой в рейс ещё пару мешков, набитых чурками – это был его бензин.

Имелся в гараже непонятно как оказавшийся там студебеккер, но его использовали только по особо важным случаям.

Трелевали лес сначала на лошадях, затем на лесоучасток стали поступать в небольшом количестве трелёвочные и обычные трактора. Восторгу наших работяг, да и нашему, малышни, не было предела!

Зимой, когда замерзали дороги, занимались, в основном,

вывозкой и разделкой древесины. В тёплое время года валка леса значительно увеличивалась, но, несмотря на это, многие работники всеми правдами и неправдами старались в сентябре уходить в отпуска. А причина была у всех одна – Платина окружена множеством кедровников: старый Батман, который находится всего в трёх километрах от посёлка по обеим сторонам железной дороги, Тагильское болото, Черновское. Неплох Токмыш в семи километрах от Платины, но особенно хорош был Ольчик, молодой кедровник, который тянулся до самого Красноуральска. Правда, ходить туда за кедровыми шишками категорически запрещалось, так как в районе станции Карелино размещался полигон, где отрабатывали зенитные орудия. Стреляли по мишеням – муляжам, которые тащились «на прицепах» за самолётами, а всё, что оставалось от разрывов зенитных снарядов, сыпалось как раз на этот кедровник. Но кто же остановит наших людей, если в кедровнике полно шишек, а шишки – это о-о-очень приличные деньги, иногда даже целая годовая зарплата! Многие семьи возами везли их домой, а затем и на продажу, а до этого по целому месяцу жили в лесу, занимаясь исключительно заготовкой орехов и ягод.

Нам, детям, ходить в эти места запрещалось, да и расстояние до хороших кедровников было приличным, за исключением старого Батмана. Откуда только на Урале взялось это «балетное» название? На нашу долю оставались одиночные кедры, которые часто росли на покосах, особенно в направ-

лении колхоза «Новая Тура». Вот с этих-то кедров, а также с Батмана началось моё знакомство с добычей кедровых шишек.

Как-то раз в августе мы играли во дворе, и кто-то из ребят проговорился, что его отец притащил шишки – именно с Батмана. Реакция на сообщение была вполне здоровой: компания проголосовала «за». Вот только как на эти кедровые шишки обратиться? Решение созрело мгновенно: нужно взять с собой молоток и большие гвозди. Гвозди будем вбивать в ствол – так доберёмся до толстых веток, а там уже совсем просто! И вот мы, человек пять, дружно устремились по железной дороге на Батман. Шли очень весело: с шуткам и смехом. Уже совсем было подошли к кедровнику, как вдруг с левой стороны дороги выскакивают несколько человек с мешками. Глаза выпучены! Среди них – мой отец. Всё! На этом наше путешествие закончилось.

Оказывается, произошло вот что: по пути с работы, прихватив с собой когти, мужики тоже отправились промышлять на это болото. Обилие кедровых шишек, как вдруг тот из них, кто лазил на деревья и сбивал шишки, увидел на одном из кедров медведя, который тоже занимался шишкованием. И мишку, и этого любителя-верхолаза моментом смело на землю. Медведь, напуганный криками, кинулся в одну сторону, а мужики, похватав свои мешки с шишками – в другую – к железной дороге. А тут и мы нарисовались. Стоит ли говорить, что всё опять закончилось ремнём.

Тем не менее, через несколько дней отец принёс мне небольшие когти, которые заказал в нашей кузнице. Он ведь знал, что я всё равно буду заниматься этим промыслом, поэтому решил сам «натаскать» меня.

Первое испытание моих когтей, да и меня самого, прошло на Тагильском болоте. Кедровник этот очень старый, кедры толстые, но я справился с делом успешно: отец тащил домой полный мешок, да и мой сидор за плечами был полон. Обратную дорогу он предложил прокладывать мне – я и тут удачно справился. Да это и неудивительно: часто после работы мы брали корзины и вместе летели за грибами, благо в лесах вокруг Платины их было полно. Поэтому я очень быстро научился ориентироваться в тайге и не блудил. Это умение осталось со мной на всю жизнь, правда, будучи уже в зрелом возрасте, я как-то дважды за один и тот же год плутал на Севере, но об этом – позже.

* * *

В этом же году отец разрешил мне уйти за орехами с ночевой, в компании троих взрослых. Уже под осень. Не помню, что это за место, но кедровник там был замечательный: как старые, толстые кедры, так и молодняк. Шишка уже «шла на колот», значит происходило это где-то после двадцатого августа..

Дни стояли прекрасные, солнечные, а ночи – довольно прохладные. Мы поставили свой стан только тогда, когда нашли нетронутый абсолютно никем участок. Мне достались

толстые кедры. При помощи когтей я взбирался на деревья и сбивал шишки с веток – задача довольно непростая. Мужики же обколачивали молодой кедровник – так я впервые познакомился с технологией колота. Что такое «колот»? Это такой способ добычи кедровых шишек, когда два человека бьют вдоль по стволу кедра бревном-«колотом», и шишки от удара осыпаются на землю. Впрочем, в разных местах Урала и Сибири конструкции «колота» разные, но принцип – один и тот же. Работа не для слабосильных, тем более что в августе шишки держатся ещё достаточно крепко. Тем не менее, к вечеру, когда начало смеркаться, у кострища была навалена уже целая гора шишек.

Мне поручили заняться костром и помочь в приготовлении ужина: тушёнки с картошкой и белыми грибами, которых обычно много в это время года.

Пока мы с одним компаньоном хозяйничали у костра, двое других делали мельницу для переработки шишек, потому что тащить их, нешелушёные, на себе в такую даль – пуп сорвёшь. Так я узнал, как без единого гвоздя, при помощи шпагата, в течение максимум полутора часов делается из тонких еловых стволов мельница-шишкодробилка: она напоминает стол, собранный из жердей, с бортиками из тех же жердей по краям. Получается такое плоское щелястое корыто на ножках. Ножки «стола» забиваются в землю.

К тому времени, как мужики наладили мельницу, поспел ужин. После ужина начали перерабатывать шишку. Делалось

это так: в «корыто» высыпали примерно полмешка шишек, под «корыто» подстлали брезент; два человека стояли по сторонам и берёзовыми вальками разбивали шишки, а ещё двое «садились на сита» – раздробленные шишки просеивать. Сит, которые мы принесли с собой, было два: сначала просеивали через крупное, затем через мелкое. В результате оставался чистый неповреждённый орех. Когда часа в два ночи, уже при свете костра, процесс был завершён, все упали спать.

Если учесть, что из дому мы вышли примерно в шесть утра, часа два с половиной топали до кедровника, а потом с редкими перерывами на отдых работали до двух часов ночи, получится, что вкалывали мы, с перерывом на ужин, двадцать часов! Так я впервые узнал, что значит добывать кедровый орех, и впоследствии это знание очень пригодилось мне в жизни.

Утром, позавтракав остатками вчерашнего ужина, разложили добычу по мешкам и двинули в обратный путь. Чертовски уставший, еле-еле волоча ноги, я нёс сидор, в котором впервые лежали не шишки, а орехи, и не просто орехи, но и бесценный опыт по их добыче, а также доказательство того, что отныне меня можно брать на промысел! Особенно туда, где кедрач смешанный: молодой и старый. Ведь на старых кедрах и шишка крупнее, и больше её, вот только обколачивать их довольно сложно, куда проще запустить верхолаза, да ещё такого, который, как я, не боится высоты!

* * *

Так произошло моё крещение кедровниками. Через год буквально я знал практически все кедровники в радиусе десяти километров от посёлка и во всех побывал. Особенная привязанность была у меня к Токмышу, который находится километрах в семи от Платины. С левой стороны от него – Яранкин бор. Но бор – это одно название, к тому времени он был практически весь вырублен.

С Токмышем меня познакомил отец: я лазал по кедрам и сбивал шишки, он внизу их собирал. Когда я оказывался наверху, то находил где-нибудь на расстоянии богатый кедр, кричал сверху отцу и бросал в нужном направлении шишку, а отец запоминал. Затем это же повторялось уже на другом дереве. Набив полные мешки, мы двинули домой. Вёл, естественно, отец, но вдруг почему-то потерял направление. Может, потому, что кедры мы обивали бессистемно, по моим «указаниям сверху». Я, почувствовав неладное, пытался его переориентировать, но это было бесполезно. Наконец, убедившись, что мы идём не туда, отец доверился мне и подчинился, а когда я вывел его на ту везиру (просеку), по которой мы заходили в лес, понял, что может спокойно отпускать меня в тайгу одного – и был прав. После этого случая я стал совершенно самостоятельным таёжником: заходя в лес, сколько бы ни кружил, спиной чувствовал, куда надо будет выходить.

Позже вместе со мной в лес стал ходить Славка Латышев,

отец которого прятельствовал с моим. Славка был на год моложе меня, но это не мешало ему стойко переносить нагрузки. Правда, он не лазал на кедр, а только собирал шишки, но уставали здорово оба. Шишки, которые мы начинали сбивать в начале августа, были в это время года ещё очень тяжёлыми из-за находившейся в них живицы и дозревали на сеновале. Уже под осень бабушка их шелушила.

Орехи, а также собранные бабулей ягоды: бруснику, чернику, мы с нею везли в Свердловск на базар, продавали, а на вырученные деньги покупали мне шевиотовый костюм – школьной формы у нас тогда ещё не было, её ввели позднее – телогрейку, кирзовые сапоги, и в этом прикиде я отправлялся в школу.

* * *

Жаль только, что хорошие урожаи кедровых шишек, как и Олимпийские игры, бывают раз в четыре года. Нет, кедровники плодоносят в том или другом месте каждый год, но вот обилие урожая случается именно с такой периодичностью.

В тот год, о котором я рассказываю, урожая не было. Мы со Славкой, как обычно в конце июля, обошли ближайшие кедровники – большинство кедров стояли «голыми», а с тех, где хоть что-то было, мы знали, нам не достанется ничего: унесут кедровка или белка. Совершенно случайно оказались на переезде через железную дорогу, что находится в километре от Платины. Здесь рос одинокий кедр, какие часто можно встретить на покосах. В прошлые годы он не плодо-

носил, а в этом шишки были. Лазать на такие кедровые деревья несложно, так как их толстые ветки расположены недалеко от земли, не то, что в кедровнике, где при недостатке солнечного света нижние ветви быстро отмирают, и потому взбираться на дерево без когтей очень трудно.

Решили, что шишку нужно забрать, хоть она и не очень спелая. Такие шишки можно сварить и, когда живица выварится, вышелушить орехи.

Я залез на кедр и начал, раскачивая ветки ногами, сбивать с них шишки. Так добрался до самой вершины. С одной из веток шишки никак не падали: не поспевшие, они держались крепко. Тогда я, чтобы раскачать эту ветку ещё сильнее, стал отходить по ней от ствола, придерживаясь за другую, верхнюю, и продолжая раскачиваться. Раньше я проделывал такое частенько и всегда удачно, но в этот раз не повезло: обе ветки обломились, меня каким-то образом развернуло, и я полетел вверх ногами. Мелькнула мысль: если сейчас ударюсь головой – всё, конец. Как кошка, в полёте успел вывернуться, перекинуть ноги и тут же встретился с землёй. Удар приняла спина, больше всего правая сторона. Сознания не потерял, но дышать мог только мелкими глотками. Если пытался вдохнуть глубже, нестерпимая боль пронзала всё тело.

Пролежал не менее получаса, Славка был рядом.

Потом стали потихоньку добираться домой. Славка изо всех сил помогал мне, почти тащил на себе.

Конец лета был испорчен.

В сентябре, с началом учебного года, а учился я тогда уже в Верхотурье, так как у нас на лесоучастке была только начальная школа, прошёл рентгеновское обследование, но ничего серьёзного обнаружено не было. Физкультурой мне после этого падения года два заниматься было трудно: при больших нагрузках и глубоком дыхании появлялись боли с правой стороны груди. Со временем всё прошло.

Про добычу кедровых орехов, кедровники и приключения в них я могу рассказывать до бесконечности, но я снова забежал вперёд, и пора вернуться к школе и другим событиям моей жизни на Платине. И одно из главных – то, что после плача по ночам, как утверждали вятские ребята, моя новая мама начала вдруг округляться, как бы толстеть, а в ноябре пятьдесят пятого года у меня появился брат. Назвали, не мудрствуя лукаво, Валерой. И начались беспокойные ночи: уж больно шибко он ревел!

А я заканчивал начальную школу-четырёхлетку на Платине. Перспектива – станция Верхотурье, где в Привокзальном посёлке открылась школа-десятилетка №46. Вот туда бабуля и решила устроить меня с пятого класса.

Красная горка. Лето 1957 года

После успешного окончания четвёртого класса отец в первый и последний раз отправил меня в пионерский лагерь.

«Красная Горка» в селе Красногорское. Очень живописное место ниже по течению Туры. Одно из старейших на Урале русских поселений, которое было основано ещё казаками атамана Ермака Тимофеевича.

В 1738 году в Верхотурье случился большой пожар. Церковное имущество и иконы были вынесены из горящего Троицкого собора на берег Туры за крепостную стену. Икона Нерукотворного Спасителя упала в реку и по течению приплыла в село Красногорское. В дальнейшем усердием купца Петра Пинягина для неё в селе Красногорском была построена часовня.

Сбор пионеров был организован в городе Верхотурье, на площади у Свято Троицкого собора. Машину ждали долго, до второй половины дня. Погода стояла жаркая, очень хотелось пить. Справа от храма располагался киоск, в котором продавали лимонад. Отец купил мне бутылку, и я впервые в жизни попробовал, что это такое. Показалось, что ничего вкуснее в жизни не пил, да и не может быть ничего вкуснее!

Наконец подошла бортовая машина, обыкновенный грузовик, и нас, пионеров, погрузили в кузов как дрова: сидеть на лавках-временках, которые крепились к бортам крюками,

детям было запрещено по соображениям безопасности, чтоб не выпали на ухабах за борт. Через несколько часов езды по сельским грунтовым дорогам, отбив задницы об пол кузова, мы прибыли к месту расположения.

Это были два больших барака: один для мальчиков, стало быть, мужской, другой для девочек, значит – женский. Перед ними находилась площадь с мачтой: там проводили утреннюю линейку и поднимали флаг. На линейке председатель совета отряда и звеньевые рапортовали начальнику лагеря о состоянии дел в отряде. Вот тут я снова попал в начальники – стал звеньевым.

Не знаю почему, но в школе, да и вообще по жизни, меня всегда пытались назначить пусть небольшим, но руководителем. То ли выражение лица у меня было такое, то ли какие-то черты характера. Вот только ожидания вышестоящего руководства я не всегда оправдывал, так как организовывал не то, чего от меня ждали.

Жизнь в лагере мне, честно говоря, очень понравилась, вот и по истечении стольких лет вспоминаю это событие с удовольствием. Мы купались в Туре, участвовали в спортивных мероприятиях, ходили в походы и, конечно, в кино.

Кинотеатр размещался в церкви, стоявшей как раз рядом с площадью, на которой проводились наши линейки. Точнее сказать, это площадь располагалась при церкви или перед церковью, но система ценностей и оценок в то время была смещена всё-таки в сторону площади, тем более, такой, на

которой каждое утро проводили линейку и поднимали красный флаг! На церкви не было крестов, но росписи внутри храма сохранились отменно, и мы с любопытством рассматривали лики святых.

Мне до сих пор непонятно, зачем было устраивать в таких прекрасных зданиях то склад, то клуб, то чёрт знает что! Неужели большевики не понимали: со временем это сыграет против них, что впоследствии и произошло. Видимо, были уверены, что свежеиспечённые коммунистические идеи перешибут и переживут тысячелетние христианские заповеди. Осознание того, что православная культура есть большая часть общечеловеческого культурного наследия, тогда ещё проникло не во все уголки нашей огромной страны, хотя Великая Отечественная Война значительно изменила отношение власти к православию. После встречи Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем в отношениях между государством и церковью начался новый этап, на котором государственная власть решила использовать возросший авторитет церкви в собственных целях. Иосиф Виссарионович Сталин высоко оценил патриотическую деятельность Русской православной церкви в условиях войны и поблагодарил её представителей за внесение в фонд обороны ста пятидесяти миллионов рублей, собранных за счёт пожертвований верующих, а в ноябре сорок третьего года Совнарком СССР принял постановление «О порядке открытия церковей».

За несколько дней до окончания смены весь наш лагерь мобилизовали на прополку капусты – в помощь колхозу, на базе которого и был организован пионерлагерь. Пластались мы на этой плантации несколько дней, но задачу выполнили на отлично: сорняк выдрали весь. Да и как не выдерешь, если за тобой бдительно следят все воспитатели и вожатые.

Я вот сейчас, когда встречаю автобусы в сопровождении полиции и скорой помощи, транспортирующие в лагерь отдыха нынешнее поколение, измученное тяжким трудом поглощения знаний, думаю: если отправить их в тот пионерлагерь, где отдыхал я, много ли отдыхающих осталось бы к окончанию летнего сезона? Да ещё без интернета?! А представьте реакцию родителей! Ну, это я так, к слову...

В лагере нам нравилось. Никто ничем не возмущался. Родительский день проходил прекрасно, отъезд родителей – тоже. Вся разница в транспортировке между нами и родителями заключалась в том, что они ехали на таких же бортовых машинах, только на деревянных сиденьях, которые цеплялись крючьями за борта. После пионерлагеря мой «отдых» продолжился на сенокосе.

Сенокос

До начала занятий в Верхотурье, в июле, отец, которому была поручена заготовка сена для конного двора, взял меня на покос. Покосы для лесоучастка были выделены далеко, километрах в пятнадцати-двадцати от посёлка, зато большие по площади и довольно чистые, без зарослей кустарника. Предварительно на место направили бригаду, которой поручили подготовить базу: поставить большую палатку, сбить нары, оборудовать летнюю кухню, наколоть дров. Несколько дней спустя и заготовители отбыли на стан двумя телегами, взяв с собой конную сенокосилку. Я впервые оказался полноправным членом такого большого и взрослого коллектива, и это было мне очень приятно.

Так как выехали из посёлка ближе к обеду – почему-то слишком долго собирались – на место прибыли уже под вечер. Сколоченные из жердей нары, на которых нам предстояло спать, были щедро застелены свежим сеном и матрацами, набитыми им же – запах стоял одуряющий. Сущий рай, если бы не комары, но нам, уставшим с дороги – ведь многие шли пешком – даже они не были помехой.

Утром, после завтрака, приступили к работе. Отец, видимо, зная способности каждого, расставил косарей друг за другом в определённом порядке. Запустили и конную косилку, выделив под неё большой чистый участок. А я впервые

взял в руки литовку, которую батя, оказывается, приготовил специально для меня. Соответствие размера косы росту косца определяется количеством кулаков, которое можно разместить на её лезвии. Это как в мультфильме «38 попугаев»: там длина удава измерялась в попугаях. Здесь же коса называлась восьмиручка, десятиручка и так далее. Так на одиннадцатом году жизни я получил первые уроки косьбы и за несколько дней работы неплохо их усвоил.

Первые два дня было нестерпимо тяжело, но мне не хотелось уступать взрослым, поэтому я старался изо всех сил. Приходя с работы и едва поев, сразу падал спать, комары меня даже не особо тревожили, так я уматывался. Отец обычно ложился позднее: взрослые перед сном ещё долго сидели у костра, пили чай, а иногда брагу или водку, которую не забыли прихватить с собой. Да и лошадь, запряжённая в телегу, регулярно курсировала между посёлком и станом, по мере необходимости пополняя запасы спиртного.

Я уже втянулся в работу и не так уставал, да и восстанавливаться на свежем воздухе стал быстрее.

Однажды ночью я проснулся от каких-то звуков и шёпота у себя под боком.

– Пап, кто тут ещё? – спросил я.

– Никого, тебе приснилось, спи, – шепнул отец.

Так как никто не ревел, я снова уснул.

Как после оказалось, папаня, не стесняясь большого количества подчинённых, приголубил какую-то девицу из тех,

что были в бригаде. Анны на стане, естественно, не было, да и не могло быть, так как она нянчила маленького Валерку, а на подходе был ещё и второй – Толик.

Сенокос на Урале длится обычно две-три недели. За это время надо скосить траву, высушить, сметать сено в стога, поэтому пластались все с раннего утра и до захода солнца. Погода стояла жаркая, дождей было немного. При таком темпе работы усталость накапливается быстрее, чем хотелось бы, поэтому в какой-то из дней я остался помогать на кухне.

В это время года, а особенно на природе, чай заваривают душистыми травами или смородиновым листом – за ним меня и отправили к небольшой речке, протекавшей неподалёку. Пробравшись через заросли мелкого кустарника и крапивы, я увидел большущие кусты чёрной смородины, сплошь усыпанные ягодами. Меня охватил охотничий азарт. Быстро нарвав листьев для чая, рванул на стан, вернулся обратно с ведром и набрал ягод больше полведра, на следующий день – заполнил его полностью и был командирован в посёлок, так как на стане хранить смородину было негде. Обратного похода я уже не вернулся.

Вот так закончилось моё первое обучение владению косой и вообще работам по заготовке сена.

Осенью, после сенокоса и продажи лесных даров на рынке Свердловска, меня, как обычно, обмундировали, и я отправился получать знания в школу №46 города Верхотурье. При школе имелся интернат, и вот нас, бедолаг из посёлков,

расположенных вдоль железной дороги и не имеющих школ-десятилеток, собрали в этом интернате.

Верхотурье. 1957 год

Новое трёхэтажное здание школы меня впечатлило, показалось огромным, интернат также пришёлся по душе. Неожиданно? Казалось бы, мальчишка из таёжного посёлка должен был растеряться и потеряться, но, во-первых, я не терялся даже в тайге; во-вторых, с Платины прибыл не один, а в составе целого коллектива одноклассников; в-третьих, очень быстро перезнакомился со всеми сверстниками, съехавшимися с других территорий района.

Особенно подружились мы с Витькой Козловым с разъезда «Актай», так как были примерно равны физически, ну, и по способности к озорству наши натуры тоже совпадали идеально. Скоро к нам примкнул и Коля Заплатин с нашей же Платины. Дом Заплатиных стоял на правой стороне посёлка, я жил – на левой, а, значит, по всем негласным законам мальчишеской жизни Колька был человеком из другого, как бы вражеского лагеря, но здесь, в Верхотурье, мы оба считались платинскими, и это нас объединяло. Кроме того, вскоре его семья переехала на разъезд «Коптяки», что расположен ближе к Серову, поэтому какие-то бывшие разногласия быстро стёрлись, и мы сдружились.

Немного погодя, наша троица стала инициатором и организатором всех художеств и развлечений в интернате. Естественно, все ребята нашего возраста примкнули к нам.

На тот момент у меня обнаружилась прекрасная память: я отлично запоминал всё, что рассказывал на уроке преподаватель, если, конечно, не баловался и не был с этого урока удалён, что частенько случалось. Поэтому учебники обычно даже не раскрывал.

После школы ребята и девчонки собирались в общей учебной комнате интерната и делали домашнюю работу. Быстро выполнив письменное задание – куда от него денешься – я доставал из кармана резинку с пульками, скрученными из бумаги, и начинал расстреливать задумчиво склонённые головы своих однокашников. Вероломно атакованные, они, естественно, тут же пытались нанести обидчику ответный удар своей артиллерией. Воспитатель быстро вычисляла организатора перестрелки, что, учитывая сложившееся у неё за этот короткий период времени определённое мнение обо всех обитателях интерната, было, в общем-то, несложно. Я получал по шее – существовал такой педагогический приём – и за плохое поведение, а также с целью обеспечить остальным ученикам возможность бесперебойно впитывать знания, удалялся с занятий, чего, собственно, и добивался. Вслед за мной, немного погодя, выметались и Колька с Виткой. Обеспечив себе таким способом свободное время, мы до ужина шли шататься по посёлку или убегали играть на какую-нибудь стройку.

Учебная неделя у нас была пятидневной, и каждую пятницу, после окончания уроков, мы на электричках отправля-

лись по домам, а в воскресенье днём возвращались обратно. Бабушка давала мне на билеты десять рублей. После денежной реформы шестьдесят первого года это стал один рубль.

Получив деньги на проезд, билеты мы, конечно, не покупали и бдительно следили, чтобы не попасть в капкан ревизорам, которые начинали обход либо с первого, либо с последнего вагона. Обнаружив контроль, мы организованно отступали в середину состава, а на остановке выскакивали на платформу и перебегали в уже проверенный вагон. Проколов не случалось никогда, и тратили мы сэкономленные десять рублей уже на какие-либо свои радости в течение недели обучения.

Прибыв к месту дислокации и имея в запасе ещё полдня свободного времени, мы небольшим коллективом наиболее отчаянных парней шли в город Верхотурье. Напрямую – не по дороге – это было всего километра три.

Больше всего нам нравилось проводить время на берегу Туры, там, где за толстыми крепостными стенами Верхотурского кремля размещалась МТС. Внутри стен с давних времён были устроены проходы – идеальное место для игр.

Ещё мы очень любили забираться на стены Свято Троицкого собора, в котором тогда располагался какой-то склад. На куполе колокольни и одном из куполов собора сохранились покосившиеся ажурные кресты, сверкавшие позолотой; с других кресты были сбиты, и поблескивали в траве недалеко от храма у заброшенных и заросших могильных плит.

Помню, с левой стороны, если смотреть с городской площади, там, где крепостная стена примыкает к стене храма, находился вход в подвал: две небольшие железные дверки, напоминавшие большие печные заслонки. Пролезши через них, мы могли вставать в полный рост. Через несколько метров ход упирался в большую дверь, заваренную намертво. Нам очень хотелось попасть туда и узнать, куда же она вела, но это, конечно, было бесполезно. А ведь ходили слухи, что подземные ходы соединяли не только кремль с монастырём, но и, проходя под дном реки, вели на тот берег. Где-то в конце века, после реставрации, я пытался найти этот вход, но он был заложен и заштукатурен.

По винтовой лестнице колокольни мы добирались до самой звонницы, вот только колоколов там уже не было, но всё равно было страшно интересно: ведь это самое высокое место в городе, и всё Верхотурье с него – как на ладони.

С высоты хорошо просматривался расположенный по соседству Свято Николаевский монастырь. Окружённый крепостной стеной, он в то время был превращён в колонию для несовершеннолетних преступников. Мы часто видели их на монастырских стенах, затянутых колючей проволокой, пытались даже перекрикиваться, но под окриками охранников убегали. Было как-то неуютно и жутковато видеть ребят чуть постарше нас в таком положении.

Но вернёмся к школьным делам. К середине учебного года я уже полностью освоился – учёба давалась мне легко;

правда, ей мешало озорство, из-за которого меня частенько удаляли с уроков, но, в основном, всё шло нормально.

В интернате нас приучали к полной самостоятельности. Ежедневно в корпусе оставалось четверо дежурных: по «мужской» и «женской» половине и по кухне – в школу они в этот день не ходили. Обязанностью дежурных было вымыть полы, истопить печи – топили углём – натаскать в умывальники воды и прочие хозяйственные дела. Девочки помогали на кухне. Дежурили все по очереди. Руководила всем процессом кастелянша, которая жила в маленькой комнатке при интернате вместе со своей дочерью. Мы, пацаны, считали кастеляншу «вредной», но, как я сейчас понимаю, именно благодаря этой «вредности» в нашей жизни поддерживался определённый порядок. Вообще, это была одна большая семья, и когда ребята приходили из школы, в интернате было чисто, тепло, готов ужин. Все вместе чистили во дворе снег, заливали небольшой каток. Если привозили уголь, мы, разделившись на небольшие звенья, сгружали его в дровяник. Эти правила были одинаковы для всех, никакие отказы не принимались. Разве что по болезни. Все интернатские были из простых рабочих семей, с детства приучены к домашнему труду, поэтому относились к исполнению обязанностей с пониманием.

Недетский праздник: всё как у больших

Близился конец пятьдесят седьмого года, впереди маячил первый «Новый год» в новом коллективе. Мы с Витькой думали-размышляли, как его встретить. Перво-наперво, решили накопить денег и стали с каждой десятки откладывать часть в общий котёл. К середине декабря мы уже располагали некоторой суммой, а потому, посещая магазины, по примеру наших родителей прикидывали, какую бутылочку приобрести, чтобы встретить Новый год достойно.

Витька жил без отца, с одной матерью, которая работала на железной дороге то ли обходчиком, то ли ремонтником. Это вообще особая фишка России: женская бригада меняет прогнившие шпалы, подбивает под них щебёнку, но бригадир у них – непременно мужик.

И я, и Витька к тому времени, благодаря родителям, уже пробовали брагу, а потому хотелось нам чего-то необыкновенного, из другой жизни. Изучая ассортимент винного отдела магазина, в котором в то время было несколько видов спиртного, мы одновременно сошлись взглядами на украинской «Запеканке» – уж очень красивой, яркой была этикетка: с какими-то ягодами, фруктами. Да и градусов в ней было не сорок, а двадцать. Короче, самый детский вариант. Мы,

сразу отбросив все сомнения, купили бутылку и спрятали в тайник до лучших времён.

И вот Новогодний вечер! Бабуля моя была в родительском комитете при интернате, а потому прибыла для оказания помощи воспитателям. Освободили от мебели самую большую спальню у девочек. Девочек уплотнили, часть перевели в комнату для занятий. Планировалось условно встретить Новый год и разъехаться по домам на каникулы.

На празднике обязательно должен был присутствовать директор школы Михаил Петрович, человек строгий, бескомпромиссный. Сейчас, когда смотрю старые фильмы, ловлю себя на мысли, что Михаил Петрович больше напоминает не директора школы, а непримиримого чекиста, борющегося с антиреволюционной нечистью. Такая у него была внешность: испещрённое оспой лицо, пронзительный взгляд сквозь массивные очки, жёсткий голос – таким он и остался в моей памяти.

Все находились в приподнятом настроении: старшие отвечали за музыку, девочки за сервировку стола, в общем, все были заняты предпраздничными хлопотами. После всех торжественных мероприятий и праздничного ужина мы с Виткой готовились к основному действу – танцам. Партнёры мы выбрали заранее, оставалось немного: подкрепить себя смелостью – ведь танцевать приходилось в первый раз.

Вытащив из заначки бутылку «Запеканки», разлили содержимое по стаканам и, как заправские мужики, пригуби-

ли. Напиток понравился: хоть маленько и прижигал, но был приятнее браги. В общем, бутылку мы приговорили, настроение поднялось. Голова оставалась светлой, а вот ноги слушались плохо, и нас слегка покачивало.

Когда появились в «зале», танцы уже были в полном разгаре. Естественно, жертвы, которых мы обозначили как своих партнёров, приняли наши приглашения, хоть и поняли, что с кавалерами что-то не так. Нас шатало из стороны в сторону, ноги слушались плохо, а духота и медленный темп танца завершили дело – мы просто повисли на плечах у девчонок. Михайло Петрович буквально пожирал нас своим мертвенным немигающим взглядом. Со стороны доносились смешки других танцоров.

Совершенно окосевшие, с трудом добрались до своих кроватей, и тут меня начало рвать. Всё съеденное и выпитое было исторгнуто наружу. Прибежала член родительского комитета по организации праздника – моя бабушка – схватила ведро и тряпку и кинулась убирать следы моей гулянки. Запах в комнате стоял кошмарный...

Утром, опустив головы, мы первой электричкой отправились к себе на Платину. «Разбор полётов» ждал впереди.

Первым мероприятием в новой четверти была выволочка у директора школы, от которого я слышал о себе много такого, о чём даже не подозревал. Тем не менее, за время каникул острота вопроса всё же спала, и меня допустили к занятиям.

Вторая половина зимы прошла спокойнее, потому что я чувствовал за собой вину, но к весне уже вновь оперился, да и усталость от учёбы накопилась, поэтому в конце учебного года мы с Витькой снова оказались организаторами и участниками мероприятий, критически воспринятых нашими воспитателями. В конечном итоге перед летними каникулами мне торжественно сообщили, что на проживание в интернате в следующем учебном году я могу не рассчитывать. В школу – пожалуйста, так как учился я легко, в интернат – нет, и не просите!

Видимо, допёк я воспитателей своими выходками, да и с Витькой Козловым нас надо было как-то разъединить. Его выставить из интерната было сложнее потому, что, во-первых, создан интернат был при участии и поддержке железной дороги как раз для проживания детей железнодорожников, а, во-вторых, как я уже упоминал, жил Витька с одной только матерью, а у меня на тот момент имелся полный комплект родственников: бабушка, отец и мачеха.

Но я, наученный новогодним опытом, пропустил это предупреждение мимо ушей, полагая, что пройдёт лето, всё забудется, и меня, пусть со скрипом, но примут обратно.

* * *

Лето после окончания пятого класса прошло без подвигов и особых происшествий: собирали с бабушкой грибы и ягоды, со Славкой ходили за шишками. В конце августа поехали с бабулей в Свердловск на базар, продали всё, что толь-

ко смогли из собранного урожая, купили мне школьное обмундирование, кирзовые сапоги, учебники и вернулись полностью упакованными, готовыми к дальнейшему обретению знаний. Вот только перед началом занятий в школе нам чётко пояснили, что места в интернате, за мои художества, для меня нет. В школу – пожалуйста, а в интернат – ни-ни.

Никак я не думал, что Нина Григорьевна, старший воспитатель, и Михаил Петрович окажутся такими последовательными и твёрдыми в своём решении.

Делать было нечего, пришлось искать жильё. Нашли довольно быстро. По другую сторону от железной дороги располагался частный сектор, где проживал Толя Ермаков, ученик нашей же школы. Его семья меня и приютила.

А бабуля начала ходить от Михаила Петровича к Нине Григорьевне и обратно, и так почти каждый день, и где-то через месяц сломила упорное сопротивление этих неприступных бастионов: меня опять вернули в интернат, в свой, уже ставший родным коллектив таких же шалопаев, как я.

До всеобщей реформы образования

Про учёбу в шестом классе что-то особенное сказать не могу, она прошла спокойно, без каких-то ярких, засевших в памяти моментов. Правда, два преподавателя запомнились на всю жизнь. Это учитель математики Васнина Валентина Васильевна и учитель истории Попов Александр Васильевич.

Валентина Васильевна каждый урок начинала с устного счёта. Она называла два числа и действие, которое необходимо с ними произвести; ученик, первым давший правильный ответ, получал плюс, за неправильный – минус. Тот, кто набирал пять плюсов, получал пятёрку; четыре – соответственно, четвёрку. Единицы, двойки и тройки не ставились. Положительная мотивация!

Валентина Васильевна научила нас быстро считать в уме, производя арифметические действия без каких-либо письменных вычислений. Такая разминка длилась около десяти минут, затем начиналась новая тема. Чаще других победителями в этой экспресс-викторине оказывались Володя Коптяков, Витя Лобанов и я.

Другие одноклассники в этом аттракционе частенько от

нас отставали, а мне он не раз помогал исправить колы и двойки, полученные за «подвиги» на уроках математики: за плохое поведение я частенько выметался с урока, попутно огребая единицу в журнал. Несмотря на это, алгебра и геометрия были моими любимыми предметами, так как их не нужно тупо зубрить: достаточно логически мыслить, а этому Валентина Васильевна нас научила.

История тоже была предметом, к которому я, благодаря Александру Васильевичу, равнодушен до сих пор. Это был учитель от Бога: он так преподносил материал, что не слушать было невозможно! Кроме того, к каждому изучаемому в соответствии со школьной программой историческому периоду или событию Александр Васильевич подбирал художественные произведения, в доступной и интересной форме повествующие о той эпохе. Порой я не мог дождаться конца уроков, чтобы первым бежать в библиотеку.

Из-за особенности строения черепа у историка было прозвище «Кумпол» – необидное, наоборот, с оттенком уважения. Несмотря на очень плохое зрение, он был прекрасным спортсменом: отлично играл в волейбол, подвязав – для надёжности – верёвочкой очки с толстенькими линзами.

Ещё хочу упомянуть о том, как проводились уроки физкультуры – никакого сравнения с тем, что происходит сейчас. У нас было всего два урока в неделю, но мы знали, что такое кольца и брусья, умели прыгать через «козла». Зимой бегали на лыжах. Помню, как-то раз, после прохождения ди-

станции, учитель, взглянув на мои уши, принялся растирать их снегом. Уши начали гореть огнём, а потом распухли – отморозил.

Когда на реке вставал лёд, катались на коньках-дутьшах, благо, этого добра у нас было – хоть завались. В то время в Верхотурье работал завод, выпускавший коньки. Впоследствии его перепрофилировали на выпуск кроватей, а в наше время, благодаря достаточно большому количеству брака, мы имели то, что тогда мог купить далеко не каждый. Вся бракованная продукция завода вывозилась на свалку, которая находилась на повороте дороги, ведущей от станции в центр города. Вот тут мы, как и всё Верхотурье, отоваривались коньками любых размеров, а затем, разрезав на ленточки сыромятные гужи от старых хомутов, привязывали дутьши к валенкам и устраивали гонки.

На уроках начальной военной подготовки нас учили стрелять из малокалиберной винтовки – мелкашки, для чего на пришкольной территории был при участии старших школьников построен тир.

Так же, при участии школьников, был разбит школьный сад. Мы сами копали лунки под саженцы, насыпали на дно «пирамидки» питательной смеси и сажали плодовые деревья. Я и сейчас мог бы указать, где растёт «моя» яблоня.

В первую половину года моя школьная жизнь проходила относительно спокойно: боялся, что вытурят из интерната. Как всегда, по пятницам разъезжались по домам, в воскре-

сенье возвращались, используя свободное время для путешествий в Верхотурье. Осенью обследовали Свято Троицкий собор и стены кремля, зимой катались на коньках или лыжах. «Новый год» тоже прошёл без эксцессов, а вот второе полугодие, особенно его окончание, опять было отмечено несколькими «подвигами».

Весной вообще наметилось некоторое равнодушие к учёбе: сказывалась накопленная за зиму усталость. Сжатая пружина должна была, в конце концов, расправиться. Мы начали коллективно прогуливать занятия и ещё больше баловаться на уроках, добиваясь удаления из класса. Моя соседка по парте Аля Яценко была и моей главной жертвой – именно её я допекал своими выходками. В итоге опять получил предупреждение о том, чтоб на следующий год на проживание в интернате не рассчитывал.

Бабушка да я – вот и вся семья. 1959 год

Зимой произошло очень значимое событие: из семьи ушла бабушка. Все эти годы она не ладила со снохой, но терпела, а тут, разругавшись с ней в очередной раз, отправилась к начальнику лесоучастка и попросила выделить ей как пенсионерке какую-нибудь комнату. И он выделил – как раз в том бараке, который когда-то, лет семь тому назад, строили весёлые вятские ребята, забавлявшиеся моими лихими ответами на вопрос, почему это молодая мамка всю ночь редела.

Теперь – после ухода бабули – возвращаясь из школы, я то и дело стал заставать дома весёлые компании. Отец с мачехой и раньше не были трезвенниками, а тут вообще зачастую. Иногда отец наливал и мне, хвастаясь перед собутыльниками тем, какой отличный у него сын, но я начал замечать за собой, что не могу терпеть пьянчуг, их слёзы, слюни, их запах. Вот когда плеснут, и я приму на грудь, всё как-то сглаживается. Поэтому, лицезрев наливающуюся до бровей шатию- братию, старался сразу же уйти – внутри поднималась неодолимая волна гнева и презрения. Особенно, когда я видел в таком состоянии отца. И это сохранилось во мне на всю жизнь: пьяных терплю только тогда, когда сам пьян.

* * *

Учиться оставалось считанные недели, по дорогам журчали ручьи, слепило глаза весеннее солнце, и настроение было соответствующим, солнечным – вот в такой день я в очередной раз прибыл домой.

Дом встретил меня небольшой тёплой компанией – с отцом во главе. Рядом крутилась подвыпившая мачеха, которая, впрочем, на его фоне казалась практически трезвой. Настроение сразу скатилось в бездну, особенно после того, как отец полез ко мне целоваться и в очередной раз начал представлять своим собутыльникам, хотя чего представлять – все друг друга и так прекрасно знали! Но это был такой ритуал, хмельной пассаж!

После того, как я почувствовал эти мокрые губы, этот отвратительный хмельной запах, услышал глупые надоевшие слова: «Посмотрите, какой у меня сын!» – которые он повторял как заведённый, гнев заполнил всё моё существо. Еле сдерживаясь, я звенящим голосом спросил, когда же, наконец, прекратятся ежедневные попойки, и тут вдруг увидел ухмыляющуюся рожу мачехи – это был предел. Вырвавшись из объятий отца, ударил его – папаша повалился на лавку у стены – схватил сумку и выбежал из дому.

Пришёл, конечно, к бабушке. По моему виду та сразу смекнула, что что-то случилось, а когда я сказал, что с отцом больше жить не буду, зная мой характер, поняла, что это решение – окончательное.

Утром, пока я спал, бабуля сходила и забрала все мои

нехитрые пожитки. Вслед прибежал отец. Разговора не получилось – я твёрдо сказал, что обратно не вернусь, и он ушёл.

Пастуха ноги кормят. 1959 год

Закончился учебный год, начались очередные летние каникулы, и сам собой встал вопрос, как мы вдвоём будем жить на триста дореформенных рублей бабушкиной пенсии – на отца надеяться уже не приходилось.

Решили, что на лето я пойду пасти коров. На Платине было два стада, так как посёлок разделяла железная дорога, а гонять через неё скотину – накладно и небезопасно. Вообще, пастухи обычно хорошо зарабатывали, ведь почти каждая семья имела корову, телёнка, а ещё и овец. Пастуха назначали на общем собрании, и, хотя зарплата была вполне приличная, но работа – сезонная. Так что соглашался не каждый. На нашей стороне пастухом был Коля Михеев, невысокий шустрый мужичок, вот к нему и пристроила меня бабушка подпаском с оплатой триста рублей в месяц. Точнее сказать, платили пастуху – за каждую голову стада в зависимости от того корова это, телёнок или овца, а уже из общей суммы выделялась доля подпаску.

Кроме денег пастухи получали от общества пропитание: каждый день, по очереди, две семьи готовили по сумке с едой. Утром, собирая стадо по посёлку, мы забирали торбы, а вечером передавали следующим хозяевам – всем по порядку. Кроме того, по осени каждая семья обязывалась дать ещё и по ведру картошки!

Так началась моя трудовая деятельность, подчинённая строгому распорядку. В семь часов утра собирали стадо и гнали его где-то километров за семь на Еранкин бор – постоянное место выпаса. По пути останавливались на водопой у небольшой заросшей травой речушки. Дорогу эту коровы знали прекрасно. Нужно было только присматривать за оставшими, да следить за тем, чтобы некоторые партизаны не разбрелись по сторонам.

Есть такой детский стишок:

Что для зайца стометровка? Как стрела бежит косою!

Вот что значит тренировка вместе с тренером-лисой!

А меня тренировали коровы, две бегуны: бабушки Наймушиной и семьи Касьяновых, удержать которых не было никакой возможности. Они проходили чуть больше половины пути, разворачивались, и, сколько бы за ними ни гонялись, убегали, но, что характерно, домой приходили вместе со стадом, присоединяясь к нему на обратном пути. Где беглянки бродили всё это время – не знал никто, но молоко у них было очень жирным, и удои – высокими. Кстати сказать, все коровы в стаде были чёрно-белые – молочной тагильской породы.

Еранкин бор – название условное. Когда-то это действительно был большой участок соснового леса, к тому времени уже полностью вырубленный: остались голые, заросшие мелким подлеском делянки да по краям – небольшие островки сохранённых на осеменение сосен. В одном из таких островков стадо и выбрало место для днёвки. У нас, пастухов, тоже

была одна полянка, будто с картины Шишкина «Утро в сосновом бору». Так вот, возле поваленной сосны мы и располагались, доставали наш нехитрый провиант: молоко, хлеб, яйца, огурцы – обедали.

Пока стадо отдыхало, я, быстро перекусив, убежал разведывать окрестности. Иногда набредал на брусничники и тогда на следующий день отправлял туда бабушку.

Спустя полтора-два часа коровы безо всякого принуждения как по команде поднимались и не спеша отправлялись домой. В посёлке мы появлялись где-то около шести часов вечера.

Так прошло лето, и за свой труд я получил девятьсот рублей, что по тем временам было очень приличным заработком. Кстати, деньги выдали только по окончании сезона – так было принято.

Начался учебный год, и на повестке дня снова стал вопрос о проживании. Ситуация повторялась: меня категорически отказывались брать в интернат. И тут, что называется, свезло: учитель биологии Няникова Анна Константиновна, работавшая по совместительству воспитателем, сжалилась над бабушкой и взяла меня к себе, несмотря на то, что была свидетелем всех моих подвигов. Анна Константиновна жила вдвоём с мужем в частном доме по другую сторону железной дороги. Муж её, лётчик-фронтовик, был очень сильно изранен; наверное, поэтому детей у них не было.

А бабуля снова принялась атаковать директора школы и

старшего воспитателя Нину Григорьевну, и где-то ближе к зиме добила – я появился в интернате на правах жильца. С последним китайским предупреждением!

Последний год в школе. 1959 год

Седьмой класс считался в то время выпускным, поэтому ещё до начала занятий я поставил перед собой цель: после его окончания уйти в ремесленное училище, тем более, что трое моих друзей с Платины уже поступили в Баранчинское ремесленное училище №13 на специальность «токарь-универсал».

Юра Лебёдкин, Витя Тимофеев и Святослав Пырко были старше меня, но к тому времени мы очень близко сдружились, иногда даже выпивали на равных, что, несомненно, было мне очень приятно и лестно. Так как они всюду курили, я тоже начал покуривать, изображая из себя взрослого и, как теперь говорят, «крутого» парня.

В последнюю неделю декабря учеников седьмых – десятых классов, проживавших в интернате, направили на трудовую вахту в «Заготзерно», чтоб мы смогли заработать денег на празднование Нового Года, уменьшив тем самым финансовую нагрузку на родителей. Обязанность наша заключалась в том, чтобы лопатами забрасывать лежащее в буртах зерно на транспортёр, пропускать через сушилку и при помощи всё тех же транспортёров размещать на складе. Работа несложная, но тяжёлая. Пластались мы после школы и выполнения домашнего задания часов до одиннадцати, а затем, уставшие, бежали в интернат. Животы под завязку были

набиты горячим и необыкновенно вкусным – после сушки – зерном. Наедались до отвала. Ночами в спальне стоял грохот «канонады» и сопровождающий его громкий хохот.

Учёба в седьмом классе проходила по тому же сценарию, что и в шестом: сперва я вёл себя более-менее сносно, но, когда наступила весна, стало пригревать солнце, и сошёл почти весь снег, мы снова начали сдувать с уроков. И если в прошлом году прогульщиков было немного, то теперь из интерната в школу уходили все, а до школы доходили максимум две трети. Расстояние до школы было метров пятьсот-семьсот, но преодолеть его могли либо самые стойкие, либо самые робкие. Остальные сворачивали в соснячок около железнодорожного депо, где вместо уроков играли в войнушку или чехарду, а вечером отправлялись на очередные «разборы полётов» с последующим вызовом родителей в школу.

Наконец закончился и этот учебный год, я получил свидетельство о неполном среднем образовании, довольно приличное, без троек – за исключением оценки по поведению – а вместе с ним и напутствие: больше в интернат я не попаду ни под каким предлогом. В школу – пожалуйста, так как учился я хорошо, мог бы ещё лучше, резерв имелся, а вот в интернат – ни-за-что!!! Заявлено было более чем категорично.

А я в этом и не нуждался, потому что твёрдо решил поступать в училище. Так как второго августа мне должно было исполниться четырнадцать лет, я полагал, что никаких проблем с зачислением не возникнет, тем более, и друзья дали

мне гарантию.

* * *

Наступило лето, начались каникулы. Пасти коров в этом году я не стал – нужно было помочь отцу на сенокосе. Кроме коровы в его хозяйстве появились телёнок и несколько овец, справиться с заготовкой сена отцу с мачехой было теперь затруднительно, и отец позвал на помощь меня. Большинство выделенных ему под покос участков было достаточно далеко, на разъезде «67-й километр».

Вставать приходилось очень рано, чтобы успеть на поезд Свердловск-Серов. На поезде мы проезжали перегон километров в семь, затем шли до покоса ещё версты три. Проработав полный световой день, обратно возвращались уже пешком. Так продолжалось с середины июля в аккурат до второго августа, дня Ильи Пророка.

На Урале существует поверье, что сено нужно успеть заготовить до Ильина дня, иначе это будет не сенокос, а сеногной. «Илья Пророк в воду поссал», а значит, заканчивается купальный сезон и начинается период дождей.

Сена нам нужно было накопить на всю зиму для собственной скотины, да ещё тонны три на продажу – такой у отца был план. Это, действительно, был хороший товар, особенно зимой, ведь животные держали много, а вот заготовить необходимое количество сена могли не все. Поэтому пластались мы целыми днями по двенадцать-тринадцать часов с часовым перерывом на обед и отдых. Объём работ для «бригады»

из трёх человек был огромным: траву нужно было скосить, сгрести, сметать в копны и, после того, как в копнах сено выстоится не менее трёх суток, стаскать его к месту стогования. И всё это – вручную.

А потом ещё десять километров пешком до дома, наскоро помыться, и – на танцы, которые по выходным были в клубе. В общем, к окончанию сенокоса я уже еле ноги таскал.

На покосе между мной и отцом произошёл разговор, наложивший отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь. Раз во время перерыва отец достаёт пачку папирос и даёт мне одну со словами:

– Давай закурим.

Я, конечно, пошёл в отказ:

– Что ты, папа, я не курю! – на что он мне ответил:

– Не ври, все знают, что ты со своими друзьями куришь, поэтому давай, закуривай! Если ты, Владик – дурак, то будешь курить, если нет, то бросишь. С меня этот пример брать не надо.

Разговор оказался очень своевременным: тогда я ещё не втянулся в эту дурную привычку, курево мне было противно. Для привыкания требуется довольно продолжительное время. Курить, ведь, начинаешь не потому, что это приятно и сразу понравилось, а потому, что не хочешь отстать от своих друзей, тем более, тех, что старше тебя по возрасту. Это и есть первый признак детскости и незрелости ума.

А тогда мы выкурили с отцом по папиросе, и с тех пор

я больше не курю, видимо, самолюбие не позволило стать дураком.

По окончании сенокоса и выполнения намеченного отцом плана он купил мне первые мои часы «ЗВЕЗДА» в квадратном корпусе. Я, хоть и мечтал о круглой «ПОБЕДЕ», вынужден был смириться.

* * *

Спустя несколько дней мы с отцом поехали в посёлок Баранчинский устраивать меня в ремесленное училище. Но вот незадача, документы у нас, несмотря на хорошие оценки и активное содействие моих друзей, не приняли. Причина была в следующем: учебный курс в РУ, как и в школе, начинался первого сентября и заканчивался через два года, в июне; и на момент окончания учёбы выпускнику, если он учился на электрослесаря-сборщика, должно было исполниться шестнадцать лет, а если на формовщика-литейщика или кузнеца – восемнадцать. Так как шестнадцать мне исполнилось бы только в августе, я под эти критерии не попадал; поэтому уехали мы ни с чем.

Настроение было поганое. Что делать зимой? Ехать в Верхотурье нет смысла: подвиги мои надоели, и меня наверняка не примут в интернат; остаётся школа в Нижней Туре. Туда мы с бабушкой и рванули.

Нижняя Тура. 1960 год

Поездка прошла удачно: приняли меня и в школу №2 на «НТГРЭС», и в интернат, так как оценки в свидетельстве были хорошими, а про мои подвиги они, естественно, ничего не знали.

Интернат размещался в бараке с паровым отоплением и тёплыми сортирами, что было большим плюсом в сравнении с верхотурским. Одну половину комнат занимали мальчики, другую – девочки. Было много ребят с Платины, так как некоторые, как и я, поменяли Верхотурье на Нижнюю Туру.

Восьмой «б» класс, куда меня определили, был в основном укомплектован учениками, которые знали друг друга достаточно давно; некоторые – с первого класса.

Новичков оказалось немного, и одним из них был Толя Спиринов, прибывший в школу из специнтерната. Мелкий, видно, в детстве недоедал, с огромными, лишёнными ресниц глазами – последствием трахомы, и большой выдумщик на всякие пакости. Мог втихую, не моргнув глазом и не дрогнув ни одним мускулом, безо всякого стыда испортить воздух в классе.

Учителем английского языка и одновременно классным руководителем нам назначили молоденькую выпускницу Пя-

тигорского педагогического института. Толя всегда встречал её у дверей. Он настежь распахивал створки, делал реверанс, расшаркивался, широко разводя руки в стороны, и торжественно объявлял: «Девочка из Пятигорска!» Вроде бы ничего особенного, но по-первости класс хохотал просто сумасшедше.

Учился он плохо, проказничал неумеренно, но как-то постепенно притёрся ко мне, хоть я в этих школьных проказах его и не поддерживал, став, видимо, взрослее и серьёзнее. Да и училище из головы не выходило, а для поступления туда требовалась хорошая характеристика.

* * *

Благодаря отличному преподавателю физкультуры, спортивная работа в школе и в нашем классе в том числе, была на высоком уровне. В нашем классе был отличный лыжник Володя Щукин, который занимал первые и вторые места в школьных спартакиадах Нижнетуринаского района. А Вадик Мотовилов почти всегда был первым на стометровке. На средних дистанциях в победители или призёры выходил Володя Кленин. И это только в нашем классе! А были ещё и другие! Вот где мне пригодился опыт, который я получил, когда пас коров, там ведь всё время приходилось бегать, загоняя их в стадо, да и в Верхотурской школе мы тоже дружили со спортом.

На осенней спартакиаде я стал третьим на стометровке и вторым на дистанции четырёхста метров, немного уступив

Володе Кленину. А вот по шашкам – в спартакиаду входили и шашки – стал первым. На зимней школьной спартакиаде района наша школа в командном зачёте заняла второе место. Я как-то быстро подтянулся и по остальным спортивным дисциплинам. В беге на лыжах проигрывал только Володе Щукину, все остальные были позади. Но это потом...

Бокс

В сентябре Толя Спириин неожиданно начал с энтузиазмом агитировать нас записаться в секцию бокса, которая открывалась в спортзале Нижнетуриинской ГРЭС.

Спортзал находился через дорогу от школы, на улице «40 лет Октября» в небольшом двухэтажном здании из кирпича.

Сейчас на этом месте горделиво красуется культурно-спортивный комплекс Газпром-Трансгаз-Югорск

В настоящее время лучшие традиции бокса в Нижней Туре сохраняет и поддерживает спортивный клуб «Кожаная перчатка» под руководством тренера – преподавателя Спортивной детско-юношеской школы олимпийского резерва Вячеслава Филипповича Фаргера, правда размещается клуб уже по другому адресу.

Где Толя познакомился с тренером – тайна, покрытая мраком, но мы после его агитации ринулись записываться в секцию, которую вёл Вениамин Молостов, невысокого роста, но физически сильный. Раньше он выступал в Свердловске: выигрывал областные соревнования в легчайшем весе.

Тренер сразу предупредил всю нашу ораву – а нас собралось более двадцати человек – что будет проверять дневники, и если увидит плохие оценки – отчислит сразу, не говоря уже о том, что хулиганские поступки вообще недопустимы!

Вот так занятия спортом выбивали из нас дурь: в школе

уже никаких вывихов, всё чинно, благородно. Если и случались какие-то выходки, то только в интернате. Поэтому, когда зимой начался приём в комсомол, меня приняли сразу, без особых вопросов. Тем более что одну из рекомендаций мне дал сам директор школы Соловьёв Валерий Михайлович, который, как потом выяснилось, был близким родственником Герцена. Об этом он сам рассказывал после, когда приходил к нам в интернат на собрание и отвечал на вопросы ребят.

Учёба по-прежнему давалась мне легко, несмотря на то, что школа была другая, класс, соответственно, тоже, и требования немного изменились. С седьмого класса я приучился пользоваться учебниками, не надеясь только на память, и это принесло свои плоды – учился практически без троек.

Со спортом тоже всё шло в гору. Веня здорово гонял нас на разминках, ставил в пары, не обращая внимания на разницу в весе. Ребята были – все лучшие спортсмены школы. Бокс – вид спорта очень нелёгкий. Изначально туда идут те, кто хочет стать сильным физически, научиться в любой момент давать обидчикам сдачи. Беда только в том, что пока чему-нибудь научишься, сам на тренировках получаешь по башке столько, что мало не покажется.

Поэтому из тех ребят, что записались в секцию в сентябре, через два месяца осталась ровно половина. Слинял и Толя Спирын. Я же продолжал регулярно заниматься, не пропуская ни одной тренировки.

Когда пацанов стало значительно меньше, нас «совместили» с мужиками, то есть с теми, кто был старше восемнадцати и занимался уже несколько лет. В пары с ними тренер нас, конечно, не ставил, но со стороны мы могли наблюдать, как боксируют опытные спортсмены, и, естественно, пытались перенять их технику боя.

* **

После трёх месяцев тренировок Вениамин объявил, что мы едем боксировать с ребятами из техникума посёлка Ис. В команду он отобрал десять человек, как давно занимающихся, так и нескольких новичков, в число которых попал и я. Помню, это был морозный воскресный день перед самым Новым Годом. К спортзалу подогнали небольшой грузовой ГАЗик, обтянутый тентом. Внутри было несколько тулупов, поэтому мы, укутавшись в них по двое, ехали, как в мягком вагоне.

Соревнования проводились в техникуме, в небольшом спортзале, который до отказа был забит болельщиками – учащимися техникума. После взвешивания мы ждали разбивку по парам в учебном классе. Мандраж был у всех, особенно у нас – новичков. Это ощущение ожидания трудно передать словами: даже руки и ноги слегка подрагивали. Со временем, с опытом, я научился скрывать свою тревогу, хотя и впоследствии эти ощущения приходили перед каждым боем – одним словом, мандраж.

Когда Веня принёс разбивку по парам, выяснилось, что я

буду боксировать со своим, Руфиком Юсуповым, так как в техникуме не нашлось новичков в таком весе. Ставить нас в пару с опытными боксёрами не полагалось, тем более что и у Руфика, и у меня это был первый бой. Руфик был очень хорошим спортсменом: отлично играл в баскетбол, волейбол, футбол, прекрасно прыгал в высоту. Мне он проигрывал только в беге на всех дистанциях и на лыжах. Всё-таки, коровы внесли свой посильный вклад в развитие моих спортивных качеств. Руфик был лучше на спаррингах, да и тяжелее. Я в то время весил пятьдесят четыре килограмма – лёгчайший вес, он – пятьдесят семь – полулёгкий.

Мандраж усилился после того, как я оказался в своём углу. Рассказывали, даже побледнел так сильно, что, казалось, сейчас брякнусь в обморок. Но после удара в гонг и команды «бокс» все эти ощущения куда-то исчезли – видел перед собой только противника и больше никого: ни зрителей в зале, ни судей. Руфик полагал, что справится со мной без особого труда, по крайней мере, об этом говорил весь его вид. Но в меня будто чёрт вселился: начал так окучивать товарища по команде, что через некоторое время по его лицу стало ясно – такой прыти соперник от меня не ожидал. И в первом, и, тем более, во втором раунде я отколошматил его так, что сомнений в том, кому отдать победу, не было ни у судей, ни у зрителей, и лишь на лице Руфика застыл немой вопрос: с какого повода меня спустили, что я оттузил его на одном дыхании?

И вот тут я опять хочу вспомнить своих тагилок: побе-

гай-ка за ними каждый день в течение трёх месяцев, да поработай на сенокосе, где физическая нагрузка тренирует организм гораздо эффективнее, чем уроки физкультуры!

Любой, кто выигрывал первый бой, первое соревнование в любом виде спорта, знает, какая после этого наступает эйфория: ты продолжительное время находишься на седьмом небе...

Так было и со мной: после этих соревнований на тренировках стал чувствовать себя увереннее со всеми, кто назначался мне в спаррингпартнёры, хотя многие из них были намного тяжелее и выше. Более того, постепенно в этих спаррингах стал не только боксировать на равных, но и выигрывать.

* * *

В начале года, после зимних каникул, Вениамин объявил, что состоится товарищеская встреча с боксёрами ремесленного училища №50, расположенного в Верхней Туре. Начали очень активно готовиться к этим боям, зная, что нам, новичкам, придётся нелегко, так как в команде техникума имелось несколько человек, которые в своё время занимались у нашего тренера. Именно они и стали инициаторами организации секции бокса в своём училище. День встречи был назначен. Приехало человек двенадцать, все немного постарше нас.

После взвешивания и разбивки по парам начались бои. Два первых мы проиграли. В третьей паре драться должен был я. В этот раз выступал намного увереннее, и чуть было

не закончил бой за явным преимуществом: не хватало совсем немного. Соперник уже побывал в нокдауне, и это удвоило мои силы. В общем, выиграл!

Буквально на следующий день, двадцатого февраля шестьдесят первого года, в школу принесли местную газету с небольшой статьёй, в которой освещались прошедшие соревнования и в которой я увидел и свою фамилию! Эти события превратили меня пусть в небольшого, но героя! Мало сказать, что было приятно – хотелось отличиться ещё больше!

* * *

Вторая половина года шла своим чередом. В учебные дни после школы три раза в неделю – тренировка. В свободное время катались на коньках – каток заливали на футбольном поле за спортзалом. По пятницам с Платины приходила бортовая машина, и нас везли домой на выходные. Везли через деревню, которая почему-то называлась «Новая Тура». Вот только ничего нового в ней не было: дома старой постройки с крытыми дворами, в центре – церковь, превращённая в клуб. Наши родители называли эту деревню «Таковая», видно, ещё дореволюционное название. Ребята из Таковой, жившие в интернате, добирались до дома вместе с нами.

В один из приездов на Платину я, как обычно, встретился со своими друзьями-ремесленниками – так называли учащихся ремесленных училищ, и от них узнал, что в марте в РУ проводится дополнительный набор одной группы

электрослесарей-сборщиков электрических машин. Занятия начнутся с первого апреля. Это, конечно, был шанс. Во-первых, я теперь уже проходил по возрасту, а, во-вторых, Юра, староста группы токарей, мог замолвить за меня слово. Кроме того, к этому времени мне присвоили третий спортивный разряд по лыжам – немного не дотянул до второго – и третий юношеский разряд по боксу. Да ещё первое место в школе по шашкам. Это были весомые аргументы: при поступлении в любое учебное заведение занятия спортом давали несомненное преимущество. Короче: ударник учёбы, спортсмен, комсомолец и просто красавец!

Школа со мной расставалась с сожалением: всё-таки за этот короткий период я смог неплохо проявить себя, а вот интернат – с радостью и облегчением. Освобождалось место лидера, и на него было несколько претендентов. Что ни говори, в интернате перечить мне и руководить пацанами через мою голову не мог никто.

Баранча. 1961 год. Не всесоюзный староста

В этот раз приём в ремесленное прошёл без запинки, и первого апреля шестьдесят первого года мы, учащиеся одиннадцатой группы РУ №13 посёлка Баранчинский, смогли увидеть друг друга и познакомиться.

Кстати, число 13 впоследствии каким-то мистическим образом прошло через всю мою жизнь. Причём, в положительном смысле. А ведь его боятся многие, называя чёртовой дюжиной, но только не я: везде, где присутствовало число 13, мне всегда очень везло.

Когда я уходил из школы, за мной увязался Толя Спиринов, и, как ни странно, его тоже приняли в нашу группу.

В этот же день нам представили мастера производственного обучения, Гущина Бориса Александровича, в будущем – директора этого самого училища. Но это в будущем, а на тот момент Борис Александрович отслужил на Тихоокеанском флоте, окончил техникум, и, конечно, понравился нам всем и сразу. Он, хоть и пытался казаться строгим и требовательным, был душа-человек.

Дни теоретического обучения сразу же стали чередоваться с днями практики.

Так мы попали на завод имени Михал Ивановича Калинина. Когда-то, в далёкие предреволюционные годы, Всесоюзный Староста работал слесарем на этом заводе, точнее, на Ревельском заводе «Вольта» – предтече Баранчинского электромеханического. Справедливости ради нужно отметить, что трудился он там недолго: с марта девятьсот первого до января девятьсот третьего. Видимо, те два года, что юный Миша Калинин простоял у станка, окончательно отбили у него охоту к честному труду, но зато укрепили революционные убеждения, ибо с той поры Михал Иванович больше ни дня не горбатился, посвятив всего себя делу борьбы с существующим общественным строем.

Теперь его станок – токарный – находился в специально отведённом павильоне, как напоминание о славном трудовом прошлом председателя ЦИК СССР. Кстати, такой же стоял на Путиловском заводе. Для подрастающего поколения этот станок должен был, по всей видимости, стать символом того, что советской молодёжи все пути открыты, а перспективы её безграничны – вплоть до членства в Политбюро ЦК КПСС. Правда, в годы перестройки вокруг этого символа можно было наблюдать кучки говна – своеобразные знаки обманутых надежд – так «племя молодое незнакомое» благодарно патриарха Великой Революции за его подвиги и свершения.

* **

Однажды на практических занятиях, через несколько

недель после начала учёбы, когда мы, двадцать пять человек, уже неплохо знали друг друга, Борис Александрович предложил выбрать старосту группы – так полагалось. Староста помогал мастеру в руководстве, докладывал директору училища на утренней линейке о присутствующих и отсутствующих, отвечал за организацию питания и выполнял ряд других обязанностей.

Вот простой пример. Мастерские училища находились на территории завода, и группа учащихся должна была в отведённое для перерыва время дойти до училища, в течение двадцати минут накрыть столы – это делали дежурные, пока все остальные раздевались и мыли руки – пообедать и убрать за собой посуду. Дело в том, что небольшая столовая вмещала не более двух групп, а за два часа должно было пообедать всё училище. Там я и научился есть быстро: до сих пор не могу разучиться.

На старосте лежали многие организационные вопросы, и, естественно, нужно было выбрать такого, которому бы все члены коллектива подчинялись бы, не игнорируя его предложений и распоряжений. Поэтому для меня было неожиданным услышать свою фамилию. Оказалось, инициативу проявил Толя Спирин. Этот пройдоха за короткий период нашего пребывания в училище уже успел красочно расписать ребятам меня и мои подвиги. Но у местных, а их в группе было достаточно много, имелась другая кандидатура – Володи Игумнова. Но, несмотря на то, что местные ребята хо-

рошо друг друга знали, а, может, благодаря этому, при голосовании прошла моя кандидатура. Так, с лёгкой руки Толи Спирина, я опять попал в начальники.

В луже у порога

С Толей связано ещё одно трагикомическое обстоятельство. При зачислении в училище нам объявили, что сразу обеспечить общежитием не смогут. Изначально училище было создано заводом в расчёте на подрастающее поколение посёлка, но постепенно, с увеличением мощности и расширением производственных площадей, рабочих требовалось всё больше, и удовлетворять потребности завода только за счёт местного населения стало затруднительно. Следовательно, встал вопрос о привлечении иногородних. Его решили, увеличив количество учебных групп, а вот увеличить количество мест в общежитии оказалось гораздо сложнее. Для девчат, которых принимали на обучение специальностям токаря, обмотчика электрических машин и штукатуров-маляров, мест не было вообще: только съёмное жильё.

Потому многие учащиеся были вынуждены искать приюта в частных домах, благо, их в посёлке было процентов девяносто. Приезжим в поселении не отказывали, да и деньги за проживание, пусть и небольшие, были нелишними в каждой семье.

Массовое освобождение мест в общежитии происходило летом, после окончания старшими группами курса обуче-

ния, а так как наша группа комплектовалась весной, до лета нам вообще ничего не светило. Нужно было искать угол. Тут мой приятель Толя проявил свойственную ему прыть и нашёл дом, который готов был приютить его.

– Слушай, а давай со мной, – предложил он. – Вместе всяко удобнее, да и дешевле. Квартира хорошая: там до нас жили двое из нашего училища – второкурсники. Шас выпустились. И место классное – совсем рядом с училищем. Пошли – прям шас посмотришь.

Я, конечно, согласился, о чём впоследствии сильно пожалел.

В прекрасном настроении, довольный тем, что так быстро удалось найти ночлег в чужом месте, шёл принимать арендованную Толиком жилплощадь, но когда увидел «апартаменты» – очумел. Комнатёнка размером не больше десяти метров напоминала недостроенную баню. Проживала в ней тётка с двумя детьми: мальчиком лет шести и взрослой дочерью. Хозяйка не работала, потому и сдавала жильцам часть пола у входной двери, точнее, у порога, где мы и должны были спать.

– Да чё ты, – убалтывал меня Толик, – мы ж здесь будем только ночевать. Весь день – на занятиях. Есть будем в столовке. В баню тоже водить будут – в общую. Подумаешь, ночь перекантоваться. Зато совсем рядом с училищем! Времени на дорогу – пять минут: поспим подольше.

Принимая во внимание, что жить тут нам предстоит от си-

лы пару месяцев, я смирился. Кроме того, особым комфортом избалован не был.

Из училища принесли пару матрасов, одеяла, подушки и, устроившись у порога, после трудного первого дня мгновенно заснули.

Проснулся среди ночи: какая-то тёплая жидкость заливала мне бок. Продрав глаза, в недоумении ощупал постель. Оказалось, что мой сосед элементарно обоссался, ну, естественно, мокрым оказался и я.

– Эй, ..., вставай... давай..., – зашипел я, чтоб не разбудить хозяев, и хорошенько потрянул Толика за плечо. – Ты... чё... наделал?! Как теперь...? Куда...? – я с трудом подбирал слова и компенсировал слабый звук крепостью выражений, которыми к тому времени владел виртуозно. Но был ли смысл возмущаться, когда дело уже сделано?!

Кое-как дождавшись утра, мы потащили всё наше хозяйство во двор – сушить, а затем потопали в училище поглощать знания.

Дорогой, забегая вперёд и заглядывая мне в лицо, Толик тарачил и без того огромные глаза:

– Да, блин. Устал вчера чертовски, да ещё воды напился на ночь... Ну, ничего. Щас, пока ходим, всё высохнет – и будет нормалёк.

Две-три ночи действительно прошли спокойно, но когда через некоторое время он обоссал меня повторно, я понял, что вода и усталость тут не причём.

Попал я с ним, конечно, в ситуацию, ведь душа в доме не было: уличный рукомойник с сосочком, подвешенный на стену недалеко от крыльца, проблемы не решал, а ходить на учёбу и на практику, когда от тебя вовсю несёт мочой, как-то стыдно. Тем более я, с лёгкой руки того же Толика, был выбран старостой группы, каким-никаким начальником.

Я вспомнил роман Ремарка «Три товарища», в котором фельдфебель укладывает двух солдат, страдающих энурезом, на одну двухъярусную кровать, причём, поочерёдно меняя их местами: сегодня сверху спит один, завтра – другой. А тут и этого не надо делать: лежим рядом, и оба в моче.

Пришлось выработать систему: я бдил до полуночи, будил Толика, выгонял его до ветру и тогда спокойно засыпал или, когда было тепло, делал из одеяла валик и клал между нами. Но если по какой-то причине я не мог соблюсти эти условия, непременно оказывался мокрым.

Так продолжалось все два месяца. В конце мая я наконец-то получил место в общежитии, и муки мои закончились. Толик остался на квартире.

Красота требует жертв. 1961 год

В июне шестьдесят первого, во время каникул, я поехал в Свердловск на операцию: исправлять косоглазие. Ещё в школе, во время зимних каникул, я уже пытался как-то решить этот вопрос: Ляля, старшая дочь тёти Физы и дяди Гани, училась тогда в медицинском техникуме и взялась мне помочь. Запись на операцию проходила в помещении на улице Розы Люксембург, у Центральной гостиницы – там, где теперь располагается областной кожвендиспансер.

Рано утром я отправился туда. У кабинета собралась огромная очередь. Простояв часа три, я потерял всякую надежду попасть на приём, так как очередь двигалась очень медленно, но тут неожиданно появилась моя симпатичная тётя Ляля. С удивлением отметив, что я ещё так далеко, она вынула из сумочки белый халат, надела его и быстро выпорхнула в кабинет, где шла запись. Спустя некоторое время она так же быстро выпорхнула оттуда, взяла меня за руку и, ни с кем не объясняясь, втащила в кабинет. Немного погодя ко мне подошёл довольно пожилой доктор, посмотрел мои глаза, порасспрашивал, как и почему это произошло, подвёл к женщине-регистратору и велел ей записать меня на операцию на лето.

Так я попал в очередь на июль месяц и явился по указанному в направлении адресу в хирургический корпус глазных болезней, который располагался в бараке за Центральным стадионом. Через несколько дней – после того, как были готовы анализы – меня отвели в операционную. Операция длилась недолго, под местной анестезией. Самым болезненным был этап, на котором подтягивали и подшивали глазные мышцы. Об этом я был заранее предупреждён хирургом, поэтому терпел молча, только всё тело покрылось потом так, что намокли даже простыни. Оперировала меня Малышева Валерия Владимировна, хрупкая миловидная женщина.

Через несколько дней, когда сняли повязку, спал отёк и глаз полностью открылся, я увидел, что всё осталось по-прежнему. Настроение сразу упало. Значит, я снова приеду косым...

Но доктор успокоила меня и через несколько дней снова положила на операционный стол, предупредив, что в этот раз боль будет сильнее. Но я был готов на всё. И действительно, во второй раз было больнее, да и сам операционный процесс длился гораздо дольше. Как только начал спадать отёк, я увидел, что глаз снова начинает косить. Вот это уже был удар!

Прошло несколько дней. Я ходил на процедуры, а глаз продолжал косить всё больше и больше. В один из дней, при обходе, доктор отозвала меня в сторону и сказала, что завтра выпишет из больницы. Увидев моё изменившееся лицо, Ва-

лерия Владимировна объяснила это решение:

– Владислав, успокойся. Вот тот профессор, что осматривал тебя при приёме, а затем направил к нам, делал одному больному двенадцать операций на косоглазие – столько, сколько мышц у глаза, и всё равно поставил ему глаза прямо. Ты сейчас съездишь, отдохнёшь и приедешь сюда снова, а я найду окно, чтобы тебя прооперировать. Мы всё сделаем для того, чтобы глаз у тебя не косил!

После таких слов, конечно, стало легче, появилась уверенность в успехе, я был готов выдержать даже двенадцать операций, только бы восстановить зрение...

* * *

Выписавшись из больницы, прямым ходом отправился к тёте Фисе. Очень хотелось помыться – в больнице это было проблемой, а ведь я пролежал там почти месяц. День был чудесный, по радио сообщили о полёте Германа Титова, и это ещё больше поднимало настроение.

Вечером я сел в поезд и уже ночью был дома, у бабушки. На следующий день, отоспавшись, пошёл на станцию. Обычно вся молодёжь, да и старшее поколение, приходили туда встречать электричку, которая курсировала между Нижним Тагилом и Верхотурьем – был такой ритуал для бездельников: провожали отъезжающих, встречали приезжающих, как теперь говорят, тусили.

Но моих друзей на станции не оказалось, что было весьма странно. Я подошёл к Лёне Берегу, парню примерно моего

возраста или немного постарше, и поинтересовался, где же наша молодёжь. Лёня поведал, что все ушли на день рождения к одной известной особе, куда его почему-то не позвали. Моё радужное настроение резко испортилось: они ведь знали, что я сегодня приеду, и пошли без меня – выходит, меня тоже не пригласили?!

Увидев, как я понурился, Лёня тряхнул головой:

– Плюнь ты на это! Пойдём ко мне, у меня кое-что есть.

Семья Берег появилась на Платине не так давно. Это была дружная семья из шести человек: родители и четверо детей. Двое старших – уже взрослые, высокие и здоровые парни, Лёня – примерно моего возраста, и младший – лет семи. В наш забытый Богом край они приехали из Белоруссии; поговаривали, что были высланы оттуда за какие-то грехи. У нас в посёлке ничего плохого за ними замечено не было, семья трудолюбивая, хозяйство вели просто образцово. Вот туда-то мы с Лёней и притопали. Кстати, дома у Берега я оказался в первый раз.

Лёня притащил две пол-литровые кружки браги, мы с ним чокнулись и выпили по полной. Немного погодя – ещё по одной. Знать бы, что брага у них находится в оцинкованной посудине, может быть, поостерётся, но не свезло, и я попросту отравился этим пойлом.

До дому дотопал быстро: слегка покачивало, но голова была довольно ясной. Дома же сразу пал на кровать. Тошнило. Моя заботливая и терпеливая бабуля подставила ведро, и на-

чался процесс, который лучше не описывать...

Сколько прошло времени, я и сейчас не скажу, но когда весь выкушанный алкоголь и закуска исторглись, горлом пошла кровь. Я, свесившись с кровати, просил об одном: чтобы не трогали и не поднимали мне голову, так как от этого становилось ещё хуже...

Через некоторое время со дня рождения примчались все мои друзья, и не только, в общем, народу набилась целая комната. Прибежала наш участковый фельдшер, которая лишь разводила руками и говорила, что ничем помочь мне не сможет – слишком поздно, что вся надежда на мой молодой организм.

Уснул я, как провалился, словно потерял сознание. Рано утром проснулся, поднял голову с подушки – ничего не болело, в теле были какая-то лёгкость и слабость. Моя бабуля всю ночь не спала, просидела возле меня. Когда я поднялся, очень обрадовалась, не ругала, не упрекала, сказала только:

– Эх, Владюша, будешь ты теперь мучиться желудком всю жизнь.

Правду сказала, так всё и вышло. Но тогда я пропустил её слова мимо ушей, меня волновало не это, а то, что происходило с моим прооперированным глазом. Подойдя к зеркалу, увидел, что глаза нет, а приоткрыв руками веки, различил лишь что-то ярко-красное. Вот тут я испугался по-настоящему!

Проходили дни, недели...

Наконец краснота и отёк начали спадать, веки – раскрываться. И – о, чудо – косоглазие исчезло!!! К концу августа глаз полностью открылся, осталось лишь небольшое кровоизлияние.

* * *

Тут случилась ещё одна приятная неожиданность: моего друга Юру пригласил в гости его отец. Он работал секретарём Зайковского райкома партии и проживал в Зайково с молодой женой, которую привёз с фронта. У нас троих: Юры, Святослава и меня – была схожая семейная ситуация. Юркин отец вернулся с фронта с новой, молодой, женой. По семейной легенде, она спасла его от смерти, и, естественно, дальнейшую жизнь Юркин отец связал с ней. Детей у них не было, видимо, тяготы военной жизни не прошли бесследно. Юрка же остался с матерью, тётей Аней, которая работала фельдшером у нас на лесоучастке. Моя бабушка и тётя Аня очень сдружились из-за сходных семейных обстоятельств. Святослав тоже жил с матерью; куда подевался его отец, я не знаю, так как этот вопрос мы никогда не обсуждали.

А я, при живых родителях, жил с бабушкой, только иногда приходя к отцу в гости. Материально он нам не помогал, да и большой необходимости в этом после поступления в училище уже не было. Дело в том, что в РУ учащиеся находились на полном государственном обеспечении. Стипендию мы не получали, но питались бесплатно три раза в день, получа-

ли два комплекта одежды: суконную и рабочую хлопчатобумажную; две пары ботинок: хромовые и кирзовые; шинель и бушлат; зимнюю шапку. Настоящее богатство! Тем более, жить мы привыкли скромно, по средствам.

* * *

В общем, в гости к Юркиному отцу мы ринулись втроём: не выгонит же он нас. А так как ехать в Зайково нужно было через Свердловск, то я, воспользовавшись случаем, пришёл в больницу к своему доктору Валерии Владимировне. Она внимательно осмотрела мой глаз, нашла два шва, которые во время выписки были прикрыты отёком, сняла их и сказала, что больше оперировать меня не будет, так как косоглазие осталось не более чем на десять процентов, оно совершенно незаметно, и с ним даже как будто симпатичнее. Ещё доктор добавила, что если будут какие-либо проблемы, она всегда готова принять меня.

Из больницы я не уходил, а улетал на крыльях: теперь я уже не косой, не нужно по первому слову бросаться в драку, так как никто больше не будет обзывать и дразнить меня! Хотя, надо признать, мой недостаток, точнее, желание его компенсировать, в какой-то мере сформировали мой характер, чувство собственного достоинства, научили давать отпор обидчикам.

* * *

В Зайково мы приехали к вечеру. Встретили нас очень хорошо. Жена Юркиного отца работала в редакции местной

газеты, но, тем не менее, находила для нас время, не давая скучать. Впереди маячил сентябрь, и пришла пора возвращаться. Провожали нас с лёгкой грустью за пышно накрытым столом. На прощанье отец подарил Юрке чёрный плащ из прорезиненной ткани – мечту всей небогатой молодёжи того времени!

Ненадолго заехав на Платину, первого сентября мы появились в училище. Ребята нашей группы, да и всего училища, с приятным удивлением встретили перемены в моей внешности; да и девчата через друзей стали подавать сигналы, что не прочь со мной встречаться.

Дружелюбный грабитель

Прибыл и приступил к учёбе Толик, но ненадолго. Он и раньше прогуливал занятия, а тут просто зачастил: если день выдавался тёплый, солнечный, Толика в училище можно было не ждать. За пропуска без уважительной причины он получал нагоняй от меня и от мастера, но продолжал прогуливать.

Мы долго не могли понять, куда он линял, пока однажды в училище не приехал из Нижнего Тагила следователь милиции. Вот тут картина прояснилась полностью! Наш беспокойный малый придумал такую фишку: вместо учёбы он садился на электричку, ехал в Нижний Тагил, и там, возле центрального парка – сада имени Болдина – потрошил пьяных. Толик выбирал «клиентов», уже потерявших ориентировку или спящих в саду на лавочках после изрядного «принятия на грудь». Чтобы окружающие ни в чём его не заподозрили, наш пройдоха разыгрывал целое представление: якобы он пытается довести до дома хорошего знакомого. А сам по дороге снимал с него часы и обчищал карманы, забирая всё мало-мальски ценное. При помощи этого нехитрого приёма дружелюбный грабитель обобрал такое количество тружеников и гостей города, что слава о нём не могла не дойти до сведения нашей доблестной милиции. Многие потерпевшие подчёркивали, как ласково обращался с ними зло-

дей, доставляя домой. Правда, до дому он никого так и не довёл, а всегда оставлял мирно спящих «приятелей» под каким-нибудь кустом или на скамеечке, предварительно полностью освободив от лишнего имущества.

Только теперь до нас дошло, откуда брались вещи, которые Спири́н по дешёвке предлагал, оказывается, многим нашим ребятам, объясняя их происхождение крайне «виртуозно»: нашёл.

Так маленький ушлый Толик навсегда исчез из училища, а нам, как и положено, пришлось проводить общее собрание коллектива, на котором учащиеся высказали своё осуждение и негодование по поводу произошедшего.

Разумеется, было подготовлено несколько выступлений, в том числе и моё как старосты группы, после чего следовательно с протоколом собрания и характеристикой на нашего героя отбыл по месту службы завершать следственные мероприятия. А Толик за свои «подвиги» получил несколько лет колонии для несовершеннолетних, и больше я его никогда не встречал. Так и закончились наши отношения, начавшиеся в школе №2 города Нижняя Тура и продолжившиеся в училище посёлка Баранча.

Письмо. 1961 год

Как-то раз, не помню, в октябре или ноябре, меня вызвал к себе директор училища. Я, грешным делом, решил, что кто-то накапал на меня за мои проказы, иначе с чего бы вдруг; но Игорь Александрович встретил меня очень тепло, это сразу было видно. Протянув мне какой-то конверт, сказал:

– Тебе. Садись и читай.

Это было письмо от матери – первое за тринадцать лет разлуки! Оказывается, бабуля все эти годы не оставляла попыток найти мою маму и напомнить ей о том, что у неё есть сын. Стремление сделать это особенно окрепло после того, как мы с Юркой съездили к его отцу: ведь Юркины родители тоже жили раздельно, но, тем не менее, с отцом он встречался, и тот даже помогал сыну материально. Раздобыв адрес, бабуля вместе с тётёй Аней, Юркиной матерью, составили и отослали на этот адрес весьма неприятное послание, после чего мать и написала мне. В письме она пыталась объяснить и оправдать свои поступки, просила приехать и даже обещала переводом выслать денег на дорогу туда и обратно.

По выражению лица Игорь Александрович сразу понял, что на душе у меня гадко. Тем не менее, он предложил не

спешить с выводами, а съездить и самому разобраться во всех непростых обстоятельствах, изложенных в письме. Да и бабуля моя, как я понял, очень этого хотела. Она почему-то очень любила мою мать, несмотря на все прошедшие события; а, может, не надеясь на моего отца, хотела, чтоб у меня, если с ней самой что-то случится, был ещё один близкий и родной человек?..

Во всяком случае, хоть я и не дал согласия сразу, но обещал подумать, тем более, что Игорь Александрович, который, как я понял, получил своё сопровождение к этому письму, очень категорично настаивал на этой поездке, приводя массу различных доводов.

Накануне Нового года, перед зимними каникулами, я получил от матери небольшой перевод, купил билет и тронулся в путь. На станции Агрыз пересел с поезда на пригородную электричку до Воткинска, логично предположив, что где Воткинск, там и Воткинская ГЭС. На самом деле это не так, и в письме весь маршрут был подробно расписан, но, видимо, на меня нашло какое-то затмение.

Уже где-то около часа ночи нашёл я в Воткинске улицу Мичурина, дом номер девять – вот так всё сошлось – и давай стучаться. Через некоторое время к двери подошла хозяйка, и после непродолжительного общения через запертую дверь я понял, что попал не туда. Развернувшись, побрёл на вокзал, где получил окончательное подтверждение тому, что ошибся, и разъяснение, куда двигать дальше. Дождавшись

утра, сел на автобус до города Чайковский – там и находилась Воткинская ГЭС – и через непродолжительное время снова нашёл улицу Мичурина, дом девять.

Встретила меня мать, которую я помнил плохо. Она очень изменилась: поседела и погрузнела. Тут же была моя вторая бабушка – Дуся; к обеду подошёл муж матери и теперь мой отчим Георгий Афанасьевич, а затем и брат Юра: он работал водителем на строительстве Саратовской ГЭС и к матери приехал на новогодние праздники.

Юра рассказал, как там, на строительстве, он однажды прямо на машине свалился в шлюз, только чудом не получив ни одной травмы.

Вскоре подошла Валентина, сводная сестра моей матери. Затем появились Толик со Светкой – это уже мои младшие брат и сестра – дети от Георгия Афанасьевича.

На следующее утро я проснулся от громкого шёпота, открыл глаза и увидел двух девчонок лет семи-восьми: одна – моя сестра Светлана, другая, видимо, её подруга. О чём они шептались, было непонятно, разобрал только слова «мой брат». Чтобы не спугнуть их, я попытался притвориться спящим, но поздно: обнаружив, что я их заметил, девчонки тут же со смехом убежали. Так состоялось моё первое знакомство с будущей женой.

Гостил я неделю, перезнакомился со всей роднёй, живущей в Чайковском, а часть просто восстановил в памяти. Отпуск заканчивался, пора было возвращаться. Мы проводили

Юрку в Саратов – достраивать электростанцию, а затем и я отбыл восвояси.

Расстались тепло. Перед отъездом мама очень просила, чтобы я хоть изредка писал ей, чего я себе представить не мог, ведь в моей короткой жизни мне ни разу не приходилось этого делать.

Через сутки я уже был в Свердловске, а затем и дома.

А некоторое время спустя по почте пришла посылка. Из Чайковского. Подарок от мамы и Георгия Афанасьевича – первый в жизни костюм. Сфотографировался и карточку послал маме.

Боксирующий тренер

А жизнь, меж тем, продолжалась. Ещё при поступлении в училище я характеризовался как спортсмен, да и вообще, мне очень хотелось продолжить заниматься боксом. В училище представление об этом виде спорта, кроме меня, имели два человека: мой друг Юрий Лебёдкин и Алексей Матющенко. Юра, заканчивая седьмой класс в городе Верхняя Пышма, посетил несколько тренировок, а если по существу, то кулаки сжимать мог, но не более. Алексей – высокий, симпатичный и очень доброжелательный парень – тоже когда-то немного занимался этим видом спорта, но заболевание туберкулёзом не позволило ему сделать боксёрскую карьеру. У Лёхи были удалены две доли правого лёгкого, о чём свидетельствовал огромный шрам на спине. Он был очень одарённым человеком: прекрасно играл на аккордеоне, трубе, кларнете. Учился Матющенко в группе электриков, но его специальность и стажировка проходили по программе КИП и автоматика. До моего появления в училище Алексей уже пытался организовать секцию бокса, а после нашего с ним знакомства передал эту эстафету мне.

Сам я, хоть и не имел никакого опыта: шесть месяцев занятий и два выигранных боя опытом не назовёшь – рьяно взялся за дело. К тому же преподаватель физкультуры Кормин Владимир Петрович, которому для поддержания авто-

ритета училища ещё одна спортивная секция – их в училище работало несколько – была весьма кстати, активно подержал мои устремления.

Всё, чему научился у Вениамина Молостова, я старался передать ребятам, посещавшим тренировки, и результат не замедлил сказаться: уже зимой мы заявили на первенство района почти полной командой, не хватало только тяжёлого веса. Это было впервые, это было событие, это была сенсация! Верхне-Туринское ремесленное училище №50 тоже выставило почти полную команду. Но фаворитом турнира, конечно, была Кушва – Гороблагодатский рудник, где тренировал Николай Жёлобов – бывший матрос и, в юности, неплохой боксёр.

Для первого раза мы выступили неплохо. Несколько наших выиграла первенство района, кое-кто проиграл, не без этого, но в целом, для первого раза, мы были на высоте!

В феврале шестьдесят второго в Кушве проходили соревнования по боксу на первенство города. РУ №13 тоже выставило свою команду. 23 февраля в газете «Кушвинский рабочий» был опубликован краткий обзор этих соревнований.

Я выиграл у одного из любимцев Жёлобова – Володи Курбатова. Бой был трудным: Володя оказался упорным парнем. Он много наполучал, но выстоял все три раунда.

После этого понеслось: соревнования в Верхней Туре, товарищеская встреча с командой РУ №50, первенство Нижне-Туринского района, где выступали команды Качканара,

Нижней Туры, закрытой зоны «Свердловск-45», РУ №50.

Отвлекаясь, скажу: с командой РУ №50 нас связывали особые отношения. Мы, можно сказать, принадлежали к одной боксёрской школе: тренеры обеих команд были воспитанниками Вениамина Молостова и, соответственно, учили ребят тому, что умели сами. Боксёры из РУ №50 были теперь нашими постоянными соперниками и, по совместительству, друзьями.

Так вот, за весь период этих соревнований я, как боксирующий тренер, не проиграл ни одного боя. Росло количество боёв, накапливался опыт, и хоть я не достиг ещё юношеского возраста – шестнадцать лет – иногда встречался в ринге с более взрослыми соперниками и выигрывал у них.

Так на товарищеской встрече с командой Нижней Туры Молостов предложил мне отбоксировать с Вениамином Поповым, боксёром вполне зрелым и намного старше меня. И я выиграл. После боя Молостов подошёл ко мне и сказал, что такой прыти он от меня не ожидал. Да мы и в командном зачёте ободрали его учеников, что, конечно, было для Вениамина сюрпризом. Мои ребята оказались на голову выше его подопечных!

Перед началом летних каникул в училище прислали «Положение о проведении областных соревнований по боксу среди юношей общества «Трудовые резервы». Соревнования проводились в Свердловске на базе училища №1, которое готовило рабочих для Уралмашзавода. Впоследствии жизнь

ещё свяжет меня с этим училищем: я буду готовить две группы электриков, читать им лекции по электротехнике и спецтехнологии. Туда же поступит мой старший сын. Но всё это гораздо позже. А пока мы стали обдумывать, как скомплектовать команду.

В своём весе я был намного сильнее ребят, которых тренировал, но знал, что не буду допущен к соревнованиям по возрасту. Выход нашли, исправив в свидетельстве о рождении 1946 на 1945, благо на Руси умельцев да «светлых голов» даже среди несовершеннолетних всегда хватало. А вот что делать с Лёшей Матющенко: с оперированным лёгким и шрамом во всю спину? Мы понимали, что по медицинским показаниям его не позволят включить в заявку. А Лёша очень хотел выступать! Придумали вариант: в заявку его не включили, но в конце списка оставили место, и когда документ был подписан и скреплён печатью, аккуратно вписали Лёху. Владимир Петрович, учитель физкультуры, которого уполномочили сопровождать команду, был в курсе наших проделок, но закрыл на это глаза.

По прибытии нас расселили в помещении Машиностроительного техникума, рядом с училищем. Наши друзья и соперники из РУ №50 разместились тут же. К ним в комнату попал Володя Тимофеев из Краснотурьинска.

На следующий день, после взвешивания и жеребьёвки, начались соревнования. Нужно отметить, что участников было очень много, почти все ремесленные училища выставили

свои команды, но фаворитами были свердловчане – техникум №1, серовцы и каменск-уральцы. И эта тенденция сохранялась многие годы.

Не буду расписывать, как проходило это мероприятие, отмечу только, что мы и верхне-туринцы пролетели в одну калитку: ни одного призового места не завоевали. Я проиграл свой первый бой Виктору Кокшарову из первого училища, которого тренировал Владимир Кириллович Попырин.

А вот Володя Тимофеев все свои бои закончил досрочно. Секундировал его Гриша Заппаров. Он привёз команду серовцев, а так как Краснотурьинск находится рядом с Серовым, Заппаров отлично знал и Вовку, и его тренера. На соревнованиях мы увидели такой уровень подготовки, достичь которого за шесть месяцев просто невозможно – нужны годы упорных тренировок. Но главное: мы все перезнакомились и быстро сошлись на почве любви к боксу. Домой уезжали вместе.

Так закончился первый год моего пребывания в РУ№13. Для меня, простого деревенского парня, он оказался очень насыщенным. Появилось много друзей, состоялось немало соревнований, где завелась масса новых знакомств. В училище я был на очень хорошем счету. Но одним из основных событий этого года была, конечно, встреча с матерью.

Осенняя страда или осенние страдания. 1962 год

Летом я помог отцу справиться с сенокосом, а в сентябре вся группа снова собралась в училище. С ходу получили пренеприятнейшее известие: нашего мастера призвали на военные сборы. Стало тоскливо: очень уж уважали мы нашего Бориса Александровича. Тут же принялись высказывать предположения о том, кто будет его замещать.

Вечером собрались и постановили, что это событие необходимо как-то отметить. В любом коллективе существует костяк – группа наиболее активных товарищей. Был такой и у нас, человек восемь. После учёбы мы сбросились, купили вина и прямым ходом отправились провожать нашего мастера на сборы. Жил Борис Александрович в просторном бревенчатом доме. Дружно ввалившись в комнату, мы обалдели: за большим столом сидели Борис, его друзья и родственники, мастер, которому он передавал группу и – самое неожиданное – старший мастер училища. Его мы довольно сильно побаивались.

Вдруг в сумке гулко звякнули бутылки, и мастера поняли, что выпускать нас нельзя: напьёмся. А это будет пятно на всё училище. В целях безопасности и сохранения репутации учебного заведения нас пригласили за стол. Старший мастер,

покачивая головой со словами: «Ну и ребята у тебя, Боря», – разрешил налить и нам.

Посидели недолго, Борис пошёл нас провожать. Прощаясь, отозвал меня в сторону, обнял, а потом сделал небольшое внушение по поводу произошедшего и попросил, чтоб ничего подобного, пока он находится на сборах, не было, чтобы дисциплина в группе была на высоте. Знал бы он, что произойдёт в его отсутствие – попросил бы отсрочку...

Однажды ребята, которые жили в Кушве, привезли из дома яблоки и, как водится, всех угостили. Яблок было много, и были они явно не уральские. На вопрос «откуда?» парни, не запираясь, ответили, что с поезда. Оказалось, всё очень просто! Сейчас осень, дары юга: фрукты и арбузы – везут на Урал вагонами. Узнать такие вагоны несложно: вентиляционные окна в них забиты деревянными решётками. По каркасу вагона добираться до такого окна, берёшься за козырёк крыши, ногой выбиваешь решётку и ныряешь в вагон. А дальше только успевайте – ловите груши, яблоки, арбузы...

Постановили: в следующее воскресенье домой не едем, а идём страдовать – так мы называли это мероприятие. Наметили и объекты: станции Нижний-Тагил-Сортировочная, по-другому Смычка, и Горо-Благодатская.

В воскресенье вечером собрались на станции. Первая вечерняя электричка уходила в сторону Нижнего Тагила, поэтому и выбрали для почина Сортировку Нижнего Тагила. Когда прибыли на место, уже совсем стемнело. Заранее до-

говорившись о том, что в случае каких-то непредвиденных обстоятельств встречаемся на вокзале, пошли осматривать дальние пути. Но почему-то в этот вечер на станции стояли только составы с лесом да закрытые вагоны-пульманы с задраенными окнами – деревянные решётки не попадались.

Наконец, обнаружили состав рефрижераторов и решили проверить, что же в них находится, тем более что двери вагонов были замотаны простой проволокой. Правда, проволока была опломбирована, но кто берёт в расчёт такие мелочи?

В первом вагоне оказались ящики со сливочным маслом. Посовещались и пришли к заключению, что оно нам ни к чему. Закрыв двери, с шумом и хохотом двинули дальше. И тут на нас с двух сторон, с требованием остановиться, стали наступать какие-то люди.

Ага, сейчас! Остановимся! Попадаться мы не собирались, и кинулись врассыпную...

Через некоторое время вся компания была в сборе, не хватало только Славки Бекасова. Мы ещё немного подождали его и сели на ночную электричку, которая шла в обратном направлении – в сторону Верхотурья, решив: пусть Славка добирается один, раз заблудился. Ехали шумно, не забывая, однако, следить за тем, чтоб не попасть в лапы ревизоров, ведь покупать билеты было не в наших правилах.

Выйдя на Горо-Благодатской, сразу же направились осматривать составы, но снова ничего заслуживающего внимания не нашли, только на последних путях опять стояли

рефрижераторы. Вскрыв один из вагонов, мы очумели: весь вагон был забит бочками с надписью «Пиво жигулёвское». Но эта находка была нам не по зубам!

К месту старта возвратились уже поздно ночью. Нужно было хоть немного поспать, ведь утром – на занятия, тем более, теоретические. Настроение было не очень: убить столько времени, и всё зря! Веселили лишь воспоминания о том, как ловко мы ушли от погони в Нижнем Тагиле.

Перебираясь через пути, заметили в тупике несколько крытых вагонов: то ли они были загнаны туда недавно, то ли мы просто не обратили на них внимания с вечера. Проверили и обнаружили, что у одного окна забиты деревянными решётками. Ну, наконец-то! Самого мелкого направили на разведку. Посветив фонариком, он увидел в вагоне арбузы! Чётко по технологии выбили решётку и вытащили несколько штук: жаль, много не унесёшь. На этом наш ночной рейд удачно завершился.

Вот что значит никогда не опускать руки, проявляя настойчивость и упорство в достижении цели! Если надеяться и верить, успех и удача придут к тебе! К нам, например, пришли... утром, во время занятий... точнее, за нами...

С утра в училище на линейке отсутствовал Славка, и это неприятно поразило и насторожило всех участников похода, но начался урок, и наши переживания как-то отошли на второй план. Ближе к концу урока я через окно увидел вкатившийся во двор милицейский мотоцикл с коляской. В коляс-

ке сидел Славка. За рулём – человек в штатском. Мотоцикл остановился у крыльца, и оба приехавших вошли в здание. На душе снова стало тревожно. Спустя непродолжительное время меня вызвали к директору, и в дверях классной комнаты я столкнулся со Славкой. Перемолвиться с ним я не смог, но понял, что дело пахнет жареным.

Директор училища Шляхтин Игорь Александрович был прекрасной души человек! Ещё на первом году обучения он немного узнал историю нашей семьи из письма моей матери и настоял на том, чтобы я съездил к ней. Это дало мне возможность вновь обрести родных. Теперь же, открыв дверь и встретившись с ним взглядом, я понял, что ничего хорошего меня не ждёт...

Не буду пересказывать всю продолжительную беседу втроём в кабинете директора, но вышел я оттуда подавленным: в милиции Славка подробно изложил всё, что произошло на станции в Нижнем Тагиле! Хорошо ещё, что он не знал о последующем развитии событий. Кроме того, наш компаньон перечислил всех без исключения участников экспедиции. Пришлось писать объяснительные. В них мы, разумеется, умолчали о своих дальнейших подвигах. По-видимому, это нас и спасло...

Сотрудник железнодорожной милиции с пачкой объяснительных отбыл к месту службы, а нам предстояло готовиться к общему собранию училища, которое состоялось на следующий же день. Случай был серьёзный: восемь человек во

главе со старостой группы организовали набег на железную дорогу!

Из старост меня, конечно, выперли в «рядовые», причём, надо отметить, не единогласно. А вот в училище, хоть и пугали исключением, оставили. Особенно усердствовал в обличительной речи заместитель директора по политико-воспитательной работе – такая уж у него должность. Решение собрания было, как водится, заранее подготовлено, поэтому старостой выбрали Володю Игумнова. Несколько лет спустя, после призыва на военную службу, Володя играл в хоккей с мячом за Свердловский СКА, но в описываемый период отношение к нему в группе было почему-то довольно прохладным.

Через некоторое время со сборов вернулся наш мастер, Борис Александрович. Встречать его с бутылкой мы, конечно, не решились, а вот он, увидав нас, укоризненно покачал головой, отвёл меня в сторону и стал расспрашивать о том, как прошло собрание. Я, естественно, всё выложил.

– Да, это, конечно, глупость большая с твоей стороны, – сокрушённо произнёс он. – А ещё большая – с нашей. Если б я был здесь, то ни за что не дал бы тебя переизбрать: сейчас группой всё равно будешь руководить ты, а отвечать – Игумнов. Его ведь никто слушаться не будет. Дурь это!

Оглядываясь назад, скажу: это происшествие сошло нам с рук лишь потому, что не был зафиксирован факт хищения – только попытка. А иначе ждал бы нас Свято Николаевский

монастырь в Верхотурье.

Труд и трудовые резервы

В начале декабря, навещая в Нижней Туре своего первого тренера Вениамина Молостова, я узнал, что в Серове намечается первенство области по боксу спортивного общества «Труд».

В Советском Союзе спорт объединялся под флагами разных спортивных обществ, и в зависимости от того, где спортсмен учился или работал, определялось, под эгидой какого общества он будет выступать. «Труд» объединял школьников и работников промышленных предприятий. «Зенит» – работников военно-промышленного комплекса. «Урожай» – тружеников сельского хозяйства. «Локомотив» – железнодорожников. «Трудовые резервы» – учащихся РУ и ФЗО. «Спартак» – учащихся техникумов и работников ЖКХ. «Буревестник» – студентов ВУЗов. «СКА» – военно-служащих. «Динамо» – сотрудников органов внутренних дел и КГБ. Я, как учащийся РУ, состоял в спортивном обществе «Трудовые резервы».

Впрочем, это разделение было относительным и достаточно условным. Поэтому, когда для участия в соревнованиях в Серове потребовалось предъявить членский билет общества «Труд», мы с Валерой Быковым из РУ№50, который

был на год меня старше и на одну весовую категорию тяжелее, заплатили взносы и получили новенькие членские билеты спортивного общества «Труд». Вениамин принял решение взять только нас двоих, как наиболее подготовленных, а остальных для выступления на областном уровне даже не рассматривал.

В Серове после прохождения мандатной комиссии нас разместили в гостинице Metallургического завода. Вечером в коридоре гостиницы я неожиданно встретил Володю Тимофеева, с ним был Валя Рудаков, боксёр из Серова. Оба к тому времени уже стали чемпионами области по обществу «Трудовые резервы». Спросив Володю, будет ли он боксировать на соревнованиях, узнал, что не будет, так как продолжает выступать за «Трудовые резервы», а вот Рудаков – тот да, и как раз в моём весе. Он покинул «Трудовые резервы» и перешёл в «Труд». Это был сюрприз: Рудака я знал, правда, шапочно, ещё по Свердловску, где он, как и Володя, стал первым в своём весе.

Володя познакомил нас. Тогда я, конечно, не подозревал, что это знакомство станет важной вехой в моей жизни.

А пока готовился к встрече с Бренером, боксёром из Каменск-Уральского. Он выше меня ростом, очень подвижен. К сожалению, выяснилось данное обстоятельство только в ходе боя, когда противник уже расправлялся со мной. Проиграл я по очкам, и это было второе моё поражение.

Валера Быков в первый день отдыхал – так выпал жребий

– а во второй так же, как и я, проиграл. Можно было собираться домой, но мы решили посмотреть финал, благо, из гостиницы нас никто не гнал, да и талоны на питание были выданы сразу на весь период. В финале «мой обидчик» встретился с Рудаком и проиграл ему, как говорят в боксе, в одну калитку: во втором раунде даже побывал в тяжёлом нокдауне. Короче, без вариантов!

Стоит отметить ещё один бой: серовец Женя Собянин против свердловчанина Юрия Шемолдаева. Шемолдаев – очень техничный боксёр, любимец Арона Фридмана, который на тот момент был главным судьёй соревнований. Женя – очень ударный: попасть под его кулаки и выстоять не каждому было дано. Шемолдаев тоже оказался в нокдауне, да и вообще нахватал прилично, но победу, тем не менее, отдали именно ему – благодаря Фридману.

Разве думал я тогда, что когда-нибудь Женя Собянин станет моим основным соперником...

Завершающим этапом соревнований был показательный бой между Алексеем Кабановым из Красноуральска – братом Володи Тимофеева и Валерой Боровиковым. Валерка только что демобилизовался из Армии. Первый мастер спорта в Серове! У Лёхи регалий поменьше. Оба недавно выступали на первенстве Советского Союза войск ПВО, и оба стали серебряными призёрами этих соревнований. В финале Боровик проиграл Олегу Григорьеву, правда, специалисты ставили большой знак вопроса по поводу этого проигрыша.

Дело в том, что имя олимпийского чемпиона заслуженного мастера спорта Олега Григорьева золотыми буквами вписано в историю Советского бокса, и говорили, что именно его статус повлиял на решение судей.

Боровик был на десять килограммов легче, чем Кабанов, и значительно ниже его ростом, но что он выделялся с Лёхой в ринге, словами не описать – это надо видеть! Сразу была заметна разница в классе!

Вечером, после завершения соревнований, поехали домой. По дороге я размышлял, как исхитриться и выступить по «Трудовым резервам»: в апреле намечались соревнования на первенство области; тем более, я учился в РУ и как бы имел такое право. Если, конечно, закрыть глаза на моё выступление по «Труду»...

Мне недавно исполнилось шестнадцать лет, я вошёл в юношескую возрастную группу, и мне очень хотелось принять участие в этих соревнованиях!..

В училище в основном нажимали на практику: вся группа была распределена по цехам и участкам завода, а мне поручили организовать бригаду из пяти человек по выпуску двигателей-киловаттников для предприятий сельского хозяйства. План установили: сто штук в месяц. Больше – можно, меньше – нет. Мы должны были выполнять все работы, что называется, «под ключ»: сверление и нарезание резьбы в корпусах, сборка железа в статоры и прочее, заканчивая сборкой и испытанием двигателя на испытательной станции,

его покраской и консервацией. Только обмотку закладывала бригада девочек из группы электриков – они целенаправленно обучались этой специальности. Пропитка после завершения обмотки лежала тоже на нас.

Работали мы здорово. Перерыв был только один, обеденный, время которого я легко определял без часов: начиналась сильнейшая изжога – последствие отравления брагой. Вообще-то ещё летом, после обследования, мне была обещана где-то ближе к зиме лечебная путёвка в Кисловодск или Пятигорск. Но после нашего страдания на железной дороге об этом не могло быть и речи. После обеда изжога проходила – так я спасался от болей в животе.

В первый же месяц план мы перевыполнили – наш мастер был очень доволен!

Впереди маячил выпуск группы. Все, кто проходил стажировку в цехах, были обеспечены рабочими местами – для того нас и готовили; вырваться куда-то на сторону было крайне затруднительно, требовалась веская причина. Причину мы с бабушкой нашли: взяли справку с лесоучастка о том, что проживаем вдвоём, и ей, вследствие преклонного возраста, а бабуле было тогда без малого восемьдесят лет, требуются присмотр и уход. Лесоучасток же брал на себя обязательство по моему трудоустройству.

Вот такой документ, как сказали бы сейчас, отмазка. Остаться в посёлке Баранчинский мне очень не хотелось: манили другие перспективы.

В это время домой на Платину я приезжал не каждую неделю: во-первых, началась подготовка к выпускному, а заниматься этим можно было только в выходные; во-вторых, мои друзья-земляки уже окончили обучение, и ездить одному было скучно! То ли дело, когда мы вчетвером летели на станцию и, не дожидаясь вечерней электрички, садились на какой-нибудь товарняк, благо, на каждом из них были вагоны с так называемыми переходными площадками, предназначенными для сопровождающих или охранников, если груз был ценный. Вот на такой площадке мы и добирались до Платины. Если поезд не останавливался на станции, а это сразу было понятно по режиму движения – спрыгивали на ходу. Перед станцией дорога шла в гору, и гружёный состав обычно сбрасывал скорость, набирая её за станцией, при спуске с горы. И вот тут важно было не прозевать и не упустить время. Мы, как десант, вываливались друг за другом по ходу поезда, делали два-три шага, успевали сгруппироваться, сделать сальто, и нас бросало на землю, зачастую прямо в кусты, которые росли вдоль полотна железной дороги. Не успел, не сгруппировался, растянулся – всё пузо и руки будут расцарапаны о бровку.

Выпускной. После бала. 1963 год

Итак, подготовка к выпускному. Сбросившись всей группой – в это время мы уже получали небольшую зарплату – несколько человек с двумя большими сумками отправились в Нижний Тагил. Купить то, что мы наметили, в Баранчинском было практически невозможно, да и сохранить наши приготовления в тайне – тоже. А вот в Нижнем Тагиле, где в те годы была ситуация «как повезёт», шанс всё же имелся. После нескольких ездов затарились под завязку. Всё изобилие предстоящего праздника складировали в комнате физрука, в его шкафах, предназначавшихся для спортивного инвентаря. Есть, оказывается, такой вид спорта – литробол. Туда же мелкими партиями перетащили два ящика пива – огромный для того времени дефицит – предназначавшегося для утренней поправки здоровья.

Так как выпускные вечера проводились не первый год, Администрация училища, зная, что пьянки не избежать, делала всё возможное для того, чтобы минимизировать риски и взять это мероприятие под свой контроль, видимо, действуя по принципу: не можешь помешать – возглавь. С этой целью вечера проводились в столовой училища, под присмотром педагогов.

После завершения сдачи всех выпускных экзаменов я был приглашён к директору училища. Игорь Александрович по-

нимал, что не новый староста, а я контролирую ситуацию, поэтому попытался узнать, насколько серьёзно мы подзарядились: хотел разнести объём купленного спиртного на количество участников банкета. Каюсь, большую часть купленного я утаил, но и того, что озвучил, хватило с лихвой – Игорь Александрович попросил спиртное убавить.

На выпускной прибыла вся группа в полном составе, наши девчата, а также та бригада, вместе с которой мы выполняли и перевыполняли план выпуска электродвигателей. Не забыли мы и поваров, которые готовили банкет. И, конечно, нашего учителя физкультуры Кормина Владимира Петровича: два года вместе с ним мы выигрывали многие соревнования, не только по боксу, но и по лыжам и лёгкой атлетике. Борис пригласил ещё двух мастеров, чтобы держать ситуацию под контролем, а ведь он даже не догадывался, какая мина окажется на столах.

Когда сервировка была завершена, принесён и расставлен по местам наш алкогольный набор, по залу пролетел возглас удивления, что, надо признать, изрядно потешило самолюбие организаторов праздника: мы хотели всех поразить – и это нам удалось.

Не буду описывать тосты – сколько и за что поднимали – финал оказался предсказуем. Те, кто должен был следить за соблюдением норм и приличий, набрались так, что увещевать и ограничивать их приходилось тем из нас, кто был более воздержан. К концу банкета не только выпускники, но

и мастера, и повара не вязали лыка. Объяснялось всё очень просто: мы, организаторы действия, пытаюсь объять необъятное и испить одновременно из многих источников, скупили весь доступный ассортимент отечественного «Виншампанпрома». А участники мероприятия, поражённые таким изобилием и разнообразием, не могли отказать себе в удовольствии приложиться по чуть-чуть к каждой бутылке – вот и надегустировались до упора. И это притом, что большую часть запасов работники пищеблока припрятали в подсобке. В общем, вечер удался...

Уходил с праздника со своей подругой – считалось, что я её провожаю; на самом же деле девушка практически тащила провожатого на себе. По дороге меня несколько раз вырвало, а дома они с матерью принялись отпаивать кавалера нашатырём. И, знаете, помогло – рвота прекратилась.

Утром отправился получать документы, прощаться с училищем и с друзьями. Сбор был назначен в спортзале у физрука. Ребята потихоньку открывали пиво, опохмелялись. Мне не хотелось – на душе было пусто. Кто-то сказал, что меня вызывает Игорь Александрович. Нога за ногу поплёлся к нему в кабинет. Встречные знакомые улыбались и подмигивали: шила в мешке не утаишь, и наш выпускной был у всех на устах.

Зайдя к директору, увидел его печальные глаза, примостился на краешек стула и понурил голову. Удивительно, но Игорь Александрович меня почти не распекал, только уко-

ризенно сказал: «А ведь я просил тебя уменьшить количество спиртного». Было ясно, что он до сих пор не знает об истинных масштабах мероприятия: ни поварам, ни мастерам не было смысла озвучивать эту информацию, но по их внешнему виду любой бы понял, что погуляли на славу.

Когда я встал, собираясь идти, Игорь Александрович остановил меня:

– погоди уходить, – сказал он. – Может, ты передумаешь и останешься в училище мастером?

Дело в том, что за последние месяцы практики наша небольшая бригада собрала столько двигателей, сколько никто из наших предшественников не собирал. Именно поэтому, я думаю, Игорь Александрович и сделал такое предложение: он не сомневался в моих организаторских способностях, хоть и не всегда к месту применяемых. Предлагая мне остаться, директор хотел решить вопрос выпуска изделий, которые производили в училище – это были не только двигатели – поручив этот участок мне. Но я отказался – манили другие перспективы.

Учёба в РУ№13 закончилась, ребята трудоустроивались по рабочим местам. Прощай, училище, спасибо за полученную специальность! Спасибо учителям и мастерам! Начинается новая жизнь, в которой, как мне казалось, всё зависит только от меня!

И снова Платина. Предложение, от которого я не смог отказаться. 1963 год

Отдохнув несколько дней, я устроился электриком на Платинский лесоучасток, где уже работали два электрика: пожилой Леонид Кузнецов и Вася Пестриков, средних лет. Вот под команду Васи меня и направили. Кстати, именно из-за него я и пошёл учиться на электрослесаря: мой отец был неравнодушен к успешному Васе, который зарабатывал весьма прилично для наших мест. Да и работа у него по сравнению с работой лесозаготовителей была нетяжёлой. Кроме того, Вася являлся хозяином одной из самых богатых усадеб на Платине. Учитывая всё это, отец и сагитировал меня поступать на специальность электрослесаря, ведь в этом слове присутствовал корень «электро». Тот факт, что Васина жена работала продавцом в магазине, отец почему-то в расчёт не принимал.

Нашей небольшой бригаде поручили менять провода на столбах: обыкновенные стальные – на многожильные алюминиевые. Потребность в электроэнергии росла – росла и нагрузка на провода.

С работой я справлялся, но всё время помнил о том, что скоро начинаются областные соревнования по боксу спор-

тивного общества «Трудовые резервы», поэтому, однажды взяв отпуск за свой счёт, поехал в училище. Там в течение одного дня оформили с Владимиром Петровичем заявку, поставили все печати, продлили ученический билет, и я отбыл в Свердловск. В этом случае интересы училища и мои полностью совпали: я очень хотел выступить, а училищу за моё участие шли зачётные очки, кроме того, дорога и проживание были полностью за мой счёт.

В Свердловск приехал рано утром. Несмотря на то, что на дворе стояла весна, было довольно морозно. Чтобы скоротать время до начала работы мандатной комиссии, сел на трамвай до ВИЗа, а оттуда – до Уралмаша. Пройдя мандатную комиссию, получил талоны на питание и проживание: в Верхнеисетске, на спортивной базе. Так как времени до начала соревнований оставалось достаточно, пообедав, отправился в кино – поспать. В кинотеатре «Темп» купил билеты на последний ряд, уселся на место и практически сразу уснул: сказалась предыдущая бессонная ночь. Как только закончился фильм – закончился и сон. Я рванул в училище.

По жеребьёвке первый бой мне выпал с боксёром-серовцем. Серов выставил команду в полном составе. Привёз её Заппаров Григорий Александрович. Вместе с ним приехал и Рудачонок, который не мог выступать на этих соревнованиях, так как перед Новым Годом выиграл область по спортивному обществу «Труд».

Прибыл из Краснотурьинска и Володя Тимофеев, кото-

рый был явным фаворитом в своём весе. Так как ещё в прошлом году он всех соперников раскатал с огромным преимуществом, в этом все отдавали предпочтение только ему. Так как на прошлых соревнованиях в Свердловске мы довольно близко сошлись, да ещё потом встречались на соревнованиях в Серове, Володя стал готовить и, соответственно, секундировать меня.

Первый раунд начался довольно спокойно, но в итоге я весьма прилично оттаскал своего противника. В перерыве, сидя в углу и внимая наставлениям Тимофея, я вдруг услышал от судьи-информатора, что снят с дальнейшего продолжения боя ввиду того, что ранее выступал за общество «Труд» в городе Серове. Вот это был сюрприз, а я-то думал, что благополучно пролез! Таки нет – Гриша Заппаров сдал меня Арону Борисовичу Фридману, который снова был главным судьёй соревнований. Не знаю, сделал бы он это, если бы его воспитанник выигрывал у меня?.. Но, так или иначе, моему побитому сопернику подняли руку, а мне пришлось в третий раз принять поражение.

Через несколько пар уже я помогал Тимофею готовиться к выходу. Секундировал его, как и год назад, Гриша. Противником был Гена Зайцев, ученик Владимира Кирилловича Попырина, руководителя секции бокса РУ№1 и одновременно главного тренера спортобщества «Трудовые резервы» по Свердловской области. И вот произошло чудо, по-другому объяснить это просто невозможно: Зайцев, который на

тот момент ничего собой не представлял, вдруг начал выигрывать, а Тимофей, который в прошлом году валил соперников в первом-втором раунде, проигрывал, практически, новичку. Так бой и закончился – проигрышем. Все: и тренеры, и болельщики – были в растерянности.

К месту дислокации, на базу, мы с Тимофеем возвращались в угнетённом состоянии.

Наутро решили, что останемся до конца соревнований – посмотрим, кто выйдет в финал: обычно боксёры, занявшие первые и вторые места, оставались на сборы и готовились к соревнованиям на первенство Центрального Совета по своему обществу. В данном случае это – первенство Советского Союза среди юношей общества «Трудовые резервы»!

Накануне финала произошёл забавный случай. После полуфинала те, кто выиграл и должен был драться завтра, поехали на базу. Остальных Женька Есаулков из команды Серова позвал на новоселье к своей сестре и её мужу, которые недавно поженились и получили квартиру в районе кинотеатра «Заря». Поехали Рудачонок, Тимофей, Толик Якушев – тоже серовец, Женя и я. Сбросившись, купили водки и дружной ватагой пожаловали в гости к молодой семье.

Встретили нас радушно! Правда, разместиться пришлось на полу, так как из мебели у молодожёнов была только вешалка, зато праздновали весело: скромность закуски компенсировалась количеством спиртного. Конечно, напились...

Уходили шумной компанией. Особенно выделялся Якушев – всё искал приключений, и нам приходилось периодически его умирять. Сели на трамвай. На подъезде к вокзалу Толик, наконец, нашёл себе партнёра – такого же пьяного и неугомонного. Со скандалом вывалившись из вагона, Рыжий (Якушев) и его визави продолжили выяснять отношения на кулаках, но недолго – появилась группа крепких молодых людей, нам загнули ласты, затолкали в битком набитый автобус и повезли по улице Свердлова в сторону Центра. Рыжий и его партнёр и в автобусе не могли угомониться.

В то время в Советском Союзе существовали добровольные народные дружины и комсомольские отряды содействия милиции. Вот в штаб одного из таких оперотрядов, на улице Карла Либкнехта напротив театра Музкомедии, нас и доставили. Располагался штаб в просторном подвале.

Когда часть задержанных разогнали для опроса по двум кабинетам, оставшиеся в коридоре охранники несколько расслабились, и как-то так получилось, что Тимофей с Рудаком оказались ближе к выходу – в конце длинной очереди граждан алкоголиков, хулиганов, тунеядцев. Я шепнул парням:

– Линяйте по-тихому, – что они с успехом и исполнили.

Рыжий же попал в один из кабинетов и по пьяни начал качать права: он-де приехал на соревнования, да какое право имеют эти пацаны задерживать его – такого спокойного и выдержанного...

Короче, когда я, услышав из-за двери кабинета какой-то странный шум, собрал себя в кучу – ведь тоже был прилично пьян – и влетел туда, морда у Рыжего была вся в крови: его молотили в шесть кулаков. По-ленински выбросив вперёд руку, я, как заправский оратор, с пафосом отчеканил:

– Как вам не стыдно?! Вы чем это тут занимаетесь?! Я этого так не оставляю! – и, схватив Рыжего за шиворот, поволок его из кабинета, продолжая громко негодовать. Опричники явно растерялись, а мы, воспользовавшись их замешательством, благополучно выскочили на улицу и дали дёру.

К слову сказать, с одним из таких «блюстителей порядка» мне довелось встретиться позже – в тюрьме, где он готовился к суду за неправомерные действия в отношении граждан, задержанных комсомольцами оперотряда. Пробыл он в нашей камере недолго. Как только в руки сокамерников попало обвинительное заключение, из которого явствовало, что эти «неправомерные действия» фактически являлись развратными действиями в отношении молоденьких девчонок, «комсомольца-блюстителя» загнали под нары, где он и пребывал до выхода на прогулку. А во время прогулки кинулся к охране и попросил перевести его в другую камеру. Перевести-то, конечно, перевели, но не думаю, что ему это здорово помогло...

Но вернёмся к нашему небольшому приключению. Было уже очень поздно, троллейбусы не ходили – пришлось ловить такси. Пересчитав на заднем сидении автомобиля всю остав-

шуюся в карманах наличность, мы поняли, что расплатиться за проезд не сможем, и тогда оба, не сговариваясь, начали громко обсуждать соревнования, в которых принимали участие, решив, что водитель, узнав, с кем имеет дело, побоится затевать бучу.

Когда таксист остановил машину, Рыжий сказал:

– Держи! – и с размаху высыпал ему в руку горсть мелочи, после чего мы резко стартанули, не слишком, видимо, полагаясь на эффект от наших боксёрских историй. Вслед нам полетели отборные матюги и крики:

– Боксёры сраные.....!!! – на что Рыжий, находясь уже на безопасном расстоянии, ответил:

– Ты, давай, вали-вали, а то сейчас вернёмся..!

* * *

На следующее утро, ещё на базе, меня отвёл в сторону Гриша Заппаров и поинтересовался, как я оказался на этих соревнованиях. Я объяснил, что окончил ремесленное училище, а теперь работаю на Платинском лесоучастке. Тогда Гриша спросил, хочу ли я стать хорошим боксёром, и, конечно же, получил утвердительный ответ.

– В таком случае поступим следующим образом, – сказал он, – ты остаёшься на сборы вместе с Тимофеем – Попырин берёт тебя и его, а после сборов увольняйся и приезжай в Серов. Насчёт работы и общежития не беспокойся – обеспечим.

После этих слов я был на седьмом небе от счастья: те-

перь точно выполню «мастера спорта», а там, чем чёрт не шутит...

Посмотрев финальные бои и обсудив ночные наши подвиги, поехали на вокзал. Нужно было, не теряя времени, добраться до дому и, урегулировав все вопросы, возвращаться. В Свердловск на сборы я прибыл уже как серовец.

* * *

Тренировочный процесс был организован хорошо: тренировались мы в день два раза плюс зарядка с пробежкой по утрам. Жили в ночном профилактории «Уралмаша», а боксировали в подвале ГПТУ№1, где был оборудован боксёрский зал. Владимир Кириллович давал нам очень серьёзные нагрузки, при спаррингах менял партнёров независимо от веса.

Вспоминаю эти дни с удовольствием. Ещё больше сдружились с Тимофеем: почти всё свободное время, хоть и было его немного, проводили вместе. Кстати, на тренировках он своего бывшего противника Гену Зайцева регулярно забивал одной левой. Как Тимофей мог проиграть ему на соревнованиях, имея такой огромный разрыв в классе, непонятно. Видимо, перегорел – с боксёрами такое случается.

Первого мая шестьдесят третьего года была запущена троллейбусная линия до Уралмаша. Теперь Орджоникидзевский район соединялся с городом не только трамваем, но и троллейбусом. В то время я даже предположить не мог, что почти вся моя дальнейшая жизнь будет связана с организа-

цией троллейбусного движения в этом городе.

В сборную общества «Трудовые резервы», которая должна была выступить на первенстве РСФСР и защищать спортивную честь Свердловской области, Владимир Кириллович меня не взял, посчитав, видимо, что я не готов к соревнованиям такого уровня. Из Серова в команду попал только Петя Жернов.

В соревнованиях на первенство Центрального Совета общества «Трудовые резервы» наша область заняла всего два третьих места: это были Петя Жернов и Геннадий Кондаков из Свердловска – остальные наши земляки проиграли.

Серов и серовцы. 1963 год

После окончания сборов я вернулся на Платину, уволился с работы, собрал свои нехитрые пожитки и, распрощавшись со всеми близкими, отбыл в Серов – начинался новый период жизни.

В Серове Гриша Заппаров сразу же устроил меня в общежитие и познакомил с Васей Хановым, который поселил меня к себе в комнату. Вася тоже тренировался у Заппарова. Он только-только освободился из лагеря, где отсидел два года за хулиганство – об этом Гриша предупредил меня заранее. Вася оказался замечательным парнем. Хоть лагерь и наложил на него свой отпечаток, это не помешало нам в дальнейшем сдружиться так, что мы даже зарплату складывали в общий котёл и тратили сообща. Пройдя медкомиссию буквально за несколько дней, я устроился на Серовский Ферросплавный завод по специальности электрослесаря в электроцех и сразу же приступил к тренировкам.

Правда, затем на неделю нам пришлось их прервать. В это время в Москве проходило первенство Европы по боксу, и серовские тренеры: Заппаров, Врублевский и Боровиков поехали в Москву болеть за нашу сборную. В тот шестьдесят третий год все газеты страны отметились статьёй «Сборная

Советского Союза против сборной Европы». Действительно, такого триумфа советского бокса не было никогда: в финале за первое, второе места должны были драться десять советских боксёров! Прошло уже более пятидесяти лет, а эти имена впечатались в мою память навечно: Виктор Быстров, Борис Лагутин, Олег Григорьев, Станислав Степашкин, Рикардас Тамулис, Валерий Попенченко, Борис Никаноров, Андрей Абрамов, Алоис Туминыйш, Дан Позняк, Алексей Киселёв. Можно сказать, что сборная Советского Союза разгромила тогда сборную Европы.

Но ещё одно событие осталось в памяти навечно – то, что на этих соревнованиях присутствовал Джексон. Тогда в Союзе только что вышла книга Георгия Свиридова «Джексон остаётся в России» – про американского боксёра-профессионала, чемпиона мира в среднем весе, который по стечению обстоятельств в начале Первой Мировой войны вынужден был остаться в России, а, точнее, в Узбекистане и впоследствии много сделал для развития бокса в Средней Азии. Он воспитал многих талантливых боксёров, и один из них – Руффат Рискиев.

На этих соревнованиях Валера Боровиков подошёл к Джексону и попросил поставить автограф на книгу. Целиком надпись я не запомнил, а вот слова «Нас сдружил бокс» и подпись «Джексон» помню хорошо.

После возвращения наставников из Москвы тренировки возобновились. Гриша гонял нас так, что и спустя пятьдесят

лет я не могу вспоминать об этом без дрожи в теле. Запаров очень быстро выявил мои слабые места, мы начали над ними работать, и результат не замедлил сказаться: первенство города Серова летом 1963 года я выиграл очень легко, как и соревнования в Первоуральске, Краснотурьинске, Североуральске.

В Североуральск мы приехали на товарищескую встречу по приглашению тренера Барыкина. После взвешивания и разбивки на пары я увидел перед своей фамилией фамилию «Рудаков». Сердце тревожно сжалось: выиграть у Рудаков мне в то время было очень непросто. Просмотрев весь список до конца, я обнаружил ещё одного Рудакова.

Много лет спустя, когда боксировал уже мой сын Олежка, на одном из соревнований ко мне подошёл тренер из Североуральска Вася Рудаков – он заменил Барыкина после его смерти. В разговоре выяснилось, что это именно с ним мы тогда боксировали. И я выиграл. А наше сегодняшнее повторное знакомство произошло потому, что после боя Вася спросил Олега о том, кто его отец и боксировал ли он за Серов. В ответ на это Олег и подвёл Васю Рудакова ко мне.

Ещё по приезду в Серов Гриша познакомил меня с Феликсом Мулякиным, будущим директором Центрального стадиона в Свердловске. В то время он заведовал отделом физкультуры и спорта при Горисполкоме Серова. Вдвоём с Гришей они провели со мной соответствующий инструктаж. Про то, что район «Первый разъезд», где находится обще-

житие, сложный, криминальный, недавно здесь была выловлена и осуждена банда «Шлакоблок», члены которой занимались грабежами и разбоем. Своё странное название банда получила после того, как одного из потерпевших огрели по голове шлакоблоком. Про то, что я не должен ввязываться ни в какие драки, чтоб не пришлось им потом меня отмазывать, как Рудакова. Об этом случае я даже не слышал, но для пущей убедительности покивал головой.

Когда мы вышли из кабинета, я спросил у Гриши, что же такое произошло с Рудаковым, что его пришлось отмазывать на таком высоком уровне? Гриша рассказал мне следующее.

На дне рождения подруги Рудака Ольги Покрасс собралось довольно много молодёжи, а вот спиртного, как часто случается, не хватило, и Вальку вместе с одной из девиц отравили в магазин. Выйдя с покупками из магазина, они увидели, как двое здоровых парней окучивают одного. Рудак не смог сдержаться и спросил:

– Ребята, не стыдно вдвоём одного дубасить?

Не смотря на то, что вопрос был чисто риторический, ему всё же ответили:

– Ты, сопляк, чеши отсюда, пока тебе не попало...

А надо сказать, что Валька в свои семнадцать лет и при весе в пятьдесят четыре килограмма действительно выглядел не особо впечатляюще. Он повернулся к своей спутнице со словами:

– Ну-ка, поддержи сумку, – после чего ударил одного из

двоих чётко по бороде – так у нас в боксе называют подбородок. Того как ветром смело, за ним на земле оказался и второй. Для закрепления результата Валька обоих уложил на землю ещё по разу – после того, как они поднялись. Затем взял у своей спутницы Нины Лестовой сумку и спокойно отвалил по адресу.

В Серове это происшествие вызвало огромный резонанс: город небольшой, парней все знали – это были бывшие хоккеисты серовского «Металлурга», в настоящее время выступающие за свердловский «Спартак» (в дальнейшем – «Автомобилист»). Парни приехали домой в отпуск. Они даже в дурном сне не могли себе представить, что их, двоих здоровенных лбов, сможет за одну-полторы минуты уложить какой-то пацан! Да ещё по два раза!

Силу Валькиных ударов я не раз испытывал на себе во время тренировок, и скажу откровенно: «Противникам его я не завидовал!» Они же после этого случая и дальнейших разборок в Спорткомитете прониклись к Рудачонку самыми тёплыми чувствами, и теперь нам с ним был постоянно гарантирован бесплатный вход на танцплощадку – проводили новые друзья.

Аналогичный случай, только с меньшим количеством участников, я наблюдал сам летом шестьдесят четвёртого. Как-то, возвращаясь с тренировки, мы перебежали через дорогу. Валька замешкался и чуть не угодил под проезжавшее такси – водитель едва успел затормозить. С водительского

места выскочил здоровенный детина, схватил Рудака за шею, задрал ему на голову рубашку и давай дубасить по голой спине. Мы, ещё не успев толком понять, что происходит, в недоумении и растерянности остановились на другой стороне дороги. Тут послышался Валькин голос: «Дядя, ты рубашку-то отпусти, что ты делаешь»... Дитина на мгновение выпустил рубашку и в ту же секунду получил такой удар в челюсть, что кулём завалился на капот автомобиля. После этого Рудак спокойно перешёл дорогу, а водитель, опираясь о крыло машины, добрался до своего места, пал на него и ещё долго сидел, видимо, приходя в себя. Вот такую плюху можно было получить от Рудака, если проморгаешь. Недаром почти половину боёв он заканчивал досрочно.

Всё лето 1963 года мы упорно тренировались и ездили на соревнования, в основном, по приглашениям – на так называемые товарищеские встречи. Календарных соревнований не проводилось, зато все проходившие боксёрские состязания освещались в местной газете, кажется, «Серовский рабочий», и мы постепенно становились известными в городе личностями.

Последнее календарное соревнование – командное первенство области – намечалось на декабрь месяц. В нём могли участвовать команды всех спортивных обществ области. Боксировали команда на команду, и победители продвигались к финалу. Таким образом, в декабре мы прибыли в Свердловск объединённой командой Ферросплавного и Ме-

таллургического заводов города Серова от спортобщества «Труд». Разместились на верхних этажах гостиницы «Ис-еть». Это было очень удобно, так как соревнования проходили в спортзале СКА на территории Городка Чекистов.

Следом за мной в этот же день прикатила бабушка: ей очень хотелось повидать нашего Юрку, который в это время был призван в армию и проходил службу в Свердловске. Его воинская часть располагалась на Пионерском Посёлке. После взвешивания у нас оставалась уйма свободного времени – соревнования начинались вечером. Отпросившись у Гриши, я забрал бабушку от тёти Физы, у которой она, как всегда, остановилась, и мы поехали вызволять Юрку из армейского плена.

Увидев мою старенькую маленькую бабулю, командование части растрогалось и отпустило нашего балбеса на два часа – так через много лет состоялась встреча бабушки с внуком, которого она выходила и в прямом смысле слова поставила на ноги. Мы посидели в каком-то кафе, поговорили и проводили Юрку обратно в часть. Я пригласил его на соревнования, сообщил время и место их проведения. Забегая вперёд, скажу: прийти он не смог – не отпустили...

Ремарка. Юрка служил три года – так в то время полагалось. За три года он написал матери три письма. Письмо первое: у меня всё хорошо, здоров; пришли денег. Письмо второе: у меня всё хорошо, здоров; пришли денег. Письмо третье: у меня всё хорошо, здоров; пришли денег. Вот такой

это был писатель, просто Лев Толстой: за три года ровно три тома – по одному на год...

Проводив бабулю, я отправился к месту дислокации.

Всего на первенство области было выставлено четыре команды: наш «Труд», «Буревестник» УПИ, «Локомотив» железной дороги и «Динамо» милиции. По жребию первая встреча нам выпала с командой УПИ, которая всегда была очень сильной. Тренировал её Волков Александр Митрофанович, за свою жизнь подготовивший очень многих мастеров и чемпионов. В своё время я мечтал попасть к нему в команду и даже имел рекомендательное письмо, но не срослось – жизнь повернула по-другому.

Вечером в спортзале все кинулись к списку состава пар, который в те времена формировался не так, как теперь: каждый участник соревнований сообщал судейской коллегии все свои основные подвиги – то есть выигранные соревнования – и все они вносились против соответствующих фамилий. Поэтому, прочитав «послужной список» своего противника, ты мог составить определённое мнение об его опыте и классе. В этот же раз Гриша почему-то не дал нам возможности ознакомиться с достижениями наших соперников, но и так было ясно, что состав команды УПИ – очень сильный.

В этом мы смогли убедиться, когда два первых боя оказались для нас проигранными. А вот в третьем дрался Рудак, и он не оставил своему противнику ни одного шанса: только окончание поединка и гонг спасли того от нокаута. Но в тя-

жёллом нокдауне Валькин соперник всё же побывал.

Мой выход был следующим. Войдя в ринг, я увидел в противоположном углу сухого темноволосого парня, выше меня ростом. Прозвучал гонг. После первых же ударов стало ясно, что противник достаточно опытный, но и меня Гриша за прошедшие полгода натаскал довольно прилично. В общем, первый раунд я выиграл, и неплохо. После первого раунда пошло объявление моих спортивных достижений – их пока было немного: первенство городов Нижняя Тура, Верхняя Тура, Кушва и, конечно, Серов, а также немалое количество товарищеских встреч.

Второй раунд я начал более активно и закончил с большим преимуществом: в меня словно бес вселился. К тому же, в перерыве я увидел у ринга своего первого тренера Вениамина Молостова – он тоже приехал посмотреть эти соревнования. После второго раунда начали перечислять регалии моего противника. Когда объявили, что он является двукратным призёром Казахской ССР и тренировался под руководством самого Джексона, я понял, почему Гриша не подпустил нас к спискам состава пар: сильное волнение, мандраж – вот недостаток, из-за которого я мог просто «перегореть» перед боем и проиграть. Ведь точно так произошло с Володиёвым Тимофеевым, когда он уступил на первенстве области Гене Зайцеву, которого на тренировках просто избивал.

Но теперь эта информация уже ничего не могла изменить: в третьем раунде я делал со своим противником всё, что хо-

тел и убедительно выиграл бой. Счёт стал: два – два. Всё решали последующие бои.

Ещё некоторое время мы шли ноздря в ноздю с соперниками, но в итоге всё же проиграли: от нашей команды не было заявлено никого в тяжёлом весе, и УПИ нас обошёл. «Локомотив» выиграл у «Динамо», поэтому на следующий день должен был встречаться с командой УПИ в боях за первое место. А нам предстояло драться за третье место с командой «Динамо». Забегая вперёд, скажу, что «Локомотив» проиграл и занял второе место, а мы – третье.

Со своим вторым противником из команды «Динамо» я расправился не менее убедительно, чем с первым.

После боёв встретился с Вениамином – он очень удивился тому, насколько я как боксёр вырос за такой короткий период. Совершенно неожиданно подошёл Попырин Владимир Кириллович. Слегка, по привычке, побряхтывая, он спросил, не хочу ли я вернуться в «Трудовые резервы», обещая всяческое участие в организации перехода, но я отказался: меня до сих пор грызла обида за то, что он не взял меня на Первенство России.

После соревнований, когда мы уже собирались, прибежал Юрка – его только что отпустили из части. Если б он знал, что встретиться снова нам будет суждено только через семь лет, убежал бы, наверное, в самоволку.

Бабушка осталась погостить у тёти Физы и Ляли, а мы с ребятами уехали в Серов встречать новый, шестьдесят чет-

вёртый, год.

1964 год

После встречи Нового Года снова начались интенсивные тренировки. Вскоре подошло первенство области по мужикам – спортсменам старше двадцати одного года – которое на этот раз проводилось в Краснотурьинске. Хотя мы с Рудаком и не могли участвовать в этих соревнованиях по возрасту: я – юноша, Валька – юниор, Гриша взял нас в эту поездку. Он вообще стремился к тому, чтоб мы проводили как можно больше боёв – набирались опыта – поэтому старался на любых соревнованиях, даже не нашего уровня, подбирать нам партнёров. Вот и в этот раз он нашёл для меня противника, у которого я спокойно выиграл. Валька же съездил туристом.

В Краснотурьинске я познакомился с очень многими боксёрами, а с некоторыми подружился навсегда. Это Миша Амелькин, который только что выиграл первенство Москвы в тяжёлом весе, Валера Карпачёв, который выиграл крупные соревнования в Японии, Толик Хасанов, Марат Абсалямов, Саша Глазырин и многие другие, яркой полосой прошедшие через мою дальнейшую жизнь.

Мы очень хотели посмотреть бой Карпачёва и Боровикова – и посмотрели. Бой был бескомпромиссным. Зарубились оба с первого раунда, безо всякой предварительной развед-

ки. Боровику было очень трудно, но бой он всё же выиграл, хоть и с небольшим преимуществом.

Комично сложился поединок между Васей Хановым и Толиком Хасановым. Васька – очень ударный боксёр, а Толик отменно работал на ногах. Весь первый раунд Хан пробежал за ним, пытаясь загнать в какой-либо угол или прижать к канатам и хорошенько отработать – всё было бесполезно! Второй раунд проходил по той же схеме: Хасан включил заднюю скорость, носился по рингу и старался отбиться от упрямого соперника только левой рукой. В середине раунда Хан бросил за ним гоняться, прошёл к себе в угол, протянул к судейскому столу левую руку в перчатке, громко и отчётливо – на весь зал – произнёс: «На х.. он мне нужен, чтоб я за ним гонялся!» В зале грянул оглушительный хохот, Васька был тут же дисквалифицирован, а победа присуждена Хасану.

Это был последний Васькин бой. Весной мы его, а затем и Игоря Быстрова проводили в армию.

Летом произошли два знаковых события.

Первое – то, что город Серов принимал у себя первенство области среди юношей спортивного общества «Труд». Готовились к нему очень тщательно: не хотелось у себя дома ударить в грязь лицом. Участников приехало очень много: в каждой весовой категории было по шестнадцать человек! Боксировать пришлось четыре дня безо всякого перерыва.

С первыми двумя соперниками я справился запросто: две победы за явным преимуществом во втором раунде говорят

сами за себя, а вот третий бой мне предстоял с Васей Миросниченко – это было посерьёзнее.

После второго дня соревнований мы, как обычно, ужинали в кафе, к которому были прикреплены. Я заметил, что мужчина, сидящий через несколько столиков от нас, как-то доброжелательно на меня посматривает. Встретившись со мной взглядом, он встал, подошёл к нашему столу и предложил познакомиться. Это был Александр Томилов – бывший боксёр, чемпион Новосибирска и Сибири. Мы разговорились. Из этого разговора я узнал, что бурная его молодость не дала Александру подняться выше, что он только недавно освободился и устроился работать на Metallургический завод. «Я смотрел всех твоих будущих противников – ты у всех выиграешь», – сказал он, и на этом мы расстались.

Бой с Васей был посложнее предыдущих, но выиграл я его уверенно, хоть и без явного преимущества. Вася ушёл с ринга подавленным: никак не думал проиграть мне, ведь когда-то он выиграл у самого Рудака, а тут наполучал по башке, и довольно много.

И вот я в финале! Но против кого?! Женя Собянин вышел в финал, довольно легко расправившись со всеми соперниками. Выиграть у Женки, который год назад побил Шемолдаева – задача не из лёгких...

Первый раунд прошёл довольно ровно, хоть небольшое преимущество и было за мной, а вот в середине второго я пропустил очень сильный удар. Судья остановил бой, наме-

реваясь отсчитать нокдаун, но я сделал удивлённые глаза и развёл руки в стороны, демонстрируя, что всё в порядке. Прозвучала команда «бокс», и я начал взвинчивать темп, понимая, что по-другому мне будет сложно. Третий раунд провёл в бешеном темпе, благо физическая подготовка у меня была просто отличной. В результате – победа. Я – чемпион области!

Пусть небольшая ступенька, но – преодолена, и теперь остаётся ждать вызова на сборы для подготовки на первенство России. Настроение просто сумасшедшее: в шести из десяти весовых категорий серовцы – первые!

На остатке плёнки в аппарате нас, победителей, фотографирует корреспондент местной газеты, и эта фотография будет опубликована в «Серовском рабочем» вместе со стихами Александра Томилова.

А история стихов такова. Некоторое время спустя судьба снова свела меня с Александром. С улыбкой пожимая мне руку, он сказал: «Помнишь, я ведь тогда говорил, что ты обязательно выиграешь?! А стихи, которые я написал для газеты, посвящаются тебе. Держи». И подал мне листочек:

Первый раунд – начался бой.

В атаку пошёл заводской горновой.

Пусть этот парень пока не солдат,

Но в борьбе, как в труде,

не отступит назад.

Две минуты схватка идёт,

Но противник назад не бежит, не сдаёт.

Силён паренёк!

Удар динамит то левой, то правой!

Прямыми бомбит –

идёт борьба за каждый квадрат.

Боксёр в бою – такой же солдат!

Вот ложной атакой – справа в живот,

А слева удара противник не ждёт.

Окончена схватка – выигран бой!

Чемпионом стал заводской горновой!

Выйдет из парня отличный солдат:

Сунется враг – сам будет не рад.

Все соревнования, запланированные на текущий период, закончились. Началась череда отпусков. Гриша уехал из города. Мой отпуск намечался на август – по графику, но я заранее купил билет на поезд до Минска: под Минском, в Пуховичах, служил Хан – Васька Ханов. За это время мы с ним очень сдружились. Писал Хан регулярно: видимо, в какой-то мере я заменял ему родных, которых у Васьки, круглого сироты, не было. Переписывался он и с одной девушкой из Серова, Томкой Симаковой, на которой после армии женился и увёз на Украину, где в то время начал работать новый завод ферросплавов. Там они и обосновались. Но это – позже.

А пока мы отдыхали от тренировок, вечерами собирались на местном Бродвее – улице Льва Толстого. С Сортировки подтягивался Вася Мирошниченко, с ним в компании все-

гда был Боря Цзю – будущий отец будущего чемпиона Мира Кости Цзю. С Первого Разъезда – я с друзьями. Ну, и центровые – Рудак со своей командой.

На дистанции 3000 метров

В один из выходных дней, прибыв к месту сбора, я не обнаружил нашей команды, и поэтому отправился на стадион, который, к моему удивлению, был забит болельщиками. Оказывается, там проводились какие-то легкоатлетические соревнования: толкание ядра, прыжки в длину и высоту, ну и, конечно, бег.

Только что прошёл забег на четыреста метров и наш Игорь Бобров с Ферросплавного выиграл свою коронную дистанцию.

Я нашёл место на трибуне и приготовился болеть за своих – соревновались спортсмены всех промышленных предприятий и даже вояки – как вдруг ко мне подлетает физрук нашего завода. Оказывается, некому бежать дистанцию три тысячи метров: почему-то не явился спортсмен, так вот, не мог бы я...

От такого предложения я рассмеялся чуть не до истерики. Как он это мыслит: я в наглаженной рубашке, в тужельках и при костюме, под которым – пусть не очень семейные, но синие сатиновые трусы:

– Ты думаешь, о чём просишь? Ведь мои яйца будут бежать впереди меня!

Физрук бросился куда-то в сторону и через некоторое время притащил плавки, трусы и две пары кед. Где он их раздобыл, с кого снял – не знаю. Когда прикинули плавки, расхохотались вместе: обе мои тощие ноги входили в одну штанину. Пришлось дополнительно надеть трусы, которые доходили мне почти до колен – вот теперь яйца точно находились в безопасности. Кеды тоже были велики и хлябали, но мы проявили смекалку и шнурками примотали их к ногам. Я выглядел как клоун и порывался стащить с себя всю эту амуницию, но физрук уговаривал:

– Владик, ты только выйди на старт и пробегии хотя бы круг! Если дальше не сможешь – сойди с дистанции. Нам это всё равно зачтётся в спартакиаде. Главное – стартуй. Я тебя уже заявил, вот, держи майку с номером, – дудел он мне в уши.

И вот объявили наш забег. К месту старта направилось не менее пятнадцати человек. Пришлось быстро врезаться в толпу, чтобы не выглядеть чучелом на фоне этих нормально экипированных спортсменов.

Оказавшись после старта в самом конце, к третьему кругу я был уже в середине группы. Мысль сойти с дистанции как-то сама собой улетучилась. К пятому кругу вся группа очень растянулась, но я упрямо держался в пятёрке первых. В шестом нас осталось только четверо, причём, два довольно высоких парня заняли лидирующее положение и бежали где-то метров на десять впереди – догнать их было нереаль-

но, а вот третье и четвёртое место я делил с кем-то из легкоатлетов. Бежали мы буквально ноздря в ноздю, постоянно меняясь местами: то он впереди, то я поддаю жару и обхожу его – процесс этот шёл непрерывно. Поскольку с двумя первыми бегунами всё было ясно, весь стадион болел теперь только за нас.

На трибунах стоял безудержный смех, видимо, по моему поводу. Действительно, странно и забавно было наблюдать среди обычно одетых спортсменов клоуна в длиннющих трусах, которые он постоянно поддёргивал, и огромных шутовских кедах, стремящегося, к тому же, не отстать от лидеров. Тем более что этот чудик, как потом выяснилось, состязался с известным в Серове легкоатлетом.

На финишную прямую я вылетел третьим – стадион орал – но перед самым финишем примерно на грудь уступил своему сопернику. Физрук был в экстазе: четвёртое место в беге на длинную дистанцию среди всех предприятий города – такого подарка он никак не ожидал. Дело в том, что в то время на Ферросплавном заводе лёгкая атлетика только-только набирала силу с возвращением из армии Игоря Боброва, а тут такой успех.

Притащили откуда-то полотенце, обтёрли меня насухо, предварительно сняв такие крутые трусы и кеды. Переодевшись, пошёл искать свою контору. Они к тому времени начали подтягиваться, и кое-кто из приятелей даже успел увидеть мой финиш.

Наутро весь завод, спортивная общественность поздравляли меня с забегом, правда, лукаво при этом улыбаясь: вспоминали, наверно, мою экипировку. В то время легкоатлеты выступали в специальных трусах, и только я – в огромных «семейниках», из которых мои сухие ноги торчали как спички.

Серов – Минск и обратно. 1964 год

Через несколько дней, получив отпускные, я отправился в город-герой Минск. Точнее, этого звания город удостоился лет десять спустя. Добирался, естественно, через Москву. Бродил по столице целый день, вечером сел в поезд, а уже рано утром был на месте. Недалеко от вокзала нашёл небольшую гостиницу, без проблем получил место в двухместном номере и пошёл знакомиться с городом. В столице Белоруссии совсем недавно завершились мероприятия, связанные с празднованием двадцатилетия освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков. Видимо, поэтому и не возникло трудностей с гостиницей – участники торжеств только-только разъехались по домам.

Улицы были очень чистыми. Кругом плакаты и портреты советских маршалов: Рокоссовского, Жукова, Егорова...

Впервые в жизни попробовал зефир. С удивлением сравнивал изобилие продуктовых витрин с нашими пустыми прилавками. У нас на Урале и хлеб-то нормальный появился совсем недавно, а до этого продавали кукурузный, да и за тем выстраивались очереди. А здесь – изобилие хлебобулочных изделий!

Купил себе светло-голубой плащ, такой же, как у Володи Тимофеева. Не плащ – мечта! Где-то в центре зашёл в комиссионку, и – о, чудо – в продаже только что появил-

ся олимпийский спортивный костюм: с полосками, с молнией на курточке и притом совершенно новый. Только зелёного цвета. Видимо, какой-то спортсмен белорусской сборной сдал его на реализацию. День удался!

Утром на пригородной электричке рванул в Пуховичи. Военскую часть нашёл без труда: она дислоцировалась в городке ещё до войны, и была известна каждому жителю. Дежурный офицер очень удивился и, похоже, не поверил, что я прибыл к другу с самого Урала, но, проверив документы, сделал всё возможное, чтобы Ваське дали увольнительную. Встреча оказалась очень тёплой. Васька, хоть и получал от меня письма с уверениями в том, что я непременно приеду, был, тем не менее, ошарашен.

Мы купили бутылку портвейна, кое-какую закуску и, хоть употреблять спиртное солдатам запрещалось, в укромном уголке отпраздновали нашу встречу, а также мой прошедший день рождения: второго августа мне исполнилось восемнадцать. После разговоров по душам и взаимного обмена информацией нашли фотоателье и сфотографировались на память. Это была наша последняя встреча. Так уж сложилась судьба, что с Васькой мы больше не увиделись, хоть и верили, что это скоро произойдёт.

Вечером Хан посадил меня на поезд, и я отчалил домой. Впереди по плану было посещение Чайковского и встреча с родными.

Приняли меня там тепло. Никто даже не полагал, что я

приеду: я всё время получал приглашения, но никогда особенно не обещал.

Юрка всё ещё служил в армии, поэтому посидели очень скромно.

Следующим вечером, нарядившись, я махнул на танцы. Перед этим получил от матери предупреждение, чтоб был осторожен: местные не особо жалуют приезжих, тем более, меня здесь никто не знает. Но кто в этом возрасте слушает матерей?!

Выглядел я эффектно: чистенький, наглаженный, в гэдэровском костюмчике, буквально вчера из Европы, в себе был уверен на все сто, поэтому приглядел и пригласил на танец самую симпатичную девчонку...

Праздник закончился, так и не успев начаться: сразу после танца ко мне подвалила подвыпившая компания. Как водится, предложили выйти поговорить, а от такого предложения, как правило, не отказываются. Только мы вышли с танцплощадки, один из этих орлов попытался врезать мне безо всяких предварительных разговоров, так сказать, без объявления войны. Я ожидал подобного развития событий, поэтому, уйдя от удара, двинул ему в челюсть – противник сразу оказался на жопе. Остальные четверо очумели от такого нахальства и бросились на меня всей кодлой. Я, отступая, каждого, кто вырывался вперёд, отоваривал по морде и наращивал темп, так как они уже начали заходить с боков; но я отступал, не позволяя неприятелю окружить себя.

Поперёк дороги лежала узкая доска, грязная, расщеплённая и размочаленная колёсами машин. Один из нападавших, который уже получил свою порцию п...юлей, поднял её и, пока моё внимание и действия были прикованы к его друзьям, огрел меня поперёк спины. Доска буквально обвилась вокруг туловища, и тут я понял, что пора бежать...

Догнать меня они, конечно, не смогли, видимо, не тем спортом занимались, только сыпали вдогонку матом и угрозами.

Я тихо проник в дом, разделся, повесил свой изгвазданный костюм сушиться и неслышно прошёл на приготовленное для сна место.

Утром, увидев перепачканный костюм, мама сразу догадалась, что я попал в переплёт, поэтому пришлось всё ей рассказать.

Днём приехал мой сводный дядька – Петя, который когда-то давно, ещё в Палазной, устраивал охоту на крыс. Теперь он работал в Чайковском и жил у своей сводной сестры – моей матери – благо, дом был большой. Узнав о моих злоключениях, Петя стал настаивать на том, чтоб мы снова пошли на танцы, тем более, что я приглядел там себе девчонку:

– Увидишь, я всех их перед тобой на колени поставлю! – горячился он. Оказывается, Петя был в большом авторитете у местной шпаны, и очень хотел посмотреть на тех, кто поднял руку на его племянника. Подозреваю, что кроме этого Петя жаждал продемонстрировать мне своё влияние, да и

сам был не прочь немного поразвлечься.

Но я отказался – видать, отбили охоту – и принял решение на следующее утро ехать в Серов, аргументируя это тем, что меня могут вызвать на сборы, да и отпуска оставалось всего ничего. Я ведь работал не в горячем цехе, а в ремонтном, следовательно, и отпуск у меня был всего две недели. Попрощавшись с мамой и отчимом Георгием Афанасьевичем, на следующее утро укатил в Серов. Провожал меня Петя.

Предложение, от которого я не мог не отказаться

Наступал последний этап жизни в Серове, этап ошибок и испытаний, которые перевернули всю мою жизнь. Но, как говорится, знал бы, где упасть – соломки бы подстелил...

Вернулся из отпуска Гриша, и мы снова приступили к интенсивным тренировкам. Впереди маячили грандиозные планы: ждали вызова на сборы по подготовке к первенству России. Не дождались.

Зато намечался кросс на приз газеты «Правда» – эти соревнования были очень популярны в Советском Союзе. Они шли поэтапно: сначала в городах и районах, затем в областях и республиках, и уже потом, после отбора, проводился финал.

Организаторам нужна была массовость. Нужно отметить, что в бывшем Союзе вопросам физкультуры и спорта, поиску перспективных ребят и воспитанию своих собственных чемпионов уделялось большое внимание – негров завозить было не принято, да и неоткуда. Но свои перекосы имелись: в погоне за массовостью предприятиям выдавалась разнарядка, которую оно могло перевыполнить, но невыполнить не имело права, даже если на этом предприятии трудились

сплошь инвалиды да беременные.

Получил такую разнарядку и наш завод, а так как секция лёгкой атлетики ещё только набирала силу, пошли старым испытанным путём: каждая спортивная секция должна была выставить своих участников. Так я, Рудачонок и ещё несколько боксёров, которые резво бегали на тренировках, оказались в списках участников кросса.

Трассу разметили за городом, дистанции были разные: Бобров Игорь был заявлен на тысячу метров, а мы с Рудаком – на три тысячи. Скажу сразу: Игорь свою дистанцию выиграл. Мы стартовали за ним. Пройти нужно было три круга – такая была разметка. Один круг по пересечённой местности – один километр.

Как только дали старт, Валька сразу взял в карьер и попытался закрепиться в лидирующей группе. Мне с трудом удалось осадить его пыл: «Держись меня. Вперёд особенно не рвись, ведь там настоящие бегуны». Какой-никакой, а опыт у меня уже имелся, да и гонки за коровами по пересечённой местности были памятны. Экипировка на этот раз была в норме: ничего не нужно было поддерживать, да и кеды свои.

Первый круг мы закончили в середине группы, во втором уже подтянулись к лидерам и старались от них не отставать. Рудак всё время был рядом. Как только зашли на третий круг, я начал прибавлять и в середине дистанции вырвался вперёд. Открылось второе дыхание, я наращивал темп и на финише оторвался от преследователей не менее чем на пят-

надцать метров. Забег я выиграл.

Валька приплёлся последним. За несколько метров до финиша он упал и пополз. Так, ползком, и пересёк финишную черту. Я подбежал к нему и помог подняться. По-моему, даже глаза у него от усталости были мутные. «Владик, видишь, стоят две клюшки. Они, когда я упал, сказали: «Совсем облашадел малый. Смотри, ползёт». И всю дорогу, пока я тащил его в павильон, он повторял это снова и снова и мне, и всем, кто попадался навстречу.

После нашего забега Игорь Бобров тут же кинулся к Заппарову:

– Гриша, отдай его мне! Смотри, что он делает! – на что

Гриша ответил:

– Пожалуйста, если он пойдёт...

У меня состоялся серьёзный разговор с Игорем, но оставить бокс я не согласился: мне очень хотелось побед на ринге. Тем более, после этих побед на меня весьма заинтересованно поглядывали девицы, что крайне возбуждало и служило дополнительным стимулом для дальнейших свершений.

Сила вина безмерна.

29 октября 1964 года

Мы уже проводили в армию Ваську Ханова, Игоря Быстрова, Толика Якушева – Рыжего и многих других. Шёл осенний призыв, и теперь повестки получили Рудак и Петя Жирнов. Оба они должны были уйти в Свердловский СКА, в так называемую спортивную роту. Валька – как боксёр, а Петя – как лыжник: в последнее время он окончательно завязал с боксом, переквалифицировался и, несмотря на свой небольшой рост, добился отличных результатов. Проводы были назначены на двадцать девятое октября.

Эх, эти проводы...

Сколько раз впоследствии я просыпался ночами, восставливал в памяти всё произошедшее, пытался найти объяснение нашему безобразному поведению и не находил. Двадцать девятого октября поздно вечером собрались у Рудака. Несмотря на то, что накануне договаривались посидеть чисто мужской компанией, Петя Жернов пришёл со своей боевой подругой Людмилой Растегаевой, а Вася Мирошниченко прибыл с двумя девицами: с одной из них – фигуристой рыжеволосой шатенкой – он близко дружил уже больше месяца, другая пришла за компанию. Всего собралось человек десять-двенадцать.

После обильного и продолжительного застолья отправились по домам. Рудак пошёл нас провожать.

В темноте все как-то незаметно разбрелись: Петя со своей зазной откатил в сторону, Вася с подружкой ушли далеко вперёд. Отстали мы втроём: Валька, я и Гена Бабошин-Боша. Шли довольно шумно.

Подходя к Центру, на улице имени знаменитого террориста Каляева заметили впереди Ваську с его зазной, которая была прилично пьяна и всю дорогу висела на нём. Вдвоём они зашли в какой-то подъезд, к которому некоторое время спустя подошли и мы. Из-за двери доносились странные звуки: то ли стоны, то ли всхлипы. Все были довольно сильно пьяны, ситуация показалась нам забавной, мы с любопытством притаились у двери и стали слушать, ожидая, что будет дальше. Через некоторое время из подъезда выскочил Васька и ринулся в кусты, как выяснилось позже, спешил элементарно отлить. Заинтригованный его поспешным бегством Рудаков вошёл в неосвещённый подъезд. Там он увидел разложенную на ступеньках девицу. Её голые ноги тускло белели в темноте. Развернувшись, Валька вышел на улицу, а следом за ним выпала и Васькина зазная. Её растрёпанный вид говорил сам за себя.

И тут случилось то, чего я впоследствии не смог объяснить ни адвокату, ни прокурору, ни самому себе... Не могу понять, что на меня нашло – какая-то злость, сродни той, что накатывала, когда я видел пьяных отца с мачехой – и я

ударил её.

Кто-то попытался схватить за руку меня, кто-то – успокоить и удержать девушку; в этой суматохе она вырвалась и забежала в вестибюль расположенного поблизости общежития. А мы на автопилоте потопали дальше.

Немного погодя наша компания тоже разбрелась, остались только мы с Бошей, так как жили в одном районе, даже общежития стояли рядом.

Вот таким был наш последний вечер в Серове.

Рано утром все мы были арестованы, и нам троим: Ваське, Вальке и мне – было предъявлено обвинение в изнасиловании. Бошу не взяли, так как в поле зрения нашей потерпевшей он не попал. Его арестуют позднее – за драку – и осудят за хулиганство.

Забрали нас в течение ночи, притом, меня – под самое утро. Васю и Валентина потерпевшая назвала сразу, и за ними немедленно приехали. А вот со мной возникла незадача: девица смогла дать только описание. Среди особых примет указала зелёную олимпийку под пиджаком. Тогда один из дежурных воскликнул:

– Да я знаю, кто это! Поехали...

Незадолго до этого произошёл один курьёзный случай. Возвращаясь домой со стадиона, я увидел, как Якуш-Рыжий, воюет со своей зазнобой. Людмила, девица очень яркая и темпераментная, решительно тащит пьяного в стельку Якуша домой, а он, чем-то недовольный, вяло пытается отби-

ваться. Тогда она снимает с ноги туфлю и начинает охаживать Рыжего этой туфлей по башке. Я, конечно, как джентльмен вмешался, пытаюсь их разнять, потому что понимал, что пьяный Якушев, не рассчитав, может ударить очень сильно, но тут подъехал милицейский ГАЗик, нас погрузили и увезли в отделение.

Выпустили всех быстро, даже пьяного Якуша отдали Людке на поруки – уж очень она просила, даже всю вину взяла на себя.

Вот тогда-то, пока писали объяснения и разбирались, кто виноват, а кто прав, я и засветился в своей зелёной олимпийке.

После того, как меня поместили в камеру предварительного заключения – КПЗ – я забрался на нары и почти сразу уснул. В камере уже находились двое, но они не проявили большого любопытства к новому жильцу, только слегка приподняли головы и продолжили спать. Позже принесли завтрак – утреннюю баланду, но есть я не хотел и не мог.

Почему-то вместе с нами забрали и Петю Жернова, который даже близко к месту происшествия не подходил.

Днём начались допросы, с парней на экспертизу стянули трупы, правда, через некоторое время вернули все в дырах, видимо, брали образцы биоматериала. Меня почему-то обошли стороной. Через некоторое время мы уже знали, кто в какой камере сидит и очень удивлялись: что делает здесь Петя, которого даже на месте происшествия не было. Только

ближе к вечеру следователь, разобравшись, отпустил его домой, вручив на прощание изрезанные трусы.

Оказалось, что Петюня, провожая свою девушку, тоже уговорил её в подъезде. И только после того, как она подтвердила этот факт, его отпустили. На прощание следователь Шлыков пробурчал:

– Что за команда у вас такая – трахаетесь по подъездам! Вам что, других помещений не хватает?

В ответ на это перепуганный Петя попросил прощения и дал честное благородное слово, что больше так делать не будет, так как на днях уходит служить в Советскую Армию.

А с нами начали проводить следственные действия. Вот только до сих пор не могу понять, почему меня, в отличие от моих друзей, не возили на место преступления, не брали никаких анализов с одежды, как будто знали наверняка, что искать там нечего.

После вызова к следователю, снятия показаний и оформления протокола возвратился в камеру, залез на нары и снова уснул. Так и проспал до следующего утра.

Днём в камере появился четвёртый член нашего небольшого преступного сообщества. Пожилой, невысокого роста. По повадке чувствовалось, что казённый дом гражданин посещает не впервой.

Окинув всех присутствующих оценивающим взглядом, он расположился на соседней шконке.

Вечером двум старожилам пришла охота поиграть со

мной как с самым молодым в игры, которые особенно популярны в тюрьме, но о которых я, естественно, не имел ни малейшего представления. Почуввав в этом какой-то подвох – отказался. Тогда они попробовали меня заставить, но, получив отпор, уgomонились.

Вовка-Монгол

Моему соседу явно понравилось, что я могу за себя постоять – мы разговорились. Звали его Володя Перевалов. Я рассказал новому знакомому о своих злключениях, он подробно расспросил обо всех деталях дела, о том, что нам вменяет следствие.

– Да, Владик, тут малым сроком не отделаться: шьют вам групповуху. А вообще учти, что в большей степени всё решает следствие, даже не суд. А уж адвокаты – это вообще открытый вопрос, решают ли они хоть что-нибудь.

Вовка Монгол – такое было у него погоняло. На тот момент имел он уже семь ходок, то есть, сидел уже семь раз.

Родился Володя Перевалов в Серове, тогда это был Надеждинский завод. В школе сидел за одной партой с Анатолием Серовым. Вместе с ним в составе группы товарищей делал командный забег на лыжах по маршруту Надеждинский завод – Свердловск в честь очередного партийного праздника.

Вот такая судьба: один стал вором, а другой – лётчиком, героем Советского Союза, в честь которого и называли впоследствии город Серов.

Свою кличку Монгол получил, когда этапом пришёл из Монголии – даже там, в голой степи, были лагеря – на Колыму. Это произошло в ту пору, когда все категории заклю-

чѐнных начали сортировать по режимам в зависимости от количества и тяжести преступлений. Монголу за его многолетние подвиги полагался особо строгий режим. Таких заключѐнных стали именовать «полосатики». Володя рассказал, как этапом пришѐл на Колыму, как после бани получил новую форму. Водить полосатиков на работу полагалось только прикованными друг к другу.

– Когда нас первый раз повели на работу, – рассказывал Монгол, – нам встретилась бабка, которая гнала корову с пастбища. Бабка пала на спину и давай креститься, а корова развернулась, да как рванѐт в лес...

Монгол растолковал, чем отличаются существующие сейчас в лагерях режимы, и неожиданно признался:

– Владик, если снова дадут особый, я жить не буду: вскрою вены или повешусь. Ты не представляешь, что это такое... Мне просто не выдержать, а мучить себя весь срок... Не смогу...

Ночью я внезапно проснулся и в тусклом свете, проникавшем в камеру через решѐтку над входной дверью, увидел, что мой сосед сидит на нарах, уставившись в одну точку. Заметив краем глаза, что я поднял голову, Монгол заговорил, словно продолжая начатую беседу:

– Я ведь, Владик, решил завязать полностью, – откровенничал он. – Надоело. Семь ходок. Больше двадцати лет по тюрьмам и лагерям. Здоровья нет. На свободе – ни одной родной души, а ведь у меня уже сын мог бы быть такой, как

ты.

Лицо его дрогнуло:

– И какой впереди финиш?

Я молча вздохнул – а что тут ответишь: самого неизвестно, что ждёт.

– Как-то в компании познакомился с одной, – продолжал Монгол, – молодая, красивая. Проститутка. Сошлись быстро. Она девка хорошая, понимающая. Вот так повстречались сколько-то, я и говорю: «Знаешь, Нинка, я – вор, ты – проститутка. Давай бросим свои занятия и будем жить вместе». И знаешь, Владик, ведь всё получилось: комната у неё была, на работу устроились. Почти год жили душа в душу... – он вдруг ударил кулаком по доскам (ни матрасов, ни подушек в КПЗ не полагалось) – это Башмак, сука. Больше просто некому...

Вовку-Монгола обвиняли в краже велосипеда, а он подозревал, что кража эта – дело рук вора по кличке Башмак. В тот злополучный день они вместе пили водку, а потом Башмак куда-то слинял.

На следующий день, провожая меня в следственный изолятор Свердловска, Монгол рассказал, что такое «прописка» и как нужно себя вести, чтобы наиболее борзые обитатели камеры меня не «опустили», ибо последствия этого могли быть самые печальные.

СИЗО. СЧАСТЛИВЫЙ НОМЕР

В Свердловск в столыпинском вагоне – так назывался вагонзак – прибыли рано утром. Теперь, когда допросы окончились, мы ехали втроём в одном из отделений вагона. Сверив показания, обнаружили, как это ни странно, некоторые разночтения. Зная, что в Серов для уточнения нас привезут ещё не раз, договорились, как их нивелировать.

По приезде в следственный изолятор всех пассажиров вагона загнали в небольшой бокс, где продержали довольно продолжительное время, а затем повели в парикмахерскую, баню и на прожарку одежды. Ещё в Серове ко мне в КПЗ приезжала бедная моя бабуля, и хоть свиданку нам не дали, смогла передать необходимую одежду и забрать вещи, которые мне теперь долго ещё не понадобятся – это я уже осознал. Так сменил я гэдээровский костюмчик и туфли на телогрейку и кирзачи.

Васьки с нами уже не было: сразу по приезду в СИЗО его отделили и отправили в блок для несовершеннолетних, чтоб не набирался мудрости у старших товарищей по заточению.

В бане я обратил Валькино внимание на одного мужика. Со спины его можно было принять за юношу: рельефная мускулатура, ни капли жира; но когда поворачивался, становилось ясно, что лет ему не меньше семидесяти: всё лицо в морщинах и в обрамлении большой седой бороды.

После проведения гигиенических мероприятий: стрижки, помывки, прожарки – нас развели по камерам. Я вместе с этим стариком попал в камеру номер семьдесят семь; Валька, как потом выяснилось – в шестьдесят третью; а Васька, естественно, к малолеткам.

Мне досталось место на верхних нарах, а вот деду уступили место внизу. Дед был человеком очень интересным. Лезгин по национальности, он страшно любил играть в шашки, именно это обстоятельство нас в дальнейшем и сблизило. Я, за редким исключением, постоянно у него выигрывал, и надо было видеть, как он при этом горячился и проклинал всё на свете.

В СИЗО лезгин попал за изумруды. Оказывается, в течение стольких лет, сколько он себя помнил, дед перевозил драгоценные камни с Урала на Кавказ, где их гранили и контрабандой отправляли за границу. Связи здесь, на Урале, были давно отлажены, но его таки проследили и задержали с грузом при посадке в самолёт. « Я ещё при Сталине этим занимался! И вообще всю жизнь этим занимался! И выйду – снова буду этим заниматься!» – часто кипятился он.

В камере дед пробыл недолго, так как предназначалась она для первоходов – тех, кто был арестован впервые. Когда же следствие установило личность и послужной список нашего деда – а на это ушло несколько дней – его сразу же перевели вниз, в отделение для рецидивистов. Но я снова забегая вперед.

* * *

Итак, я попал в камеру семьдесят семь. После ужина команда старожиллов решила организовать мне «прописку» – точно так, как рассказывал Монгол. Особенно скакал и подуживал остальных один выходец с «ридной Украины» с аристократической фамилией Потоцкий – до того мерзкий тип, что даже сейчас не могу вспоминать его без отвращения. Я, чтобы выиграть время до отбоя, сперва покочевряжился, а потом согласился поучаствовать в «спортивных играх и силовых упражнениях».

Первое: перетягивание. Двое садятся на пол лицом друг к другу, упираются ступнями и, держась руками за одну горизонтальную палку, тянут её каждый на себя. Выигрывает тот, кто оторвёт противника от пола. Для затравки новичку подставляют «слабых» соперников, которых он с лёгкостью побеждает. Когда же «чемпион», упиваясь своими победами, теряет бдительность, ему подсаживают по-настоящему сильного противника. Но всё веселье заключается в том, что под задницу проигравшему новичку подставляют таз с водой, куда он под звонкий хохот зрителей и плюхается, когда соперник резко отпускает палку. Естественно, про таз с водой новичок ничего не знает.

Вот именно этот фокус у массовиков-затейников и не пролез: как только я почувствовал, что соперник перетягивает и моя задница отрывается от пола – резко разжал руки. Напарник завалился на спину, а я обернулся и кивнул на при-

готовленный таз с водой:

– Переставьте так, чтоб я видел.

Хохмы не случилось, зрителей ждало разочарование...

А этот поганец всё никак не унимался, предлагая новые и новые забавы. Поди, натерпелся в своё время, и теперь душа требовала компенсации морального вреда. Он предлагал, а я с улыбкой рассказывал о тех подвохах, которые меня ожидают. Здесь уж на повестку встал вопрос сохранения и поддержания его авторитета. В голосах Потоцкого и его шестёрки появились истерические, злые нотки, но тут в «кормушку» прогремел голос вертухая: «Отбой!» Вот с этим шутить было нельзя: невыполнение команды могло привести в карцер. Все полезли на шконки. Вслед я услышал злое шипение хохла:

– Ничего, завтра мы с тобой разберёмся!

* * *

Ночь прошла тревожно: в голову лезли дурные мысли. Уснул только под утро. После подъёма и оправки, когда вся камера томилась в ожидании завтрака, открылась дверь, и – о, чудо – на пороге возник Женька Собянин. Тот самый Женька, с которым летом мы дрались в финале на первенство области среди юношей спортивного общества «Труд»! Камера радостно загудела, оказывается, он был здесь старожилом.

Ещё в начале осени промелькнула информация о том, что Женька с кем-то крепко подрался, но того, что по этому по-

воду он находится под следствием, мы не знали и особого значения происшедшему не придали.

Все старожилы включая плюгавого Потоцкого кинулись пожимать Женьке руку, а я стоял и растерянно смотрел на него. Только и смог вымолвить: – Женья...

Женька повернул голову и бросился ко мне. Мы обнялись, а в камере вдруг стало тихо, и даже хохол скромно отвёл глаза. Как я смог всё это увидеть и осознать буквально за доли секунды – не понимаю. Видимо, все чувства в тот момент были обострены до предела.

Женья только что приехал из Серова: его этапировали для подписания статьи двести первой об окончании следствия – теперь оставалось ждать вызова в суд.

– Я ещё в Серове узнал о ваших делах, – сказал он.

На душе стало спокойнее. Поговорили: он о своём деле, я – о нашем.

– Как прошла первая ночь? – спросил Женья.

Я рассказал о том, как меня хотели прописать. Он показал пальцем на хохла – я кивнул. Женья спокойно, с улыбкой подошёл к Потоцкому, что-то тихо сказал ему на ухо – у того от страха перекосилось лицо, а Женья, как всегда с улыбкой, вернулся ко мне:

– Пусть сейчас попробуют сунуться! Владька, мы вдвоём с тобой эту кодлу быстро причешем.

Больше о прописке никто не заикнулся, обещание разделиться со мной так и осталось обещанием. А через месяц ста-

рожилом стал уже я, и уже меня тепло приветствовали и жали руки после возвращения с этапа.

* * *

Семьдесят седьмая камера отметилась ещё и тем, что в ней дожидался суда один из братьев Коровиных – фигурант резонансного уголовного дела об убийстве еврейской семьи Ахинблит. Такого город не знал на протяжении многих лет: убито семь человек, среди которых – тринадцатилетний ребёнок. Руки жертв были связаны, а горла перерезаны. После того, как о происшедшем сообщила радиостанция «Голос Америки», дело взяли на особый контроль. Преступление было раскрыто спустя две недели благодаря старшему оперуполномоченному уголовного розыска управления милиции Свердловска старшему лейтенанту милиции Николаю Калимулину, точнее, его агентурным связям. Вскоре четверо участников преступления: братья Владимир и Георгий Коровины, Герман Патрушев и Арнольд Щеголев были задержаны и осуждены к высшей мере наказания. Выяснилось, что охотились преступники за деньгами, которые тесть хозяина дома Моисей Иткин собирал на синагогу. Денег бандиты не нашли, поскольку ранее власти города в строительстве синагоги отказали, и Иткин с согласия общины раздал собранные средства малоимущим.

Правда, зэковская версия несколько отличалась от официальной милицейской: деньги преступники не нашли, так как они находились в собачьей будке, а вот облигации трёх-

процентного займа прихватили – по ним убийц и обнаружили. Кроме того, в состав преступной группы входила женщина. Она получила максимальный срок, но осталась жива.

* * *

Восемь месяцев обживал я камеру номер семьдесят семь. Периодически нас вызывали на этап, везли в Серов, уточняли какие-то детали и привозили обратно. Связано это было с тем, что Васькина подруга начала менять показания, которые каждый раз были такие разноречивые, что следователю волей-неволей приходилось этапировать нас из следственного изолятора. В то время редкие встречи на этапах были для нас самыми радостными событиями: делились новостями собственной жизни и весточками, которые получали с воли. Письма в период производства следственных действий были строжайше запрещены, но Валькина подруга Ольга каким-то образом умудрялась переправлять ему записочки через вертухаев.

Вальке приходилось тяжелее всех: к моменту его заселения в камере сформировалась группа беспредельщиков, которые всячески пытались над ним издеваться. К счастью для Вальки, продлилось это недолго: вскоре был арестован один из лидеров уралмашевской шпаны Лёва Лившиц – личность, хорошо известная не только у себя на Уралмаше, но и в городе. Вот тут беспредельщикам пришёл кирдык: Валька и Лёва быстро сошлись, и все бывшие Валькины обидчики вдруг начали перед ним заискивать. А сошлись они на почве спор-

та. В те годы на Уралмаше было много классных боксёров: Виктор Паршинцев, Борис Сафин, Саша Глазырин и много-много других, с которыми, как потом оказалось, и Валька, и Лёва были знакомы и чисто по-спортивному дружны. Так в камере произошла смена власти.

Артист погорелого театра

Расскажу про ещё один очень забавный случай, который произошёл уже в нашем «общежитии». Однажды в камеру закинули мужичка значительно старше нас. С собой он был довольно хлипок, но по повадке чувствовалось, что далеко не прост, хоть и пытается прикинуться валенком. Звали его Петя Вершинин.

Спустя несколько дней нового соседа вызвали к следователю и повторно дактилоскопировали – сняли отпечатки пальцев. Вернулся Петя угрюмо-отрешённым. Было видно, что произошедшее очень ему не понравилось. А вот когда через несколько дней его вызвали в третий раз, Петя заявился обратно с отборным матом.

Оказалось, что когда-то, очень давно, наш сосед был осуждён за грабёж и отбывал свой срок в Воркуте. И вот он – уникальный случай: с Воркуты Петя бежал. Причём, как голубь на родную помойку, воротился в милый сердцу город Свердловск, в свой же Орджоникидзевский район, откуда его когда-то насильственно переселили в зону с менее благоприятным климатом. Правда, поселился Петя по другому адресу, где по поддельным документам спокойно проживал в течение нескольких лет; и мог бы прожить так ещё

очень долго, если б снова не загремел за грабёж.

Отпечатки пальцев не переделаешь, а потому на следующий день Петюню с вещами перевели вниз – к рецидивистам.

На этом Петины приключения не закончились. Как-то во время прогулки он вырвался из строя и по лестнице вбежал на смотровую площадку, где нёс службу охранник, наблюдающий за прогулочными двориками. Оттуда Петя рыбкой скользнул в один из отсеков, над которым не было натянуто сетки, и, мастерски завершив манёвр, разбил при падении голову. Всё вышеописанное он исполнил с большим артистизмом, на высоком художественном уровне, а посему сразу отъехал в больничку, где начал косить под придурка: «потерял» память, отвечал невпопад и – тому подобное.

Как выяснилось позже, наш бывший сокамерник поставил перед собой непростую задачу: пролезть в дурдом.

Принять такое решение может только суд.

И вот Петра Вершинина ведут в суд.

Некоторые дилетанты, пытаясь произвести нужное впечатление, суют за щеку мыло и с пеной у рта имитируют психический припадок. Не таков был наш Петя, натура творческая и, как я уже отмечал, артистическая. Накануне судебного заседания он тщательно подготовился: нажевал чёрного хлеба и сложил в штаны.

Перед моим мысленным взором так и стоит картинка.

– Встать, суд идёт!

Петя, с неподвижным лицом идиота, сидит, уставившись в одну точку, но вдруг словно прислушивается к чему-то внутри себя, ёрзает на лавке... Лицо его светлеет, оживляется... Петя запускает руку в штаны, достаёт оттуда нечто тёмное, бесформенное и начинает судорожно запихивать это в рот, давясь и размазывая по щекам.

Женщина-судья, переломившись пополам, с рвотными спазмами сползает под стол.

Аплодисменты!

Занавес!

Таким способом Петя и решил поставленную задачу: попал в дурку, откуда моментально бежал. Как ему это удалось, одному Богу известно.

Правда, бегал он недолго. Нужно отдать должное нашей доблестной милиции: в этот раз Петя пробыл на свободе считанные дни. Сколько ему дали с учётом неотбытого срока и всех последующих заслуг – не знаю, но, думаю, припомнили всё.

Встать. Суд идёт. Июнь 1965 года

В июне шестьдесят пятого года нас привезли в Серов на подписание статьи двести первой «Окончание следствия». Здесь же мы познакомились со своими адвокатами. Ваську должен был защищать самый опытный адвокат Серова – Шапиро. Вальку – один из лучших адвокатов Свердловска – Бейлин Михаил Романович. У бабули же хватило денег лишь на оплату услуг недавней выпускницы Свердловского юридического института Сидоровой Веры Максимовны.

Вера окончила институт с красным дипломом, вышла замуж – впоследствии её муж стал одним из руководителей Свердловской железной дороги – и вслед за ним приехала в Серов. Опыта у молодого специалиста практически не имелось, но человеком она была очень добросердечным и ответственным. Вера быстро прониклась сочувствием к моей бабуле, а та в ней просто души не чаяла.

Документы об окончании следствия мы подписывали с большим недоумением, потому что наша потерпевшая несколько раз меняла показания: обвиняла то одного, то другого; потом вдруг оправдывала того, кого обвиняла, а обвиняла того, кого раньше оправдывала – и так несколько раз. Мы понимали, что суду, если он действительно захочет, разобраться в такой каше будет непросто.

После подписания документов и беседы с адвокатами мы

снова были этапированы в СИЗО: ждать вызова в суд. Наконец вызов был получен. С одной стороны, на душе было тревожно: что нас ждёт? С другой, любая определённая лучше любой неопределённости.

Мы уже знали, что вершить правосудие будет состав судейской коллегии под председательством Соболева Сергея Ивановича, по отзывам людей бывалых, судьи справедливого. А поддерживать обвинение должен Главный прокурор Серова Иванисов А.В. Вот тут нам предсказывали незавидную участь: Иванисов характеризовался как человек не столько жёсткий, сколько жестокий, не признающий милосердия по отношению к преступникам.

В один из тёплых июньских дней нас погрузили в воронок и привезли в Серовский городской суд. У здания суда машину встречала уйма народа: друзья, родственники и просто знакомые. Нас ввели в зал заседаний и разместили на скамье за загородкой. Ни клетки, ни наручников не было.

Начала процесса мы прождали не меньше часа; наконец, вышли судьи, но лишь за тем, чтобы объявить, что заседание откладывается ввиду неявки потерпевшей.

Едва они удалились в совещательную, ко мне подошла радостная Вера Максимовна и уточнила:

– Потерпевшая наша из города исчезла: выписалась из общежития и уехала в неизвестном направлении. Судить без неё слишком затруднительно, так как все её показания очень разнятся. Если до завтра её не найдут, вас до суда выпустят

под подписку, а это значительно облегчит приговор.

Радости не было предела: мы чуть не прыгали от избытка чувств. А вот наши конвойные потускнели: не было машины для доставки подсудимых в КПЗ. Позвонили в милицию – машину в ближайшее время не обещали. Дружно посмеялись над создавшейся ситуацией, и тут кто-то из нас предложил:

– А пошли пешком. Обещаем, что никуда не сбежим. Да и зачем нам, ведь завтра всё равно отпустят!

И вот представьте картину: двое милиционеров ведут по улице троих преступников. Без верёвок, без наручников, позади – толпа сопровождающих. Мирно дошли до милиции, попрощались с группой поддержки и отправились на нары в КПЗ. Теперь нас разрешено было держать вместе – следствие окончено.

Ночью долго не могли уснуть, мечтали, как отметим освобождение, пусть даже такое – под подписку...

И, как оказалось, напрасно: насколько сильным ни было наше вчерашнее воодушевление, разочарование оказалось гораздо сильнее. Доблестная советская милиция отыскала беглянку где-то в Поволжье: то ли в Нижнем Новгороде, то ли в Самаре – сейчас и не вспомню. Если бы так же оперативно они работали по розыску преступников, преступности у нас в стране уже не было бы.

А дело обстояло примерно так. Покинув Серов, наша потерпевшая переехала в другой город, устроилась на работу,

поселилась в общежитии и написала своей подружке из Серова письмо: так, мол, и так, да как дела, да как идёт следствие? Вот это письмо и попало в руки милиции. А дальше – дело техники: погрузили нашу потерпевшую под белы ручки в самолёт, в Свердловске с почётом у трапа встретили, да той же ночью на казённой машине до места препроводили. А утром мы – уже все вместе – встретились в суде.

* * *

Суд шёл три дня в закрытом – в виду интимности преступления – режиме. Первым допрашивали Васю. Так как своё преступное деяние он совершил, будучи ещё несовершеннолетним, на суд допустили маму. Преступление Вася признал, но при ответах на вопросы очень путался. Оно и понятно: допрашивали его первым, а тут ещё перекрёстные вопросы судьи, прокурора и адвокатов, каждый из которых защищает своего клиента. Кроме того, трудно сказать, что он реально запомнил, находясь в состоянии глубокого алкогольного опьянения – как, кстати, и его подружка – а что додумал за прошедшие семь месяцев. Короче, как бы там ни было, наш Вася поплыл, стал путаться в объяснениях, а это всегда производит плохое впечатление.

Вторым допрашивали Рудака. Валька тоже довольно тускло справился с поставленной задачей, что было весьма неожиданно, так как держался он всегда очень уверенно, а тут как-то раскис, наверное, тоже растерялся. Мало того, в собственных показаниях он нагородил гораздо больше то-

го, что сказала потерпевшая. Самое интересное, что ещё по окончании следствия, ознакомившись с протоколами допросов, Бейлин предложил Вальке изменить свои показания в соответствии с показаниями потерпевшей:

– Ребята это поддержат, и я сделаю так, что тебя оправдают вчистую, – пообещал он, но Валька отказался. Из солидарности.

Третьим был я. Все мои показания в течение семи месяцев следствия повторялись слово в слово. Перекрёстные и встречные вопросы прокурора и адвокатов ничего к материалам дела не добавили. Наконец прокурор, достаточно поповтев со мной, спросил:

– Погадаев, ты же умный парень. Объясни, как ты попал в эту компанию? – и получил ответ:

– Вы знаете, сила вина безмерна. Это не я сказал, это – Гомер.

Нужно было видеть лицо Иванисова! Он бухнулся на стул и резко произнёс:

– У меня больше нет вопросов.

Последней допросили потерпевшую. Но это было уже неинтересно. Она пыталась объяснить разночтения в своих показаниях в одном случае плохой памятью, в другом – плохим самочувствием. Но мучили её недолго, да и адвокаты почему-то не стали наваливаться с вопросами. За исключением Бейлина, у которого была задача: полностью оправдать Вальку.

Речь прокурора оказалась недолгой. Обвинив нас в преступлении, которого мы не совершали, он запросил следующие сроки: Ваське – восемь, Вальке – семь, а мне – десять лет усиленного режима. Не смог прокурор Иванисов переварить непризнание мною вины, которой на мне не было. Не мог, несмотря на то, что сама потерпевшая мои показания не оспаривала! Так закончился второй день суда.

* * *

Оглашение приговора предполагалось на следующий день. Я не останавливаюсь на выступлениях защиты – они стандартны: характеристики, протоколы общих собраний, ходатайства рабочих коллективов и спортивных организаций – короче, если всё это принять во внимание, нас нужно было не судить, а награждать, и, желательно, сразу орденами.

Настроение было кошмарное – за всю ночь я ни разу не сомкнул глаз: мысль о перспективе провести десять лет за решёткой не покидала сознание...

Утром в зале было полно народу. Ребята пытались подбодрить нас, но это плохо помогало, точнее, не помогало вовсе.

Чтение приговора заняло совсем немного времени. Сначала судья перечислил все наши подвиги, а в заключение выдал всем сёстрам – по серьгам, всем братцам – по яйцам. Вася получил шесть лет, Валька – пять, а я, что было уж совсем удивительно и неожиданно, тоже пять, то есть, в два раза меньше того, что запросил прокурор.

А дело было так. Поздно вечером судья Соболев позвонил

домой прокурору Иванисову:

– Послушай, но неужели мы этому парню определим такой срок? – на что Иванисов ответил:

– Делай, как ты считаешь нужным – я протест подавать не буду.

Вот такой примерно разговор произошёл между судьёй и прокурором. Об этом мне после суда рассказала Вера Максимовна, и ещё добавила от себя:

– Из приговора видно, что ты им чем-то понравился, иначе меньше восьми лет вряд ли бы получил.

Самое смешное в этой ситуации – а теперь я мог даже смеяться – то, что Васька, будучи малолеткой, был определён паровозом, то есть организатором преступления, который повлиял на действия призывника Рудакова, девятнадцати лет, и участника преступления Погадаева, восемнадцати лет. Вот это здорово! Обычно взрослые подбивают малолеток на нарушение закона, а здесь – всё наоборот!

Более того, непонятно, почему ни следователь, ни судья, ни именитые адвокаты не задались простым вопросом: а впервые ли Вася и его зазноба упражнялись подобным образом? Ведь они были близко знакомы достаточно продолжительное время, и это было не первое их приключение!

Кроме того, на момент происшествия Васькина подруга – в отличие от него – была совершеннолетней, и, если на то пошло, то согласно Уголовному Кодексу, именно ей светила статья 119 УК РСФСР за половое сношение с лицом, не до-

стигшим половой зрелости.

Не из-за вероятности ли такого поворота в развитии событий она и слиняла из города, не дожидаясь суда?

Недавно мне стало известно, что Ольга Покрасс сразу после нашего ареста разговаривала с потерпевшей:

– У тебя с ним (Валькой) что-то было?

Потерпевшая ответила:

– Нет. Ничего не было.

Сегодня, взглянув на ситуацию со стороны, я понимаю: осуждения заслуживал только я. И совсем по другой статье!

* * *

После объявления приговора нашу команду снова доставили в КПЗ. А через некоторое время сюда же привезли Монгола – тоже после суда. Его прибытие сопровождалось радостными криками:

– Ребята, будем жи-и-ить!!!

Дали Монголу пять лет строгого режима. За кражу велосипеда!!!

И то благодаря тому, что Вовка сумел посеять в душе судьи сомнение в своей виновности. В последнем слове Монгол сделал акцент на том, что замок сарайки, где стоял похищенный якобы им велосипед, был сломан, в то время как при всех совершённых им ранее кражах замки оказывались целыми и аккуратнo вскрытыми.

– Гражданин судья, дайте мне десять замков, и я все их без ключа открою, – сказал он. – Зачем мне ломать замок,

если быстрее и проще его вскрыть? Да и замком эту висячку назвать трудно: гвоздь, две минуты – и готово.

Хоть в разговорах с нами Монгол и грешил на Башмака, но на следствии и суде по понятным причинам сдать кореша не мог.

Вот так и огрѐб пять лет строгого режима за – страшно подумать – велосипед!!! По пятнадцать рублей за год жизни!!! И то благодаря сомнениям судьи в виновности подсудимого, а иначе насчитали бы ещё больше.

После суда Монголу дали свидание. Нина принесла ему передачу: продукты и тёплые вещи, а вот дождалась ли – не знаю.

Через день сформировали этап на Свердловск, где нам и предстояло ожидать отправки по зонам, а перед отправкой дали увидеться с родными. Вот так мы и встретились с бабулей, которая все эти месяцы курсировала между Серовом и Свердловском, надеясь получить свидание. Ну, вот, наконец получила. Она ещё больше похудела, но держалась молодцом – только немного всплакнула – и всё пыталась убедить меня, что всячески будет добиваться моего освобождения.

На следующий день нас повезли в Свердловск. При расставании Монгол напутствовал меня:

– Владик, в жизни никогда не делай двух вещей: не играй в стиры (карты и вообще азартные игры) и не колись. Если я в третий раз сяду на иглу – жить не буду.

Я крепко вбил это себе в голову, как когда-то разговор

с отцом о куреве, и думал, что меня эта зараза никогда не коснётся...

Как я ошибался! Коснулось! И то, и другое! Только не меня, а моих детей. Но это случилось гораздо позже...

Снова в СИЗО

По возвращении в СИЗО нас троих поместили в камеру для осуждённых. Камера располагалась на третьем этаже другого здания и была узкой, как коридор. Вдоль длинной стены тянулись двухъярусные нары. Такие же были и с торцевой стены. Шконки оказались полностью забиты осуждёнными, ожидающими отправки в лагеря. Народ всё время менялся: одни уходили на этап, другие приходили на их место, получив свои сроки.

Постепенно мы втроём – за время следствия и суда Вася уже стал совершеннолетним, а потому содержался вместе с нами – заняли места на верхнем ярусе у окна, закрытого железными жалюзи. Стоял разгар лета, в камере совершенно нечем было дышать. Народу было так много, что люди лежали вповалку друг к другу, а иногда и на полу, когда мест на нарах уже не хватало. На ночь дверь в коридор открывали, оставляя только решётку, чтоб обеспечить хоть небольшой приток воздуха, иначе спать было бы просто невозможно.

После отбоя свет выключался, оставалась гореть только лампочка над дверью. Переговариваться и даже перешёптываться запрещалось категорически.

Однажды ночью кто-то из зеков этот порядок нарушил. Вертухай, дежуривший в коридоре, был, видимо, из породы садистов: не говоря ни слова, он захлопнул дверь каме-

ры. Буквально через двадцать минут дышать стало абсолютно нечем, тело покрылось липким потом. Заключённые начали кричать:

– Откройте дверь!

Так продолжалось примерно полчаса: мы задыхались, но орали...

Внезапно дверь распахнулась, в помещение ворвались четверо здоровенных амбалов и начали за ноги – как дрова – сбрасывать заключённых на пол и выкидывать из камеры. А в коридоре и на лестницах вплоть до первого этажа в две шеренги стояли охранники, которые с кулака на кулак гнали людей вниз по лестнице – туда, где располагались боксы для временного размещения вновь прибывших. В них и закидывали провинившихся: заполняли один бокс, тут же открывали другой – и туда забивали очередную партию. Бить старались так, чтобы не оставлять следов, но иногда кое-кто получал для ускорения и сапогом пониже спины. Мы, конечно, защищались, как могли – локтями, руками – навыки бокса всё-таки помогали. Но, тем не менее, без синяков и повреждений не обошлось. А кому-то отбили копчик, печень, почки.

Рано утром нас возвратили в камеру. После ночи, проведённой на ногах, люди валялись на нары и тут же засыпали. Во второй половине дня пришёл прокурор по надзору, но мы уже были научены, поэтому жалоб на условия содержания не последовало...

Тем не менее, спустя непродолжительное время всех нас полным составом перевели в другую – шестьдесят третью – камеру в связи с начавшимся плановым ремонтом помещений.

Мы с друзьями выжидали, когда пройдёт кассационное заседание по делу, после которого нас раскидают по зонам.

Первого августа я получил передачу – постаралась бабуля, ведь на следующий день был мой девятнадцатый день рождения! Утром, перед завтраком, раздербанили посылку. Только приступили к трапезе, как открылась кормушка, и вертухай выкрикнул:

– Погадаев, с вещами на выход.

Быстро скидав свои нехитрые пожитки в сидор, я попрощался со всеми. Следующая встреча с друзьями могла состояться не раньше, чем через четыре года и три месяца, если, конечно, не произойдёт ничего экстраординарного.

ИТК-2, второй цех, 2 августа 1965 года

Пройдя по двору тюрьмы вдоль забора, я упёрся в калитку, которая тут же открылась – таким нехитрым способом и оказался в рабочей зоне ИТК-2, или, иначе, «Двойки».

Оказывается, моя бабушка вместе с Верой Максимовной составили ходатайство, при помощи которого, аргументируя тем, что бабушка – единственная, кто меня воспитывал и будет в дальнейшем поддерживать, а также ссылаясь на её преклонный возраст, убедили руководство ГУИТУ – Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями – оставить внука отбывать наказание на Двойке.

Уже здесь, на зоне, получил письмо от матери, некоторые фразы которого меня покоробили и обидели – попросил её больше не писать. Вот так оборвалась едва наметившаяся связь с родными из Чайковского.

Определили меня в третий отряд второго цеха – самого вредного производства колонии – производства пластмасс. Цех выпускал комплектующие для изготовления электроизделий: корпуса розеток, выключатели, электровилки и многое другое. Самыми выгодными изделиями были крышки стеклотары – обыкновенные пробки с резьбой. Прессовались они из аминопласта – пластмассы на основе мочевины,

а вот электроизделия производили из пластмасс-карболи-тов на основе фенолформальдегидных смол. Соответственно, атмосфера в помещении была жуткая.

Известно, что формальдегид оказывает общетоксическое действие: обладает раздражающим и аллергенным эффектом, вызывает головные боли, усталость и депрессию. Может спровоцировать астматические приступы вплоть до смертельного исхода. Способствует развитию рака носоглотки.

Однажды в цех привели девушек с приборами для замеров концентрации вредных веществ. Расставили на нескольких участках. Немного погодя девчата повыскакивали оттуда как ошпаренные: начался кашель, покрасневшие глаза потекли, носы распухли, приборы зашкалило. А зэки работали в этих условиях по восемь часов в сутки. Правда, после проведения измерений нам стали выдавать по кружке молока в день, но только на отдельных, самых вредных производствах. Главное же: сдвинулся с места вопрос по установке вентиляции.

Монтаж вытяжки производило предприятие «Промвентиляция», тут же переименованное нашими юмористами в «Промсквозняк». Спустя несколько месяцев в цехе заработала вентиляционная система, которая пусть и не полностью, но значительно облегчила условия труда.

Я как новичок был поставлен работать на пресс – штамповать самую трудоёмкую и невыгодную продукцию – крышку электрической розетки. Впрочем, так начинали все вновь

поступившие.

Взаимодействие с фенол-формальдегидами не прошло бесследно: начались проблемы со здоровьем.

* * *

Первая беда – сильнейшая перхоть, избавиться от которой было совершенно невозможно: вечером мыл голову – утром вся она оказывалась покрыта толстым слоем белого налёта. Пошёл к парикмахеру. Надо сказать, что за волосы длиннее сантиметра запросто можно было схлопотать взыскание: если не карцер, то лишение свиданки или отоварки в ларьке – точно. Парикмахер, в очередной раз обрив меня наголо, посоветовал чаще бывать на солнце – облучать голову ультрафиолетом – и показаться врачу: на затылке у меня ещё с детских лет имелась непонятная мокнущая шишка. Под волосами её было не заметно, а на бритой голове – торчала, как кукиш. В своё время бабушка обращалась к врачу, но – бесполезно.

Я двинул в больничку, одноэтажное деревянное здание которой располагалось в жилой зоне, прямо за школой. Направили меня на приём к хирургу.

Анфия Ивановна – немолодая светловолосая женщина, фронтовичка – пользовалась у эков большим авторитетом: во-первых, за боевое прошлое, а, во-вторых – за решительный и твёрдый характер. Благодаря этим качествам Слесарь-Хирург, так окрестили её на зоне, спасла не только жизнь, но и здоровье не одному заключённому.

Вот, например, Саня Лаптев, с которым мы спали на соседних шконках. Родственник дважды Героя Советского Союза Григория Речкалова. Молодой, здоровый, красивый. Никто не сказал бы, что парень – хулиган, хотя осуждён он был по 206 статье. Несмотря на родственные связи!

И вот этот бедолага где-то занозил палец. Занозу выковыряли при помощи иголки и какой-то матери, ранку залили йодом. Но она воспалилась. Палец раздулся и налился багровой синевой. Что делать? Бежать в больничку с больным пальцем родственнику героя как-то не к лицу. Поэтому решили лечить подручными средствами: привязывали жёванный хлебный мякиш, ихтиолку, алоэ, отмачивали в марганцовке и соляном растворе – бесполезно. В больницу идти всё же пришлось: температура, озноб и пульсирующая боль, отдающая в локоть и плечо, заглушили стыд и мысли о родстве с лёгчиком-асом, сбившим около полусотни фашистских самолётов.

Анфия Ивановна вскрыла нарыв, прочистила рану и наложила повязку. Но это помогло мало. Тогда она прочистила рану повторно. Безрезультатно. На третий раз доктор – хирург с фронтовым опытом – палец отчекрыжила! Кто-то скажет: наплевательское отношение к людям, я скажу: спасение жизни пациента, который мог просто погибнуть от гангрены или как минимум лишиться руки.

Говорю об этом с уверенностью, так как много лет спустя – уже на воле – сам оказался на операционном столе под об-

щим наркозом из-за откушенного заусенца.

* * *

Кроме действительно больных встречаются на зоне и симулянты.

Тут мне придётся сделать отступление и немного рассказать о мастырках и мастырщиках. Мастырка – сознательное членовредительство, цель которого – откосить от работы и попасть на больничку – в стационар, где и режим мягче, и питание лучше. Соответственно, мастырщики – это те, кто проводит над собой подобные экзекуции. Глодают колющие и режущие предметы, предварительно свернув их и запечатав в леденец или хлебный мякиш – получают травму пищевода или желудка. С вечера вносят в небольшую царапину под коленом или в районе локтя зубной налёт – к утру готова имитация воспаления сустава. Есть ещё приёмчик: затягиваются закруткой, набитой табаком и чайной заваркой, несколько раз приседают – и бегом к доктору. Высокая температура и давление обеспечены. Короче, способов – пруд пруди, но не о том сейчас речь. Как ни странно, чаще всего баловались с мастырками молодые бездельники, пришедшие во взрослую зону с малолетки, где они и обучались всем уркаганским премудростям. Попав сюда, эти щеглы мнили себя профессорами уголовного мира.

Вот один такой профессор и пытался втюхать Анфие Ивановне своё распухшее колено. Весь вид бедняги выражал такое непереносимое страдание, что сердце разрывалось. Не

пожалеть его было просто невозможно. Внимательно осмотрев ногу, доктор нахмурилась и многозначительно протянула:

– Да-а-а! Тяжёлый случай! – пациент согласно кивнул и даже начал жалостно поскуливать. – Что делать-то будем? Резать?

– Я согласен! – с готовностью откликнулся больной. Анфья Ивановна задумчиво покачала головой:

– А давай-ка, голубчик, попробуем обойтись без операции – терапевтическими средствами. Выпишу я тебе, пожалуй, направление в... – симулянт замер в предвкушении, –... ШИЗО. Суток на десять или пятнадцать. Там твою мастырку и подлечат...

Нужно было видеть, как этот страдалец стартанул из больнички: летел на работу так, что сам Валерий Борзов позавидовал бы его прыти!

* * *

Но вернёмся к моей болячке. Анфья Ивановна сделала соскоб и мазок на предметное стекло и велела зайти через три дня.

При повторном приёме доктор уложила меня на операционный стол, провела новокаиновую блокаду, а потом... запахло шашлычком – электрокоагуляция.

На месте операции остался небольшой рубец, но главное – не в этом, а в том, что я не подписывал никакого «информированного согласия» на предмет доступа к своему телу,

как не делал этого ни один гражданин страны, поскольку и пациенты были уверены в том, что врач всегда руководствуется принципом «не навреди», и врачи чувствовали ответственность за больных, даже заключённых.

* * *

На этом мои страдания не закончились: на коже начали появляться точечные кровоизлияния, которые со временем бледнели и исчезали, а на их месте возникали новые. Моча покраснела от крови. Если до обеда я ещё хоть как-то мог работать, то во второй половине дня сил не оставалось совсем. Когда стало совершенно невмочь, пошёл в больничку. При осмотре выяснилось, что температура подскочила выше тридцати восьми. Поскольку следов мастырок не обнаружилось, а про кровь в моче я фельдшеру ничего не сказал, от работы меня освободили, но в стационар не положили. Я продолжал делать зарядку, тренироваться и обливаться холодной водой – ждал, что со дня на день придёт освобождение, я снова начну выступать на ринге, а для этого нужно поддерживать форму. Со временем молодой тренированный организм как-то справился с болезнью, а вот последствия давали о себе знать не единожды...

* * *

В отряде насчитывалось около двухсот человек. В течение двух месяцев я был знаком уже с половиной из них, но держался обособленно: сам в приятели не набивался, а в компанию меня никто не звал – видимо, присматривались. Как

и любой другой, наш коллектив был поделён на группы соответственно общим интересам. Группы эти были постоянны, состав их менялся только тогда, когда кто-нибудь освобождался или приходил с воли.

Через некоторое время и я был принят в такую компанию. Причём, позвали они меня сами. Так я подружился с Николаем Балдиным – Балдой; Юрой Погодиным, механиком цеха, погоняло Москва, так как был он родом из столицы; Володей Перминовым; Вовкой Ивановым и Сергеем Хаматовым по кличке Брынза.

«Жить стало лучше, жить стало веселей». Вечерами мы вместе пили чай, а если приходила кому-либо передача, то она становилась общей, как и отоварка в ларьке, где нам разрешалось набирать продуктов на семь рублей в месяц. Для отсидевших больше половины срока сумма увеличивалась до десяти. Отоварки можно было лишиться за нарушение режима, правда, со мной такого не случилось ни разу.

Через две ступеньки. 1965 год

С первого сентября я пошёл в вечернюю школу при ИТК №2.

Ещё в Серове – до всех этих событий – принял решение поступать в Уральский Политехнический, и даже имел рекомендательное письмо к тренеру команды «Буревестник» УПИ Волкову, под руководством которого мечтал тренироваться. Александр Митрофанович уже в то время воспитал немало классных боксёров и пользовался большим авторитетом и в Свердловске, и в Российской Федерации. Такие имена как Фёдор Римшев, Олег Коротаяев, Анатолий Муксунов говорят сами за себя.

Оказавшись на зоне, я задался целью : к тому времени как меня вытащат – а из Серова пришло известие, что заводчане непременно добьются моего освобождения – я должен иметь аттестат зрелости (так назывался тогда документ об окончании школы), чтобы сразу двинуть в Свердловск – в УПИ.

Поскольку в то время в вечерней школе было введено одиннадцатилетнее обучение, а у меня в арсенале имелась лишь восьмилетка – рванул сразу в одиннадцатый класс, чтоб не терять времени. Зачислить-то меня зачислили, но предупредили, что нужна справка об образовании с предыдущего места учёбы. Я с самым серьёзным и ответственным лицом обещал предоставить непременно.

Первую четверть окончил хорошо. Если попадался незнакомый материал из программы девятого-десятого классов, изучал самостоятельно, благо, времени хватало, да и цель маячила впереди, не давая расслабляться. После окончания четверти мне снова напомнили о недостающих документах, и я с тем же выражением ответственности снова пообещал всенепременно их доставить.

Вторую четверть окончил не хуже: по результатам был вторым в классе. Мне снова напомнили о справке. Я, стыдливо потупясь, отвечал, что будет всенепременнейше.

После окончания третьей четверти и очередного напоминания о долге я, скромно опустив глаза и нежно краснея, отвечал, что образование у меня – восемь классов, о чём имеется свидетельство, которое я готов предоставить незамедлительно. На это мне было сказано: «Чёрт с тобой, учись, но недостающие предметы сдашь экстерном!» Помню, что одним из них была астрономия. Пришлось готовиться самостоятельно.

Экзамены сдал хорошо: в аттестате было больше половины пятёрок и ни одной тройки. Я был готов к выходу на волю...

Но все ходатайства завода, комсомольской организации и спортивного общества остались без удовлетворения...

* * *

В нашей небольшой коммуне произошли некоторые изменения.

Освободился Москва. Мы трогательно его проводили, а главным механиком цеха стал Володя Перминов.

Брынза ушёл в таблетировочное отделение – самый вредный участок цеха, где из порошка формуют таблетки-заготовки. Из этих таблеток на следующих этапах производства прессуют детали.

Балда перевёлся в машинное отделение. Наш цех был укомплектован двумя видами прессов: новые полуавтоматы, каждый из которых имел свою гидравлику и мог работать обособленно, и старые, которые приводились в рабочее состояние при помощи общей гидравлической системы. Давление в системе создавалось и поддерживалось при помощи нескольких насосов, располагавшихся в машинном отделении – помещении, которое было относительно «чистым», с меньшим уровнем вредности. Вот в это отделение Балда и перешёл оператором.

И для нас, и для Коли с его восьмилетним сроком новое назначение было большим преимуществом, которым мы незамедлительно воспользовались: сделали в машинном отделении турник, смастерили и повесили на стену подушку, по которой лупили, как по боксёрскому мешку, оборудовали душ, правда, холодный.

Вскоре и Брынза принял новую должность: его назначили бригадиром – бугром – таблетировочного отделения. Через некоторое время он перетянул туда и меня. Зарплата в таблетировочной была выше, чем на других участках, как, со-

ответственно, и вредность, но ведь я должен был помогать бабушке, пенсия которой в то время составляла всего тридцать рублей.

По молодости лет мы плохо представляли отдалённые последствия вредного воздействия фенолов, да и к запаху уже притерпелись.

Ребята с нашего двора

Саня – симпатичный и общительный парень из очень хорошей семьи – был самым младшим из троих детей. Глава семейства – Порфирий Костоусов – занимал какую-то высокую должность на Верх-Исетском заводе, поэтому проживали они в самом центре Свердловска в большой квартире на проспекте Ленина, дом пять.

В те времена на слуху у жителей города были две молодёжные группировки, сформированные по территориальному признаку и периодически входившие в столкновение друг с другом. Одна из них так и называлась «Ленина,5», другая – «ВИЗовские». Сад Вайнера с самой популярной в городе танцплощадкой, центр города, а также проспект Ленина полностью контролировались группировкой с Ленина,5. Все конфликты, возникающие на данной территории, в основном разруливались ими.

Входили в группу подростки и парни старше восемнадцати. Заправляли всем, естественно, взрослые, а малолетки им подчинялись.

Трудно находиться в воде и не замочиться. Вот и Саня примкнул к дворовой шпане.

Как ни странно, это не помешало ему хорошо окончить школу. Совершенно самостоятельно – безо всякой протекции – Саня по очереди поступал в Юридический, Горный,

Политехнический институты, но все их бросал. Причиной послужило следующее: в этом же доме жила начальник Треста Похоронного Обслуживания, у которой имелась дочь Сашкиного примерно возраста, и даме очень хотелось, чтоб дети подружились, а потом, чем чёрт не шутит, и поженились. Голубоглазый красавец, да ещё из хорошей семьи – грех было не попытаться. И вот, чтобы приблизить этот благословенный момент, потенциальная тёща предложила Сашке после окончания десятого класса подхалтурить на одном из кладбищ. Герой её матримониальных мечтаний предложение принял, тем более что в то время рытьё могил было для Сашки чем-то вроде разминки: он вполне профессионально занимался в секции гребли на байдарках.

Непонятно, как могла такая опытная, тёртая жизнью дама проколоться и не суметь предвидеть возможные последствия, но операция по завлечению хорошего мальчика из хорошей семьи в брачные сети с треском провалилась. Водка, деньги, особенно деньги – иногда в размере месячной зарплаты за один только день – сделали своё дело: молодой перспективный парень забил на все институты и полностью разрушил собственную жизнь.

* * *

В какой-то из дней лета шестьдесят четвёртого года один из авторитетных лидеров Визовских по неясной причине оказался во дворе дома на Ленина, 5. Завязалась драка, и парня просто забили ногами до смерти. Общим собранием групп-

пировки было решено, что преступление берут на себя малолетки. Во-первых, срок им маячил меньший: за такое преступление максимум – десять лет; во-вторых, освободиться они могли после одной трети или половины отбытого наказания, а в-третьих, по молодости и недостатку опыта пацаны просто не понимали, на что подписывались. Взрослым же и срок корячился больший, и отбывать его пришлось бы весь целиком.

Так на зоне оказались Боря Максимовских (Макс) и Гена Кириллов. Причём, Генка, получивший восемь лет, шёл паровозом, хотя во время совершения преступления – по словам Макса – хавал борщ у себя дома на кухне. Восемнадцать им исполнилось уже в процессе следствия.

Постепенно в колонию стали подтягиваться и взросляки с Ленина,5, правда, по другим преступлениям. Самое тяжкое – убийство – они уже сбагрили на малолеток.

* * *

Закрыли и Саню Костоусова. Как это ни странно, но впоследствии он не единожды благодарил судьбу за то, что его посадили: – Иначе бы я спился.

Сашка очень рано остался без матери: она умерла после тяжёлой болезни, а с отцом, который вскоре вновь женился, отношения сложились непростые. Одарённый от природы Саня мог отлично учиться, но мешали бойкость характера и непоседливая натура. В школе он часто проказничал, за что дома получал уроки педагогического мастерства, ко-

торые разнообразием не отличались: папа вынимал ремень и охаживал Сашкину задницу по полной программе средней общеобразовательной школы. Но однажды произошёл случай, положивший конец этим воспитательным воздействиям.

В доме у Сашкиного отца было заведено, что по пятницам, после окончания трудовой рабочей недели, к ним в гости приходили начальники разных рангов, а поскольку в то время Хрущёвым были восстановлены Совнархозы, то приходили руководители и этих государственных органов. Гости до утра играли в преферанс, смачивая игру хорошим коньяком.

Вот в одну из таких пятниц, а, точнее, уже под утро субботы Сане приспичило в туалет. Возвращаясь обратно, из-за неплотно прикрытых дверей гостиной он услышал: «А помнишь, как под Бугурусланом мы в разведке ночью нарвались на Ваську Чапаева! Еле ноги унесли... А помнишь...» В мозгу у пионера и будущего комсомольца Александра Костоусова молнией вспыхнуло: «Да они же все – бывшие белогвардейцы! И все они работают сейчас руководителями предприятий – простые работяги в их доме играть в преферанс не собирались – а, значит, руководят нашей страной!»

Это запомнилось и навсегда врезалось в память.

А тут очередной подвиг в школе и, следовательно, очередной вызов отца к директору. Домой папа вернулся мрачнее тучи. Сынуля, компенсируя школьные подвиги, как при-

мерный ученик корпел над домашним заданием, примостившись с краешка круглого обеденного стола. Это не помогло – папа потянулся за ремнём. Саня, не забывавший следить за отцом из-под опущенных ресниц, хорошо знал, что за этим последует, а потому, не доводя дела до крайности, ужиком соскользнул с табуретки и спрятался за стол. Отец с криком «Иди сюда!» и ремнём наперевес бросился было за ним вдогонку, но вдруг резко изменил направление – навстречу сыну. Однако Саня вовремя среагировал и не дал заманить себя в ловушку. Папа и сын начали кружить возле стола.

Тем не менее, Сашка понимал: долго так не набегаетесь, всё равно поймает, и, чем дольше будут эти гонки, тем больше достанется его многострадальной заднице. Конечно, сформулировал Саня эту мысль гораздо короче. В голове каруселью крутились только три слова: дальше – будет – хуже – дальше – будет – хуже...

И тут на Сашку снизошло озарение: словно на картинке увидел он полутёмную комнату, освещённый абажуром стол, на котором в беспорядке лежат карты, гостей отца... А помнишь?... Да, да, он помнит, он хорошо помнит...

– Брось ремень, белогвардеец проклятый! – крикнул отцу пионер и будущий комсомолец Александр Костоусов. Папа замер как вкопанный, ремень выпал из его высоко поднятой руки...

После этого случая пороть Сашку отец перестал, видимо, опасаясь, как бы из него не получился второй Павлик Моро-

30B.

Наш научный потенциал

Вскоре в колонию прибыла ещё одна группа осуждённых. Это были молодые люди, давно окончившие ВУЗы и занимавшиеся научной работой. Юра Сафин проходил стажировку у самого Курчатова, Лёва Петров и Саша Любимов готовились к защите кандидатской.

Летом шестьдесят четвёртого все они были задействованы на приёмных экзаменах в УПИ и помогли с поступлением в вуз нескольким бездарям. Разумеется, не просто так, не за красивые глаза – за бутылку коньяка и ужин в ресторане(!).

Навесили им за это весьма приличные срока, особенно Сашке Любимову, который проходил по делу как организатор и получил восемь (!!!) лет колонии. Видели бы вы этого организатора, улыбочивого, душевного парня...

Сегодня многие задаются вопросом: как победить коррупцию в ВУЗах? Я, конечно, не призываю сажать преподавателей, но поучиться у старшего поколения тому, как нужно соблюдать закон, нашим следственным и судебным органам рекомендую. Хочу отметить, что у ребят имелись солидные связи и достаточно высокопоставленные родственники, но при существовавшей судебной системе это им помочь не смогло.

С появлением в цехе свежих кадров значительно улучшились технологии прессования деталей. Лёва был талант-

ливым химиком, а Саша постепенно наладил систему учёта материалов, основных средств и готовой продукции. Надо отметить, что даже в колонии они продолжали следить за новинками специальной литературы, получали посылки с научными журналами. Саша Любимов и Костя Лбов, бывший работник отдела торговли Свердловского обкома, занялись изучением иностранного языка и поэтому разговаривали между собой только по-английски.

В цехе работало около двухсот человек, и в процессе организации производства были задействованы как вольнонаёмные инженерно-технические работники, так и заключённые. В основном это были назначенные Администрацией бригадиры.

Вскоре бугром стал и я: Брынза отбыл срок и выходил на свободу. К тому времени я уже освоил специальность таблетировщика, разобрался в текущем и периодическом ремонте машин, и в результате сменил Брынзу на его посту.

Постепенно на участок подтянулись Боря Максимовских и Гена Кириллов. Старожилов в бригаде осталось только двое: Юра Садыков, погоняло «Загадка», да Витя Шайда – Шмыгло.

Инстинкт половой не заменишь головой

Загадка, в миру известный как Юра Садыков, на пару со своим поделщиком разработали безотказную систему отъёма средств у похотливых граждан. Прихватив юную и привлекательную подружку, они приходили в ресторан, занимали столик, а затем линяли в заранее оговорённое место, оставив девушку в качестве наживки.

Богатый опыт по склеиванию состоятельных папиков, желательного иногородних, намётанный глаз в сочетании с молодостью и красотой быстро делали своё дело. После того, как «медовая ловушка» срабатывала, дело оставалось за малым. Инстинкт половой не заменишь головой, к тому же весьма нетрезвой. Девочка эскортировала ухажёра к себе домой, но – вот беда – по пути кавалер получал в глаз и расставался с деньгами и ценными вещами, а дама, схлопотав коленом под зад, с визгом убежала звать на помощь милицию.

Любитель клубнички, если он был командированный да к тому же семейный, шума не поднимал, в милицию не обращался, боясь огласки на работе и скандала дома, поэтому поймать троицу не могли достаточно долго: заявителей было ничтожно мало. Опять же и работали они в разных ресторанах, в разных частях города. Тем не менее, поймали. И во-

ткнули Юрке восемь лет.

Но пострадали не только преступники. Потерпевшие заявители и рады были бы всё отмотать назад, да поздно: девочка-то оказалась несовершеннолетней. А это тянуло на попытку соращения малолетки, что в Советском Союзе не поощрялось. Наоборот – садили нещадно. А могли пришить и попытку изнасилования. Так что нахлебались потерпевшие – по самое «не могу», мало не показалось: и огласка по месту работы, и скандалы в семье – всё по полной программе.

Сочувствия к ним я не испытываю.

Сам Юра был из крепкой трудовой семьи. Один из его братьев работал на Свердловском заводе ЖБИ начальником цеха – туда Юрка после освобождения и трудоустроился. Второй брат служил телохранителем министра внутренних дел Щёлокова. Причём, не рядовым, а в звании не ниже майорского. Как-то раз он сопровождал Щёлокова во время посещения нашей образцово-показательной колонии. Юрке организовали встречу с братом в кабинете начальника оперативного отдела. Тем не менее и при таких связях отбыл он свой срок полностью! Что, не мог брат его отмазать? Видимо, не мог. Или не захотел: не то воспитание!

Парад мертвецов

Став бугром, я получил довольно существенные привилегии. Наш участок был очень ответственным: резерва машин не имелось, и, если какая-либо из них по причине поломки простаивала, это могло привести к срыву планового задания всего цеха. Так как цех работал в две смены, ремонтные работы проводились в третью, ночную. Поэтому рабочий день у меня был ненормированный, и я получил пропуск, который давал мне право в любое время суток проходить из рабочей зоны в жилую, и обратно.

Теперь по утрам после подъёма я уходил в рабочую зону, пробегал по площадке между нашим и механическим цехом дистанцию в три километра, работал на турнике и несколько раундов боксировал с подушкой. Затем – холодный душ, и я готов к трудовому дню. Позже ко мне присоединился Лёва Петров.

На развод больше не ходил.

Развод проходил утром и днём – перед второй сменой. По утрам на разводе обычно присутствовал начальник колонии подполковник Маленкович, все начальники отрядов и работники, осуществлявшие надзор и воспитание контингента – как на торжественной линейке в пионерлагере. Однажды произошёл случай, о котором не могу не вспомнить.

* * *

Изначально все корпуса колонии были деревянными. Первым кирпичным зданием стала школа, затем построили и жилой корпус. Отопление тогда сделали по временной схеме, поэтому летом шестьдесят пятого было принято решение провести капитальную теплотрассу. Объект разбили на участки, которые распределили между отрядами, и каждый отряд под руководством своего завхоза (завхоз – вторая величина после начальника отряда – назначался из среды авторитетных зэков) должен был после рабочего дня – в качестве общественной нагрузки – вручную прокопать свой участок траншеи.

Когда приступили к работам, оказалось, что трасса проходит по старым, ещё дореволюционным захоронениям. На отвалы траншеи полетели полусгнившие гробы и всё, что в них ещё сохранилось. Поскольку длина траншеи была довольно приличной, то и количество потревоженных могил – немаленьким.

И вот утром на разводе нарядчики принимают доклады бугров. После окончания докладов зэки, повернув головы в сторону нарядчиков и работников администрации колонии во главе с подполковником Маленковичем, вдруг начинают дико ржать. На лицах администрации – радуга чувств: вопрос, замешательство, недоумение, возмущение, сомнение, раздумье. В поисках ответа они начинают вертеть головами по сторонам и обнаруживают картину маслом: на отмошке школы по шеренге выставлены черепа – какой-то юморист

собрал их из могил, разрушенных нами в результате общественно-полезного труда, и выложил рядком.

Надо было видеть реакцию начальника колонии: как он брызгал слюной и топал ногами! Опричники кинулись собирать черепа и стаскивать их за школу – к больничке.

С юмором у эков, надо отметить, всё в порядке, правда, временами юмор этот бывает чёрным, так ведь и жизнь – не сахар. Но этот эпизод, конечно, был кощунством. И вина за него лежит полностью на администрации колонии, ведь могилы вскрывались не один день, все всё знали и видели, но мер не приняли.

Интересно, что было бы, если б наши – не подберу достойного слова – радетели, что ли, предлагавшие к Чемпионату Мира по футболу- 2018 снести ИТУ№2, осуществили свою задумку? Ведь то, что было раскопано нами – лишь малая толика. Большая часть кладбища осталась под дорогами и цехами. Представляю, какой подарок сделали бы наши дорогие – в прямом смысле – руководители жителям города, какой замечательный объект для экскурсий и прогулок с детьми...

Кождвижок

Да, умеют зэки пошутить, пусть и грубовато.

Как-то в колонии появился Коля Поль. Статья у него была нетяжёлая, кажется, мошенничество. Молодой, вальяжный, всем своим видом демонстрирующий пренебрежение к тому наказанию, которое получил. По Колиным словам, на такой незначительный срок он плевал, он его и на параше отсидит. Коля не был настроен на мирный продуктивный труд, а потому настойчиво пытался пронюхать, где в колонии есть этакое местечко, на котором можно не работать, а валять дурака. И ведь нашёл.

Пригласил Колю на беседу один авторитетный зэк и сказал примерно следующее: – Если не хочешь горб ломать, и башли тебе не нужны, то могу поспособствовать. Недорого. Отмотаешь свой срок припеваючи. Тут как раз место освободилось – откинулся один. Место пока свободно, но оформляться надо быстро, нето займут. Пиши заявление на начальника цеха, подпиши у старшего мастера и – вперёд и с песней, как говорится.

Коля сразу ухватился за это предложение:

– А что за работа?

– Да ерунда. У тебя образование какое?

– Высшее физкультурное, правда, незаконченное, – ответил Коля.

– Ну, вот и пиши: прошу принять меня на кождвижок, образование высшее физкультурное незаконченное.

С этим заявлением свои люди подвели Колю к старшему мастеру, который подписал, что не возражает, а даже, наоборот, ходатайствует о назначении Николая Поля на кождвижок. Наш приятель, не снижая темпа, с ходу покатил к начальнику цеха. Начальником цеха был недавно назначенный Бриксман Борис Аркадьевич. Когда-то он сам отбывал срок в этой же колонии, причём, достаточно длительный. После освобождения устроился на ЖБИ «Химмаш», где командовал большим цехом по выпуску железобетонных изделий.

В последнее время наш цех лихорадило. Начальник цеха Боря Балезин – пенсионер, человек уже изработавшийся – не поспевал за изменяющейся обстановкой и новыми требованиями. Перерасход пресс-материалов, большое количество брака вынуждали к смене руководителя, а Бриксман прекрасно зарекомендовал себя ещё в ту пору, когда отбывал наказание. Да и с людьми ладить умел. Образованный, предприимчивый, коммуникабельный – этих качеств у Бориса Аркадьевича было не отнять.

Вот к нему-то и подкатил наш Коля Польш в аккурат во время утренней планёрки. Застенчиво улыбаясь и комкая в руках шапчонку, Коля бочком протиснулся в кабинет, где уже собрались мастера и бригадиры всех смен, просеменил к столу и протянул начальнику цеха своё заявление:

– Подпишите, пожал-ста.

Бриксман, пробежав листок глазами, вслух, да так громко, чтобы все отчётливо слышали, прочёл:

– Прошу принять меня на кождвижок. Образование высшее физкультурное незаконченное.

В кабинете стояла мёртвая тишина. Бриксман с непроницаемым лицом продолжал:

– Ну, вот ещё один дурак с образованием высшим, физкультурным незаконченным, – и внезапно рявкнул:

– Снимай штаны!

Коля не понял, а потому переспросил:

– Что, простите?

– Штаны, говорю, снимай – ебать тебя буду, ведь ты ж заявление написал, – тоном, не допускающим возражений, произнёс Бриксман.

В кабинете раздался гомерический хохот. Хохотали все, кое-кто от смеха сполз под стол. А Коля, покраснев как рак, пулей выскочил из кабинета и дал дёру. Он только сейчас врубился, что за заявление накатыл.

Надо отдать должное, парнем Коля оказался весёлым, добродушным, хорошим рассказчиком анекдотов. После этого случая над ним пытались подшучивать, но Поль обезоруживал насмешников тем, что и сам смеялся над собой, так что вскоре интерес к этой теме иссяк.

Экономика должна быть экономной

С приходом Бриксмана жизнь в цехе оживилась. Трудоголик Боря досконально знал производство, поэтому с ним было легко и сложно одновременно: лапшу на уши не навесишь. Возвращение Бориса в цех в качестве начальника коснулось в первую очередь меня: он знал, с чего начинается и от чего зависит успешная работа цеха, а потому я одним из первых был приглашён на разбор полётов.

Не витийствуя, Боря прямо объявил, чего хочет, и желания его, прямо скажем, были вполне понятны. Первое, чтоб не было перерасхода порошка: слишком дорогое это удовольствие, да к тому же бьёт по карману всей администрации колонии – в виде уменьшения, а для некоторых и лишения премиальной составляющей. Я с ним полностью согласился, но в ответ выкатил свои условия: оплату на нашем участке производить сдельно – в зависимости от выработки.

Оплата труда заключённых в то время осуществлялась следующим образом: половина заработка сразу уходила государству в качестве компенсации морального вреда; из второй половины вычитались затраты на питание, проживание и услуги по охране; часть отправлялась потерпевшим в ка-

честве возмещения материального ущерба; семь или десять рублей шли на карточку для отоварки в ларьке, а оставшаяся сумма поступала на лицевой счёт. С лицевого счёта деньги можно было перевести родным и близким или получить после выхода на свободу.

Естественно, ни о каком начислении процентов по вкладу речи не шло – сиди хоть десять лет. В СССР проценты по вкладам в государственный банк распределялись следующим образом: срочный вклад зарабатывал три процента, простой – два. Нельзя сравнивать эти цифры с сегодняшними: В СССР инфляция была скрытой, а это значит, что формально деньги прирастали. Возможно, какие-то проценты на средства заключённых и начислялись, но шли они в другое место.

Но самым несправедливым и неразумным было установление «потолка» оплаты труда. Существовало даже негласное распоряжение: закрывать наряды не свыше определённых сумм. Это, конечно, сдерживало производительность труда. Вот эту несправедливость я и просил устранить, и встретил полное понимание.

В ответ на этот жест доброй воли поделился с Борисом кое-какими соображениями. Благодаря Лёве Петрову, ещё до прихода Бриксмана в цех назначенному на должность технолога, я знал некоторые резервы цеха, и то, как их можно использовать.

Прежде всего, это некондиционные, бракованные таблет-

ки, из которых априори не могли получиться качественные изделия. Такую таблетку можно было преобразовать обратно в порошок и таблетировать снова.

Кроме того, ознакомившись со специальной литературой, я понял, что отходы, образующиеся при прессовании деталей, тоже можно перемалывать и добавлять в таблетировочный порошок в соотношении один к десяти. Нами даже были изготовлены две мельницы для дробления отходов, вот только никто не торопился их внедрять: хлопот много, а заинтересованности никакой. Проще все отходы сгрести да выкинуть. Об этом я и сказал Брикسمану.

Первые же месяцы работы показали, что положение выравнилось, хотя эффект был не столь велик, как мы ожидали. Перерасхода материала теперь не стало, часть отходов производства перерабатывалась снова в порошок, вес таблеток при таблетировании проверялся более тщательно, нормы естественных потерь учитывались скрупулёзно, а вот экономия была незначительной – меньше, чем мы рассчитывали.

Так в чём же дело?

Пришла новая партия порошка. Обычно она сразу размещалась на наш склад, а оставшаяся часть – на центральный склад колонии. Я понимал, что собака зарыта где-то здесь и перевесил на своих весах всю принимаемую партию. И обнаружил существенный недовес: оказалось, что в мешках не двадцать пять килограмм, как должно быть. Стали перевешивать каждый мешок, и выяснилось, что в каких-то – по-

рошка меньше, а в каких-то – больше нормы.

Тут же побежал на центральный склад и попросил кладовщика Сашу Теньковского перевесить всю поступившую партию. Поначалу понимания не встретил:

– Да ты о чём?... Сотни мешков – несколько тонн груза...

– Нет – значит, нет, – я улыбнулся, хоть внутри всё кипело, – но предупреждаю, что с сегодняшнего дня принимать груз с центрального склада буду только по весу. А когда у тебя выявится недостача, отвечать будешь сам.

Это решило дело – Саша сдался. Перевесили все мешки. Администрация вызвала представителя поставщика, и вопрос навсегда был снят с повестки.

Кривая экономии порошка резко пошла вверх, это было представлено, как результат внедрения рационализаторского предложения по вторичному использованию отходов производства, и зарплата моей бригады начала расти. Эта тяжёлая и вредная работа и раньше оплачивалась неплохо, теперь же мы начали получать **ОЧЕНЬ** хорошие деньги, и желающих попасть в бригаду стало – хоть отбавляй.

Боря оказался человеком благодарным, и я был на высоте положения.

Два года спустя, когда я уже работал в Октябрьском троллейбусном депо, наш бригадир Миша Прокопьев после свидания с сыном, который отбывал наказание в ИТУ№2, со смехом рассказывал:

– Владька, ты уж два года как работаешь у меня в бригаде,

а твой портрет всё ещё висит там на доске почёта.

Последнее свидание. 1967 год

Шли годы. Я получал письма, пусть редкие, от своих друзей и частые – от бабушки. Игорь Бобров боролся за моё освобождение, но пока безуспешно. Заканчивался шестьдесят шестой год, впереди маячил год пятидесятилетия Великой Октябрьской Революции. Все были полны надежд на большую амнистию, жили этими ожиданиями. Жил ими и я, но когда в октябре шестьдесят седьмого было опубликовано постановление правительства, понял: мне и моим друзьям ничего не светит... Оставалась одна надежда – на завод, на Игоря Боброва.

В конце декабря, перед Новым Годом мне дали свидание. Ожидал увидеть, конечно, только бабушку, но когда меня привели в комнату для личных свиданий – обомлел: кроме бабули приехали отец и брат Валерка, который, глянув на меня, сразу заплакал.

Он только что выбил себе глаз. Произошло это так. Ещё учась в школе, я делал поджиги, такие самодельные пистолеты. В деревянную форму закладывал трубку-ствол и заливал свинцом, который добывал из старых аккумуляторов. Производство поджигов было поставлено мною на поток – вооружил многих. Порох доставали в заготконторе, обменивая на макулатуру, металлолом и многое другое. Ну, вот и палили, играя в войнушку. Один такой поджиг, давным-давно

спрятанный мною в чулане, и отыскивали Толька с Валеркой. Правда, воспользоваться не смогли: не поделив, сломали во время драки. Но идея зацепила, и Толик самостоятельно изготовил самопал.

Оружие требовалось срочно испытать в деле, и братья отправились в лес. Как уж они его зарядили и чем – не знаю, но при выстреле самопал разорвало, и осколок попал Валерке прямо в глаз...

Схватив плачущего брата на руки, я обнял его, крепко прижав к себе, а затем несколько раз подбросил на руках.

Валерка переживал, что теперь не сможет заниматься боксом. В то время, зная о моих победах, многие пацаны на Платине заразились этим видом спорта.

Успокаивая Валерку, я начал переориентировать его на лёгкую атлетику, рассказал про два памятных забега в Серове и, кажется, убедил. По крайней мере, свои юные годы брат связал именно с лёгкой атлетикой и достиг неплохих результатов: олимпийцем не стал, но за сборную Свердловска выступал постоянно.

Личное свидание хорошо тем, что целые сутки ты находишься среди родных. Некоторым женатым дают даже двое суток, но я женат не был. У нас с бабушкой сложился свой ритуал встреч: стряпали пельмени и пили чай с конфетами «Белочка», которых она привозила целый килограмм. Правда, после таких застолий я дня три не мог нормально есть: болел живот, и мучила ужасная отрыжка тухлыми яйцами.

Тем не менее, отказать себе в соблазне не мог.

Всё шло по накатанной и в этот раз. После ужина бабуля и Валерка оставили нас с отцом поговорить. Он рассказал о своей жизни на Платине, о работе, а в заключение вздохнул:

– Владик, мне кажется, мы больше не увидимся...

– С чего ты это взял?

– Просто чувствую. Здоровье стало совсем плохое – не дожить мне до твоего освобождения.

– Пап, ты бы пил поменьше и прожил подольше! Тогда мы обязательно встретимся на свободе...

На Платине существовал тройственный союз, этакая «Антанта», членами которого были чета Погадаевых, чета Базаровых и чета Дружининых. В доме у каждого из членов коалиции имелась трёхведёрная бочка для браги. Причём, при её приготовлении соблюдалась определённая цикличность: в одном доме брага уже поспела – её все вшестером дружно распивают, в другом – доходит до кондиции, в третьем – только-только заводят, так как допили накануне. И так каждый день: без перерывов на выходные и праздничные дни. Здоровья при такой жизни действительно надолго не хватает, а вот болезни одна за другой появляются.

Рано утром отец с Валеркой ушли: нужно было возвращаться на Платину, а бабушка, как всегда, осталась до вечера: она ещё несколько дней собиралась погостить в Свердловске – у тёти Фисы.

* * *

В марте шестьдесят восьмого меня неожиданно вызвал начальник отряда Василий Быков, старый служака, проработавший в органах большую часть своей жизни и отмеченный знаком почётного чекиста. Вася – так звали мы этого здоровяка предпенсионного возраста – предложил мне присесть, посмотрел печально в глаза и сообщил о смерти отца.

Папа оказался прав: свидетелься нам больше не довелось. На очередном распитии у Дружининых отец сказал, что ему не можется, прилёг на диван и больше не встал: произошло кровоизлияние в мозг. Когда тёплая компания наконец вспомнила о товарище и попыталась его разбудить, он уже практически остыл. Было отцу пятьдесят семь лет.

Вышел я от Васи со слезами на глазах, на душе было мутно: хоть и прожил я с отцом недолго, и внимания мне он уделял немного, но это же мой папа, который, как я уже теперь понимаю, относился ко мне гораздо теплее, чем мне представлялось в то время. Ночами он часто вставал, подходил к моей фотографии на стене, разговаривал с ней и плакал. Это я узнал много позже от своих братьев, которые становились невольными свидетелями тех ночных сцен, просыпаясь и тихонько наблюдая за отцом.

Несколько дней ходил сам не свой, а вскоре мне дали общее свидание с бабушкой, на котором уже я успокаивал её.

Пережили мы с ней и это горе.

Алхимики-добровольцы, или повторять не рекомендуется

Жизнь в колонии катилась довольно монотонно, лишь изредка отмечаясь происшествиями, которые давали пищу разговорам. Такие праздники, как Первое Мая, Седьмое Ноября и Новый Год знаменовались в колонии тем, что в обед на второе зёкам выдавали настоящую котлету. Правда, на следующий день отрядным шнырям – постоянным дежурным по отряду, помощникам завхоза, отвечающим за порядок и чистоту – приходилось трудно: все туалеты были загажены. Такая реакция организмов на праздничный обед наблюдалась у большинства заключённых. Короче, всё как в поговорке: ели-пили – всё нормально; обосрались все буквально! Затем всё приходило в норму.

Одним из способов развеять скуку и однообразие были попытки словить кайф. А как? Алкоголь под запретом: ни купить, ни посылкой получить. Значит, нужно чем-то заменить. И наши отрядные бутлегеры нашли-таки способ. Однажды вечером я пришёл в цех проверить, как идёт работа в бригаде. И обнаружил следующее: сидит Макс с группой товарищей, а перед ними – большая склянка с йодом, который мужики собрали со всех санитарных постов колонии. Сидят

уже навеселе.

– Откуда дровишки? – поинтересовался я.

– А вот смотри, Владька! – Макс плеснул в стакан немного йода и бросил туда же какой-то белый порошок, как выяснилось позже, фиксаж для закрепления фотографий. Жидкость тут же стала прозрачной. Макс гордо выдул содержимое стакана и запил водой.

– Видишь, Владька, чистый спирт получается!

Видимо, по химии у бедняги был неуд. Я попытался объяснить ребятам, что йод никуда не девается. Происходит химическая реакция, но соли йода остаются тут же, в растворе, вместе с фиксажем. Но напрасно – никто меня слушать не стал.

Всё встало на свои места утром, когда эти поклонники Бахуса с красными глазами и нестерпимой головной болью еле сползли со шконок на утреннюю поверку. Работать они, разумеется, не смогли, и я был вынужден заменить их другими членами бригады, которым пришлось в этот день отпахать две смены: за себя и за товарищей. Хорошо, что через сутки наши бутлегеры-любители оклемались, и этот эксперимент обошёлся без серьёзных последствий в отличие от другого, в котором отличился Балда.

Как-то нашим алхимикам-любителям попался ацетон, который они употребили, предварительно разбавив водой. Действие этой адской смеси на организм подобно удару дубины: человек внезапно теряет сознание и впоследствии ни-

чего не помнит. Ровно это самое произошло и с нашими героями. Перед обедом бригады были построены для похода в столовую, как вдруг в шеренгах, словно оловянные солдатки, начали падать заключённые. Откуда ни возьмись, набежали вертухаи и начали всех упавших стаскивать в ШИЗО – штрафной изолятор.

Только утром, когда дегустаторы очухались и поняли, где находятся, многим из них пришлось поставить крест на УДО – условно-досрочном освобождении. А мы, обсуждая этот случай с преподавателем химии, узнали, что могли они оказаться не в ШИЗО, а в гробу или, как вариант, потерять зрение.

В фашистских концлагерях имелись лаборатории, в которых врачи-нацисты проводили опыты, испытывая на заключённых действие токсичных веществ. Наши зэки проделывали всё это над собой абсолютно добровольно. Но мы же русские – нас пронесло!

А химичка, прохаживаясь по классу, не переставала повторять:

– Да как же так! В ацетоне – бензольное кольцо! Это – яд!

До сих пор ломаю голову: откуда наши алхимики-добровольцы добывали информацию? Интернета тогда не было, в книжках – не прочтёшь. Видимо, перенимали опыт друг у друга или просто действовали методом тыка.

Как-то проходя мимо туалета, я услышал из-за двери гомерический хохот. Естественно, заглянул. В проходе стояли

несколько человек и ржали, переламываясь пополам и хватаясь за животики. Подхожу и вижу картину маслом: на толчке сидит Макс – штаны спущены, в глазах – пустота. Внезапно он вскакивает с унитаза и начинает ловить в воздухе каких-то одному ему видимых насекомых. Публика неистовствует. Абсолютно не реагируя на реакцию зрителей, Максик садится на унитаз, а через минуту всё повторяется по-новой.

Зная, что такое шоу может плохо кончиться, я помог Максиму натянуть штаны, сгрёб его в охапку и потащил в спальное помещение, благо, до отбоя оставалось недолго. А там – второе отделение концерта, только на сей раз с участием Шмыгло, который проделывал такие же точно трюки, сидя на шконке. Отличие состояло в том, что Витька-Шмыгло «пойманных насекомых» не просто ловил, но и тщательно рассматривал, сложив ладони ковшиком.

К утру парни пришли в себя и рассказали, что наглотались препарата, снимающего приступы бронхиальной астмы, в составе которого есть дурман и белена.

Этот случай возник в памяти, когда за два дня до начала Олимпийских игр в Пхенчхане СМИ сообщили, что норвежская сборная привезла на Игры более 6000 доз различных препаратов для астматиков.

Вот такие эпизоды разнообразили нашу жизнь. Наблюдать это вроде бы весело, только вот последствия в виде десяти суток ШИЗО и лишения надежды на УДО – совсем не смешно. А перспектива отъехать на тот свет или оказаться инва-

лидом? Много лет спустя, в лихие девяностые, сын одного моего хорошего знакомого – абсолютно положительный парень, надежда родителей – умер, выпив палёной водки на студенческой вечеринке. К сожалению, молодость беспечна, и предвкушение каких-то сиюминутных радостей вытесняет из сознания мысли о возможных серьёзных последствиях.

Кстати, Балда всё же освободился досрочно, оставив хозяину несколько месяцев. А ведь мог бы провести на свободе и гораздо больше времени: Коля хорошо работал, был участником художественной самодеятельности – играл в оркестре на ударных, срок его заключения подходил к двум третьим, а тут такой финт!

Шура-механизма

Летом те из нас, кто имел пропуска, сразу после подъёма уходили в рабочую зону, делали зарядку, пробежку, принимали душ и, если была хорошая погода, выходили на площадку у главного входа в цех: ждали, когда начнётся развод, встречали вольнонаёмных, которых в колонии было немало.

Среди вольняшек была одна женщина по имени Шура. Когда она проходила мимо нас, молодых оболтусов, кто-нибудь непременно кричал: «Шура, а механизма-то где?» Шура гневно зыркала в нашу сторону и нещадно материлась, получая в ответ дружный хохот.

Свою кликуху Шура-Механизма получила после одного случая, который произошёл с ней ещё по молодости. Знающие люди рассказывали, что раньше зэкам разрешалось иметь при себе не только часы и драгоценности, но и деньги. Рассказывали даже, что были заключённые, матрасы и подушки которых были буквально набиты купюрами. Под запрет попадало только оружие.

И вот в те далёкие времена один зэк уговорил Шуру на близость. Уговаривал он её очень долго, и неизвестно, сколько бы пришлось уговаривать ещё, если б не предложил он ей в знак любви и привязанности, а также на долгую память модные тогда часы «Победа». Причём, передать часы планировалось только после того, как эта самая любовь-при-

вязанность состоится. Последнее обстоятельство, конечно, несколько подмывало утверждение об искренности чувств соискателя, но вот что касается долгой памяти, то здесь он попал в самую точку!

После окончания любви, а тем более привязанности герой-любовник вытащил из кармана часы, сунул их Шуру в руку и, на ходу поддёргивая спущенные штаны, кинулся подальше от места плотских утех. Шура же, получив обещанное, мгновенно обнаружила, что получила-то буквально дырку от бублика: корпус от часов с приклеенными к циферблату стрелками.

Как молния метнулась она за своим искусителем с криком: «А механизма-то где?»

Так и бежали они: один – поддерживая спущенные штаны, другая – потрясая зажатым в кулаке корпусом и повторяя как заведённая: «А механизма-то где?»

Вот и получила Шура как постоянное напоминание об обидчике своё прозвище, которое приводило её в такую ярость, что описать невозможно.

Память-то действительно оказалась долгой.

Коробейники на Невском

После амнистии в честь пятидесятилетия Октябрьской революции надежд на освобождение почти не осталось. Хотя я и продолжал получать с завода и от Игоря Боброва ободряющие известия, но верил им уже мало, начал свыкаться с мыслью, что сидеть мне придётся весь срок полностью.

На работе дела шли хорошо, цех был в передовых. На счёте у меня накапливалась приличная сумма, из которой я иногда отсылал переводы бабушке, особенно, когда намечалось свидание, чтоб она не тратила свою скудную пенсию на дорогу и передачи.

Колония за эти годы тоже резко изменилась: были снесены практически все деревянные бараки и выстроены кирпичные корпуса. Контингент тоже обновился: пришла партия студентов, которые получили свой срок за спекуляцию. Была в то время такая статья. Сегодня, в условиях товарного изобилия, считается вполне нормальным купить дёшево, например, в Китае, и продать дороже, допустим, в Перми. Это просто бизнес. В Советском Союзе за такой «бизнес», да ещё с расчётом в иностранной валюте можно было заплатить жизнью.

Советский Союз был страной тотального дефицита това-

ров народного потребления: одежда, обувь, косметика, книги, продукты, стройматериалы – всё нужно было достать, добыть, урвать. Между тем, снабжение братских союзных республик, как, впрочем, и Московских или Ленинградских магазинов было не в пример лучше. Вот эти предприимчивые ребята и занялись устранением существующего перекоса товарного рынка: покупали в одном месте и продавали в другом, за что и получили немалые сроки.

После завершения судебного процесса в местных газетах даже была напечатана соответствующая идеологически выдержанная статья «Коробейники на Невском». А ведь занимались они тем же, чем в девяностые занялось полстраны, когда толпы оставшихся без работы людей ринулись в Польшу, Турцию, Китай, откуда сумками и контейнерами везли необходимый населению ширпотреб.

Только наши спекулянты делали это внутри страны, улучшая показатели советской торговли. Не будем забывать, что создали дефицит не они. Да, спекулянты – уж назовём их этим привычным словом – получали от своей коммерции определённый навар, но ведь, во-первых, имелись неизбежные накладные расходы, а, во-вторых, совершенно бесплатно то же самое могла делать наша советская торговля, но ведь почему-то не делала...

Скоро на волю. 1969 год

Заканчивались сроки, и уходили на волю клиенты исправительной системы. Ушёл Витя Шайда – Шмыгло из Каменск-Уральского, ушли Саша Костоусов и Боря Максимовских – Макс. Готовился к освобождению Балда – ему тоже скостили несколько месяцев.

Проводы друзей обставлялись определённым ритуалом. Спиртного в колонии было не достать, а вот чай имел хождение. Приобретали обычно плитку или две, заваривали бадью чифира, в зависимости от количества провожающих, садились вокруг неё где-нибудь в укромном месте и пили. Признаюсь, лично я никакого удовольствия от этого не испытывал, но традиция есть традиция.

Так провожали всех корешей. Провожали со слезами на глазах, давая обещания обязательно встретиться на свободе.

* * *

С некоторого времени наш отряд – полагаю, что не только наш – захлестнула мода на генитальные прибабасы. Раньше, когда я слышал выражение «получишь ты от х...я уши», считал его просто фигурой речи, ну, примерно, как дырку от бублика. Но, как выяснилось, уши были: вытачивали из плексигласа шары, шпалы, полумесяцы и через надрез вставляли под кожу полового члена, перебинтовав и предварительно щедро засыпав рану стрептоцидом. Благо, этого по-

рошка было навалом во всех аптечках колонии.

Два наших кореша тоже решили достойно подготовиться к освобождению, чтоб там, на воле, до глубины души поразить подружек своими сверхчеловеческими возможностями. У одного операция прошла блестяще, и некоторое время спустя он с радостным гоготом колотил елдой по краю эмалированной раковины, приговаривая:

– Вот увидишь, Владик, когда выйду да засажу ей, долго она будет между ног заглядывать: ни чёрт ли там был, ни рога ли оставил...

Другому повезло значительно меньше, точнее, не повезло вовсе. Конечно, вставлять в член инородные тела можно...но осторожно: с соблюдением всех норм и правил стерилизации и дезинфекции. Но не случилось. А случилось – напротив – сильнейшее воспаление.

Прежде, чем обращаться к врачу, собрали консилиум. Вердикт сообщества был неутешителен: х...я придётся лишиться:

– На лепил надежды нет: вон Лаптеву палец оттяпали. И ты готовься...

Анфия Ивановна оптимизму не добавила. Когда пострадавший, обливаясь холодным потом, бледной хризантемой предстал пред её ясные очи, доктор, едва кинув взгляд на очаг воспаления, завила однозначно:

– Отрезать, чтоб не мучился...

Больной без чувств рухнул на кушетку – даже наркоз не

понадобился...

* * *

Как раз в это время я в очередной раз попал на больничку. Надо сказать, что за всё время отсидки полежал я там раза три-четыре. И всё по одной и той же причине: сначала перед глазами мелькали мушки, потом начиналась жуткая головная боль...

Пока мог – терпел, но во время одного из приступов, когда мучение стало невыносимым, отправился к врачу. Оказалось – зашкаливает давление. Мне прописали горячие уколы – хлористый внутривенно – но это не помогло. Тогда перешли на магнезию внутримышечно. Кто пробовал – не забудет никогда. Кто не пробовал – лучше не надо. Эффект феерический: будто тебе со всей дури дали дубиной по заднице...

Но сейчас – не об этом.

Как раз тогда в ИТУ№2 происходила глобальная перестройка. Не та, с большой буквы «П», после которой страна до сих пор не может толком оправиться, а вполне себе настоящая: старые деревянные здания сносили и на их месте возводили новые кирпичные корпуса. По такому случаю больничку уплотнили, и всех пациентов поместили в одну большую палату площадью метров сто, не меньше, так, что она стала напоминать госпиталь времён Великой Отечественной войны.

Каждое утро группа врачей, возглавляемая Анфией Ива-

новной, проводила обход, попутно давая какие-то указания хорошенькой медсестричке с пачкой историй болезни, которую она держала на сгибе левой руки. В палате стоял ровный шум: кто-то кашлял, переговаривался, брякал посудой, скрипел пружинами кровати, шуршал газеткой – но только до того момента, когда очередь доходила до нашего членовредителя. В одну секунду в помещении устанавливалась абсолютная тишина – даже мухи замирали, а все взгляды устремлялись в сторону кровати, на которой страдал от собственной дури, не побоюсь этого слова, эксклюзивный больной.

Как сейчас вижу: Анфия Ивановна приподнимает одеяло, совершает какое-то неуловимое движение, затем склоняется к пациенту и что-то шепчет ему на ухо. Тот, бледный от страха и мокрый от пота, таращится в потолок, а потом вдруг начинает безудержно хохотать, да так заразительно, что вместе с ним хохочут врачи, хохочет хорошенькая медсестричка, хохочет вся палата. Затем, как по команде, все затихают. Анфия Ивановна снова приподнимает одеяло, снова запускает под него руку. Уже оклемавшийся больной подзывает её согнутым пальцем, и когда доктор склоняется над ним, что-то шепчет ей в ответ. Теперь хохочет уже она, а вместе с нею – и вся палата...

Кстати, а жизненно важный орган-то Анфия Ивановна спасла...

* * *

Надо сказать, что за все пять лет помню только три случая смерти на нашей зоне. Точнее, один из них произошёл в следственном изоляторе – за забором.

Подследственный, ни имени, ни фамилии которого я не знаю, получил взыскание – карцер. А поскольку курить в карцере запрещается, он решил затариться табачком под завязку. Скатал из полиэтилена тонкую колбаску, начинённую махоркой, перемотал её ниткой – примерно так, как перематывают связку сарделек, и проглотил, а конец нитки прикрепил к зубу, чтоб впоследствии дёрнуть за верёвочку и вытащить всю цепочку.

Не знаю, кто посоветовал парню этот способ. Не знаю, где он планировал раздобыть бумагу для закрутки и огонь. Знаю только, что сделал он это совершенно напрасно. Нет, его не застучали – обыск при поступлении в карцер арестант прошёл вполне успешно. Вёл себя уверенно, я бы даже сказал, вызывающе. Но лучше бы застучали, ибо дальше произошло то, что и должно было произойти: под действием желудочного сока и полиэтилен, и нитка разложились – махорка попала в желудок.

Подследственному стало плохо, но надзирателю он ничего не сказал: то ли побоялся, то ли счёл, что это запахло – теперь уже не спросишь.

Когда ему стало совсем худо: резко поднялась температура, и наступило помутнение сознания – надзиратель понял, что с подопечным творится что-то неладное. Он тут же под-

нял тревогу, парня перевели в больницу и вызвали из города хирургическую бригаду.

Как это говорится: капля никотина убивает лошадь? Не знаю, не видел. Знаю только, что когда беднягу вскрыли – стенки желудка и кишечника были продырявлены насквозь...

Второй случай – из тех, что часто встречаются и на воле. Один из сидельцев умер во время личного свидания с женой, а, если точнее, умер прямо на ней – оторвавшийся тромб закупорил лёгочную артерию. Мгновенная смерть.

И третий случай – нелепый и жуткий.

Молодой парень. Попал на зону за убийство сожителя своей матери: пришёл из армии, а у мамы – личная жизнь бьёт ключом...

Сели – выпили – подрались. Дембель схватил деревянную табуретку и огрел нового папу по голове. Табуретка оказалась крепче черепной коробки: летальный исход – короткое следствие – суд – колония.

Он был очень хорошим парнем: спокойным, работающим. Играл на баяне задушевные русские песни. В отряде музыканта любили. Но однажды после ночной смены нашли повесившимся – прямо в цеху.

Уже после, обсуждая случившееся, вспоминали, что был парнишка задумчив, часто уходил в себя, а его кажущееся спокойствие, видимо, только маскировало душевные терзания. Не знаю, каковы были их отношения с матерью, могу

только предполагать, что не нашла она нужных слов, чтобы поддержать сына...

* * *

Шёл последний год моего заключения.

В феврале я получил ещё одно печальное известие: повесилась вдова отца Анна – мать Толика и Валерки. Повесилась после своего дня рождения, оставив мальчишек круглыми сиротами. А ведь бабушке в то время уже перевалило на девятый десяток, и двух пацанов ей было просто не потянуть.

Настроение стало – гаже некуда: я понимал, что это событие коснётся напрямую и меня, но если б мы только могли предположить, каким эхом отзовется оно много лет спустя!

Новость я узнал от начальника отряда лейтенанта Васина. Наш бывший – Вася Быков – был к тому времени назначен начальником колонии где-то на Севере.

Вскоре приехала на общее свидание бабушка. На неё было жалко смотреть: бабуля ещё больше высохла – по крайней мере, так мне казалось. Она рассказала, что Валерку и Толика забрал к себе младший брат Анны, Вася Чагин, который только-только женился и обзавёлся ребёночком. Вася был на год моложе меня, работал на Полевском заводе рабочим, сам еле сводил концы с концами, а тут ещё два новых рта. Я представил, какая это будет для него ноша...

Бабушка сказала, что детей Вася увёз в Полевской, а вот дом и хозяйство без моего согласия продать невозможно,

так как я тоже являюсь наследником. Согласие тут же было оформлено начальником отряда и передано бабушке. Вскоре от неё пришло письмо, что всё продано, правда – переживала она – почти за бесценок: очень торопились. Мне стало спокойнее: теперь точно с голоду не помрут, до моего возвращения денег им должно хватить.

Потянулись последние месяцы заключения. За оставшееся время я старался заработать как можно больше. В отряде было заведено: если человек готовился к выходу на свободу, ему старались подкидывать более высокооплачиваемые операции. У нас в бригаде заработок и так был весьма приличный, но ребята решили, чтоб часть общего объёма я закрывал на себя.

И вот, наконец, тридцатое октября! По традиции заварили ведро чифира. Подошли кореша из других цехов: Игорь Иванюк – Хохол, Коля Козловский, Коля Мишунин и многие другие...

После обеда позвали на выход. На вахте произвели досмотр, чтоб чего не вынес. Бухгалтер выдал заработанные деньги, если не изменяет память, тысячу двести восемьдесят шесть рублей. Открылись по очереди несколько решётчатых дверей, и я оказался на воле.

Свердловск. Это сладкое слово «свобода». 30 октября 1969 года

Как оказалось, встречала меня одна лишь бабушка с совершенно мокрыми от слёз глазами. На душе стало одновременно радостно, тревожно и, чего уж скрывать, обидно – состояние какой-то оглушённости.

Внезапно заметил бегущего человека, в котором с радостью узнал Саню Костоусова. После освобождения он снова трудоустроился на кладбище и вот теперь, отпросившись с работы, спешил меня встретить.

Втроём мы дошли до остановки, усадили бабушку на троллейбус и, невзирая на её волнения и переживания, отправили к тётке Физе, а сами двинули к Максусу – в их знаменитый дом на Ленина, 5.

Когда Макс, открыв двери, увидел нас – побагровел от стыда и начал объяснять, что просто забыл о дне моего освобождения. Саня заматерился.

Так как в конце октября на Урале уже довольно прохладно, а я был в одном костюме ещё тех, прошедших, времён, мне тут же подобрали какой-то полушубок, объяснив, что на сегодняшний день это – самый модный прикид, и мы ринулись в детский сад.

Дело в том, что пока Саня отбывал срок, его подруга Галка родила сына, который теперь уже ходил в ясельную группу. Забрав пацанчика, отвезли его на улицу Metallургов – к «деду с бабой», а сами, поймав такси, погнали на Уралмаш – там, на улице Победы, находилось ателье полуфабрикатов «Силуэт», котировавшееся достаточно высоко. В «Силуэте» подобрали два костюма: серый и светло-коричневый, рассчитались по прејскуранту и, накинув сверху, назначили готовность на следующий же день. Затем бегом ринулись в ближайший магазин.

В шестьдесят девятом году выбор продуктов был ещё довольно приличным, поэтому мы, быстро набрав всего, на что только глянул глаз, потопали к Сашке обмывать мой выход на свободу.

Саня в это время проживал уже на Эльмаше, у кинотеатра «Заря»: отец обеспечил его отличной однокомнатной квартирой с высокими потолками и большой кухней. Там нас ждала Галина, которая много знала обо мне со слов мужа, поэтому встреча и знакомство произошли очень радушно и непринуждённо.

Пока разбирали покупки, раздался звонок – пришёл Юра Волков из нашей колониальной конторы. Юра освободился следом за Костусовым и тоже устроился работать на кладбище. В этот день он подменил Сашку: отпустил встречать меня, а, покончив с делами, вместе со своей подругой приехал на нашу ставшую постоянной явку.

Как провели время, рассказывать не буду. Было весело. Вспоминали наших корешей, пили за их и своё здоровье. Поздно вечером проводили Макса и улеглись спать. Наутро Юра с Саней отправились на работу, а я – на Посадскую, где теперь жили тётя Физа, дядя Ганя и Ляля со своим сыном Костей – плодом её недолгого замужества – и где ждала меня моя бабуля. В душе я понимал, каково ей сейчас: только-только встретила внука и тут же отпустила неизвестно с кем и куда! Приняли меня очень тепло.

После чая и непродолжительных расспросов мы с бабулей поехали в областной суд, где работала на разборе кассационных дел Вера Максимовна. Её муж уже несколько лет как перевёлся в Управление Свердловской железной дороги. Вера строго-настрого наказала бабушке, чтоб я, как только освобожусь, немедленно появился у неё в суде.

Окинув меня коротким взглядом, Вера Максимовна улыбнулась и начала спрашивать о дальнейших планах. Естественно, я поделился всем: что твёрдо решил не возвращаться в Серов, а остаться в Свердловске, что собираюсь устраиваться на работу и поступать в институт. Умолчал лишь о том, что хотел бы как-то собрать семью.

Внимательно всё выслушав, она сказала:

– Владик, я знаю, что у тебя есть много денег, – по тем временам это была действительно огромная сумма. – Я завтра позвоню, ты съездишь, внесёшь первый взнос, тысячу двести рублей, и сразу въедешь в двухкомнатную коопера-

тивную квартиру.

Я, конечно, не предполагал такого развития событий, да и в планах у меня ничего подобного не было, а – самое главное – не было уже тысячи двухсот рублей...

– Владик, ты меня понял? – спросила Вера Максимовна.

Я, выдержав для порядка небольшую паузу, ответил:

– Не могу я этого сделать. Я пять лет ничего в жизни не видел!

Вот так и закончилась наша первая после освобождения встреча, из которой я вынес следующее: в хороших делах Вера Максимовна всегда меня поддержит. И в скором времени это подтвердилось.

А пока я ушёл в загул, тем более что помощников в этом непростом деле было хоть отбавляй.

Время от времени вместе с братьями появлялись на Платине: навещали бабушку, да и местным не давали забыть о себе – отжигали так, что только шуба заворачивалась.

В один из таких приездов повстречал на станции, местном Бродвее, дядю Пашу Великанова, которого знал с самого детства, и который пёкся обо мне едва ли не больше, чем родной отец.

– Владик, – старик посмотрел на меня с укором, – ты же уже несколько раз был на Платине, почему же ни разу не зашёл ко мне?

В глазах его была такая тоска, что я растерялся и ничего не смог ответить. Было стыдно, ведь дядя Паша, даже зная

все передраги, в которых мне пришлось побывать, продолжал любить меня.

Я глянул на часы: до прихода поезда оставались минуты. Мы обнялись, старик и молодой оболтус. Дядя Паша поцеловал меня в щёку и, торопясь, заговорил:

– Владик, я уже старый, но я жду тебя. Я покажу тебе такие залежи золота... – он пытливо глянул мне в лицо, – но остальное – за тобой...

Подошёл поезд, и я вскочил на подножку вагона...

Больше мы не виделись: вскоре дядя Паша умер, так и не успев раскрыть свою тайну...

В пятницу вечером к нам присоединился Боря Бриксман, и мы всей конторой зарулили в ресторан «Кедр». Это был один из самых популярных ресторанов в центре города, но поскольку музыканты «Кедра» являлись хорошими Бориныными знакомыми, проблем со столиком не возникло. К тому же, ещё один из «коробейников», Володя Отмонаки, недавно освободился и работал здесь официантом.

Погуляли мы тогда знатно. Ребята-музыканты разделили с нами не только водку, но и наше хорошее настроение, а один из них даже выразил желание поучаствовать в моей судьбе – помочь устроиться на семьдесят девятый завод. Как говорится, всё зависело от полноты налитого стакана, а его энтузиазм подкреплялся видом батареи бутылок на нашем столике.

Когда я появился в отделе кадров номерного оборонного предприятия, то сразу понял, что мне здесь не рады, и в спе-

циалистах с такой биографией завод не нуждается.

Мой доброжелатель почесал лысину и назначил следующую встречу в ресторане, обещая к тому времени ещё что-нибудь придумать. Я сообразил, что данный процесс будет продолжаться до тех пор, пока у меня не кончатся деньги. Мой новый друг просто не полагал, что за свой недолгий век я повидал мошенников куда крупнее его.

Завод «Химмаш». 10 декабря 1969 года

Вечером того же дня я встретил с работы Борю Бриксмана и объяснил ему ситуацию. Еще тогда, в ресторане, мы договорились встретиться, если с предложением музыканта ничего не выгорит. Посмотрев на мою кислую физиономию, Боря улыбнулся:

– Не грусти, что-нибудь придумаем. Поехали.

В то время Борис жил в районе Химмаша. Приехав на место, мы зашли в магазин, купили две бутылки водки и отправились к Бориному приятелю, который проживал недалеко от заводоуправления.

Дверь нам открыл довольно приятный мужик. В гостях у него сидел ещё один, постарше, как я узнал чуть позже, это был Бучнев Леонид Васильевич, начальник отдела капитального строительства завода «Химмаш». До перехода Бориса на работу в колонию Бучнев был его непосредственным начальником.

Быстро соорудили стол. Сидели весело. Боря рассказал приятелям, как я появился в их компании, я тоже кое-что о себе добавил, не забыв упомянуть о том, что хотел бы остаться в Свердловске.

На прощание Борис сказал Леониду Васильевичу: «Возьми этого парня к себе – не пожалеешь». И буквально через день в условленное время я пришёл к Бучневу в ОКС, откуда мы с ним направились в отдел кадров, где я без всяких проволочек получил два направления: на медкомиссию и в общежитие.

Нужно было оформлять паспорт и прописку. И тут в дело вмешался начальник милиции Чкаловского района, который дал мне десять часов на то, чтобы я покинул пределы города. Понять его можно, ему бы со своими преступниками справиться, а тут кадр из колонии, который неизвестно чего за эти пять лет нахватался.

Пришлось мне с этой неприятной новостью срочно идти в Облсуд к Вере Максимовне. Договорились, что я подойду к ней на следующий день, а она за это время попытается что-нибудь сделать.

На следующее утро Вера Максимовна отправила меня к судье Решетникову, кабинет которого находился в том же здании Чкаловского райотдела, только с другого входа. Услышав мою фамилию, Решетников велел возвращаться обратно к начальнику милиции, заверив, что на этот раз вопрос будет решён положительно.

Так и произошло. В кабинете начальника райотдела как раз заканчивалась планёрка – так мне, по крайней мере, показалось, судя по количеству присутствующих. Отпустив подчинённых, начальник сказал:

– Разрешение на прописку я тебе дам, но, не дай Бог, с твоей стороны хоть какое-то правонарушение – упрячу на полную катушку!

В ответ на это я с улыбкой гарантировал, что такого удовольствия ему не доставлю. Уже на выходе гражданин начальник остановил меня вопросом:

– Скажи, кто тебе помогает в Облсуде?

– Зачем это Вам?

На том и расстались...

Так оказался я котельщиком завода «Химмаш». Бригада, в которую определил меня Леонид Васильевич, встретила нового работника довольно прохладно: они знали, откуда я появился, но в просьбе начальнику ОКСа отказать не могли. Правда, это скрытое недоверие улетучилось через весьма непродолжительное время: я брался за любую работу, помогал каждому. Тем более, близился срок завершения проектного задания, пахали мы без выходных, в иные дни по двенадцать часов, и до конца года завершили программу – выпустили и сдали ОТК всю запланированную продукцию.

Ещё в ноябре, в перерыве между гулянками, я появился в Серове. Встретился с Рудаком – он ведь тоже освободился, повидался с друзьями и боксёрами, которые тренировались вместе с нами. За пять лет многое изменилось, некоторые из знакомых вообще уехали из города. Уехал и Вася Ханов – на Украину, на ферросплавный завод, который тогда только входил в строй. Уехал, предварительно расписавшись с Том-

кой Симаковой, дождавшейся его из армии.

В первый же день приезда мы с Валькой решили навестить Глафиру Михайловну, мать Васьки. Где-то около шести вечера притопали на автобусную станцию, но, не дождавшись автобуса, решили идти пешком огородами – так короче. В ноябре на Урале темнеет рано, но в этот день выпал снег, и потому было довольно светло.

Пробираясь через огороды, краем глаза заметили какого-то мужика, двигавшегося в том же направлении, что и мы. Что-то знакомое почудилось мне в нём, и тут, перелезая через забор, я зацепился за гвоздь полой своего шикарного итальянского пальто – в Свердловске неплохо упаковался на барахолке – и выдал естественную матерную реакцию. Мужик, видимо, тоже узнал меня, мы сбежались: это оказался Монгол. Он только что освободился, отбив свои пять лет по подозрению в краже велосипеда.

Что тут было! Стоим в снегу, обнявшись втроём, чувства переполняют, да надо бежать дальше. Разошлись, договорившись как-нибудь собраться, посидеть, но это была наша последняя встреча с Монголом. И хотя после я частенько бывал в Серове, свидеться нам так и не довелось.

Глафира Михайловна встретила нас очень радушно, плакала, рассказывая о Васе, которому оставался ещё год. Сев по малолетке, Васька имел право на УДО, да не случилось: сказывался бойкий характер и, как следствие – нарушения, порой даже незначительные, но при досрочном освобожде-

нии учитываются и они.

В Новый Год отметились в Полевском, где теперь – в семье дяди – жили мои братья Валерка и Толик. Праздник справили вместе.

Вернувшись после выходных на работу, узнал, что бригада наша расформирована. Троих, самых молодых, в том числе и меня, оставили в цехе на подсобных работах.

Январь прошёл скучно: выполняли какие-то разовые заказы, заработка, естественно, не было. Февраль тоже начался ни шатко-не валко. В душе зрело и нарастало раздражение: к такой организации труда я не привык – работа в колонии приучила меня к чёткому производственному распорядку, а тут приходишь утром на работу и не знаешь, чем будешь заниматься, может, и пробездельничаешь целый день.

По воле случая

Я не терял связи со своими «однополчанами», и на одной из встреч Юра Волков посоветовал мне уволиться с завода и идти работать в трамвайно-троллейбусное управление: он, оказывается, до заключения работал в Октябрьском троллейбусном депо и неплохо знал условия труда.

Предварительно договорившись в отделе кадров депо о трудоустройстве – а им очень нужны были электрослесари – я подал заявление на увольнение. Пройдя все необходимые собеседования и отработав положенный срок, получил обходной лист.

И вот бегаю по заводу, подписываю обходную и на центральной аллее встречаю Леонида Васильевича. Остановились, поговорили. Мы вообще-то и раньше довольно часто пересекались, но жаловаться я считал неприличным – человек и так проявил ко мне такое участие! В этот раз он тоже пытался узнать, как дела, есть ли работа, но я увёл разговор в сторону, ведь в кармане уже лежала обходная. На прощание Леонид Васильевич сказал:

– Владик, погоди немного. Ты будешь работать в лучшей бригаде завода, я тебе обещаю. И заказы всегда будут.

На том разошлись. Мне было очень стыдно, что смалодушничал и не сказал Леониду Васильевичу о своём увольнении, а ведь он так старался мне помочь!

До сих пор живу с чувством вины. Спустя десять месяцев, уже работая в депо и учась в институте, я позвонил ему домой: хотел сообщить о своих успехах, доказать, что выполнил данное обещание и становлюсь нормальным членом общества, но Леонида Васильевича уже не было в живых – скончался скоропостижно.

Но это будет спустя десять месяцев, а пока, уволившись с «Химмаша» я проходил стандартную процедуру оформления на работу в депо. И опять та же проблема: общежитие и прописка. У Ляли и дяди Гани я мог пожить только временно, несколько дней: больше не позволяла совесть, а общежитие ТТУ было забито под завязку. Так мне, по крайней мере, сказали. И тут с Платины приехала моя бабуля: чуяло, видно, сердце, что не всё благополучно у её любимого внука!

Рано утром мы с бабушкой ринулись в район депо – на улицу имени красного командира Щорса. Там, в верхнем её конце, было много деревянных частных домов, вот в двери одного из них мы и поскреблись.

– А ты как здесь оказался? – на пороге дома возник Саша Старков. Примерно за год до этого он, окончив техникум, устроился вольнонаёмным мастером в ИТК-2, в наш второй цех, где мы, естественно, и познакомились. Надо было видеть Сашкины глаза, когда он узрел на пороге меня с какой-то бабусей. Но ещё больше вопросов появилось, когда из-за его спины высунулась такая же, как моя, старушка, и обе они со слезами и невнятными вскриками бросились друг

другу на шею, а затем ушли в комнату.

Чуть позже всё выяснилось. Оказывается, ещё в ранней молодости наши отцы были неразлучными друзьями, а наши бабушки – близкими подругами. И вот как довелось им встретиться! Откуда бабуля узнала адрес – непонятно, скорее всего, через кого-нибудь из земляков. Но на этом сюрпризы не закончились: оказалось, что близкая родственница Старковых работает в ТГУ, и где бы вы думали? Правильно! Руководит общежитиями! Как говорится, не было ни поллушки, да вдруг алтын: бабушка вела меня в этот дом, чтобы устроить на квартиру, но буквально на следующий день всё завертелось, и я по письму Управления был поселён в общежитие завода имени Калинина на улице Баумана, 9.

Вот так, в сущности, по воле случая попал я в трамвайно-троллейбусное Управление, с которым оказался связан тем или иным образом на долгие сорок лет.

ТТУ. Октябрьское троллейбусное депо. 27 февраля 1970 года

В депо все виды ремонта и обслуживания подвижного состава – в зависимости от сложности и объёма – были зашифрованы под номерами. Меня определили в бригаду ремонта №1. Руководил бригадой Миша Прокофьев. Он дорабатывал последние годы до пенсии и пользовался непререкаемым авторитетом не только у начальства, но и среди рабочих.

Стажировал меня Гена Петров, который устройство троллейбуса знал до винтика. У него было какое-то невероятное чутьё: когда машина становилась на ремонт, и Гена знакомился с книгой заявок, то сразу видел, чем «страдает» этот троллейбус – сразу находил узел или узлы, бывшие виновниками отказов.

Бригада приняла меня нормально, и уже через несколько месяцев я стал здесь своим человеком. Одного только не мог понять и принять: как только у мужиков появлялись деньги – а это случалось дважды в месяц, после аванса и получки – они тут же сбрасывались и уже в обеденный перерыв принимали на грудь. В другие дни по очереди занимали у водителей, и повторялось то же самое. Дождаться конца смены наши трудяги не могли. Пили на работе и другие брига-

ды. Некоторые работяги, в силу своего хрупкого здоровья, к концу смены нажирались так, что из цеха их выводили под белы ручки. Для меня такое было дико: ведь готовили не грузовые машины, а транспорт для перевозки людей!

За всю свою жизнь я так и не научился пить на работе в рабочее время. После работы – пожалуйста, была бы только компания соответствующая.

Через некоторое время после трудоустройства начальником цехов ремонта назначили Владимира Георгиевича Сергеева – перевели из бригадиров. Человеком он был незаурядным: таких в коммунальном хозяйстве страны, а ТТУ относилось к Министерству ЖКХ, набралось бы два или три на весь огромный Советский Союз. Владимир Георгиевич являлся Кавалером Ордена Ленина и Золотой Звезды Героя Социалистического Труда. При этом оставался абсолютно простым и скромным мужиком. Я был для него просто Владик, а он для меня – Володя, несмотря на довольно большую разницу в возрасте. Вот такие взаимоотношения. А то, что он сыграл в моей жизни огромную роль, просто неоспоримо.

Подходило первое лето моей работы в депо. Лето – пора отпусков, но я-то поступил на работу в феврале, и мне, разумеется, ничего не светило, а намеченный жизненный план надо было выполнять: готовиться к поступлению в институт. И тут Володя предложил мне в летний период поработать на линии.

Если в цехах он ещё как-то затыкал кадровые дыры, обра-

зовывающиеся вследствие отпусков, то линия – когда у троллейбусов случаются отказы и поломки на маршруте – была раздета. Людей там и раньше не хватало, потому что работа шла в две смены: до последнего троллейбуса, а с наступлением сезона отпусков – тем более. Отказать Сергееву я, естественно, не мог. Мы очень тепло относились друг к другу: Володя знал про мои жизненные зигзаги, но воспринимал это как-то с пониманием.

Кроме того, работа на линии устраивала меня тем, что в периоды затишья, когда всё оборудование было исправно, я мог сидеть в здании аварийной службы и штудировать учебную литературу. Таким образом, к первому туру экзаменов, который проходил в июне, готовился на работе и дома: многое было подзабыто, так как школу я закончил ещё на первом году заключения, да и вуз для поступления выбрал один из самых престижных в Свердловске – Институт народного хозяйства, филиал Московского института имени Плеханова.

Тяга к знаниям. 1970 год

Первый экзамен, физику, сдал на «отлично»: попал удачный билет с вопросом по электрике. А вот математику письменно – завалил. Расстроенный, но не сломленный я забрал документы и через месяц подал их снова. Два месяца на работе и дома решал задачи и примеры.

И снова первым экзаменом была физика, которую я сдал на «пять», вторым – математика письменно. Задание выполнил моментально и был почти полностью уверен, что всё решил правильно, поэтому сидел и дожидался конца экзамена. Подошёл преподаватель-наблюдатель, глянул мне через плечо и предложил в последнем примере упростить ответ, но до конца экзамена я, к сожалению, так и не смог этого сделать! Тем не менее, получил пять!

Следующий экзамен – математика устно. Особой тревоги не испытывал. Билет отчеканил уверенно, и тут экзаменатор задал дополнительный вопрос, на который я не ответил. Он улыбнулся:

– Что, на «пять» тянуть будем или «четырёх» хватит?

Я, не желая испытывать судьбу, согласился на четвёрку.

Последний экзамен – литературу – предмет непрофильный – нужно было сдать хотя бы удовлетворительно, а так

как в аттестате по литературе у меня была пятёрка, надеялся, что справлюсь. И справился. Но когда пришёл ознакомиться со списком зачисленных, своей фамилии не нашёл. Это показалось странным, так как по моим расчётам баллов должно было хватить, тем более что поступал я не на дневное, а на вечернее отделение!

Что делать, куда бежать?

И тут вспомнил про Лёву Петрова, который отбывал наказание как раз по делу о приёмных экзаменах и отлично разбирался во всей этой кухне! Он уже год, как освободился и работал в УФАНе, а его телефон и адрес я знал: мы и после освобождения связи не теряли. С утра пораньше я вытащил Лёву из постели, и в тот же день он был в приёмной комиссии.

Как его допустили, помогло ли личное обаяние или сработали старые связи – не знаю, но результат меня не обрадовал. Оказалось, для проходного балла нужно было набрать три пятёрки – вот такой конкурс. К тому же, на вечернее отделение поступали абитуриенты, отслужившие в армии, а они, по положению, зачислялись вне конкурса, достаточно было сдать экзамены без завалов. Моя же служба сроком пять лет, к сожалению, таких преимуществ не давала.

Правда, Лёва обнадёжил меня, пообещав, что я буду зачислен кандидатом, а позднее, после первой-второй сессии, когда начнутся отчисления – студентом. Всё точно так и произошло, и после первой же сессии я стал полноправным чле-

ном студенческого сообщества.

В этот же период со мной произошли два забавных случая, о которых я не могу не вспомнить.

* * *

Первый приключился, когда я направлялся на экзамен по физике. Только я подошёл к аудитории, как откуда-то сбоку мне на шею бросился парень, как оказалось, мой сослуживец по ИТУ-2 Коля Мишунин – Мишуня – человек неординарный и, безусловно, талантливый. В колонии он выделял такие номера – книгу можно написать.

Работал Коля в цехе, где выполняли самую точную работу: прессформы для пластмасс, штампы и тому подобное. Он был отличным специалистом и организатором, но часто попадал в ШИЗО за всяческие выходки, поэтому срок свой – семь лет – отсидел от звонка до звонка.

Ну, к примеру.

Однажды в колонию прибыла высокая комиссия, которая знакомилась с условиями труда заключённых. Не показать им гордость ИТУ-2 – инструментальный цех, где с очень высоким качеством изготавливались сложнейшие прессформы и штампы, было бы просто кощунством. И надо ж такому случиться, что именно в этот ответственный день Мишуня – мастер и центральная фигура данного производства, раздобыл где-то водку и напился вусмерть. Ну, не доложили бедолаге своевременно о прибытии важных гостей.

Чтобы он не светился и не испортил, часом, впечатления

от экскурсии, ээки уложили нарушителя режима спать в кладовку с металлическими заготовками, бросив на пол пару телогреек – для комфорта. Дверь закрыли на висячий замок.

Не знаю, какие сны видел Коля во время этого принудительного отдыха, но проснулся он именно тогда, когда начальник цеха Цепаев показывал уважаемым гостям с большими звёздами на погонах свой замечательный цех и демонстрировал производимые там изделия. И вот как раз в тот момент, когда члены комиссии внимали рассказу начальника о секретах производства, где-то за их спинами раздался страшный удар, за ним – другой и третий.

Начальник сразу потерял дар речи, а высокие гости с перекошенными от неожиданности лицами уставились на дверь, которая содрогалась под мощными ударами.

Тут пробой вместе с замком с треском вылетает, створка распаивается, и на пороге возникает зэк с железякой наперевес. А вес железяки – килограммов двадцать, не меньше. Именно этой металлической заготовкой, как тараном, он и вынес дверь кладовки.

Надо отдать должное Мишуне: в ситуацию он врубился мгновенно. Увидев такое количество уважаемых людей при погонах, Коля бросил заготовку на пол, резко вскинув руку к виску, отдал честь, и, слегка покачиваясь, прямой дорогой добровольно и без принуждения направился в ШИЗО, где был принят и оформлен на очередные пятнадцать суток.

Самое интересное, когда горел план, Коля, находившийся

в ШИЗО, получал помилование и направлялся на трудовой фронт.

В паре с Игорем Иванюком – Хохлом, они изготавливали самые сложные прессформы и штампы.

После освобождения оба трудоустроились на предприятие сферы услуг «Рембыттехника», где чрезвычайно высоко ценились как изобретатели и изготовители различных, как теперь говорят, гаджетов.

Когда позднее Коля, выпав по пьянке с балкона второго или третьего этажа, сломал позвоночник и получил первую группу инвалидности, с работы его не уволили – так дорожили!

Вот простой пример. В то время наши цеховики начали фабриковать «американские» джинсы. Ну, кто будет носить совдеповский самопал? Стрёмно! Совсем другое дело – штатовские! Шить качественно научились, но для того, чтобы выдать бутлег за фирму, нужна фирменная фурнитура, особенно пуговицы – тогда шмотки уйдут влёт. Так вот, Мишуня с Хохлом сконструировали и изготовили штампы и заваляли цеховиков фурнитурой, которую невозможно было отличить от родной американской. А это были та-акие деньги!

А наградные планки из оргстекла! За ними ветераны просто выстраивались в очередь. И ещё многое другое, что они мастерили по собственным чертежам, которые Мишуня мог разрабатывать буквально на коленке.

Деньги текли рекой и, как вода, утекали сквозь пальцы.

Но я снова забегаю вперёд.

* * *

Так вот, встретились мы в институте. Мишуня тоже пришёл сдавать экзамены и оказался в нашей группе. Таинственно прильнув к моему уху, он спросил:

– Ты что, сам идёшь сдавать?

– Конечно... – недоумённо ответил я.

Коля глазами указал на парня, стоявшего рядом:

– А за меня вот он пойдёт, – и подал мне экзаменационную карточку, в которую вклеена фотография этого самого вундеркинда, как оказалось, студента физтеха.

Конечно, за экзамен он получил пять.

Математику устно и письменно за Мишуню сдавал математик: фотография снова была переклеена, а печать идеально подогнана. И только за литературу Мишуне пришлось отдуваться самому, так как после заключительного экзамена карточку сразу забирали. В противном случае литературу за него сдавал бы какой-нибудь начинающий уральский писатель – в этом я уверен!

В результате Мишуня был зачислен сразу студентом, а вот я – только кандидатом.

* * *

Успешную сдачу экзаменов полагалось обмыть. Хоть и обитал я в общежитии на Эльмаше, но нашей явкой в выходные, да и в будни после работы стала квартира одного из моих друзей-каторжан Серёжи Кобякова, который жил в цен-

тре, на пересечении улиц Ленина и Гагарина. Был Серёга из хорошей семьи: мать большую часть жизни проработала начальником цеха завода медпрепаратов, отец – научный работник, а вот сынуля...

Трудно сказать, почему это произошло, может, от излишней избалованности, а, может, от недостатка внимания – со стороны судить трудно.

После освобождения, а отсидел Серёга весь положенный срок, он по какой-то причине попал под надзор и должен был регулярно отмечаться в милиции.

Вот с этим Серёгой, да ещё с одним из его друзей мы и ввалились в кафе «Пингвин» на углу улиц Ленина и Карла Либкнехта.

Я как раз получил зарплату, поэтому гулянка удалась на славу. Когда набрались до упора, потребовалось отлить. Так как мужской туалет не работал, я направился в женский, а Серёга встал на атаке. Стоять ему пришлось довольно долго, и только когда у дверей туалета скопилась приличная очередь, мой приятель решил-таки проверить, чем же я там занимаюсь. Обнаружил он меня мирно спящим, с головой, пристроенной на край унитаза.

Сам я этого, правда, не помню, так как очнулся только наутро у себя в общежитии. Карманы мои были пусты – денег ни копейки. Получка исчезла полностью. Полагаю, карманы мне почистил приятель Серёги: пропить такую сумму мы просто физически не могли!

Встал вопрос: как прожить до аванса? К тому времени все мои сбережения уже давно растворились, как сахар в кипятке. После недолгих раздумий побрёл на Северное кладбище – к корешам. Вдохновлённые рассказами Сашки Костоусова о больших деньгах некоторые наши «однопольчане» после освобождения устроились работать на кладбище. Толик Шареев – Шарик – руководил бригадой на Северном, Юра Волков и Сашка трудились на Сибирском.

Толик, к которому я обратился, без лишних разговоров дал мне халтуру – оформление одной могилы – доход от которой с лихвой покрыл все мои потери! Выполнил я работу за три дня, сдал заказчице, получил деньги, поблагодарил Шарика за приобретённый опыт и, в общем, вполне удовлетворился.

На явке в эти дни я, естественно, не появлялся, а когда появился, Серёга чрезвычайно обрадовался. У него были грандиозные планы: задействовать мои знания в решении его проблемы, а именно, снять милицейский надзор, который весьма тяготил моего свободолюбивого друга. Для этого нужно было сдать экзамен по физике за третий курс педагогического института вместо мента, осуществлявшего надзор.

Я боялся: всё же третий курс, да вдруг узнают, но Серёга проявил упорство, познакомил меня со своим куратором – а мы действительно оказались чем-то похожи – и они уже вдвоём принялись меня убалтывать. Главным аргумен-

том стало то, что в случае провала претензий ни ко мне, ни к Серёге не будет, а то, что меня не узнают, мой двойник гарантировал, так как учился заочно и, видимо, посещением лекций не злоупотреблял. В общем, уломали меня.

Придя в аудиторию, я сдал зачётку, вытянул билет и начал готовиться. Так как физику в объёме средней школы я знал на «отлично», отвечать пошёл быстро. Отвечал уверенно. Последним вопросом билета был закон Кирхгофа, который я тоже рассказал, но экзаменатор попросила осветить его с точки зрения высшей математики, а этого я при всём желании сделать не мог. После долгих мучений экзаменатор, наконец, сдалась и, пододвинув к себе экзаменационную ведомость, устало произнесла:

– Ладно, «удовлетворительно». Фамилия?

– Погадаев, – брякнул я на автомате.

– Так, Погада-аев... – она начала рыться в зачётках, а я, сообразив, что сморозил не то, тут же поправился, но было поздно...

«Штирлиц ещё никогда не был так близок к провалу!»! Экзаменатор бегала между рядами, тыча студентам зачётку, и спрашивала: он это или не он. Сработала студенческая солидарность: одни, улыбаясь и хихикая, говорили, что он, другие, которые очень честные, молча пожимали плечами.

Наконец, экзаменатор сообразила привести в аудиторию куратора этой группы, которая в силу служебных обязанностей помнила в лицо каждого студента, а уж моего лейтенан-

та – тем более.

Наши войска потерпели сокрушительное поражение! Я был изгнан из аудитории с позором и осознанием того, что физику за третий курс института я, хоть и на тройку, но всё-таки сдал!

Как мой доверитель смог разрулить эту ситуацию, я не знаю, знаю лишь, что из института его не выперли, хоть и вполне могли.

Бывших боксёров не бывает. 1970 год

Первого октября семидесятого года я приступил к занятиям в институте. В первые дни проводили организационное собрание, на котором выбрали старосту – Володю Клеманских, заполняли какие-то бланки, формуляры, получали учебную литературу, словом, толком не учились.

В один из таких дней, возвращаясь из института в общежитие, я зашёл в спортивный зал общества «Локомотив». Каким ветром меня туда занесло, теперь точно и не вспомню, предполагаю, что узнал от кого-то, что там тренирует Владимир Кириллович Попырин, у которого я когда-то, за год до заключения, тренировался на сборах. Он ещё предлагал мне остаться в Свердловске.

Минуло уже шесть лет с того момента, как я в последний раз надевал боксёрские перчатки, но в душе всё ещё оставался боксёром.

Первое, что бросилось в глаза при входе в зал: молнии-поздравления спортсменам, выполнившим норматив мастера спорта СССР. Одним из них был Володя Коснарев, другим – Гортинский. Стало завидно: когда-то и я мечтал об этом, и даже о большем! Ведь из почти тридцати боёв, проведённых

за Серов, я не проиграл ни одного!

Пока стоял, глазел на объявления и поздравления боксёрам и их тренерам, из зала вышел Попырин в сопровождении воспитанника, которому он что-то настойчиво внушал.

Неожиданно Владимир Кириллович остановился и стал внимательно вглядываться в моё лицо. Я поздоровался. Он не спеша подошёл, спросил неуверенно:

– Кажется, Погадаев?

Только подумать: шесть лет! Наверное, через его жизнь прошла не одна сотня боксёров, но он меня вспомнил и даже фамилию назвал правильно!

Мы разговорились. Спрашивал в основном Владимир Кириллович, рассказывал я. Попырин, как оказалось, был в курсе того, что с нами произошло, поэтому рассказ мой казался по большей части последних событий: общежитие, работа, учёба в СИНХе. После нашей беседы он неожиданно предложил:

– Давай, приходи на тренировку, попробуем снова.

С одной стороны, мне, конечно, было лестно, что Попырин меня вспомнил. С другой – времени свободного практически не было: вечер среды, суббота и воскресенье. Об этом я и сказал Владимиру Кириллычу. Но он ответил, что среды и воскресенья – именно эти два дня приходились на его смены, так как работал он через день – будет вполне достаточно. Короче, убедил, и в первый же выходной я появился в спортзале – так началось моё возвращение в бокс.

Это можно и, наверное, нужно было сделать годом ранее, но неустроенность, неопределённость, а ещё больше – заработанные нелёгким трудом деньги, которые, не мной сказано, жгли ляжку и которые нужно было промотать – всё это направляло мои усилия совсем в другое русло. Благо, и помощников в этом нелёгком деле всегда хватало.

Теперь жизнь моя была подчинена строгому графику: всю неделю, за исключением среды и выходных, я ходил на работу и в институт, в среду – на работу и на бокс, в воскресенье – на бокс. Для отдыха и развлечений оставалась только суббота. А если учесть дорогу – с Эльмаша через весь город – станет ясно: времени, даже на сон, было впритык.

Кроме того, надо мной висел топор: первая сессия! Для того чтобы из кандидата переквалифицироваться в студента, я должен был стать одним из лучших! Только жёсткая самодисциплина позволила мне справиться со всеми нагрузками и преодолеть все соблазны.

* * *

Перед первыми соревнованиями Кириллыч – так уважительно-ласково звали мы своего тренера – решил обтаскать меня на товарищеской встрече с боксёрами Ревды и попросил принести мой классификационный билет, который, со слов Запарова, куда-то исчез. Ещё в колонии из письма Игоря Боброва я узнал, что все мои фотографии забрала себе некая Таня Якименко, сотрудница спорткомитета. Может, и билет мой оказался у неё. Вот только выяснять это време-

ни уже не было. Короче, пришлось срочно присваивать мне начальный третий разряд. С ним я и провёл свой первый – после шести лет перерыва – бой.

Примечательно, что фамилия моего противника была Рудаков – уже третий Рудаков-боксёр, хотя чему тут удивляться: на Урале живём. Бой я выиграл с огромным преимуществом – так начал свою новую карьеру в боксе, которая, к сожалению, продлилась всего полтора года.

* * *

В следующий раз выступал на ВИЗе, где меня объявили уже как боксёра, имеющего второй спортивный разряд. Этот бой тоже выиграл: во втором раунде мой противник побывал в нокдауне, и после этого просто не мог как следует огрызаться.

По окончании боя ко мне подошёл его тренер, молодой ещё парень:

– Слушай, Владислав, ты в шестьдесят четвёртом в Серове выступал?

– Выступал...

– Но ведь у тебя уже тогда был первый разряд?!

– Был. Но я шесть лет не боксировал, – и я в общих чертах рассказал о том, что с нами произошло. Оказалось, он тоже кое-что об этом слышал, но тогда просто не придавал значения.

Во время нашего разговора его подопечный крутился тут же, а после того, как мы с тренером попрощались, по секрету

шепнул, что у него – тоже первый разряд, на что я ответил:
– На сегодня у меня – только второй.

* * *

Этот и следующий год были для меня очень непростыми: работа, учёба, тренировки – везде нужно было успевать, и я успевал. После первой сессии меня, наконец, перевели из кандидатов в студенты – на душе стало поспокойнее. Выиграл несколько товарищеских встреч, но, главное – первенство города, причём два боя – досрочно, после чего мне повторно присвоили первый разряд.

А вот всесоюзный мемориал в Копейске на приз дважды Героя Советского Союза Хохрякова я продудл, хоть и с небольшой разницей в счёте.

Я понимал, что двух, а иногда и одной тренировки в неделю явно недостаточно. Кроме того, в ходе соревнований я начал сильно уставать, а это значило, что в организме что-то не так. Что именно, я узнал много позже, когда уже завязал со спортом.

* * *

Зимой в Златоусте состоялись ещё одни всесоюзные соревнования на приз Насретдинова, боксёра из этого города, погибшего во время конфликта с китайцами на полуострове Даманский в шестьдесят девятом году. В память о нём и был организован мемориал.

Здесь я стал вторым, получил серебро. До финала дошёл, выиграв три боя, но получил сечение брови.

В финале я дрался с Уваровым – Мастером Спорта Международного Класса, членом сборной Советского Союза. Во втором раунде он сбил у меня с брови наклейку, бровь развалилась, и я был снят за невозможностью продолжения боя.

На эти соревнования приехало много команд. Были и серовцы. Привёз их Гриша Заппаров, который участвовал в судействе. Некоторые из ребят тренировались ещё вместе со мной, только в младшей группе. Понятно, что и болели они тоже за меня.

При расставании один из членов команды, Володя Перминов, отвёл меня в сторону и сказал:

– Владик, завязывай... То, что ты был в Серове... Тебе уже, наверно, не прийти в ту форму...

Так Володя озвучил мысль, которая крутилась где-то на задворках моего подсознания.

* * *

Весной, на первенстве области, я дрался с Валентином Мащенко, к тому времени двукратным чемпионом Советского Союза среди студентов. Судья в ринге Богданов дал мне два предупреждения за удержание, причём, совершенно незаслуженно, и победу, хоть и с разногласием, присудили Валентину. После окончания этих соревнований мне присвоили звание Кандидата в Мастера Спорта – так за шесть месяцев я поднялся с третьего разряда до КМС.

* * *

В августе на праздновании не то дня железнодорожника

(первое воскресенье августа), не то – физкультурника (второе воскресенье августа) спортклуб «Локомотив» проводил показательные выступления боксёров в ЦПКиО имени Маяковского. Кириллыч поставил меня в пару с Маратом Абсаямовым. Лучше бы он этого не делал!

После моего появления в команде Мара – к тому времени уже мастер спорта – перешёл в более тяжёлую весовую категорию, а его место занял я. На тренировках Кириллыч старался не ставить нас в пару, так как, несмотря на указание тренера работать легко, уже к середине раунда мы входили в такой раж, что все окружающие останавливались и ждали, чем же это закончится. А заканчивалось обычно кровавыми соплями и нагоняем от тренера.

Перед выходом на ринг в ЦПКиО мы с Мариком договорились боксировать легко – выступления-то показательные – но уже во втором раунде татарская кровь моего соперника взыграла, и я начал получать такие плюхи, от которых другой давно бы оказался на полу. Не желая уступать, я немного провалил Маратика и так врезал ему по бороде, что Мара буквально повис на мне и прошептал в самое ухо:

– Ты чё делаешь?

– А ты чё делаешь? – ответил я.

Несмотря на заданные вопросы, третий раунд мы провели в приличном темпе, надавав друг другу хороших тумачков.

После боя нам вручили награды: Маратика – спортивное хлопчатобумажное трико, мне – фарфорового мишку. Эти

подарки да и сами подробности боя ещё долгие годы были предметом шуток в нашей компании.

И вот прошло уже сорок пять лет с того памятного боя. Марины треники давным-давно изношены, да и самого его уже несколько лет как нет на свете, а фарфоровый мишка каким-то чудом уцелел среди всех перипетий жизни.

Утром в курилке депо я невольно подслушал, как один из слесарей рассказывал собравшемуся коллективу о моём вчерашнем бое. До этого практически никто на работе не знал о том, что я занимаюсь боксом и являюсь КМС по этому виду спорта, а теперь рассказчик живописал это событие в таких красках, что у слушателей глаза были, что называется, квадратными. После этого мой авторитет значительно возрос как среди пьяниц, так и среди тех, кто этим делом не увлекался.

* * *

Тем не менее, в подсознании всё же зрела мысль о том, что с боксом придётся завязывать. Пора было принимать решение, потому что и работать, и учиться, и выступать одновременно – невозможно. Допустим, можно участвовать только в крупных соревнованиях, но побеждать при таком ничтожно малом объёме тренировок – нереально.

Особенно эта мысль окрепла после того, как я проиграл первенство Центрального Совета общества «Локомотив» в Прибалтике. Обычно эти соревнования проводились в Даугавпилсе. Так повелось потому, что сборная общества «Локомотив» почти наполовину состояла из прибалтов: бокс

там был на высоте.

* * *

Последний раз я решил отобраться на первенство ЦС «Локомотив», которое должно было состояться в Казани в январе семьдесят второго года, и давало мне шанс выполнить норматив на звание Мастера Спорта, о котором я мечтал, практически, с детства. Для этого нужно было успешно выступить на зональных соревнованиях.

Зональные соревнования планировалось провести в Перми. Для подготовки к ним были организованы двухнедельные сборы, на которые я опоздал на целых семь дней: сборы, как на притчу, совпали по времени со второй, зимней, сессией. При встрече в спортзале Кириллыч отругал меня и вручил целую пачку талонов на питание – за весь период сборов. Вот только, встав на весы, я обнаружил несколько лишних килограммов. И зачем мне эти талоны? Надо срочно сгонять вес!

Тренировки проходили дважды в день, а экзамены в институте никто не отменял, и первым из них была высшая математика, нормально подготовится к которой, учитывая создавшиеся условия, было очень проблематично!

Выручила Ольга Ткачукова-Покрасс, моя хорошая знакомая ещё по Серову.

Её семья когда-то давно была выслана из Москвы. Отец, высококлассный специалист, работал главным инженером в «Серовстальстрое», а Ольга отлично училась в школе, зани-

малась спортивной гимнастикой. Познакомились мы через моего друга, товарища по боксу, а затем и подельника Вальку Рудакова, с которым Оля, как тогда выражались, дружила.

Пока мы отбывали срок, она успешно окончила УРГУ, вышла замуж за Володю Ткачукова, умного и компанейского парня, родила дочь Катю. Спустя недолгое время Володя трагически погиб. Всё произошло глупо и страшно. Где-то в кабаке он повстречался с Юрой Васильевым, мастером спорта по боксу, тренером команды УПИ, и отправился к нему в гости – догуливать. Дома никого кроме них двоих не было. Не знаю, что между ними произошло, но Васильев нанёс Володе множественные удары утюгом, от которых тот и скончался. Ольга осталась одна с маленькой дочерью на руках, и ей пришлось бы очень трудно, если б не помощь родителей.

Некоторое время спустя Оля познакомилась с математиком-аспирантом Валерой Дерновым, который, кроме того, в совершенстве владел немецким. Вот ему-то и было дано поручение подготовить меня к экзамену по высшей математике.

Темп жизни в те дни был сумасшедший: интенсивные физические нагрузки в полном соответствии с законами педагогики чередовались с умственными.

Утром мы с Валерой встречались в кафе «Молочное», к которому были прикреплены боксёры, и отоваривали талоны: Валера завтракал, а я облизывался и шёл на тренировку. В обед Валера с аппетитом съедал первое, второе и третье, а

я глотал голодную слюну и грыз гранит науки под руководством своего педагога. Затем снова тренировка и ужин, во время которого я с завистью провожал каждый кусок, проглоченный моим учителем. И так каждый день целую неделю.

В придачу ко всему я тяжело заболел, температура зашкаливала за тридцать девять, о тренировках не было и речи: хорошо бы сделать вес да постараться без хвостов сдать экзамены.

Вес я сделал, а вот экзамен – высшую математику – завалил. Недаром школяры говорят, что пустое брюхо к ученью глухо! Вообще, за шесть лет учёбы в институте я заваливался трижды, правда, все три раза успевал пересдать до окончания сессии.

На зональных соревнованиях в Перми я стал вторым. Первый бой выиграл у очень сильного соперника из сборной Москвы, а вот второй проиграл боксёру из Прибалтики. Причём, первый раунд я окончил с хорошим преимуществом, а во втором пропустил удар. Судья отсчитал нокдаун, и Кириллыч не дал мне дальше драться: он знал, что я боксирую с температурой, а второго места для получения путёвки в Казань – вполне достаточно.

Казань встретила нас морозом и снегопадом. Грязь, во дворах – огромные кучи мусора, занесённые снегом. Свердловск в те времена был намного опрятнее, не то, что в наши дни, когда эти два города словно поменялись местами.

С трудом разыскали баню, которая тоже оказалась не на высоте: в молочном пару едва можно было различить рядом стоящего человека. Тем не менее, после нескольких часов прогревания в парной вес пришёл в норму. Утром следующего дня провели взвешивание, а вечером начались предварительные бои.

Не помню, с какой железной дороги был мой первый противник, но во втором раунде я его нокаутировал. На память об этом бое мне осталась фотография: нокаутированный противник и моё туловище без головы. Как объяснял потом Кириллыч: «Боксировал без головы, потому и фотография так получилась». Несмотря на выигрыш, он был страшно недоволен тем, как я начал бой, тактикой боя и ведением боя от начала до конца!

Вообще, во время разборов поединков Владимир Кириллович часто говорил мне о том, что если бы я правильно выстраивал тактику боя, с моим ударом – на тренировках он часто бросал лапы, говоря, что я отбил ему все руки – большая их часть заканчивалась бы нокаутом.

Второй бой я запомнил на всю жизнь. Парень был с Южной железной дороги. Первые минуты не предвещали ничего неожиданного, а вот во втором раунде я, атакуя его, получил прямо в нос такой удар, что впервые за всю свою недолгую боксёрскую карьеру оказался на заднице. Ни разу не получал я такого тяжёлого нокдауна, хотя до этого мне и прилетало дважды: один раз на тренировке в спарринге с Рудаком, ко-

гда он достал мне печень, и второй – на отборочных в Перми. Но сам я расценивал эти моменты лишь как пропущенные сильные удары.

Короче, этот бой я проиграл в одну калитку! Кроме того, сразу после возвращения в Свердловск мне нужно было обратиться к врачу, чего я не сделал и о чём впоследствии сильно пожалел: много лет спустя, уже работая главным инженером Орджоникидзевского депо, был вынужден лечь в больницу на экстренную операцию носовой перегородки.

Проиграв этот бой, я занял третье место. С одной стороны, стать третьим на первенстве Советского Союза среди железнодорожников – довольно приличное достижение. Но не для меня. Мне пришлось распрощаться с мечтой о звании Мастера Спорта. Вспомнил, и не раз, как дрался за Серов: ведь тогда я не проиграл ни одного боя! А что теперь? Самолюбие не позволяло мне занимать вторые и третьи места – нужно было принимать окончательное решение и ставить точку.

Поговорив с Кириллычем, пришли к единому мнению: бросить институт или работу, чтобы полноценно тренироваться, я не могу, поэтому придётся бросить бокс.

Сказано, как отрезано. Я перестал ходить на тренировки, на соревнования, проходившие в Свердловске, погрузился в работу и учёбу. С боксёрами тоже как-то не встречался, и только когда от онкологии умер Владимир Кириллович, меня разыскал Марат, и я снова соприкоснулся с боксом. По-

хоронили мы Кириллыча на Северном кладбище в 1990 году, а памятник ему я поставил много лет спустя.

Встреча выпускников. 1971 год

В водовороте всех этих событий прошли два года, которые в моей жизни были, наверное, решающими, ведь то, какую дорогу я выбрал тогда, определило всю мою дальнейшую судьбу.

Неожиданно получил приглашение – не повестку, заметьте – в такой-то день, к такому-то часу прибыть с паспортом в ИТУ-2, мою незабываемую «Двойку».

Связавшись со своими «однополчанами», узнал, что они получили точно такие же приглашения, причём, только те из них, кто твёрдо обосновался в жизни или производил такое впечатление. Это были Игорь Иванюк – Хохол, Боря Жернаков – «коробейник с Невского», Коля Козловский – бывший боксёр, Коля Мишунин – Мишуня, Валя Зайцев – студент УПИ, Володя Зубков и я.

Оказывается, Администрация отслеживала жизненные успехи своих бывших воспитанников и, дабы этот положительный пример благотворно повлиял на нынешних питомцев, организовывала такие «встречи выпускников». Приём, безусловно, неглупый, так как в колонии содержались первоходки – те, кто отбывал срок впервые – имевшие все шансы вернуться к нормальной жизни. А ведь, попадая туда, многие ставят на этой самой жизни жирный крест и дальше катятся по наклонной. Так что в этом вопросе я Администра-

цию поддерживаю.

Прибыли мы все вовремя, шмонали нас не слишком до-тошно, так что водку – сувенирчик для корешей – пронести сумели. Правда, я обо всём этом узнал, только покинув стены колонии.

Саня Любимов на тот момент ещё находился в зоне, но уже на днях ждал освобождения.

Того, что происходило дальше, я не забуду никогда.

На сцене сидят начальник колонии, все начальники отрядов, преподаватели школы, воспитатели.

Нас предупредили, что будут вызывать по одному, и мы должны будем рассказать, как устроились в жизни, чего добились. Прекрасный воспитательный приём. Представьте, выходят люди, которые совсем недавно были зэками и отбыли немалые сроки, люди, которых почти все присутствующие хорошо знают, знают о них практически всё, люди, сумевшие переломить судьбу! Смогли они – смогут и другие. Именно к этому и нужно стремиться – вот такая установка...

Наконец, дошла очередь и до меня. Сказать, что волновался страшно – значит не сказать ничего! Полный зал, и большинство очень хорошо меня знает. Более того, многие из них – мои кореша. И вдруг весь зал начинает подниматься! Помню квадратные глаза начальника колонии подполковника Маленковича, растерянность и недоумение на лицах всех других, сидящих на сцене!

Оказалось, что все соревнования по боксу освещались по

радио – радиоприёмники в колонии доставали правдами и неправдами – и зэки были в курсе всех моих спортивных удач. А тут ещё поступление в институт, один из самых престижных в городе! Видели бы вы счастливые глаза моих бывших преподавателей, особенно учительницы физики, когда я рассказывал, как, поступая в институт, дважды сдал её предмет на пятёрки!

Прошло уже почти пятьдесят лет, а у меня перед глазами до сих пор стоит картина, как поднимается весь зал, который, оказывается, всё это время болел за меня, радовался моим успехам и переживал мои поражения. В моей жизни были разные моменты: когда я проигрывал и выигрывал, когда был прав и неправ, когда меня хотели урыть, и когда мне самому жизнь казалась невыносимой – но я вспоминал тех зэков, что верили в меня...

Никогда не забывал, даже когда чего-то достиг в этой жизни.

И не забуду до самой смерти!

Выходит, такие встречи нужны не только тем, кто сидит, но и тем, кто освободился, чтобы утвердить их в правильности выбранного направления?!

Спустя некоторое время я снова получил предложение появиться в колонии, но уже не с воспитательной, а с производственной целью. Инициатором был Боря Бриксман. Дела в цехе опять пошли неважно: никто не мог обеспечить ту производительность и экономию материала, которые были при

мне. Вот и возникла идея пригласить бывшего "выпускника" на работу в ИТУ-2 в качестве вольнонаёмного. У меня же была одна проблема: жильё. Бабушка сдавала просто катастрофически – её срочно нужно было забирать с Платины. Да и братья продолжали жить у Васи, которому и самому приходилось нелегко. Кроме того, он был всего лишь дядей, а я – единокровным братом.

В колонии об этом прекрасно знали, поэтому к переговорам подготовились основательно: мне показали комнату площадью пятнадцать метров в жилом доме рядом со зданием облсуда. Да, это был весомый аргумент! Я дал согласие и поехал подавать заявление на увольнение.

Я получаю жильё. Лето 1971 года

Буквально на следующий день ко мне подошёл Володя Сергеев и, отведя меня в сторону, поинтересовался причиной такого решения. Я подробно рассказал ему о своей семье и сложившейся ситуации.

– А я-то подумал, что ты с нашими пьяницами поконфликтовал. Даже хотел предложить тебе перейти на другой участок. Ну ладно, дай мне немного времени – попробуем что-нибудь придумать, – притормозил меня Володя.

Через несколько дней он снова подошёл ко мне с листком бумаги, на котором было записано два адреса. Оба они находились на ВИЗе, на Малоконке – улица Маяковского. Первый дом стоял практически на болоте, под полом была вода, а воздух в комнате – влажный и спёртый. Второй барак располагался на другой стороне улицы, был построен из бруса, имел на каждом этаже общую кухню и туалет, паровое отопление и водопровод с холодной водой. Жили в нём только работники ТТУ. Здесь мне предлагалась комната метров десять, впрочем, все они были примерно одного размера. Дом, по отзывам жильцов, был очень тёплым, но комната – страшно запущенной.

Поскольку возвращаться обратно в колонию, пусть и в качестве вольнонаёмного, мне не очень хотелось, да и в ТТУ я уже пристрогался, решил остановиться на этом варианте.

Получив ордер, выдернул из Полевского Валерку, купил раскладушку с матрасом и поселил его в нашей теперь комнате. Ремонт мы сделали довольно быстро: заштукатурили обвалившиеся стены, побелили извѣсткой, покрасили пол, и комната приобрела жилой вид.

Так как Валерка окончил восемь классов, решено было определить его на учёбу в Радиотехникум имени Попова. В то время там была самая сильная – среди техникумов – команда по лёгкой атлетике, а Валерка ещё раньше, по моему совету, начал заниматься бегом и занимал призовые места на средних дистанциях.

Но, к сожалению, в радиотехникум документы у него не приняли из-за травмы глаза, поэтому пришлось идти в техникум связи. Так как учился Валера хорошо, особого беспокойства за результаты вступительных экзаменов я не испытывал. И оказался прав: брат сдал без труда.

В первом же учебном году он засветился на легкоатлетических соревнованиях.

Теперь уже администрация радиотехникума хотела видеть в своих рядах перспективного бегуна на средние дистанции и, закрыв оба глаза на один его выбитый, предложила перевод. Так Валерка стал учащимся радиотехникума.

Операция « Ка »

Но я снова забегаю вперёд. Итак, ремонт сделан – нужна мебель, ведь кроме раскладушки и матраса у нас ничего не было. Денег не было тоже, а занимать у кого-то – не мой профиль: это просто физически противно моей природе.

Тут я вспомнил болотце, растянувшееся вдоль дороги на Малоконку и сплошь заросшее рогозом, который в наших краях ошибочно называют камышом. Ещё детьми на Платине, лазая на такие болота, мы срезали камышины и одаривали этим добром всех желающих. Огромные тёмно-коричневые шишки всегда пользовались у детворы большим спросом.

В голову втемяшилась шальная мысль: а что, если этот камыш реализовать...

Завершив первоочередные дела, мы с Валеркой отправились на Платину за бабушкой. Она уже обо всём знала и готовилась к переезду: посреди комнаты горой высились узлы со скарбом – откуда что взялось! В нашей десятиметровой комнатке его просто некуда было бы деть! И я взялся за сортировку: налево – то, без чего нельзя обойтись, направо – всё остальное. В итоге слева остался один баул, а то, что справа, бабушка с ахами и охами принялась спешно раздавать соседкам и подругам.

В Свердловске мы временно поселили бабулю у Ляли.

В ближайший выходной я усадил бабушку на Плотинке, там, где гуляют родители с детьми, а Валерку заслал в болото. Дни на наше счастье стояли погожие, без дождей, вода в болоте оказалась довольно тёплой.

Предварительно обговорив с Валеркой технику безопасности – как выяснилось, глубина была довольно приличной, а у меня имелся приличный опыт действий в подобных условиях – я с первой партией «товара», упакованного в две вязанки, отправился на Плотинку.

Цену мы установили: двадцать – двадцать пять копеек за штуку. Товар пошёл на ура. Пока я ездил до Малоконки и обратно, две связки уходили влёт.

Так в течение двух дней мы расчистили всё Верх-Исетское болото.

Были, конечно, и определённые трудности в лице нашей доблестной милиции, сотрудники которой несколько раз пытались согнать бабулю с рабочего места, но она, делая вид, что уходит, подхватывала свои вязанки и перебиралась на другой участок. Я, возвращаясь с добычей, иногда не находил её там, где оставил, но твёрдо знал, что моя бабуля где-то поблизости. И точно, осмотревшись вокруг, замечал ребяташек с камышинками, крепко зажатыми в кулачках. По ним и ориентировался.

Надо отдать должное: никаких попыток отобрать товар или войти в долю тогдашние менты не делали, полагаю, что им и в голову не пришло бы грабить бедную старушку.

А старушка-то оказалась не такой уж и бедной: за два дня мы заработали больше, чем я получал в ТТУ за два месяца! Вот такое доходное место: сколько лет существовало это болото, и никому в голову не пришло, как его можно обналичить! А я в течение трёх дней при помощи идеи, что пришла буквально из детства, закрыл вопросы, которые иначе пришлось бы решать месяцами.

Когда мы с Валеркой рано утром приехали на Центральный рынок – в то время там располагались большие деревянные павильоны, торгующие мебелью и хозяйственными товарами – и вывалили два мешка с мелочью, три кассира собрались, чтобы пересчитать наш наличный капитал.

Итак, мы купили: шифоньер, раскладной чешский диван, тумбу под книги, стол полированный, стулья чешские – четыре штуки, стол кухонный с табуретками, двухконфорочную плитку и прочую хозяйственную мелочь. Вечером всё это великолепие было доставлено по адресу, а наутро и бабуля с вещами была перевезена на новое место жительства.

Теперь мы жили втроём. Я работал, учился, занимался спортом и даже успевал погуливать. Утром мы с Валеркой делали пробежку и разъезжались; я – на работу, он – на учёбу. Бабушка, хоть и шёл ей уже девятый десяток, занималась хозяйством. Изредка ездили в Полевской проведать Тольку, который пока оставался жить у Чагиных – Васи и Оли.

Парламентёр из Чайковского. Лето 1972 года

Однажды, вернувшись домой поздно вечером, я обнаружил, что наш с Валеркой диван – бабушка спала на раскладушке – занят какими-то двумя девицами, между которыми лежал маленький ребёнок. Пришлось падать на пол под окно: предусматривался у нас и такой вариант, так как стулья были заняты Валеркой. Утром выяснилось, что наши гости – Юркина жена Валентина с сыном Валеркой и сестрой Машей.

Как-то, работая на уборке урожая в Оренбургской области, куда был командирован от своей автобазы, мой старший братец приискал себе невесту и, как теперь говорят, поменял статус – стал мужем и отцом. И вот теперь его семейство гостило у нас, а сам Юрик должен был прилететь позже из-за неувязки с билетами.

Он планировал уговорить меня вместе съездить в Чайковский, где по-прежнему жила наша мама. Все эти годы – после её письма в колонию, так обидевшего меня – мы не общались, и вот теперь Юрка с семьёй приехал из Оренбурга, где они гостили у тёщи, с твёрдым намерением увезти меня с собой. А я как раз только-только ушёл в отпуск, так что,

полагаю, без бабули здесь точно не обошлось.

Она, полностью поддерживая Юру, настояла на том, что я должен восстановить отношения с матерью, тем более, мне было, чем похвастаться: я уже не уголовник, а студент, спортсмен, работник, с которым считаются и который может отвечать не только за себя, но и за своих близких.

Билеты на самолёт до Ижевска купили без проблем, а оттуда – автобусом до Чайковского. Встреча с матерью прошла довольно напряжённо: опять были слёзы, попытки что-то объяснить, но все объяснения и воспоминания я оборвал, чтобы не тревожить душу ни себе, ни ей, тем более, что мама за эти годы здорово сдала, её мучили приступы гипертонии.

Тем не менее, отношения были восстановлены, и теперь я каждый отпуск стал проводить в Чайковском, стараясь бывать там одновременно с Юркой. В одну из таких поездок мы решили прокатиться до Перми. В то время по Каме с завидной регулярностью ходили теплоходы на подводных крыльях: «Метеоры» и «Ракеты».

Из Перми рванули в Ярино к бабушке Дусе. Её второй муж – деда Серёжа – к тому времени уже умер: сказались сталинские лагеря. Бабе Дусе осталось приличное хозяйство: большой дом с крытым двором, сад и огромный огород на пологом берегу пруда, который питался родниками.

Бабушка очень обрадовалась помощникам. Вдвоём с Юркой мы обобрали огромную плантацию виктории, причём, по указанию бабы Дуси собирали только самые спелые крас-

ные ягоды. После работы искупались в пруду, если только это можно назвать купанием: несмотря на жаркие летние дни, вода была нестерпимо холодной – выдержать в ней больше пяти минут мы не смогли. Вечером ударили по наливочке и отрубались, мгновенно уснув прямо на полу.

Ещё несколько слов о бабе Дусе. В Ярино у ней было прозвище «Промбабушка». В своём хозяйстве бабушка всё делала сама: соленья, варенья, наливки, самогон, хлеб. Обихаживала сад, огород, разводила пчёл, держала кур, так как корову и поросёнка было уже не под силу – бабушке шёл девятый десяток. Ткала половики для всего Ярино. Вот такая трудяга.

С утра мы втроём отправились в Пермь на базар, прихватив два ведра виктории и ведро мёда. Впереди, как танк, шла вдоль прилавков наша бабуся и, кивая на ягоды и мёд, спрашивала: «Почём?.. Почём?.. Почём?..» – а позади с ведрами тащились мы. Найдя свободное место, бабушка распорядилась, куда поставить груз и, разместившись за прилавком, отпустила нас погулять. Вернувшись через пару часов, мы обнаружили, что два ведра пусты, и лишь на дне третьего осталось немного мёда, который тут же на наших глазах был продан. Дело в том, что бабуся – гений коммерции – слегка снизила цену на свой товар по сравнению с другими продавцами.

Помню, как на вопрос одной дотошной покупательницы: «Какой это мёд: липовый или цветочный?» – баб Дуся отве-

тила:

– А я, що, знаю, чого вони мени натаскалы? – этот хохляцкий говор так и остался в её речи до конца жизни.

С базара мы направились к Вале – приёмной бабушкиной дочери. Отдохнув там, баб Дуся покатила обратно в Ярино – готовить новую партию товара к следующему базару, куда она навевывалась через день да каждый день, а мы с Юркой вечерком посидели с Валею и её подругой в ресторане и следующим утром отчалили обратно в Чайковский. Теперь уже на пароходе.

10:4=2,5 метра на душу населения. 1972 год

После окончания второго курса института мне предложили должность мастера в той же бригаде ремонта, где я работал электрослесарем. В это время наш бригадир Миша Прокопьев ушёл на заслуженный отдых, и мастеру, Люде Бессоновой, с нашими пьяницами стало совсем невмоготу. Мишу работяги – особенно молодняк – побаивались: он особо расслабляться не давал, а теперь, оставшись без опоры, Люда попросту не справлялась. Она решила сменить работу и перейти в училище – мастером производственного обучения.

Должность мастера участка не давала преимуществ в зарплате (к тому времени я уже был электрослесарем пятого разряда и зарабатывал вполне прилично), а головной боли добавляла, ведь одно дело отвечать за себя, и совсем другое – за чужую работу; тем не менее, предложение, после некоторого колебания, принял. Так началось моё продвижение в руководители производства.

Окончив в Полевском восьмилетку, к нам переехал младший брат Толик, и теперь на каждого из жильцов нашей небольшой комнатки приходилось по два с половиной метра жилой площади.

Увидав его обмундирование, я буквально вскипел: вся

Толькина одежда была латана-перелатана. Чисто, аккуратно, но ни одного живого места! Она могла служить только экспонатом для помойки! Я считал, что денег, полученных за проданный на Платине дом, вполне должно было хватить для того, чтобы нормально одеть двоих моих братьев, а потому при встрече высказал всё это Васе в весьма резкой форме.

Только со временем я понял, как был неправ, и как тяжело приходилось молодой семье Чагиных сводить концы с концами.

Несколько лет назад Васи не стало: сказались долгие годы жизни на севере и заработанная тяжким трудом онкология. А я, вспоминая его, до сих пор жалею, что в своё время не попросил у него прощения за ту сцену.

В ближайшие же выходные Толика приодели – теперь мы могли себе это позволить: я неплохо зарабатывал, Толик с бабулей получали пенсию, а Валерка вдобавок к пенсии ещё и стипендию.

С переездом Толика жизнь наша стала как-то комфортнее. Несмотря на то, что он был младше Валерки, в быту оказался приспособлен гораздо лучше: умел стирать – чем сразу разгрузил бабушку – мог приготовить нехитрую еду на всю семью, да и вообще, руки у него были, как говорится, на месте. Почему Толька был ближе к домашним делам – не знаю. Подозреваю, что хитрован Валера наловчился как-то сбавивать на него всю работу по хозяйству, ведь в семье отца даже за проступки старшего брата зачастую расплачивал-

ся своей задницей именно младший.

Кстати, учился он тоже очень хорошо, и за отличную учёбу, а также как круглый сирота был премирован поездкой во всесоюзный пионерлагерь «Орлёнок».

Только поступил в Техникум Связи, который впоследствии благополучно окончил, и хоть профессионалом в этой области не стал, но умение устанавливать связь успешно применял в личной жизни. Женился он на выпускнице этого же учебного заведения Валентине, народил двоих сыновей и начал налаживать и укреплять связи на стороне. Как говорит пословица, если четыре раза сходить налево – вернёшься домой. Вот так же поступил мой братец: на закате жизни возвратился обратно к жене, хоть и не надолго.

Но всё это будет гораздо позже. Пока же я привлёк Толика к занятиям боксом и теперь по утрам мы отправлялись на пробежку уже втроём.

Главное – чтобы костюмчик сидел! Апрель 1973 год

В апреле семьдесят третьего года мы получили из Чайковского – от моей младшей сестры – приглашение на свадьбу, которая должна была состояться в следующем месяце. Володя отпустил меня безо всяких препятствий, даже без оформления отгулов: знал, что отработаю. Я никогда не подводил его и не отказывался от непредвиденной авральной работы, к тому же в случае необходимости всегда мог заменить на боевом посту любого электрослесаря или электрика, а их в депо всегда не хватало.

Прибыв в Чайковский, сразу включился в подготовку к свадьбе, которую решено было справлять в доме у матери. В самой большой комнате расставили буквой «П» столы, а лавки сделали из уложенных на стулья и покрытых бабушкиными половиками досок. Стульев не хватило, и мы с мамой отправились за ними на стадион Комбината Шёлковых Тканей, где она в то время работала то ли завхозом, то ли кладовщиком: отвечала за весь инвентарь стадиона и лодочной станции.

В семидесятые-восемидесятые годы Чайковский Комбинат Шёлковых Тканей являлся крупнейшим в Европе про-

изводителем искусственного и синтетического волокна.

В помещении склада, прямо в центре, на полу я увидел гору трикотажных спортивных костюмов: белых, синих, чёрных с белыми и красными лампасами – точно в такие одевали наших олимпийцев, правда, у них форма была голубого цвета. Я поднял с пола один костюм, и во взгляде моём сквозило, наверное, не только любопытство. Мама уловила это и спросила:

– Что, нравится? Если нравится – выбирай любой.

Отказываться, конечно, было грех, и я выбрал один, с белой олимпийкой и тёмно-синими брюками:

– Мам, а сколько он будет стоить?

– Для тебя, Владик – нисколько.

И вдруг спросила:

– А как ты думаешь, почём они?

– Ну, рублей пятьдесят – шестьдесят. Не меньше, – ответил я категорично.

Мама засмеялась:

– Тут разные размеры, но стоят они все одинаково: одиннадцать-двенадцать рублей. Делает их наш комбинат бытового обслуживания: у них есть вязальные машины, а пряжу дал КШТ.

Оснащённый японскими станками комбинат выпускал пряжу на основе вискозы, лавсана и нитрона. Она была тяжелее шерстяной, но по износостойкости значительно превосходила её. Вот из этой-то пряжи и были изготовлены ко-

стюмы для спортсменов города.

Не скажу, что именно в тот момент меня посетила некая идея, но впечатляющая разница в цене наводила на определённые размышления.

Стулья мы принесли, свадьбу на следующий день справили, как положено: съездили в ЗАГС, покатались по городу и уселись за стол. Водки было немного, а вот отличного самогона, своего вина и разнообразных наливок – хоть упейся. Домашние соленья, овощные и мясные закуски не уступали горячительному ни в количестве, ни в качестве.

В ресторане такой стол стоил бы огромных денег, тем более что и гостей было немало: из Перми, Ижевска, Воткинска. Я и не подозревал, сколько у меня родственников. Мама оказалась прилежной ученицей своей матери, нашей бабы Дуси: практически всё, что стояло на столе, было делом её рук. Минимум денег – максимум усердия.

На всех гулянках мы с Юрой обычно садились рядом, а Валя, его жена – напротив. В этот раз рядом с ней пристроилась какая-то симпатичная девица, Светкина ровесница, которая при каждом тосте старалась первой чокнуться со мной. Юрка настойчиво бубнил в ухо:

– Займись, не теряйся...

В общем, чокались мы, чокались, и начокалась девчонка до такой степени, что пришлось мне в срочном порядке эвакуировать её из-за стола. Да я и сам, к слову, был немногим лучше, а потому в финале оказались мы с ней в одной постеле.

ли в маленькой комнате большого мамино дома. Как потом выяснилось, это была та самая девочка-первоклассница, подруга Светы, с которой они шептались в комнате, где я спал в свой первый приезд. Звали её Надежда.

Где-то под утро она очнулась и убежала домой, но к обеду, скромно потупив взор, объявилась снова. Опохмелившись и отобедав, вся компания направилась в гости к молодым, которые получили комнату в двухэтажном бараке – продолжать гулянку.

Поздно вечером тёплой компанией: Юрка с женой и я со своей новой знакомой отправились ночевать к нему домой, в такую же примерно комнату, а утром они втроём проводили меня на автобус до Ижевска.

Прощаясь, я отдал Юрке сто двадцать рублей и попросил заказать десять костюмов. Договорились, если не хватит – Юрик добавит. Кроме того, брат заверил меня, что с пряжей проблем не будет, так как начальник отдела сбыта прекрасно к нему относится, да и вообще, знакомых на комбинате полно. Действительно, Юрка был очень компанейским, бескорыстным парнем, никому в помощи не отказывал, и друзей-приятелей у него насчитывалось больше, чем шпал на железной дороге. Таким он остаётся и сейчас.

Я и оглянуться не успел, как пришла посылка с костюмами. Несколько штук принёс в депо – раскупили моментально, да ещё и заказы посыпались. У Валерки, который оттащил товар на тренировку – аналогичная ситуация. Представ-

ляете? Потратить сто двадцать рублей и получить пятьсот – вот это навар! В голове сразу сложился чёткий план действий.

Приехав в Чайковский летом, мы с Юркой первым делом направились в комбинат бытового обслуживания. Там познакомились с заведующей, которая бралась выполнить любой заказ – денег у меня было где-то на пятьдесят костюмов – при условии, что мы предоставим сырьё.

Сырьё имелось на КШТ, но комбинат пряжу на сторону не продавал: кондиция шла на изготовление ткани, а некондиция – когда нить по какой-либо причине обрывалась – в брак. Бракованные мотки сбрасывали в специальные контейнеры, затем вывозили на свалку и сжигали – я сам это видел. Для спортобщества было сделано исключение и выдано разрешение на реализацию небольшой партии брака для изготовления костюмов.

Вот такое социалистическое производство! Как было сказано в одном старом фильме: «Бесхозяйственность, возведённая в ранг социалистического ведения хозяйства». Точнее не выразить. Ну что стоило комбинату реализовывать этот брак по заниженной цене. Хорошо всем: у КШТ снижаются убытки, у быткомбината появляется сырьё, у граждан – красивые вещи, окружающая среда не отравляется дымом, но не-е-ет! Это, видимо, не по социалистически...

Итак, путь наш лежал на КШТ, где Юра был в большом авторитете. Он прекрасно пел, на всех конкурсах занимал

только первые места, и ни один концерт самодеятельности без него не обходился. Да и работник был безотказный: когда нужно – а в конце месяца, когда горит план, нужно всегда – мог работать и по две смены. Поэтому неудивительно, что начальник отдела сбыта с доброжелательной улыбкой предложил нам опустошить все контейнеры с некондицией.

Представьте: огромный цех со множеством ткацких станков, и в каждом проходе – контейнер для некондиционных, бракованных катушек с пряжей. Мы моментально набрали два огромных мешка, приволокли их в отдел сбыта, взвесили, заплатили в бухгалтерии за это богатство сущие копейки и рванули в бытовой комбинат.

Удивлению заведующей не было предела: они месяцами не могли добиться возможности приобрести этот брак, который отправлялся на сжигание, а тут дня не прошло, и пожалуйста: получите с улыбкой на блюдечке с голубой каёмочкой!

* * *

В это же время я решил жениться. Надя моё предложение приняла сразу, но, тем не менее, все формальности соблюли: мама с Георгием Афанасьевичем, моим отчимом, и мы с Юркой, как положено, сходили к Надиным родителям и посватались. Торжество наметили на ноябрьские праздники.

Таким образом, всё складывалось один к одному: справлять свадьбу на мамины деньги я никогда бы себе не позволил – не то воспитание, а затея с костюмами сулила непло-

хой гешефт.

Спустя некоторое время после возвращения из отпуска я получил первую поставку – тюк с костюмами, а в течение месяца – и всю партию. Разлетались они моментально. Валерка, идя на тренировку, загружал в большую сумку десяток костюмов, а обратно приносил кучу денег. За месяц мы экипировали всех легкоатлетов города и даже кое-кого в области.

К ноябрю все подготовительные мероприятия были закончены. Братья перебрались на жительство в общежития. Уходили они вполне прилично упакованными, получали стипендии и пенсии, поэтому их судьба тревоги у меня не вызывала.

Честным пирком, да за свадебку. Ноябрь 1973 года

В первых числах ноября большой компанией вылетели в Ижевск. В составе делегации были: бабуля, Толик, Валерка, Игорь Иванюк, Коля Козловский и я. Билеты на всех туда и обратно покупал, конечно, сам.

С собой везли два ящика «Старки» и два – водки «Колос». В приобретении столь дефицитной в то время продукции мне помог студенческий друг Слава Берсенёв, работавший замдиректора Свердловского Ликёроводочного Завода. Кроме того, в багаже лежал бережно упакованный серый чехословацкий костюм – подарок для брата Юры, без которого эту авантюру с пряжей мне было бы не провернуть. В голове крутились радужные планы, как после этой свадебной чехарды и всех связанных с нею расходов мы снова продолжим начатое дело, и тогда, конечно, Юрка получит свою долю.

Отгуляв свадьбу, почти в том же составе отбыли обратно в Свердловск, вот только бабуля осталась погостить в Чайковском, у бывшей снохи. Их встреча была очень трогательной, но за всеми хлопотами поговорить так толком и не удалось, поэтому мама настояла на том, чтоб бабушка задержалась ещё на некоторое время. Кроме того, как я теперь понимаю,

обе они хотели дать нам с молодой женой возможность провести медовый месяц наедине.

По прибытии в Свердловск я устроил Надю на работу в Проектно-Конструкторское Бюро Автоматических Систем Управления, где в то время – после окончания УрГУ – руководила отделом Ольга Ткачукова-Покрасс.

Оля, как и её отец, оказалась со светлой головой и прекрасной деловой хваткой – нацелена на работу и карьерный рост. После окончания университета она устроилась в ПКБ АСУ, которое размещалось на Плотинке, в здании теперешнего музея, вышла замуж за Валеру Дернова, того самого математика-аспиранта, который готовил меня к экзамену по высшей математике, и получила комнату на ВИЗе, на улице Крауля.

Связь мы с ней и раньше поддерживали постоянно, а после моей женитьбы стали встречаться ещё чаще – дружили семьями.

Неожиданно накрылся медным тазом наш едва зарождающийся трикотажный бизнес: оказалось, что не я один такой шустрый – появились последователи, которых тут же подкараулило недремлющее око ОБХСС. Было заведено дело. Таскали всех сопричастных.

Я, ожидая вызова на допрос, припрятал нереализованный товар у Игоря Иванюка, а вот закупленные впрок мешки с пряжей – мы и это успели сделать, готовясь к выпуску новой партии – так и остались гнить у Юрки в гараже. Сам же он,

получив квартиру в Чайковском, неожиданно сорвался покорять Уренгойское газовое месторождение.

Дорога к храму. 1974 год

Как-то раз по весне мы с женой возвращались из гостей: от Ольги с Валерой. Я, разумеется, слегка навеселе, Надя же не пила: была беременна.

Вдруг я вспомнил, что завтра – пасха, и в церкви должна состояться всенощная служба. Накануне мужики в депо долго обсуждали предстоящее событие, а я стриг ушами, ну, вот и настриг. Посадив жену на трамвай, велел ей ехать домой, а сам направился на улицу Репина, где находился единственный в городе храм.

На небольшой площади перед входом толпилась молодёжь обоих полов. Большинство – в разной степени подпития. Милицейское оцепление преграждало толпе все проходы в церковь, где уже шла служба. Я пробрался через скопление людей к милицейской цепи и вместе с другими такими же оболтусами попытался её прорвать. После нескольких попыток мне это удалось: оказался за спинами стражей порядка и резво порысил ко входу.

Далеко не ушёл: сильные и заботливые руки дружинников подхватили меня под локотки и оттащили в темницу, под завязку забитую такими же, как я, алчущими приобщиться к Святому Таинству.

Не знаю, чего в этом было больше: интереса к религии, простого любопытства или желания поразвлечься – ведь ночных клубов тогда не было – но народ всё прибывал, и скоро в нашей импровизированной кутузке стало не продохнуть.

Неожиданно с противоположной входу стороны отворилась дверь, и дюжие молодцы с красными повязками начали хватать страдальцев за веру и заталкивать в воронок, стоящий вплотную к выходу. Минут за пять набили полный. В арестантской стало свободнее, но ненадолго: новые жертвы антирелигиозной политики партии и правительства продолжали поступать непрерывно.

Я понял, что попал: на работу придёт телега о нарушении общественного порядка, да ещё – в подкрепление к ней – извещение из вытрезвителя. А это повлечёт за собой массу неприятных последствий. Пока лихорадочно перебирал в уме все возможные карательные меры, применяемые в подобных случаях, задняя дверь снова распахнулась, и уже второй воронок начал одного за другим принимать следующую партию узников.

Перед дверью освободилось небольшое пространство, и тут меня осенило не иначе как свыше: по-ленински вскинув руку, я растолкал впереди стоящих и со словами: «Сволочи, что ж вам дома-то не сидится?! Нажрётесь водки и лезете, куда вас не приглашают», – прошагал между опричниками к выходу.

Они, воодушевлённые моей пламенной, идеологически выдержанной речью, видимо, приняли меня за своего и беспрепятственно пропустили на улицу. Там я, сохраняя озабоченное выражение лица, прошёл сквозь оцепление и был таков.

Это наитие спасло моё доброе имя и прилагаемую к нему месячную премию. Домой вернулся под утро, пешком, так как трамваи уже не ходили.

Вот так произошла моя первая неудачная попытка приблизиться к вере в Бога.

Надо отметить, бабуля в Бога верила истово, особо почитая Святого Николая Угодника, но мне своих убеждений не навязывала. Позже, когда я многое переосмыслил в жизни, понял: есть НЕЧТО, необъяснимое с точки зрения земной логики.

Но не хочу никого ни в чём убеждать – каждый приходит к пониманию этого своими путями и в своё время.

* * *

Тридцатого июня семьдесят четвёртого года я снова был в гостях у Ольги с Валерой – на дне рождения их дочери Кати. С собой принёс трёхлитровую банку белых грибов, замаринованных мамой. Грибы эти я сам месяц назад собирал в окрестностях Чайковского, куда перевёз Надежду: она должна была родить со дня на день. Мы с женой решили, что будет лучше, если это событие произойдёт в её родном городе под присмотром близких.

Уже под утро вернулся домой, где меня ждала срочная телеграмма: родился сын. Пришлось обмывать по-новой.
Назвали мы первенца Игорем.

Верьте мне, люди. 1974 год

Летом семьдесят четвёртого к нам в депо стали поступать на стажировку работники, большинство из которых имели высшее и среднее техническое образование. У многих был опыт руководящей работы на других предприятиях. Таким образом руководство ТТУ готовилось к пуску вновь выстроенного троллейбусного депо, которое затем получило название «Орджоникидзевское» – по названию района, в котором располагалось.

В нашу бригаду направили двух человек: Хрулова Сергея Ивановича, имевшего высшее образование и опыт работы на железной дороге, и Третьякова Николая Семёновича – образование среднее техническое – работавшего ранее на кирпичном заводе. Володя Сергеев поручил мне до конца года ознакомить стажёров со спецификой ремонта и обслуживания подвижного состава.

Орджоникидзевское троллейбусное депо предполагалось запустить в эксплуатацию к концу года, и прошёл слух, что под это дело для работников нового подразделения будет выделено несколько квартир. Естественно, я не мог не ухватиться за такую возможность и попросил Володю Сергеева рекомендовать меня. Он обещал, хоть и без энтузиазма.

Близился Новый Год, а вместе с ним – сессия. Я получил учебный отпуск и сидел дома – готовился к экзаменам. Вдруг открывается дверь, на пороге – незнакомец, как оказалось позже – директор Орджоникидзевского депо Сычѳв Геннадий Александрович. Сказал, что приехал за мной, так как решается вопрос моего перевода в новое депо, но перед этим необходимо прояснить кое-какие моменты на прежнем месте работы.

Впоследствии Геннадий Александрович не раз рассказывал о том впечатлении, которое произвело на него наше жилище: посреди комнаты на раскладушке – больная бабушка, сбоку – детская кроватка с младенцем, на диване – я, обложившийся конспектами. И совершенно некуда ступить!

По дороге в Октябрьское депо мы пообщались и познакомились поближе, но о причине столь экстренного вызова Сычѳв так ничего и не сказал. По прибытии прямым ходом направились в кабинет к начальству, где нас уже с нетерпением ждали директор Толыпин Владимир Митрофанович и председатель партийной организации, без которого в те времена ни один вопрос не решался, а тем более такой, с каким он обратился ко мне:

– Говорил ли ты, Погадаев, что уволишься, как только получишь квартиру?

– Не помню такого, – ответил я абсолютно честно и добавил: – Даже если я когда-то что-то и говорил, это не имеет никакого значения, поскольку увольняться я не собираюсь.

И тут началось то, для чего невозможно подобрать цензурного выражения...

Сычѳв сидел со смущѳнным выражением лица, было заметно, что ему страшно неудобно за весь этот балаган...

А я вдруг вспомнил...

* * *

Как-то раз в курилке, где обсуждали перспективы в связи с открытием нового депо, мужики начали меня подначивать:

– Вот закончишь ты СИНХ, да ещѳ самый крутой факультет, на который хрен поступишь! Сколько лет учиться-то?

– Шесть.

– Ше-е-есть?! А специальность какую получишь?

– Инженер-механик торгового оборудования.

– Да с такой специальностью хоть директором ресторана, хоть заведующим магазином. Хоть базой руководить, хоть рынком. На дефиците сидеть, на нас дураков поплѳвывать. А ты в ТТУ работать собрался: до пенсии гайки крутить!

Короче, достали они меня, и я, чтоб отбиться от наездов, выдал:

– Вот перейду в новое депо, получу квартиру, а как окончу институт – уволюсь, – брякнул так и забыл, тем более что уходить-то никуда не собирался. Естественно, и разговор, которому не придал никакого значения, давно из головы выбросил, а вот теперь вспомнил...

* * *

Накатило давно забытое ощущение мандража, который

охватывал меня перед боем во время соревнований: вибрировал каждый нерв.

Наконец для проведения очной ставки пригласили и возмутителя спокойствия. Им оказался Третьяков Николай Семёнович, которого я так усердно напитывал знаниями об устройстве троллейбуса.

После того, как он, опустив глаза долу, буркнул:

– Говорил, что уволится, как только получит квартиру, – я вскочил и выпалил, что сам поеду к начальнику ТТУ Диденко Василию Александровичу и сам всё объясню.

Несмотря на то, что рабочий день давно уже закончился, в Управлении, которое тогда размещалось на пятом этаже Горисполкома, в связи с предстоящими событиями никто и не думал расходиться. Вот туда я и прибыл в сопровождении Сычёва, который как самое заинтересованное лицо должен был проследить за тем, чтоб я не смог соврать или как-то исказить информацию, полученную от доносителя, в свою пользу.

В приёмной Управления жизнь была ключом: руководители подразделений входили в кабинет начальства и спустя некоторое время покидали его, вдохновлённые на новые трудовые свершения. Неожиданно из дверей кабинета вышел главный инженер ТТУ Васильев Александр Андреевич, которого я до этого видел всего несколько раз.

– А вы что тут делаете? – поднял он на Сычёва удивлённый взгляд. Геннадий Александрович попытался вкратце из-

ложить ситуацию.

Услышав мою фамилию, Васильев пригласил нас для разговора к себе, пояснив, что к Диденко сегодня попасть вряд ли получится: ему просто не до нас.

В ходе последующего разговора стало ясно, что Александр Андреевич уже кое-что обо мне знает, причём, знает хорошее – это была характеристика, которую дал мне Володя Сергеев. Выслушав мою исповедь, он рассмеялся и, обратившись к Сычёву, спросил:

– А ты зачем его привёл?

Тот растерялся и для чего-то начал объяснять, что сам ничего пока решать не может, так как приказа на назначение его начальником депо ещё нет...

Не дослушав, Васильев повернул голову ко мне:

– У тебя ведь началась сессия? – как ни странно, он и об этом знал. – Давай езжай домой, учи уроки и успокойся. Ты ведь не думаешь увольняться, как я понял.

– Я не могу так уйти! Я должен обязательно сказать Диденко тоже: я обещал Толыпину! – голос дрожал от волнения.

Васильев, видимо, понимая моё состояние, хмыкнул:

– Ну ладно, подождите здесь. Попробую, чтоб Диденко вас принял.

Через несколько минут мы втроём стояли в кабинете начальника ТТУ, где я снова повторил всё то, что до этого говорил Толыпину и Васильеву. Василий Александрович по-

смотрел на Сычёва и неторопливо произнёс:

– Ну и что вы его мытарите?

Потом обратился ко мне:

– Давай, дуй домой и успокойся.

А меня буквально трясло: это был единственный шанс, на кону стояла двухкомнатная квартира, получить которую, отработав на предприятии всего пять лет, было в те годы почти нереально. Впрочем, в наши годы это просто нереально – без «почти».

Я встал, попрощался и, уходя, услышал вдогонку:

– А ты квартиру-то уже выбрал? Ведь их всего три: на первом, седьмом и девятом этаже.

Я обернулся и, недолго думая, назвал седьмой этаж.

С каким настроением возвращался домой, в нашу барачную десятиметровку, объяснять не буду, и без слов понятно – эмоции захлёстывали. Я представлял, как сообщу эту невероятную новость своим, как обрадуется и будет гордиться мной бабуля! Я – настоящий мужик, который может обеспечить семье нормальные условия жизни. Особенно радовался за бабушку, которой больше не придётся спать на раскладушке посреди комнаты!

Сдав сессию, появился на работе. Третьяков при встрече в глаза старался не смотреть.

Вскоре выдали ордер на новую жилплощадь – радости не было предела, вот только бабуле становилось всё хуже, она сдавала прямо на глазах: даже с раскладушки уже вставала

с трудом. Тут на помощь пришла Ляля, которая в то время работала в городском тубдиспансере, и бабулю на время переезда пристроили в стационар.

* * *

В двадцатых числах февраля семьдесят пятого года забили грузовой троллейбус различными приспособлениями и запчастями и поехали осваивать новое Орджоникидзевское депо, а вечером на этом же троллейбусе перевезли наши нехитрые пожитки. В течение недели докупили всё необходимое и вместе с братьями обставили квартиру.

В марте я забрал бабушку из больницы и на руках – лифт не работал – поднял на седьмой этаж. Увидав это великолепие: две комнаты, кухню, ванную, туалет – всё своё – бабуля приободрилась, болезни и немощи на время отступили, но с приходом тёплых дней ей снова стало хуже: бабушка уже с трудом вставала с постели, а двадцать первого мая умерла. Умирала спокойно, будто стараясь не обременять нас.

На душе стало пусто: ушёл самый дорогой мне человек. Со временем боль потери притупилась, но пришло осознание того, сколько бед и невзгод перенесла бабуля со мной и ради меня. Если б не она, меня давно бы уж не было на этом свете. Не стало моего ангела-хранителя. Видимо, она посчитала свою земную миссию выполненной: любимый внук жив и здоров, женат, растит сына, учится в институте; на работе его ценят, вон какую квартиру дали – живи да радуйся!

На тот момент бабушке было почти восемьдесят восемь

лет, без пяти месяцев, так что сбылось предсказание цыганки, которая нагадала, что бабушка доживёт до восьмидесяти семи лет и умрёт на Пасху. Так и произошло. Пасха в тот год была четвёртого мая, и пасхальные торжества продолжались до тринадцатого июня.

Предсказание продолжает сбываться? 1975 год

Семьдесят пятый год, несмотря на радость от переезда в новую квартиру, был для меня, в принципе, тяжёлым годом. С первого апреля обрело юридический статус Орджоникидзевское троллейбусное депо, куда я был принят сначала мастером, а через месяц повышен до старшего мастера или, по-другому, начальника участка. Распорядок дня был следующий: в семь утра я на работе, после окончания смены – в институте, после окончания учёбы – снова на работе. Домой добирался только к часу ночи.

Такое положение вещей вполне объяснимо. Орджоникидзевский – район индустриальный. Уралмаш, завод имени Калинина, Турбомоторный, Электроаппарат, завод Пластмасс отбирали лучшие кадры, поскольку могли предложить рабочим более выгодные условия: зарплата, премия, жильё, не считая ведомственных поликлиник, профилакториев, детских садов и пионерских лагерей. Нам же доставались работники, отсеянные с этих промышленных гигантов: с низкой квалификацией или имеющие проблемы с алкоголем. Понятно, что работать с высокой эффективностью они не могли – приходилось помогать и одновременно обучать, ведь я отвечал за утренний выпуск троллейбусов на линию. А трол-

лейбусы эти нам передали из Октябрьского депо. Ясно, что они собой представляли: отдавали, что похуже.

Кроме того, много сил ушло на запуск депо, нам же сдали голые стены: в смотровых канавах не было ни одного домкрата, не был настроен ни один станок, поэтому все работники, не считаясь со временем, устраняли недоделки и доводили депо до ума своими силами. Впрочем, так вводились в строй все предприятия: главным было в срок, а ещё лучше досрочно сдать объект на бумаге – отчитаться о выполнении социалистических обязательств – отсюда и соответствующее материальное вознаграждение. Кстати, опять же возвращаясь в наши дни, и сегодня многие объекты, финансируемые за счёт бюджета, сдаются в два этапа: формально-торжественно, с разрезанием ленточки, и фактически – после устранения недоделок.

Этот год оказался для меня напряжённым ещё и потому, что сразу после летней сессии я вышел на защиту диплома, которая была назначена на март семьдесят шестого. Темп жизни был сумасшедшим: ни одного выходного дня, и я сломался – в ноябре оказался в отделении гематологии на улице Блюхера.

Диагноз «геморрагический васкулит» был мне поставлен уже несколько лет назад; первые проявления отмечались ещё в колонии: на теле появлялись мелкоточечные кровоподтёки, сопровождаемые слабостью и быстрой утомляемостью. Возможно, триггером – спусковым крючком заболевания –

послужило отравление фенол-формальдегидами, возможно, стрессовая ситуация. Впоследствии такие высыпания периодически появлялись и через некоторое время исчезали самостоятельно: молодой крепкий организм преодолевал болезнь. Но в этот раз всё было намного серьезнее.

До обеда я ещё мог работать, а после полудня буквально валился с ног от изнеможения. Всё тело было покрыто мелкими кровоподтёками, которые сливались между собой в бляшки, началось внутреннее кровотечение. Тут опять вспомнил пророчество цыганки, которая предсказала, что я вряд ли доживу до тридцати лет, а ведь до указанного срока оставалось всего девять месяцев!

Но, видимо, бабуля и с того света продолжала молить за меня Господа: три месяца врачи боролись за мою жизнь и, наконец, я начал выкарабкиваться. Всё это время находился на бюллетене, но больничные листы, за исключением первого – из стационара – остались в ящике рабочего стола: шёл на службу, потому что считал, что должен отрабатывать полученную квартиру.

Началось это сразу после того, как отлежав в стационаре больше месяца, я выписался и пришёл домой к Геннадию Александровичу – доложить. Сычѳв был хмур и обижен:

– Вадим Михалыч, ну, ты же приходил домой из больницы, – я, действительно, раз в неделю приходил помыться, – мог бы и на работу заглянуть...

Оказалось, что большая часть машин, требующих ремон-

та, решением главного инженера Хрушова снята с линии и стоит вдоль забора, а план утреннего выпуска троллейбусов не выполняется.

Наутро я был в депо.

На «скамейке запасных» сидели безлошадные водители и обсуждали условия забастовки: во время простоя им платили лишь минимальную заработную плату, а это, понятное дело, мало кому могло понравиться. Неисправные троллейбусы ровными рядами выстроились вдоль забора.

Проанализировав записи в журнале учёта неисправностей, я выяснил, что основная причина выбраковки – сломанные рессоры. Надо отдать должное: Сергей Иванович Хрушов чётко выполнял инструкции по эксплуатации подвижного состава, а, согласно этим инструкциям, троллейбус, у которого сломан хотя бы один рессорный лист, не должен выпускаться на линию, ведь речь шла о безопасности пассажиров.

Плохие дороги, плохие амортизаторы да вдобавок сильные морозы – всё это вкуче значительно сокращало срок службы рессор. Беда в том, что заменить их было нечем: запчастей не было. Но зато было несколько списанных машин – из тех, что в своё время нам передало Октябрьское депо. Рессоры у них были другие, но, как говорится, за неимением гербовой пишут на простой. Есть и ещё одно подходящее к случаю выражение: голь на выдумки хитра.

Мы снимали старые рессоры, разбирали их и комплекто-

вали по-новой в нужных параметрах. Длинные листы при необходимости подрезали. Обработав каждый лист графитовой смазкой, собирали рессоры заново. Таким путём нам удалось стабилизировать ситуацию в течение одной – двух недель.

Люди, я расту. 1976 год

В марте, к моменту защиты диплома, я был уже более-менее здоров, и защита прошла успешно. Вместе с корочками получил звание инженера, а вслед за ним и должность начальника ремонтных цехов. Кстати, чертежи к дипломной работе, разумеется, по моим эскизам, мне делала Виола Аманьева, работник нашего техотдела, за что я до сих пор ей благодарен.

За прошедший год в депо мы смогли освоить только профилактические виды ремонта, а требовалось научиться производить самый сложный – плановый. До конца года была решена и эта задача.

В семьдесят шестом году в депо произошли кадровые перестановки: начальник техотдела Виноградов как не особо ценный производственник был выдвинут на должность секретаря партийной организации, главный инженер Хрустов Сергей Иванович – переведён начальником техотдела, а его место занял Слава Пахомов, с которым мы моментально сдружились. В депо Пахомов пришёл с завода по ремонту трамваев и троллейбусов, до этого работал в ТТУ Барнаула, производство знал, и мы понимали друг друга с полуслова.

Все четыре квартала семьдесят восьмого года «Орджоникидзевское» по результатам работы занимало первое место среди всех пяти депо, за что переходящее Красное Знамя

было передано нам на постоянное хранение. В восемьдесят первом году начальник депо Сычёв Геннадий Александрович за высокие достижения в работе вверенного ему подразделения был награждён орденом. Я получил грамоту.

Несколько слов о том, как мы добились таких впечатляющих результатов.

Одним из основных показателей деятельности депо является выполнение плана пассажироперевозок. Соответственно, чем меньше отказов и простоев машин, неплановых возвратов подвижного состава с линии в депо, тем больше количество перевезённых пассажиров. Постоянно отслеживая и анализируя причины сбоев в системе производства ремонтов, мы принимали решения, позволяющие влиять на ситуацию в комплексе. Для этой цели была специально создана группа из трёх человек, которые занимались только разработкой и внедрением рационализаторских предложений: Анатолий Тихонович Урусов, заслуженный изобретатель СССР, Володя Кунгурцев, Василий Сенченко. И дело пошло.

К примеру, очень большое число возвратов происходило из-за сломанных дверей, особенно в часы пик, а перевозить людей в троллейбусе с открытыми дверями, понятное дело, нельзя. Реле, которые обеспечивали открывание и закрывание дверей, были крайне низкого качества и массово выходили из строя. Мы выбрали аналогичные, но более надёжные и приобрели их через завод имени Калинина. Результат,

что называется, налицо. Но это только один пример, а их была масса.

Инициатором выступал директор Сычѳв Геннадий Александрович, который долгое время проработал на Свердловской железной дороге и правила, усвоенные там, старался вводить в депо. В большой мере это касалось внедрения справедливых условий оплаты труда, что в свою очередь сказывалось на производительности, на качестве ремонтных работ и перевозки пассажиров.

Одной из памятных страниц было социалистическое – а как иначе? – соревнование между Орджоникидзевским и Челябинским депо №2, которое открылось и было введено в эксплуатацию вслед за нашим. Стоит отметить, что за продолжительное время нашей дружбы-соперничества челябинцы очень редко у нас выигрывали.

* * *

Четырнадцатого сентября семьдесят девятого года в нашей семье произошло радостное событие: родился второй сын, Олежка – это имя дал ему Игорь. Накануне родов я снова отправил Надежду в Чайковский. Игоря, естественно, тоже. Помощь в лице как её, так и моей мамы была рядом, так что можно было не беспокоиться.

Спустя некоторое время, когда малыш окреп, я перевѳз семью домой.

После рождения Олега мне предложили написать заявление на трёхкомнатную квартиру. Кстати сказать, в нашей ор-

ганизации очередь на жильё всегда была огромной, ведь само Управление домов не строило, а только получало отчисления от города.

Заместителем начальника ТТУ по общим вопросам был тогда Пугачёв Валентин Андреевич, человек очень пробивной и хваткий. В тот продолжительный период, когда он работал начальником Северного трамвайного депо, это депо по показателям работы всегда было на высоте. Позже, когда Пугачёв рос по карьерной лестнице, стал главным инженером ТТУ, а затем был переведён на работу в Облкомхоз, нас продолжали связывать хорошие деловые отношения. Именно Валентин Андреевич в считанные дни и решил мой квартирный вопрос. Как ему это удалось – не знаю, но квартиру я получил очень быстро.

Девятиэтажный панельный дом-стена, какими в те времена застраивали город, находился, да и до сих пор стоит на улице Молодёжи – такое вот позитивненькое название. А ведёт эта улица прямиком на Северное кладбище, где и заканчивается у ворот бывшего центрального входа – его впоследствии перенесли в другое место. Название оказалось пророческим и вполне оправдало себя сперва в восьмидесятые – с началом афганских событий, затем – в лихие девяностые – в период великого передела, а потом – в двухтысячные, когда во множестве стали погибать от наркоты совсем молодые ребята и девчонки.

Логичнее было бы именно эту самую улицу назвать име-

нем двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных в 1918 году под Красноводском по решению местных властей за сдачу Баку турецко-азербайджанским войскам. А именем Молодёжи, наоборот, стоило бы назвать улицу Бакинских Комиссаров: в дальнейшем как раз она станет активно застраиваться новыми домами, в которых будут селиться молодые семьи.

Но дарёному коню в зубы не смотрят, и для меня панельная трёшка на девятом, последнем, этаже в доме на краю города была царским подарком.

Мы строили, строили... 1980 год

Поскольку запускали наше депо, как я уже упоминал выше, в авральном режиме, окружающий его забор тоже был сварен на скорую руку: из металлического уголка и сетки-рабицы, хоть я, возможно, заблуждаюсь, и проектировщики просто рассчитывали на высокий уровень сознания советских граждан. Но то ли не все у нас сознательные, то ли забор оказался не слишком надёжным – начались хищения. Ночная смена, подготовив машины к выпуску, под утро обнаруживала, что в троллейбусах сняты сидения, зеркала, панели и даже верёвки, с помощью которых поднимали штанги на провода.

Так как организовать охрану такой большой территории имеющимися средствами было невозможно, решили ставить новый бетонный забор.

Но принять решение оказалось проще, чем реализовать его: фондов нет, материалов нет, техники нет. Но делать-то надо. На ЖБИ нашли некондиционные бетонные плиты, на Первоуральском Новотрубном заводе – бракованные трубы. Сделали проект. Дело было за малым: выпросить у города денег и найти организацию-подрядчика. Строить забор хозяйственным способом, то есть силами самого депо, категорически запрещалось действующим законодательством: требовалась специальная строительная организация.

Денег выпросили. Немного. Подрядчика – РСУ-3 – нашёл Пахомов. На следующих условиях: город перечисляет им деньги, они выплачивают исполнителям заработную плату, оставляя себе маржу. Вопрос о том, кто будут эти исполнители, а также где взять технику и бетон, который являлся фондируемым материалом, то есть распределялся по специальному плану, оставался за депо, так как план работы стройуправления на текущий год был уже свёрстан, и никаких резервов не имелось. РСУ-3 могло только чисто на бумаге пропустить эти объёмы через предприятие.

А забетонировать нужно было сто тридцать столбчатых фундаментов.

Но, не начавши – думай, а начавши – делай. Следуя этой мудрости, мы заключили договор подряда с РСУ-3.

Город оплатил плиты и трубы. Вывозили их двумя грузовыми троллейбусами, на которые установили дизельные двигатели. За месяц своими силами доставили в депо все трубы и большую часть плит.

Оставалось последнее – бетон. Здесь помог случай. Через дорогу, на другой стороне улицы Бакинских Комиссаров, во дворах, завершалось строительство детского сада. Вело его СУ-23 «Уралмашстроя» – наши давние знакомцы – именно они строили Орджоникидзевское депо. Руководил строительством прораб Пётр Норкин, душа-человек.

Садик был практически готов к сдаче, но, благодаря чьему-то разгильдяйству, «забыли» про забор. И вот ситуация:

материала нет – фонды на рабицу и уголок расписаны до конца года; допустим даже, материалы найдутся, но ограждение нужно ещё где-то изготовить, и в срочном порядке, что в условиях планового производства далеко не просто. Сорвать сроки сдачи объекта – оставить коллектив без премии.

В то время мы ещё не знали такого слова «бартер», но это не помешало нам произвести взаимовыгодный обмен: меняем ваш бетон на наш забор.

Этот договор с СУ-23 состоялся благодаря отличным отношениям между директором депо Сычёвым, прорабом Норкиным и начальником участка Смирновым, которые сложились ещё в период строительства депо – его Геннадий Александрович курировал лично.

Кстати, по закону, срезав старый забор, я должен был его списать, сдать в металлолом и получить справку с указанием веса, так что пришлось мне, как пионеру, заняться сбором железного лома везде, где только можно, чтобы не нарушать отчётности.

Вроде бы, можно приступать к работам, но ни техники, ни людей по-прежнему нет. Тогда я предложил свои услуги.

Реакция была неоднозначной. Славка принял идею «на ура», а вот более опытный и осторожный Сычёв засомневался: шёл восьмидесятый год, и выполнить поставленную задачу, не нарушив нормы существующего законодательства, было невозможно. Такая самодеятельность могла выйти боком.

Но я-то уже знал, как потрачу заработанные деньги. В принципе, ничего оригинального, всё согласно формуле советского благополучия «квартира-машина-дача». Квартира у меня уже имелась, на очереди стояла машина.

Здесь я хочу сделать небольшое отступление и объяснить, как мне в башку втемяшилась эта мысль.

* * *

Где-то за год до описываемых событий поздно вечером раздался непрерывный телефонный звонок междугородки – напомнил о себе брат Юра. Он только что купил в Тюмени жигули и просил, чтобы я подыскал гараж, в котором можно было бы оставить машину до весны. Весной они с женой собирались провести отпуск в автомобильном путешествии по Союзу, особенно хотелось Юре побывать в Прибалтике.

Гараж я, конечно, нашёл. Сижу, жду. И вдруг снова звонок: на подъезде к Свердловску Юрка на новой машине попал в ДТП! Первая серьёзная авария за всю его водительскую карьеру, не считая курьёза, когда он с грузовиком свалился в шлюз на строительстве Саратовской ГЭС.

Рано утром встречаем Юру на Химмаше, где в то время располагался основной цех по ремонту автомобилей «Жигули». Машина с разбитым передком – в кузове грузовика. Юрик полагал, что сразу же сдаст её в ремонт, но не тут-то было: очередь из желающих – огромная, а ремонтных баз – по моей информации – две на весь Свердловск.

Делать нечего – повезли жигуля в гараж. Там скатили его

с грузовика, рассчитались за доставку и отправились домой обмывать покупку: по распоряжению брата я основательно подготовился к этому мероприятию.

Вот сидим мы за столом, обмываем разбитый автомобиль, чтоб не сгнил в гараже, а я смотрю на Юру и диву даюсь, наблюдая олимпийское спокойствие брата. Такое чувство, что это не его, а мою машину раздербанили.

После распития первой бутылки Юрка, по простоте душевной, проболтался:

– Владик, да не переживай ты так: мне ведь четыре тысячи из пяти мама дала!

Вот ни фиги себе – у меня глаза полезли из орбит: Юрочка с женой зашибают длинные северные рубли, а на машину даёт мама!

И в это время – снова междугородный звонок. Теперь звонит мама: как там её старшенький, удачно ли добрался, пригнал ли такую долгожданную покупку и что собирается делать дальше? Ну, пришлось, конечно, врать, что добрался хорошо, машина в гараже – в целости и сохранности. В доказательство вручил трубку брату, который в красках расписал своё благополучное путешествие из Тюмени в Свердловск и вернул трубку мне.

Если б я не был в приличном подпитии, если бы этот разговор состоялся на следующий день, никогда не произнёс бы я следующих слов:

– Мам, а почему ты дала ему деньги на машину? Он ведь

уже столько времени на севере... Что, сам не мог заработать?

– Владик, – ответила мама, – я дала ему займы – он попросил. А вообще передай ему: две тысячи я ему дарю, а две пусть отдаст тебе – это тебе подарок от меня.

Вот так, совершенно неожиданно, получил я в подарок две тысячи, а вместе с ними – намерение приобрести автомобиль «Жигули».

* * *

Но вернёмся к строительству забора. Начальник депо по путёвке профкома отправился «на юг» поправлять здоровье. Не теряя времени, я сколотил бригаду из трёх человек: мой брат Толик, сварщик Женя Шевяков и я.

С техникой нам помог Виктор Тетиевский – начальник автоколонны второй автобазы, который одно время, очень недолго, работал под моим началом. Мы договорились, что по моему звонку Виктор будет посылать в депо ямобур и кран, разумеется, не бесплатно, а где он их возьмёт – не моя забота.

Наконец, все узелки связались, и покатило...

Когда через двадцать четыре дня наш шеф, посвежевший и загоревший, прибыл к месту службы, половина забора была уже смонтирована. Правда, мы с Женей и Толиком были худые как жерди, потому что каждый день, окончив одну работу, шли на другую и пластались там до часу ночи, отрабатывая свою часть денег.

Получив отчёт и обзрев первые результаты, Сычёв мах-

нул рукой и разрешил продолжить. Мы довели недостающие материалы, произвели подготовку и в ночь на седьмое ноября, в аккурат к очередной годовщине Великой Революции, пониженной впоследствии до ранга переворота, замкнули периметр. Внесли, таким образом, свою лепту в подготовку к всенародному празднику.

Оставалось только пристроить по верхнему краю украшение в виде орнамента из колючей проволоки. Ну, да это уже пустяк.

За всю эту работу нам заплатили пять с небольшим тысяч. Рассчитавшись со всеми партнёрами, я получил на руки рублей семьсот-восемьсот, которых, даже с учётом тех двух «штук», что дала мне мама, на машину явно не хватало: ВАЗ-21011 стоила семь тысяч, а ВАЗ-2106 – девять шестьсот.

Но охота пуще неволи, и в течение зимы я подрядился ещё на две халтуры: оборудование класса по безопасности движения и класса технического обучения.

Класс по безопасности движения, который должен быть на любом транспортном предприятии, мы делали с Серёжей Хрусловым, начальником техотдела. Притом, всё оборудование изобретали сами и изготавливали по чертежам Сергея, активно эксплуатируя его опыт работы на железной дороге.

В классе технического обучения нужно было смонтировать внутренности троллейбуса, чтобы наглядно демонстрировать работникам службы ремонта его устройство. Для это-

го была разработана и собрана электрическая схема, в которой все процессы набора скорости и торможения обозначались лампочками.

Весь год как проклятый я шёл с одной работы на другую и вкалывал, зарабатывая на свой первый автомобиль. Зарплата полностью уходила на семью, а заработки с халтур откладывались на запланированную покупку.

Я б в водители пошёл...

Намерение купить автомобиль кроме добычи денег повлекло за собой ещё две проблемы: получение водительских прав и строительство гаража.

Помог Слава Пахомов, который раньше меня озаботился этими вопросами и уже был близок к финалу. Способствовали тому следующие обстоятельства.

При открытии депо нам было передано несколько автомобилей: для отдела снабжения, организации питания водителей на конечных станциях и тому подобного. В числе прочих имелся и ГАЗ-22 весьма преклонного возраста. Если учесть, что прежде, чем попасть в депо, автомобиль продолжительное время проработал в службе скорой медицинской помощи, а затем в аварийно-транспортной службе ТТУ, станет понятно, что он представлял собой гроб, набитый гайками и изъеденный ржавчиной, который постоянно ломался, а потому эксплуатировался недолго и был списан по возрасту и технической непригодности.

Вот такое чудо отечественного машиностроения Слава и приобрёл по остаточной стоимости, которую обязательно требовалось проставить в ведомости, чтобы ГАИ не ликвидировало документы на автомобиль.

Заполучив вождеденный хлам с документами в придачу, Слава принялся его реанимировать. Заменить прогнившую

жестянку и перебрать двигатель – всего лишь полдела. После всех этих работ необходимо подготовить кузов к покраске, а затем покрыть автоэмалью, соблюдая технологию. Делалось это на специализированном предприятии, которое в то время нужно было ещё найти и, разумеется, договориться.

Будучи человеком пробивным и коммуникабельным, вопрос покраски Славик решил довольно быстро. Ему назначили дату, предварительно оговорив: срывать её нельзя, так как очередь расписана на долгое время вперёд.

Всё складывалось прекрасно, однако канитель с подготовкой кузова грозила поломать все планы.

Однажды утром, после того, как диспетчер и мастер отчитались о результатах работы ночной смены и выпуске подвижного состава на линию, у меня в кабинете появился встревоженный и чем-то озабоченный Слава. Оказалось, что сегодня – последний день подготовки кузова. Завтра утром автомобиль нужно доставить на покраску, а крыша до сих пор не готова. Дело в том, что за много лет на ней – в результате неоднократного перекрашивания – образовался толстый слой эмали, который обязательно требовалось удалить до самого металла.

Поручить это дело Слава решил своей племяннице, которую незадолго до описываемых событий устроил ко мне в цех, чтобы та между окончанием школы и поступлением в техникум могла за лето немного подзаработать, а кроме того – завести трудовую книжку. Вот эту-то племянницу Слава

и просил у меня на один день, чтобы она отчистила краску наждачной бумагой – другого выхода он не видел.

Ну как откажешь товарищу в такой пустяковой просьбе? В то время мы уже очень близко сошлись и дружили семьями: почти всё свободное время проводили вместе.

Приодев главное действующее лицо соответствующим образом, всучив ей достаточный запас наждачной бумаги и поставив задачу, Славуша укатил решать производственные вопросы. Воротился он только после обеда и пригласил меня пройтись до гаража: оценить, так сказать, результаты.

Увиденное повергло Славика в шок. Картина Репина «Девушка на Волге». Причём, буквально: в позе, которая в народе называется «раком», она стояла на четвереньках на крыше автомобиля и со всей силой шоркала наждачкой по металлу, сдирая краску. А так как Славина племянница была девицей довольно увесистой, в результате её самоотверженного труда вся крыша оказалась в сплошных вмятинах, по форме совпадающих с её округлыми коленками.

Описать реакцию Славика я не могу: это надо было видеть! А ещё лучше – слышать весь тот мат, что потоком пролился на голову несчастной. С мечтой о том, чтоб кузов выглядел как новый, пришлось расстаться, и весь остаток дня, и всю ночь ликвидировать следы её усердной работы.

Но уже силами слесарей и маляров депо...

* * *

К тому моменту, как я решил приобрести автомобиль,

все эти трудности мой предприимчивый друг уже преодолел: права получил, гараж сварил, машину отремонтировал и на ней ездил. Поэтому я и обратился к Славе как к человеку с опытом испытаний, которые мне только предстояло пройти.

С водительским удостоверением всё разрешилось довольно просто: по протекции Славки я устроился в ту же автошколу, где когда-то учился он.

С гаражом оказалось несколько сложнее: нужно листовое железо, а где его взять? Весь материал расписан по фондам предприятий, да и цена металла по нашим заработкам слишком высока. Пока гараж варил Славик, я как-то даже не интересовался расходами на его изготовление, забеспокоился только тогда, когда проблема коснулась меня самого.

Уголок, которого было нужно триста килограммов, я выписал в депо, благо, этого добра у нас было выше головы: закупили в Нижних Сергах прямо с прокатного завода ещё в период освоения депо. Уголок был некондиционный, то есть бракованный, и стоил сущие копейки: чтобы не отправлять брак на переплавку, его продавали по себестоимости и вне всяких фондов. В депо из него делали различные приспособления, в том числе и шкафчики для рабочей раздевалки.

Нашёлся выход и на листовое железо – посоветовал опять же Славуша. По протоптанной дорожке я направился в район Сортировки – на одну из производственных баз, где трудился Плеханов Прокопий Кузьмич, большой друг нашего главного механика Ильиных Анатолия Дмитриевича.

Кузьмич был из породы людей, про которых на Руси говорят: последнюю рубашку снимет и отдаст – только бы оказать помощь тому, кто в ней нуждается. Даже если не мог помочь сам, находил того, кто это может сделать.

К слову сказать, Анатолий Дмитриевич был человеком с более сложным характером. В процессе совместной работы мы довольно часто конфликтовали: его бригада занималась обслуживанием станков и механизмов, на которых работали ремонтники цехов, и вот когда эти станки выходили из строя, Анатолий Дмитриевич виртуозно умел переводить стрелки и находить виноватых. Естественно, не из числа членов своей бригады.

Итак, я обратился к Прокопию Кузьмичу. На базу поступали сотни тонн листового металла, расфасованного в пачки, первый и последний листы которых считались упаковочными, хоть по параметрам ничем не отличались от остальных. Видимо, металлургическим предприятиям было выгоднее терять два листа из каждой пачки, чем заказывать какую-то специальную упаковку на стороне. Естественно, "лишнее" железо тоже реализовывалось, но по цене в несколько раз ниже, чем остальное. Вот его-то я и приобрёл.

Гараж сварили на территории тяговой подстанции. Понятно, что варил не сам – ассистировал сварщику Васе Сенченко. Вместе с водителем Сашей Бондарем мы погрузили гараж на платформу грузового троллейбуса, чтобы перевез-

ти к месту установки, и едва успели выехать за ворота подстанции, как нас остановил вежливый молодой человек. Он предъявил удостоверение сотрудника ОБХСС и попросил показать документы на материал, из которого изготовлен гараж.

Я, конечно, ответил, что документов при себе не имею, так как не планировал встречи с правоохранительными органами при транспортировке, ведь при изготовлении они меня почему-то не потревожили. Представитель этого хорошо известного советским гражданам ведомства дал мне свой телефон, назвал все данные вплоть до занимаемой должности и номера кабинета, куда я должен принести требуемые документы, и мы расстались.

Разобравшись с установкой гаража, я мигом слетал на работу, забрал квитанции об уплате за металл и предстал пред светлые очи работника ОБХСС. Он внимательно просмотрел документы, как-то странно при этом хмыкая себе в усы, и предложил съездить на место: взглянуть на подозрительный объект. Там он с рулеткой снял все размеры и пригласил меня явиться в отдел на следующий день, объяснив это необходимостью проверить подлинность квитанций и соответствие затраченного материала тому, что прописано в бумагах.

При следующей встрече он с улыбкой вернул мне квитки и на прощание сказал:

– Да, молодец: гараж-то тебе просто даром достался! Заплати за электроэнергию, потреблённую при производстве

сварки, и у нас больше не будет к тебе никаких вопросов.

Вот так мирно мы и расстались.

* * *

Шло время. Наконец, деньги были собраны, оставалось дождаться разрядки на «Жигули». И тут я получил от судьбы новый удар, которого, признаться, никак не ожидал.

Дело. Если друг оказался вдруг. 1981 год

Ранним утром мая восемьдесят первого года, после планёрки, на которой ночная смена отчитывается за выпуск, а дневная принимает эстафету, последовал звонок. Мужской голос предельно вежливо, назвав меня по имени-отчеству, поинтересовался, есть ли в возглавляемом мною подразделении сотрудник Евгений Шевяков, на что я ответил: да, есть такой, работает сварщиком. Тут звонивший, весь рассыпавшись в любезностях, попросил, чтобы я послал гражданина Шевякова в районный отдел милиции в кабинет такой-то, к товарищу такому-то, так как на него поступила жалоба, и нужно разобраться, имело ли место нарушение, в этой жалобе изложенное.

Внутри ёкнуло: что-то показалось мне в этом разговоре странным. Тем не менее, спокойно ответив, что пошлю непременно, я положил трубку и задумался.

На память пришло событие годичной давности, когда я, решив купить автомобиль, стал готовиться к реализации этой идеи. Первое, что я сделал – сварил на территории тяговой подстанции гараж. Именно тогда я впервые столкнулся с представителями ОБХСС.

Вот этот-то инцидент я сейчас и вспомнил.

Открыв записную книжку, увидел, что номер кабинета, куда должен явиться Шевяков, находится рядом с тем, куда дважды приглашали меня. А я помнил, что вся эта группа кабинетов занята работниками ОБХСС.

Неужели забор? Хотя со времени его строительства прошло уже больше полугода, но чем чёрт не шутит...

С точки зрения социалистической законности там не всё было чисто.

Не было заплачено государству за механизмы, а если и было, то не государству.

Не был оплачен бетон, использованный на фундаменты: его выменяли на забор, который как списанный должен был уйти в металлолом. Вот металлолом я, правда, сдал, благо, этого добра у нас в стране навалом, было бы желание. У меня же было не просто желание, а насущная необходимость.

Зарплату за выполненные работы получал не я, потому что справку-разрешение на совместительство мне как руководителю давать не имели права по закону. Зарплату получали мои друзья, которые не работали начальниками и могли взять эту справку у себя по месту работы.

Вызвав Женю, я пересказал ему содержание телефонного разговора и поделился своими сомнениями. Кроме того, предупредил: если моё предположение окажется верным, пусть всё валит на меня. Типа, он ничего не знает: всем управлял я, и зарплату за забор он получал лично из моих рук. Сумму мы оговорили тоже.

После этого я прыгнул в машину и в течение двух часов объехал всех тех, кто получал за нас зарплату, с предупреждением: на вопросы «компетентных органов» отвечать, что в строительстве не участвовали, а потому все деньги за работу до копейки отдали мне. Даже ту небольшую сумму, которую я оставлял им в качестве вознаграждения за услугу.

Вернувшись на работу, узнал, что в милиции уже побывал Толик, который, как и Женя, всё спёр на меня. Надо отдать должное ОБХСС: за один день они перетрясли всех действующих лиц, оставив меня на десерт. Но я их всё же опередил, и теперь всё замыкалось на мне.

В течение этого тревожного и напряжённого дня выяснилась ещё одна очень важная деталь. Получилось это так. С утра Слава Пахомов, который на тот момент замещал отсутствующего Сычёва, уехал в Управление на планёрку и, естественно, при начале событий не присутствовал. К моменту его возвращения я уже оповестил всех, кого нужно, и ждал только Славу, чтоб сообщить и ему эту «радостную» новость.

Для него она оказалась «радостной» вдвойне. Узнав обо всём происходящем, Славик вдруг резко изменился в лице, побледнел и сдавленным голосом, стараясь не смотреть мне в глаза, признался, что при подписании процентовок часть объёмов закрывал на своего приятеля Сашу Мирмовича, а тот, в свою очередь, передавал эти деньги ему.

– Сколько? – внутри у меня всё клокотало.

– Тысячу двести, – понурил голову Пахомов.

– Ско-олько?! – это сумма была больше той, что заработал я, пластаясь на стройке ночи напролёт! Оказалось, что те бетонные работы по заливке фундамента, которые частично выполнялись ремонтными бригадами депо, Пахомов закрывал на себя. А ведь он в своё время тоже получил долю от строительства забора.

– Сука, что же ты наделал! Ты же меня посадил!

Я шлёпнул на стол чистый лист бумаги:

– Садись, пиши расписку!

– Что писать? – Славик покорно взял ручку.

– Пиши: обязуюсь выплатить Погадаевой Надежде Викторовне тысячу двести рублей. Это на случай, если меня посадят, – я сглотнул, – а потом звони Мирмовичу и предупреди, чтоб, если спросят, отвечал, что эти деньги он передавал мне. И поторопись...

Славке повезло – он успел связаться с Мирмовичем раньше, чем того вызвали в ОБХСС.

Вечер накануне встречи с подполковником Насибулиным, который вёл дело, я посвятил консультации с адвокатом. Бейлин Михаил Романович, который много лет назад защищал моего друга Вальку Рудакова и уже в то время считался одним из самых опытных адвокатов Свердловска, теперь работал юрист-консультантом в НИИ «Химмаш».

Внимательно выслушав меня, Бейлин спросил, имеются ли у меня расписки на те суммы, которые я выплачивал на

зарплату, а также за механизмы и материалы. Узнав, что расписок нет, пожурил, с досадой покачав седой головой:

– Владик, ты же уже стреляный воробей. Как ты мог допустить такие ошибки?! Видишь ли, если отбросить всю лирику, то получается, что ты бесплатно использовал технику и стройматериалы. А это, мой друг – хищение. И то, что строил ты забор не для себя, а для государства в лице ТТУ, сути не меняет! Остаётся надеяться, что они не найдут, где ты взял бетон и механизмы: тогда дело точно развалится.

Во второй половине следующего дня я сидел перед подполковником Насибулиным. Ничего нового я ему, естественно, не принёс, лишь подтвердил всё то, что они нарыли за эти два дня.

Пришлось, конечно, себя обгадить, ведь дело выглядело так, будто я один присвоил все деньги за строительство, за исключением тех, что выплатил Толику, Жене и Вите Тетиевскому, который, как и они, проходил по делу просто исполнителем строительно-монтажных работ (повезло, что в автоколонне, которой он руководил, были только грузовые КРАЗы – ни кранов, ни ямобуров). Но если б в деле – помимо моей – всплыла фамилия ещё хоть одного организатора, это было бы преступление, совершённое группой лиц по предварительному сговору, а, следовательно, совершенно другой уровень ответственности, так что выбора у меня не было – пришлось всё брать на себя.

На вопрос: где я брал технику, ответил, что ловил на за-

правках и договаривался. Про бетон тоже плёл что-то аналогичное. Понятно: они мне не поверили, да и не могли поверить – не идиоты же, но доказать обратное тоже не сумели, хоть и перешерстили в округе все предприятия, располагающие такой техникой. Более того, даже вышли на некоторых исполнителей: водителей и крановщиков, да только кто ж признается, что без наряда на работу выполнял её в Орджоникидзевском троллейбусном депо, да ещё бесплатно? И следствие продолжалось...

Не могу не упомянуть о том, что первым и единственным, кто в те тяжёлые дни подошёл ко мне и предложил свою помощь, был Ильиных Анатолий Дмитриевич. Заметив, в каком подавленном состоянии я нахожусь, он, несмотря на наши зачастую натянутые отношения, сказал:

– Владислав Михайлович, если в ходе следствия тебя обвинят в каких-то материальных злоупотреблениях, я готов тебе помочь – ты только скажи мне...

А вот отношения со Славкой из дружеских перешли в натянутые.

Плюс ко всему, на одной из планёрок у меня произошёл конфликт с начальником депо. Казалось, что Сычёв в этот раз поставил себе целью достать меня и довести до точки кипения: претензии шли одна за другой. Последней каплей послужила ситуация с вентиляционными люками.

Дело в том, что в депо обновление подвижного состава происходило регулярно, но троллейбусы приходили с

некоторыми конструктивными недоделками, мешающими их эксплуатации. В данном конкретном случае верёвки, при помощи которых штанги устанавливали на провода, потоком воздуха во время движения затягивало в салон через открытые вентиляционные люки. Чтобы исправить ситуацию, мы начали устанавливать на крышах троллейбусов специальные ограничители, конструкция которых Сычёву категорически не понравилась. Из-за этого и разгорелся скандал на высоких тонах. В результате я счёл себя оскорблённым, выскочил из кабинета и написал заявление на увольнение.

В те времена от момента подачи заявления до увольнения полагалось отработать месяц – срок немалый. Я за это время перегорел, произошедший скандал не казался уже таким значительным, но так как забрать заявление мне никто не предложил, счёл, что стал не нужен.

Как выяснилось позже, моё увольнение устраивало и начальника депо, и главного инженера, ведь вместе со мной уходило беспокойство, связанное с возбуждённым уголовным делом. Формула известная: нет человека – нет проблемы. К тому же, я сам сделал так, чтоб все концы этой истории замкнулись на мне.

Очень не хотел, чтобы я остался, Слава Пахомов. Он прямо просил Сычёва не удерживать меня и даже выразил готовность временно подхватить мою нагрузку – до тех пор, пока не подберут замену. Видимо, опасался, что информация о его неблагоприятном поступке уйдёт в народ.

Так этот месяц и прошёл. Понимая, что за один день до увольнения разговора не получится, я взял отгулы, накопленные за дежурства в выходные, и уехал в Тюмень. Хотел устроиться где-нибудь на севере: на газовых или нефтяных месторождениях. Но найти приличную работу там оказалось непросто. Потенциальные работодатели не горели желанием принимать сотрудника, в трудовой книжке которого значилось: уволен в связи с заключением под стражу, а следующая запись – о приёме на работу – только через пять лет! Целый день ходил я по конторам предприятий, осваивавших северные просторы нашей Родины, но безрезультатно, а, вернувшись в Свердловск, неожиданно получил приглашение на работу в ПТУ№1, готовившее кадры для «Уралмаш» завода.

ГШТУ №1. 8 июля 1981 года

Поспособствовала этому трудоустройству мастер строительной группы депо Жаровцева Людмила Александровна. Она, по натуре достаточно жёсткая и острая на язык, являлась отличным специалистом и организатором, и потому у нас были прекрасные отношения, которые я высоко ценил.

Понаблюдав за моими мытарствами, Людмила переговорила с мужем. Надо сказать, что Вячеслав Александрович Жаровцев пользовался в ПТУ №1 непререкаемым авторитетом, вот с его лёгкой руки мне и предложили должность мастера производственного обучения и преподавательскую нагрузку: чтение лекций по электротехнике и спецтехнологии.

Когда на собеседовании прикинули мою будущую заработную плату – при условии, что я буду читать лекции в двух группах, которые мне самому предстоит скомплектовать и обучать – оказалось, что она выше, чем зарплата главного инженера депо. Естественно, я согласился и в начале июля приступил к работе.

Чтобы ускорить процесс комплектования учебных групп, меня направили в отдел кадров «Уралмаша»: туда в поисках работы приходили выпускники десятых классов, и моей задачей было переориентировать их на обучение в ПТУ и получение специальности, а уж затем – на трудоустройство. И это был вполне правильный подход: зачем, имея собствен-

ную учебную базу, проводить обучение в цехах, отвлекая рабочих от основного производства!

Процесс шёл неплохо, и уже к началу августа две группы ускоренного – за один год – обучения были практически укомплектованы.

В какие-то из выходных августа решил съездить на Платину: по слухам, в этом году был урожай шишек, и мне захотелось вспомнить юность – полазить по кедрам.

Накануне отъезда у Олежки поднялась температура. Он почти всё время спал. Просыпался ненадолго, плакал и засыпал снова. Всем известен постулат, что сон – это лучшее лекарство, и у меня где-то в подсознании жила уверенность в том, что сон поможет малышу выздороветь, поэтому поездку решил не отменять. Тем более, запланировали мы с Валеркой её заранее. Но на душе всё же было тревожно.

Съездили удачно: повидались с друзьями детства, сходили в кедровник, набили два полных мешка отборных шишек и поехали домой.

Первое, что увидел, переступив порог квартиры – заплаканное лицо жены. Оказалось, после нашего отъезда пришла врач из детского сада – она-то и вызвала скорую, так как была уверена, что у ребёнка – менингит. Именно врач из детского сада настояла на том, чтоб Олежке сделали пункцию и взяли спинномозговую жидкость, анализ которой и подтвердил впоследствии правильность первоначального диагноза. На всё это ушло больше суток.

Начались две недели кошмара. Олежка находился в тяжелейшем состоянии. Нас к нему не пускали, а встречи с лечащим врачом успокоения не приносили.

Между тем, в училище, зная о моей ситуации, ждали ответа: смогу ли я с ребятами поехать в совхоз на уборку картофеля. До отъезда оставалось всего несколько дней, когда врачи сообщили, что угроза миновала – Олежка будет жить, и я дал согласие отправиться с учащимися на уборку урожая.

В помощь мне дали ещё двух человек: женщину по имени Лида, которая готовила маляров, и молодого парня, Володю, недавнего выпускника техникума, мастера по обучению токарей. Как выяснилось позже, руководство училища знало, что делало: мне одному справиться с пятьюдесятью недорослями было бы весьма непросто. Да ещё учитывая специфику контингента: после десятилетки в ПТУ шли троечники да дети из неблагополучных семей, вынужденные сами себя обеспечивать. Все, кто мог себе это позволить, стремились поступать в институты или, на худой конец, в техникумы.

Но это я оценил не сразу...

Направили нас в совхоз Манчажский Красноуфимского района.

В конце семидесятых и в восьмидесятые годы совхоз Манчажский был передовым сельхозпредприятием с развитой инфраструктурой, занимал первые места в области по продуктивности молочного скота, был занесён на Доску Почёта ВДНХ. Свой быткомбинат, новая двухэтажная школа, дет-

ские сады, ясли, Дом пионеров, Дом культуры, многопрофильная больница, баня, столовая, дома для работников совхоза, асфальтированные улицы – это далеко не полный перечень того, что было сделано, а затем разбазарено и разрушено в лихие девяностые.

Союз рабочих и трудового крестьянства

Добравшись до райцентра, группа в полном составе пересела на автобусы, которые прислали за нами, и доехала до одного из отделений совхоза. Разместились в школе.

По прибытии на место понесли первую потерю личного состава: наша мастер Лида еле ходила. Накануне она поранила ногу и, видимо, внесла в рану инфекцию. Ни о какой помощи на поле не могло быть и речи. Всё, что можно было ей поручить – это кухня, ведь пищу мы должны были готовить сами.

С утра отправился знакомиться с руководством совхоза и получать рабочее задание.

Директор сельхозпредприятия когда-то работал в Свердловске на заводе Электротяжмаш, затем был направлен партией на усиление руководства совхоза Манчажский. Сначала он познакомил меня с главным агрономом и секретарём парторганизации, потом мы с ним обговорили общие вопросы, а затем вдвоём с женщиной-экономистом стали верстать объёмы работ.

Она очень оперативно, исходя из нашей численности и количества рабочих дней в сентябре месяце, выдала размер площадей, засаженных картофелем, который мы должны бы-

ли убрать и соскладировать в хранилище, а также посчитала, сколько денег мы за это получим за минусом расходов на питание.

Причём, мясо и молоко учли по отпускной цене, что оказалось очень недорого, а картошку и капусту даже считать не стали – ешьте на здоровье.

Затем обсудили заработок мастеров: нам не только сохранялась зарплата по основному месту работы – об этом мы знали, но и дополнительно, приказом директора совхоза, всем троим устанавливались бригадирские оклады на месяц. Обычно группы приезжали именно на этот срок. Экономист тут же объявила мне размер нашего заработка и высчитала стоимость одного рабочего дня. Методика расчёта меня не устроила, и мы снова отправились в кабинет директора.

Директор с удивлением отнёсся к моему неудовольствию и попросил пояснить, чего же я всё-таки хочу. Я, в свою очередь, задал ему вопрос:

– Вы хотите, чтоб мы картофель убирали целый месяц, или как можно скорее? – на что получил вполне предсказуемый ответ:

– Конечно, скорее!

– Тогда давайте поступим следующим образом, – продолжал я, – зарплата, которую нам насчитали за месяц, нас вполне устраивает. Но я хочу, чтобы мои мастера получили эту же самую сумму, если мы выполним указанный объём раньше срока: за двадцать, пятнадцать или десять дней. А вот ес-

ли затянем уборку дольше, чем на месяц, то тоже получим эту же самую сумму – не больше!

Другими словами, я предложил поменять повременную оплату на сдельную.

– Логично! – ответил директор, который в этих условиях ничего не терял, а, напротив, в любом случае только выигрывал, и мы пожали друг другу руки.

Получив аванс и повозку с лошастью для нужд своей большой бригады, я поехал за продуктами и мысленно начал готовиться к собранию. Ведь затеянная мною комбинация имела смысл только при том условии, что мы завершим работы досрочно, а это во многом зависело от организации труда.

На собрании распределили обязанности: кто будет готовить, кто убирать картофель, кто грузить и транспортировать в хранилище. Сборщиков картофеля поделили на тройки. Кроме того, всех предупредили о строгом учёте результатов труда и о том, что зарплата напрямую будет зависеть от выработки.

После первого дня работы подвели итоги. Володя, которому я предложил вести учёт, точно зафиксировал, какая тройка сколько рядов убрала. Разница между лидерами и аутсайдерами оказалась колоссальной. Кроме того, при проверке выяснилось, что часть картофеля попросту зарыта в поле. А ведь нам предстояло это поле сдавать комиссии.

После ужина я собрал ребят. Не помню точно, какие слова я тогда нашёл. Помню, что меня несло, как ком с горы: сыпал

шутками-прибаутками, высмеивал сачков и лодырей перед всей группой, ведь благодаря чёткой системе учёта мы знали о результатах работы каждого. Знали и то, чья тройка зарыла картошку в землю. А в заключение я озвучил стоимость уборки одного ряда – высчитать её, зная общее количество рядов и фонд заработной платы, с вычетом накладных расходов, было несложно. Теперь каждая тройка могла наглядно представить, сколько она заработала за день и сколько получит, если будет и дальше продолжать в том же темпе. Вот тут наши подопечные и поняли, что им предоставляется возможность не просто отбыть трудовую повинность, а реально заработать

После этого в бригаде развернулось самое настоящее социалистическое соревнование: некоторые тройки уходили с поля уже затемно. И никто никого не подгонял! Конечно, лучше всех работали те, кто вырос в деревне: у них и навык имелся, и уважение к труду – своему и чужому – ну, и, разумеется, материальный стимул играл не последнюю роль. Этим ребятам и девчатам, в отличие от городских однокашников, приходилось рассчитывать только на себя. Что ни говори, а домашним детям – даже не в самой благополучной ситуации – всё же живётся легче.

В ближайшее воскресенье по инициативе руководства совхоза для ребят была организована баня. После бани и ужина пошли разговоры о том, что сегодня в клубе будут танцы. Узнав об этом, я посоветовал ребятам не ходить туда,

но, к сожалению, они не послушались.

Уже укладываясь спать, а квартировали мы с Володей на сеновале – в доме неподалёку – услышал стук в дверь: прибежали девчонки с криками, что наши ребята дерутся с местными. Рванули туда.

На место событий мы успели уже к шапочному разбору. Милиция сработала оперативно: местную молодёжь погрузили в воронок и отвезли в КПЗ.

При анализе ситуации выяснилось следующее: в клуб совхозные парни, как водится, явились в приличном подпитии и начали подкатывать к нашим девчатам, что тоже вполне понятно и объяснимо. Но этим дело не ограничилось. Возбуждённые спиртным и нездешним очарованием свердловских прелестниц, они принялись распускать руки и тискать девчонок за все места, до которых только сумели дотянуться. Наши парни, ясное дело, не могли этого так оставить, и завязалась драка. В итоге местных – всех, кто не успел убежать – сгрузили в воронок. Из наших не взяли никого, хоть некоторые из них и были с разбитыми носами.

Пришлось снова проводить воспитательную беседу, после которой наши питомцы безропотно разбрелись по своим местам зализывать раны.

Утром, после завтрака, когда Лида с группой девчат ушла на кухню готовить обед, а Володя – распределять задание сборщикам картофеля, к зданию школы подъехал ГАЗик. Это был секретарь партийной организации, который пред-

ложил мне прокатиться по территории совхоза. Я не отказался. Было видно, что человек гордится хозяйством и тем, как организована здесь работа. Увиденное, действительно, впечатляло: коровники, свинофермы, ухоженные поля. Социальные объекты и жилищное строительство.

И только на обратном пути он решился начать разговор, ради которого, видимо, и приехал:

– Ну, и что ты думаешь делать?

– В смысле? – я не сразу понял, о чём он.

– Ну, в милиции хотят, чтоб ты поехал, написал заявление...

– Зачем? – я был безмерно удивлён.

– Но твоих же ребят побили, некоторые были в крови и синяках. Да и девчат своим представлением напугали...

– Нет! В милицию я не поеду. И заявление писать не буду. Во-первых, я сам со своими мастерами виноват, что не сумел убедить ребят не ходить на эти танцы. И потом, кровь уже смыли, синяки пройдут, а им будет урок. Во-вторых, я ведь предполагаю, чем может закончиться моё заявление, а ломать парням жизнь не надо. Думаю, им и так впечатлений хватило. Они ведь, как я понимаю, до сих пор в КПЗ?

– Так в том и дело, – я явственно увидел, как изменилось, посветлело его лицо, из глаз ушло выражение напряжённого ожидания.

Стало понятно: хоть он и надеялся на благополучный исход своей миссии, но такой реакции с моей стороны даже не

чаял.

– Понимаешь, – продолжал он теперь уже оживлённо, – ведь идёт уборка, а они пьяные – значит, зачинщики – вот их и не выпускают, – глубоко вздохнул. – А тебе, Владислав Михалыч, спасибо! Честно говоря, не ожидал. Ведь у нас в совхозе каждый человек на счету, особенно молодые ребята. Их ведь почти не осталось: бегут в город, хоть и работа у нас сейчас организована неплохо. А представь, если бы поступило заявление в милицию, да ещё неизвестно, какие показания дали бы твои, и чем бы это закончилось – одному Богу известно.

Вот так и поговорили, а во второй половине дня арестантов выпустили.

На следующее утро, после разрядки, я взял ведро и пошёл в берёзовые колки – лесополосы, что в изобилии тянулись между полями. Чутьё не подвело: в березнячке было полно груздей. Ведро насобирал за пару часов.

Пройдя немного дальше, повстречался с группой молодых мужиков, которые метали сено в стога. Познакомились. Из разговора понял, что это и есть обидчики моих ребят. Парни по-простому извинились за происшествие, а поздно вечером – работали в страду до темна – прибыли ко мне на сеновал. Разумеется, не с пустыми руками. С российской национальной валютой – водкой. Отказаться было бы невежливо, и мы дружно отметили примирение сторон.

Дни шли за днями: ясные и сухие. За всё время прошёл

только один дождь, да и то недолго. Из дома пришло письмо, что Олежка поправляется, и это прибавляло настроения. Ежедневно, после распределения задания, я оставлял Володю наблюдать за работами, а сам шёл по грибы. Цель была: насолить три ведра – каждому мастеру по одному. Вёдра купили здесь же, в сельмаге. Я всё делал сам: чистил, мыл, солил и задавливал под гнётом. На одно ведро солёных груздей уходило три ведра свежих. Но с задачей я справился.

Уборка шла ударными темпами, и к финишу мы подошли двенадцатого сентября. Комиссия под председательством главного агронома приняла поле, нам выдали билеты на поезд и заказали автобусы на тринадцатое число.

После сдачи объекта я с главным агрономом поехал за расчётом, прихватив по пути бутылку водки. Получив в кассе совхоза полиэтиленовый мешочек с деньгами, зашёл в кабинет директора, где собралось всё руководство. Выпивать со мной он не стал: куда-то собирался ехать, но всем остальным не препятствовал:

– А вам я сегодня разрешаю выпить с ним.

Затем отвёл меня в сторону и вполголоса, чтобы никто особенно не слышал, предложил:

– Послушай, Владислав Михалыч, зачем тебе это училище? Иди работать к нам в район. Перспективы есть. Нужно менять не менее четырёх директоров совхозов.

– Но я же не член партии.

– И что? Стране нужна сельхозпродукция или твой пар-

тийный билет? Я наблюдал, как ты организовал эту уборку. К нам же каждый год приезжают, и ваши тоже были, но никто и никогда не выполнял месячную норму за двенадцать дней!

Я не сказал о том, что лично для меня явилось дополнительным стимулом такой ударной работы: четырнадцатого сентября Олежке исполнялось три года, его обещали выписать из больницы, и как здорово, что в этот день я смогу быть с ним рядом.

Тепло расставшись с директором совхоза, я обещал подумать и дать ответ.

Вечером накануне отъезда меня снова вычислили местные парни – участники драки. Купили спиртное. Чтобы не привлекать внимания, укатили в поле на тележке, прицепленной к трактору, и набрались там до чёртиков, а на обратном пути влетели в кювет. Тележка перевернулась, и мы горохом посыпались в канаву. Но недаром же говорится, что Бог любит дураков и пьяниц: обошлось без травм.

Как я оказался у себя на сеновале – не помню. Зато хорошо помню, что почувствовал утром, не обнаружив в кармане пакета с деньгами. Протрезвел мгновенно. Перерыл под собой всё сено – ничего! Только отчётные документы, которые нужно сдать в бухгалтерию училища. Вспотев от ужаса, начал прикидывать, хватит ли денег, скопленных на машину, чтобы компенсировать пропажу...

В угнетённом состоянии приплёлся к месту общего сбора, куда постепенно начали подтягиваться и жители деревни

– пришли нас проводить. В основном, пожилые, так как все остальные были заняты на сельхозработах. Неожиданно появились и вчерашние собутыльники. Увидев мою мрачную физиономию, поинтересовались:

– Чё невесёлый-то? Головка бо-бо?

Я объяснил, что потерял все деньги.

– Да ничё ты не потерял! – и протягивают мой пакетик. – Мы когда с прицепа навернулись, он у тебя из кармана выпал. А ты ж пьяный был, – себя-то они, видимо, посчитали трезвыми, – вдруг потерял бы. Ну, мы и решили утром от-дать...

Ну, что тут скажешь – выручили...

Ещё на последнем собрании бригады мы подбили бабки и распределили заработки. В результате получилось три категории оплаты: высшая, средняя и ниже средней. Труд грузчиков, самый тяжёлый, обсчитали по высшей. Девчатам-поварам начислили по средней.

На вокзале все деньги вместе с ведомостями я отдал девчатам, чтоб раздали зарплату. Испытывать судьбу повторно, выступая в роли инкассатора, не решился, да и ребята, сгорая от нетерпения, начали тормозить меня ещё в автобусе. Видимо, всё же не до конца верили в то, что мои обещания сбудутся. Зато потом было очень потешно наблюдать их радостные лица, ведь большинство вышло из небогатых семей, и такую сумму, да ещё заработанную лично, многие держали в руках впервые.

Ночью прибыли на станцию «Свердловск Пассажирский». Предварительно договорились, что собираемся в училище тридцатого сентября, а пока – заслуженный отпуск.

Утром проснулся дома. Рядом лежал Олежка – его накануне выписали из больницы. Вечером отметили всё сразу: выписку, день рождения и моё возвращение. Пришли только близкие родственники и Таня Сырцова, моя однокашница по институту.

Жизнь входила в колею. Тридцатого сентября появился в училище и получил взбучку от старшего мастера Вячеслава Жаровцева за то, что не показался сразу после возвращения из совхоза. Пришлось сделать морду кирпичом и на голубом глазу заявить, что не знал, даже и подумать не мог, ведь отпраивлялся-то на месяц. Между прочим, недовольство старшего мастера прошло сразу после того, как он просмотрел отчётные документы: ведомости на зарплату, расходники и, конечно, грамоту от руководства совхоза. Некоторые группы, надо отметить, до сих пор не прибыли с сельхозработ, растянув это удовольствие на месяц и даже больше.

Тем не менее, спустя некоторое время меня пригласили в бухгалтерию училища и задали пару вопросов. Первый: где заработанные деньги? Второй: почему не все члены бригады получили одинаково? На это я ответил, что все заработанные деньги находятся у тех, кто их заработал, а разница в зарплате объясняется разными результатами труда каждого члена коллектива. Заметив на лицах бухгалтеров замешательство,

усилил впечатление, добавив, что если у кого-то есть сомнения по вопросу распределения и, вообще, по какому-либо вопросу, пожалуйста, пусть приглашают ребят и уточняют. Но проверив все ведомости доходов и расходов, бухгалтер успокоилась.

Я, в принципе, понимал, чего она опасалась: бывали случаи, когда ребята расписывались за одну сумму, а на руки получали другую – поменьше. Имелись в арсенале руководителей групп и другие приёмы, как за счёт труда учащихся поднять уровень собственного благосостояния. Кое-кто даже пытался меня данным приёмам обучить, но напрасно.

Какие мелкие кусочки!

Декабрь 1981 года

С первого октября приступили к занятиям: я вёл практику и читал лекции по двум предметам в двух группах. В течение месяца полностью втянулся в учебный процесс, и оказалось, что у меня остаётся уйма свободного времени. Работать в таком темпе я не привык, поэтому пошёл в Северное трамвайное депо и устроился электриком по совместительству. Оформился в отдел главного механика.

Директором депо в то время был Володя Мачульский, воспитанник железнодорожной школы. За годы моей работы в ТТУ мы сдружились, и он был в курсе всех событий. В том числе, и моего увольнения.

Когда я предложил Мачульскому свои услуги в качестве электрика, он выразил удивление и непонимание того, зачем мне нужно было увольняться из Орджоникидзевского депо, и почему Сычёв даже не попытался этому воспрепятствовать. Тем более, дела у них в Орджоникидзевском сейчас шли не блестяще – до сих пор не могли подобрать мне замену. Нет, начальника цеха, естественно, назначили, вот только технические показатели резко покатались вниз, а количество простоев и возвратов подвижного состава по причине технической неисправности, напротив, пошло кверху.

Кроме того, Володя не понимал, как я мог из начальника цеха превратиться в обыкновенного мастера-преподавателя, а теперь ещё и рядового электрика.

Ну, а меня самолюбие не особенно допекало, тем более, и доходы – в сравнении с тем, что я получал, работая в депо – возросли, практически, вдвое.

Здесь, в Северном депо, я познакомился с Юрой Смышляевым. Юра отлично выполнял обмотку электрических машин, причём, любой мощности. Как постоянного, так и переменного тока. Короче, был универсалом. Недаром и фамилия у него такая смышлёная. Кроме того, как выяснилось позже, Юра имел звание мастера спорта по боксу, и когда-то его имя гремело в Свердловске. Тут мы и сошлись, во-первых, на почве любви к боксу, а, во-вторых, благодаря моему желанию научиться производить обмотку электродвигателей и таким образом получить ещё одну специальность.

Теорию производства этих работ я проходил ещё в ремесленном училище, а вот практики не было. Тем не менее, к концу месяца я, под руководством Юры, сделал несколько электродвигателей. Получилось неплохо. По крайней мере, все они пошли в дело.

Перед Новым Годом неожиданно позвонил Пахомов. Сначала расспросил о том, как мои дела, а затем предложил захватить в депо. Не скрою, стало любопытно, и, выбрав свободное время, я появился у Славки в кабинете. Увидев его с недовольным лицом и грязными руками, с ехидцей подко-

вырнул:

– Ты, Слава, что, слесарем по совместительству сейчас работаешь или как?

– Или как, – сварливо ответил он. – Лазать приходится по канavam ремонта: совсем перестали качественно ремонтировать!

– Вот здорово, дорогой! Только я что-то не припомню, чтобы при мне тебе приходилось этим заниматься. Ходил в чистеньком костюме. А сейчас ты что-то плохо выглядишь, Слава.

Пахомов, понурившись, начал рассказывать о текущих делах. Поболтали, точнее сказать, посплетничали, и тут он мне выложил, что возвращается обратно на завод: по случаю ухода заместителя директора на пенсию освобождалось место, и директор завода Долгачёв предложил эту должность Славе. Отказываться, естественно, было бы глупо.

Слава предложил обмыть его назначение на базе отдыха завода имени Калинина – на озере Балтым – буквально в ближайшую пятницу, так как с нового года он уже выходит на завод.

На прощание Слава попросил меня зайти к Сычёву, который очень хотел со мной повидаться. Я, разумеется, предполагал, о чём будет разговор, а посему и ответ продумал заранее.

Предположения мои подтвердились полностью. После недолгого обсуждения трудностей текущего момента дирек-

тор предложил мне вернуться.

– Геннадий Александрович, во-первых, снова начальником ремонтных цехов я не пойду: мне это уже не интересно. Главного инженера, как я полагаю, тебе уже назначили и, насколько мне известно, Сашу Шполянского. Назначить меня тебе не позволят, поскольку я – не член партии. Так о чём говорить? Во-вторых, в училище я веду две группы. И как ты себе это представляешь: я сейчас их брошу и вернусь в депо? Это же будет подлость как по отношению к ним, так и по отношению к руководству училища, особенно к Вячеславу Жаровцеву, который и пригласил меня на эту работу.

На том и расстались. По-моему, мы друг друга поняли.

В пятницу узким кругом собрались на базе отдыха. Сычѳв не поехал – не до того: требовалось срочно решить вопрос с производством ремонта. Шполянский-то для него был как кот в мешке: неизвестно, потянет или нет.

Улучив подходящий момент, мы со Славой уединились в одной из комнат. Честно говоря, я уже перегорел, переварил, как говорится, ту подлянку, что он преподнёс мне в связи со строительством забора, поэтому решил сделать Славику сюрприз. Со словами:

– Дарю тебе, – вынул из кармана ту самую расписку и отдал ему.

Слава изменился в лице и принялся кромсать этот листок на такие мелкие кусочки, что даже представить сложно:

– Спасибо, Владик! – и обрывки бумаги полетели в урну.

Гулянка продолжалась.

Сюрприз! Апрель 1982 года

До апреля всё шло своим чередом: занимались с ребятами, готовились к выпускным экзаменам. А накануне майских праздников неожиданно позвонил Витя Тетиевский – тот, что снабжал меня техникой при строительстве забора:

– Владик, меня снова вызывают в ОБХСС, и вроде по тому же вопросу. А как у тебя?..

– Меня, вроде, не трогают, – на душе снова стало беспокойно. Через друзей, имевших кое-какие выходы на контрору, я знал, что следствие по делу продолжается.

Договорились, что, посетив следователя, Витя заедет и введёт меня в курс дела.

«Похоже, снова придётся включать мозги», – с тревогой подумал я.

Через какое-то время Витя появился в училище такой сияющий и донельзя довольный, что его состояние невольно передалось и мне.

А поведал он следующее. Махмутов, в то время начальник ОБХСС Орджоникидзевского района, сначала расспросил его обо мне: знал, что главный фигурант уволился, но не знал, где обитает в настоящее время. Затем Махмутов порадовал Витю тем, что дело они закрывают и искать наши преступные следы больше не будут, но вот только и от нас потребуется кое-какая помощь:

– Поговори с Погадаевым, пусть поможет достать двести колёс для авторефрижераторов – на вторую автобазу, ту, что на Эльмаше.

Вот это был сюрприз! Когда-то, ещё в первые месяцы работы Пахомова в депо, он познакомил меня с двумя Юриями, Ступаком и Прудниковым, которые в то время трудились в автотранспортном предприятии Полевского. Симпатичные молодые парни. Ступак в будущем станет организатором международных перевозок, а Прудников спустя некоторое время возглавил Автотехснаб – организацию, снабжающую все транспортные предприятия города запчастями. В том числе и резиной. Поэтому на следующий же день я появился в Автотехснабе у Юры Прудникова.

В ответ на мою просьбу он отрицательно покачал головой, объяснив, что вторая автобаза и так получает всё, что положено по фондам.

Но на кону стояла возможность быстро и без потерь скинуть с хвоста ОБХСС, и упустить её я не имел права. Наконец, сдавшись под мощным напором, Юра всё же пообещал мне не двести, а сто колёс:

– Пусть начальник снабжения приезжает с письмом – я подпишу, – сказал он.

По цепочке: Виктор Тетиевский – начальник ОБХСС Махмутов – начальник снабжения второй автобазы, информация была передана, и колёса получены. А меня разрывало любопытство: чего это работники нашей доблестной мили-

ции озаботились проблемами второй автобазы? Как известно, любопытство – не порок, и я нашёл способ узнать то, что меня интересовало.

Ещё летом, когда комплектовал группу, я познакомился с сотрудницей отдела кадров Пасчиной Ириной, которая помогала мне по распоряжению начальника отдела. В процессе общения узнал, что Ирина – бывший сотрудник детской комнаты милиции. Вот её-то я и попросил разузнать, в чём там дело. Ирина милостиво согласилась, при условии, что я приглашу её поужинать на второй этаж ресторана «Космос», в то время самого крутого кабака города, который открылся в 1976 году. Он стал самым крупным в Свердловске: тысяча мест, залы уральской и европейской кухни, два банкетных зала. На втором этаже – бар и варьете. Хорошо помню это, так как именно в семьдесят шестом проходил там практику. Попасть в «Космос», причём, именно на второй этаж было очень непросто, да и не очень дёшево, поэтому немногие побывавшие чувствовали себя отмеченными печатью избранности.

Тем не менее, в советские времена рядовые свердловчане по ресторанам особо не ошивались, предпочитая собирать компании дома.

Но цель оправдывает средства – пришлось пообещать.

В итоге всё оказалось до обидного просто. На дворе – голодные восьмидесятые. Талоны на мясо выдают дважды в год. Впереди маячили майские праздники, а в магазинах –

шаром покати. Продукты с рынка стражам порядка были не по карману: заработная плата в милиции всегда оставляла желать лучшего.оборотни в погонах тогда ещё только набирали силу: встречались редко, действовали аккуратно, не забывая о том, что лучше побережься, чем обжечься. Вот и решило руководство райотдела обратиться на одну из птицефабрик, чтобы закупить для своих сотрудников курей. Благо, при Ельцине в Свердловской области были построены две крупнейшие птицефабрики: Среднеуральская и Рефтинская.

Милиционерам, естественно, не отказали, да и как могли, если решение вопроса было поручено начальнику ОБХСС. Но вот незадача: холодильники забиты товаром, а вывезти его в торговую сеть невозможно – все рефрижераторы стоят без колёс, практически, на подпорках. Фабрика изо всех сил идёт навстречу сотрудникам милиции, стоящим на страже социалистической законности, обещает даже отпустить товар по льготной цене, только помогите его вывезти! Короче, русская народная сказка про петушка и бобовое зёрнышко.

Вот так я и оказался на острие вопроса, обеспечив милицейские семьи курятиной к празднику. Знал бы, что они ещё десять лет после этого будут за мной присматривать, зарыв в Орджоникидзевском депо информатора, ни за что бы не подписался на это дело...

Я покупаю машину. На круги своя. Июнь 1982 года

Неожиданно получил радостное известие: наконец-то я могу купить машину! Помогла Ольга Покрасс-Ткачукова. Из ПКБ АСУ она перешла на Свердловский Инструментальный завод, а после – в Промстройбанк. Все эти предприятия и организации внедряли в производственный процесс ЭВМ. Непосредственно этим моя подруга и занималась.

За годы работы в столь солидных организациях активная и коммуникабельная Ольга обросла полезными связями и знакомствами, поэтому, видя, что в ТТУ мне ничего не светит, я и попросил её встать в очередь на машину.

Понимаю, что для моей дочери, например, эта фраза звучит странно. Какая очередь? Деньги есть – иди и покупай. Но в пору тотального дефицита, даже имея на руках нужную сумму, сделать это было очень непросто.

И вот в самом начале июня позвонила Оля и велела готовить деньги. В то непростое время все «Жигули» в Свердловске выдавали только в одном месте – на Химмаше, на улице Черняховского. По приглашению. Вот такое приглашение Ольга и получила.

Имелась небольшая проблема: нужно было как-то перегнать машину в гараж. Нет, водительское удостоверение у

меня уже было, его я получил после третьей сдачи, когда начальство, показав экзаменатору мою экзаменационную карточку, дало чёткое указание: этот сегодня должен сдать. Экзаменатор взял под козырёк. А что ещё ему оставалось? Как видим, основы сегодняшнего бардака закладывались ещё при старом режиме, но хотелось бы отметить, что, получив права таким несправедливым путём, я за всю свою жизнь только единожды был участником ДТП, и то не по моей вине. Тьфу-тьфу-тьфу. Машину я водил предельно осторожно.

Чтобы перегнать жигули, отправился по проторённой дорожке в депо. К тому же, накануне я выпустил свои две группы и получил информацию о том, что Сычёв опять приглашает меня для разговора.

При встрече директор снова предложил мне вернуться в депо.

– Геннадий Александрович, в ремонт я не пойду – я Вам и раньше говорил – хватит, нахлебался. А главным инженером у Вас уже назначен Саша Шполянский.

– Да нет, я не предлагаю тебе ремонт. Иди ко мне замом по эксплуатации. Ремонт ты знаешь: все ступени прошёл. Поработаешь в эксплуатации, а там вдруг я уйду, ты – готовый директор.

– Но я же – не член партии.

– Знаешь, времена меняются. Давай попробуем. А машину тебе Шполянский пригонит, – он тут же вызвал Сашу и поручил ему решить этот вопрос, добавив: – Тем более что

Вадим Михалыч возвращается к нам замом по эксплуатации.

Позже, спустя год с небольшим после этого разговора, Сычёв, прилично приняв на грудь во время одного из мероприятий, высказал мне, какие его грызли сомнения:

– Ты знаешь, Вадим, помня, как ты корчевал пьяниц-слесарей и бездельников-мастеров, я боялся, что ты разгонишь половину водителей...

Действительно, многие из них страдали этим недугом, но со временем цех эксплуатации заработал нормально, хотя повозиться пришлось: водителей постоянно не хватало, и закрывать плановый выпуск было довольно сложно.

Через непродолжительное время Саше Шполянскому – по семейным обстоятельствам – пришлось освободить кресло главного инженера. Парень он был добродушный, незлобивый, улыбчивый, но, как говорится, хороший человек – это не профессия. Саша не смог подобрать себе надёжных помощников, в результате – сложности на работе, плюс ещё и домашние проблемы, и ему пришлось уволиться. Перевёлся он, как ни странно, в систему исполнения наказаний – ГУ-ИН.

На смену ему пришёл Боря Ермолин, который много лет возглавлял комсомольскую организацию ТТУ, а теперь был брошен на улучшение технических показателей Орджоникидзевского депо.

Не стоит недооценивать значения лозунгов и призывов. Но то, что хорошо на первомайской демонстрации, не всегда

годится для трудовых будней, и Боря тоже ушёл. На повышение. Инструктором в Ленинский райком партии.

Ситуация, прямо скажем, трагикомическая. Всё согласно «Правилам революционера»: кто умеет, тот делает, кто не умеет – учит других. Ведь даже само наименование должности подразумевает, что человек, её занимающий, будет раздавать инструкции руководителям предприятий, находящихся в сфере влияния Ленинского райкома. А чему мог научить директоров Боря?

Несколько извиняет его тот факт, что будущий инструктор не заблуждался относительно собственной роли в процессе организации производства. На прощание – после того, как коллективом раздавили несколько бутылок за отвальную – Боря в порыве откровения и в порядке самокритики выдал:

– Ну, какой я, к чёрту, главный инженер? Я всю свою трудовую жизнь занимался комсомолом!

И вот так с восемьдесят второго по восемьдесят четвёртый годы в депо сменилось три главных инженера: Пахомов, Шполянский, Ермолин. Это, конечно же, было ненормально, и очень плохо сказывалось на работе предприятия. Я понимал: теперь пришла моя очередь, но назначить на эту должность беспартийного, да ещё с таким пятном в биографии без согласования с партийными органами было чревато большими неприятностями. И Василий Александрович Диденко, бывший в то время начальником ТТУ, пошёл в райком партии к первому секретарю. Не знаю как, но согласие

райкома Диденко получил.

В один из дней декабря восемьдесят четвёртого года я по срочному вызову явился в кабинет начальника депо, где меня ждали Сычѳв и Диденко. После непродолжительной беседы Василий Александрович предложил мне написать заявление с просьбой о переводе на должность главного инженера.

И вот тут меня заклинило. Надо сказать, что к Диденко я относился с большим уважением, особенно после того случая с квартирой, да и вообще в продолжение всех лет совместной работы, но в тот момент обида и самолюбие захлестнули меня с головой.

Почему после Шполянского был назначен Ермолин? Ведь сразу было предельно ясно, что если уж технарѳ Шполянский, продолжительное время проработавший в службе подвижного состава, испытывал трудности в организации ремонта, то комсомольский функционер Ермолин и подавно не справится?! Я считал, что должность главного инженера по праву должна была быть предложена мне сразу после увольнения Шполянского. Поэтому и ответил Василию Александровичу, что заявления писать не буду, а если он считает нужным, пусть переводит меня приказом.

Приказ был издан, и третьего декабря восемьдесят четвёртого года я был назначен главным инженером Орджоникидзевского троллейбусного депо. Конечно, эта должность была мне ближе и по складу характера, и по образованию,

да и по всей предыдущей трудовой деятельности. Работа за-
ма по эксплуатации – больше административная, а тут – тех-
ническое состояние и функциональное взаимодействие всех
служб депо, что гораздо интереснее, хоть и гораздо более от-
ветственно. Но к этому я был готов, не подозревая, какой
сюрприз ожидает меня впереди.

В это же время замом по эксплуатации был назначен Вла-
димир Васильевич Ситников, который начинал работать в
депо водителем, затем некоторое время – ревизором по без-
опасности движения. Володя привлекал внимание добросо-
вестным и ответственным отношением к делу, правда, обра-
зование на тот момент у него было среднее, но со временем
он этот пробел устранил: окончил техникум. На сегодняш-
ний день Владимир Васильевич Ситников продолжает рабо-
тать в должности заместителя директора депо по эксплуата-
ции.

Накануне Нового Года Геннадий Александрович букваль-
но ошарашил меня: с первого января следующего, восемьде-
сят пятого года он уходит заместителем директора на Сверд-
ловский ремонтный трамвайно-троллейбусный завод.

На прощание Сычёв показал мне объём финансирования
нашего депо на следующий год, из которого стало предель-
но ясно, что два первых квартала премии нам не видать как
своих ушей.

Дело в том, что премию, которая составляла сорок про-
центов от заработной платы и выплачивалась ежемесячно

при условии выполнения плана и отсутствии взысканий, мы получали из экономии расходов за текущий период. Но в следующем году эту экономию нам учитывали, соответственно урезая финансирование. То есть, получалась палка о двух концах: сэкономим и получим премию в этом году – останемся без финансирования в следующем.

Типичная пирамида: каждый год изобретались новые способы экономии, из сэкономленных средств выплачивались премии и, как следствие, уменьшалось дальнейшее финансирование. В итоге мы оказались на самой вершине – на пике: финансирование было урезано до такой степени, что скроить было просто нечего – уложиться бы в существующие объёмы! В общем, наэкономились до упора!

Сычѳв Геннадий Александрович был настоящим виртуозом экономии. Что-что, а деньги он считать умел, и даже неоднократно поправлял расчѳты начальника планового отдела ТТУ Ивановой Лилии Николаевны, которая была вынуждена с этими поправками соглашаться – так убедительны были доводы начальника депо. Рассчитав всѳ до копейки, Геннадий Александрович вычислял необходимый и достаточный предел экономии средств с тем, чтоб, как говорится, и невинность соблюсти и капитал приобрести, но система есть система: чем больше сэкономили сегодня, тем меньше получали завтра. Понятно, что такая ситуация не могла длиться вечно. А нет экономии – нет и премии.

Свой уход Сычѳв обосновал именно тем, что ему будет

сложно объяснить коллективу, почему при стабильной работе предприятия и, в общем-то, неплохих показателях работы заработная плата в депо упала.

Глаза боятся, руки делают. На двух стульях. 1985 год

Вот такое испытание мне предстояло: не проработав в качестве главного инженера и месяца, принять депо в качестве исполняющего обязанности начальника. Радости было мало: в ремонте – дыра, показатели технического состояния подвижного состава – неважные, а про перспективы заработной платы, как говорится, смотри выше.

Тем не менее, работа в депо, естественно, продолжалась. Эксплуатация пока шла нормально, план перевозок пассажиров выполнялся неплохо, но и туда – на место зама по эксплуатации – тоже требовался человек. Теперь мне стало понятно, какие аргументы использовал Диденко, отстаивая в райкоме партии мою кандидатуру на должность главного инженера.

Вскоре и сам Василий Александрович был переведён в Горисполком, где возглавил транспортный отдел.

Надо сказать, что тридцать лет назад эта должность не имела тех приятных бонусов, какие появились с развитием частных пассажироперевозок и связанных с ними согласованных новых маршрутов коммерческого автотранспорта.

Сегодня каждый владелец частного АТП может назвать точную сумму, в которую ему обошлось то или иное согласо-

вание. Зачастую коммерческие маршруты дублируют маршруты муниципального транспорта, нанося тем самым ущерб интересам ЕМУП ТТУ, но кого это волнует?

В восемьдесят пятом году, накануне Перестройки, ситуация была иной: все промышленные предприятия города работали в обычном режиме, и к транспортникам предъявлялись жёсткие требования по организации перевозки пассажиров. А так как особых привилегий должность начальника транспортного отдела не имела, то и желающих занять её было немного.

На смену Диденко временно исполняющим обязанности директора ТТУ был назначен главный инженер Пугачёв Валентин Андреевич. Он, как и я, сидел в то время на двух стульях.

Вот так мы и стартовали в восемьдесят пятом году. Уже в середине первого квартала технические показатели депо заметно улучшились, на высоте были и эксплуатационные: план перевозки пассажиров выполнили с приличным превышением. Второй квартал тоже закончили легко – все показатели были на уровне.

Я быстро сошёлся со всеми начальниками депо и был с ними, что называется, на короткой ноге. Иногда перед планёркой начальник Северного депо Мачульский Владимир Максимович и Южного – Щипицын Юрий Вениаминович – отводили меня в сторонку. Нависая надо мной и пересыпая свою речь матерками, Мачульский бубнил басом:

– Ты, чё, придурок..., ты возьми себе главного инженера..., а то из-за тебя...нас всех скоро сократят...

Щипицын только покряхтывал в поддержку его слов.

Разумеется, всё это говорилось в шутку.

– Работать надо, дорогие друзья! – парировал я со смехом. В то время показатели нашего Орджоникидзевского депо были выше, чем у Октябрьского и Северного.

* * *

Однажды в Орджоникидзевское депо пришла срочная телефонограмма: к нам едет, нет, не ревизор, а – забирай выше – первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Николаевич Ельцин. Причём, едет не на персональной «Чайке», а на троллейбусе, вместе с обычными горожанами. Более того, едет, пересаживаясь с одного троллейбуса на другой, и везде беседует с народом. Момент, безусловно, волнительный: не каждый же день у граждан появляется возможность напрямую побеседовать с первым лицом в области.

Вот и я прикидывал, что бы такого сказать, чтоб и себя, как говорится, соблюсти, и капитал приобрести, но старания мои оказались напрасны: Борис Николаевич то ли утомившись, то ли удовлетворившись общением с народом, до депо так и не доехал. Возможно, счёл, что ругать нас не за что, а хвалить – не за чем, а вскоре, в апреле восемьдесят пятого, как член партии «нового поколения» был переведён в Москву.

Забастовка. Весна 1985 года

Первое испытание на вшивость произошло весной восьмидесят пятого года. В то время на улице Бакинских Комиссаров, напротив депо, по осевой линии проезжей части располагался разделительный газон. Под ним проходила магистральная труба теплотрассы. Согласно плану и технормативам её начали менять, не дожидаясь, пока вверх рванёт фонтан кипятка. Одновременно приступили к ремонту дорожного покрытия.

Работы шли довольно споро. Мы приноровились к графику ремонтников: утром выпускали троллейбусы на линию, а затем утраивали их развороты на Веере и у завода имени Калинина.

Конечно, водителям приходилось довольно сложно: на линию стали выходить раньше, из-за укороченных маршрутов упала перевозка пассажиров, часть троллейбусов вообще пришлось перевести на другие маршруты. Соответственно, всё это отражалось на зарплате. Мы проводили с людьми разъяснительную работу, и они, хоть и роптали, но понимали, что трудности эти – временные, а потому терпеливо выполняли распоряжения руководства.

И вот в один «прекрасный» день вся техника и все рабочие с объекта исчезли. А следующим утром, часов в пять, меня поднял с постели телефонный звонок: в депо – забастовка.

ставка.

– Водители заступление берут, но на линию не выезжают! – взволнованно докладывала диспетчер. Для неё, как и для всех нас, такая ситуация была за гранью реальности – первая забастовка транспортников в Свердловске! В восемьдесят пятом году про то, что такое забастовка, мы знали только из исторических книг и фильмов...

Через пятнадцать минут прибежал в депо. Красный уголок был заполнен водителями.

– Вы что творите? – я не находил слов.

Увидев моё растерянное лицо, они наперебой стали успокаивать меня, обещая, что «в обиду не дадут». Звучит, наверное, забавно, но тогда всё происходящее действительно могло закончиться очень плохо: сорвано начало работы Уралмаша, ЗиКа, Турбинки и других предприятий.

Ещё до восьми утра в депо прибыл виновник произошедшего – один из руководителей стройуправления, которое вело ремонтные работы на Бакинских Комиссаров. По стечению обстоятельств он оказался мужем Ивановой Лилии Николаевны, начальника планового отдела ТТУ. Именно Иванов и отдал приказ на снятие рабочих с объекта.

Немного погодя, прилетел и первый секретарь Орджоникидзевского райкома партии Крохин.

Был он небольшого роста, и о-очень шустрый. Наматывая круги по кабинету, первый секретарь райкома предлагал Иванову выбрать из своих подчинённых «стрелочника», на

которого можно будет сложить всю ответственность за инцидент и немедленно разобрать того на бюро райкома.

Так как надавить на меня по партийной линии было невозможно, Крохин решил оказать воздействие по линии производственной, призвав в союзники водителей, но в ответ получил такой возмущённый рык, что был вынужден от своей затеи отказаться.

К девяти часам водителей всё же уговорили выйти на линию при условии, что ремонтные работы возобновятся, а с моей головы не упадёт ни один волос.

На следующий же день рабочих и технику вернули на место, и работа пошла полным ходом.

Не знаю, на кого Крохин и Иванов в итоге перевели стрелки, и чем закончилось это «дело» для стрелочника, но для меня оно не имело никаких последствий: данное водителям слово партия сдержала.

А теперь пару слов о том, что же явилось первоначальной причиной произошедшего и о чём мы, простые горожане, узнали несколько позже.

В Свердловске ждали высокого гостя. Несмотря на новые веяния, наши партийцы традициям изменять не стали и к встрече подготовились достойно. Московскому гостю планировали показать экспериментальный посёлок Балтым и овощеводческий совхоз «Свердловский». И если в Балтыме все заборы и дома на центральной улице покрасить успели, то построить асфальтовую дорогу по полям совхоза вовремя не

смогли. И как, скажите, везти председателя президиума Верховного Совета по полям? А если дождь?

Вот и кинули все ресурсы на строительство дороги. И наплевать на работяг, которые по утрам топают пешком от Коммунистической до проспекта Космонавтов, на матерей, спешащих с маленькими детьми в ясли, а потом и на работу, и уж тем более – на пенсионеров с кошёлками. Такие были времена. Такими и остались.

Нужно отметить, что к приезду Громыко, а с восемьдесят шестого года этот пост занимал именно он, улицу Бакинских Комиссаров привели в порядок: успели и теплотрассу заменить, и проезжую часть заасфальтировать. Дорогу в совхозе тоже закончили к сроку. Полагаю, что и остальные намеченные мероприятия были выполнены, по крайней мере, в средствах массовой информации визит высокого гостя освещался исключительно в положительных тонах.

Кстати, дорога, в спешке проложенная по полям, активно эксплуатируется и постепенно разрушается, как разрушился и сам совхоз «Свердловский». А его заросшие бурьяном поля интенсивно застраиваются коттеджами, многоэтажками и логистическими комплексами.

Анонимка. Лето 1985 года

На июль я запланировал отпуск – подвернулась путёвка в Эстонию, в Пярну. Оформляя мне документы на поездку, наш деповской медик Минягина Людмила перепутала запад с югом. А поскольку была она человеком ответственным и неравнодушным, то решила уточнить, какие противопоказания имеются при моём заболевании. Для этого Людмила, хоть и не без труда, разыскала женщину-врача, лечившую меня в семьдесят пятом году. Первым вопросом гематолога был такой:

– А что, он ещё жив?

– Жив, но вот собирается в отпуск на юг...

– Ни в коем случае! – перебила её доктор, которая, оказывается, хорошо помнила и меня, и мой диагноз. – Ему на юге отдыхать нельзя!

Но после того как в процессе разговора выяснилось, что Пярну не на юге, а на берегу Балтийского моря, гематолог дала добро:

– Туда пусть едет, ничего страшного...

До этого я был в Прибалтике несколько раз: дважды на первенстве ЦС «Локомотив» по боксу и один раз отдыхал в Паланге. Прохладное море, чистота городков, которые я объехал с экскурсиями, бережно сохраняемые старинные постройки – всё это позволяло окунуться в атмосферу далёко-

го прошлого, знакомого по книгам и учебникам истории.

В Паланге я побывал в августе восемьдесят первого. Четырёхместная комната в пансионате. Соседи-москвичи, которые рассказывали мне о похоронах Высоцкого, о Марине Влади. Музей янтаря в бывшем дворце графов Тышкевичей. Розовый сад. Ботанический парк. Рига, Вильнюс, Клайпеда, Друскининкай. Белый песок дюн у Балтийского моря, в котором я, конечно же, несколько раз искупался, несмотря на то, что желающих лезть в воду, температура которой была градусов восемнадцать, нашлось немного. Гуляя по чистым узким улочкам Паланги, набрёл на небольшой бар. Спустившись в полуподвал, заказал пиво и сыр с тмином. Показалось, что ничего вкуснее до этого не пробовал!

И вот когда до отпуска оставалась пара недель, в депо с проверкой нагрянула комиссия горкома партии. Оказалось, что в обком КПСС поступила анонимка, в которой суммировалось всё, что с точки зрения анонимщика вызывало сомнения в законности моих действий. Снова упоминался забор, из свежего было строительство кооперативных гаражей, в котором я, действительно, принимал участие, и другая муть.

Что интересно, ко всем моим «грехам» был пристёгнут Сычёв, который уже полгода как работал на заводе. Тем не менее, в кляузе перечислялись «преступления», якобы совершённые им в бытность начальником депо. Параллельно была заслана жалоба и в контрольно-ревизионное Управление Горисполкома – КРУ.

Пугачёв предупредил, что отпуск мне придётся отложить, несмотря на то, что и путёвка, и билеты были уже на руках.

И закипела работа. Бригада проверяющих разделилась: один – в бухгалтерию, другой – куда-то ещё, а третий проводил беседу со мной. Причём, саму анонимку мне даже не показали. О её содержании я мог только догадываться, исходя из задаваемых вопросов.

Проверяющий выразил желание взглянуть на кооперативный гараж. Поехали. Объект, расположенный неподалёку от Орджоникидзевского депо, находился в стадии строительства. Многие, вероятно, помнят рязановский «Гараж», так вот наша история чем-то напоминала тот фильм семьдесят девятого года. Попасть в кооператив было очень непросто. Я оказался там потому, что посодействовал в подключении гаражного комплекса к электросетям через подстанцию депо, Сашка Коптяков – потому, что непосредственно осуществлял это подключение. Кроме того, я сам лично проводил ещё и монтажные работы. Славка Пахомов обеспечивал стройку автокраном.

– Вот, смотрите... – я указал на свой бокс.

– А это чей? – проверяющий ткнул пальцем в соседний.

– Это – Пахомова.

– А этот?

– Этого я по имени не знаю, только в лицо.

– Так что, – удивился проверяющий, – у Вас только один гараж?

– Естественно! – и, увидев на его лице недоверие, добавил: – Если не верите – проверьте в райкомхозе!

До сих пор интересно: он что, действительно полагал, что мне принадлежит весь комплекс? Что именно он надеялся здесь увидеть? Латунные таблички с моей фамилией на каждом боксе? Неужели такая простая мысль: ознакомиться с документами, не пришла проверяющим в головы?

Разумеется, ничего противозаконного контролёры не нашли, хотя старались от всей души. А что они могли найти, если даже сотрудник ОБХСС подполковник милиции Насибулин ничего не нарыл? А ведь в депо работал его агент, который по любым сомнительным делам немедленно сигнализировал в органы, а уж они реагировали незамедлительно, контролируя законность наших действий. Несмотря на то, что дело по забору было давно закрыто, я продолжал находиться под колпаком ОБХСС, а тут ещё эта команда проверяльщиков.

В свой последний визит в КРУ я повстречал Сычёва. Подхожу к кабинету, а оттуда выпуливается он с толстенной папкой наперевес. А в папке скрупулёзно собраны документы, отражающие все вехи строительства его дачи, теплицы и всего прочего, нажитого непосильным трудом. На мой вопрос:

– Ну, как? – Сыч беззлобно забурчал:

– Это всё из-за тебя, из-за твоих строительных и твоих халтур...

Зашёл в кабинет. Начальник КРУ, женщина значительно

старше меня, задала несколько вопросов по существу «фактов», изложенных в кляузе. Я постарался ответить максимально откровенно, и мы расстались с улыбкой и взаимной доброжелательностью. На прощание я сообщил ей, что из-за анонимки не могу уехать в отпуск.

После моего ухода эта милая женщина пригласила к себе Пугачёва и сказала ему буквально следующее:

– Что вы тираните парня? Отпустите его – никуда он не денется.

Это я впоследствии узнал от самого Валентина Андреевича.

Вот только теперь я понял, что значат партийные корочки. Ещё много лет назад в Баранче наш преподаватель физкультуры Кормин Владимир Петрович в минуты откровения рассказывал мне о том, как его, члена партии, не раз эти корочки выручали:

– Ой, Владик, я столько косячил: то подерусь, а то вообще с ружьём за одним гонялся. Не будь я членом партии, наверное, уже посадили бы! А так разберут на парткомиссии – и порядок!

А в моей ситуации?! Проверяющие нагрязнули в депо, как в воровскую малину, наделали столько шума и, ничего не найдя, не удосужились даже извиниться.

В то время подобные эпизоды авторитета руководителю не добавляли, да и в наше, я думаю – тоже. Но тогда – особенно. Было страшно обидно, тем более что всё это разбира-

тельство проходило подчёркнуто гласно и открыто, несмотря на то, что политика «демократизации и гласности» будет провозглашена лишь спустя полгода на январском пленуме ЦК КПСС.

Если раньше у меня и возникали сомнения, то теперь решение сложилось однозначное: в эту...партию я никогда ни при каких обстоятельствах не вступлю. Хотя, кто знает, будь я членом КПСС, они, возможно, и поостереглись бы проводить своё дегенеративное расследование с таким шумом и треском: а ну как в анонимке – правда? Какой удар по авторитету партии!

А, может, и наоборот, организовали бы показательную чистку рядов?.. Кто знает? Ведь в нашей стране кампанейщина всегда являлась основным способом организации общественного сознания, а в то время в СССР ситуация менялась, буквально, не по дням, а по часам.

После отмашки КРУ я, наконец, улетел на двадцать четыре дня в Пярну для поправки здоровья и расшатанных нервов. Эти две недели перед отпуском дались мне нелегко. Однако сам отпуск прошёл отлично: Таллинн, Вильнюс, Лиепая. Калининград. Танцующий лес и почти ручные кабаны в заповеднике на Куршской косе. Теперь я видел, практически, всю советскую Прибалтику.

В Свердловск вернулся в конце июля и узнал, что за время моего отсутствия в ТТУ был назначен новый начальник, а Пугачёв Валентин Андреевич снова работает главным ин-

женером.

Новый начальник Управления Сергеев Геннадий Степанович – типичный представитель номенклатуры доперестроенного периода – ранее работал секретарём Железнодорожного райкома партии, затем этой же партией был направлен директором в Комбинат рыбной гастрономии, который располагался на Сортировке при тамошнем Холодильнике, и вот теперь его карьера, совершив очередной виток, поставила Геннадия Степановича у руля Свердловского горэлектротранспорта.

Перспективы карьерного роста. 1985 год

Впервые мы встретились у входа в депо, куда Сергеев приехал, чтобы познакомиться и с предприятием, и с его начальником. Чувствовалось, что обо мне он знает довольно много, причём, как положительного, так и отрицательного. Тем не менее, при первой же встрече Сергеев предложил мне убрать из наименования должности приставку ИО – исполняющий обязанности – и занять место начальника на постоянной основе, однако, все неприятности прошедшего периода доказывали, что делать этого не следует, и я отказался.

Вообще, работа директора, не смотря на то, что приходилось совмещать её с нагрузкой главного инженера, мне нравилась – я справлялся. Но то, что произошло перед отпуском, могло отбить охоту у человека и менее чувствительно. Стоило мне представить, как дилетанты, направляемые райкомами, горкомаами, исполкомаами, начнут рьяно разбирать бесконечные кляузы на меня, глубоко в душе возникало раздражение и отторжение этой заманчивой перспективы.

Кстати, отработав в депо продолжительное время на основных руководящих должностях, могу вполне объективно оценить, что самая сложная из них – должность начальника ремонтных цехов.

Спустя несколько дней ко мне – я так и продолжал занимать кабинет главного инженера – влетает секретарь. Глаза словно блюдца: Сергеев срочно требует к телефону! Дело в том, что все в ТТУ знали, что я, хоть и исполняю обязанности начальника, место его не занял, и все планёрки и совещания провожу в своём небольшом кабинете, поэтому звонили мне прямо туда. Сергеев же набрал номер директорского кабинета, который обычно был заперт на ключ.

Я прошёл туда, снял трубку:

– Добрый день, Геннадий Степанович!

– Почему Вы не на месте?

– Я на месте, только Вы, Геннадий Степанович, почему-то звоните по этому телефону, а не ко мне в кабинет...

– Владислав Михайлович, я Вам приказываю занять этот кабинет!

Возникла неловкая пауза. Потом я ответил:

– Геннадий Степанович, я временно кабинетов не занимаю...

– Я приказываю Вам занять его постоянно!

– Геннадий Степанович, но я ведь уже сказал, что начальником депо не буду.

После такой вот перепалки мы перешли к вопросу, ради которого он и звонил, но, положив трубку, я почувствовал, что у нас, похоже, начали складываться довольно напряжённые отношения. Это предположение подтвердилось в дальнейшем: я не принял ни одного его предложения о повыше-

нии, и причины к тому были весьма веские.

Кража. Август 1985 года

В августе, ближе к осени, прилетел Юра: решил использовать свой продолжительный отпуск на всю катушку. Первое, что он наметил – слетать в Киргизию, где на границе с Китаем служил его сын Валера.

Так как отпуск предстоял длинный, а денег было много, большую их часть брат оставил у меня с тем, чтобы забрать, вернувшись через неделю.

Юру я проводил, а деньги положил в сейф, который находился в кабинете начальника депо и перешёл в моё распоряжение вместе с должностью. В этом же сейфе хранились деньги с халтур, которыми я продолжал заниматься. С течением времени сумма росла, становясь своеобразным фондом или кассой взаимопомощи.

Ключи от сейфа хранились в одном из ящиков директорского стола, и если кому-либо из ближайшего окружения нужна была некая сумма, займы я её выдавал следующим образом: «Где ключ от сейфа лежит, знаешь? Ну, вот пойдди и возьми, сколько тебе надо. Потом вернёшь...»

Эта система работала до определённого момента, когда однажды придя на работу, я обнаружил, что дверь кабинета взломана, замок сейфа открыт, а сам сейф, естественно, пуст! Ключи вор зачем-то унёс с собой. К той сумме, что хранилась у меня, и той, что оставил на хранение Юрка, на-

кануне вечером добавились отпускные Володи Ситникова. Так что навар у вора был приличный.

Приехала милиция. Сняли отпечатки, начали проводить допросы. Через меня вызвали к дознавателю Юру, который вскоре вернулся из Киргизии и, увидав мою кислую морду, тут же спросил, что случилось. Скрывать было нечего, да и незачем. Брат сразу покатил в райотдел.

Вечером собрались за столом. Как водится, с бутылкой. Сейчас в это трудно поверить, но тогда я впервые попробовал дыню, которая называется «торпеда» – привёз Юрка из Киргизии. У нас на Урале в то время продавали только маленькие жёлтые «Колхозницы» и астраханские «Лады» – сорта урожайные, но не слишком сладкие.

Юрка всё старался успокоить меня, говорил, что поедет в Чайковский к матери и перехватит у неё сумму, необходимую для продолжения отпуска. Рассказал, о чём говорили со следователем. И только приняв на грудь приличное количество спиртного, признался, что на прощание следователь задал ему вопрос: «А не мог ли ЭТО организовать Ваш брат?»

После этих слов я как-то сразу протрезвел и полетел к холодильнику за второй бутылкой.

На следующий день, проводив Юру в Чайковский, попросил своего водителя Виталика Бессонова найти покупателя на мою машину. Это было несложно, если учесть, что даже старые «Жигули» продавались дороже номинала. Машина ушла влёт, тем более, её техническое состояние было на

высоте, а за ценой я, учитывая обстоятельства, не гнался и сразу согласился на ту, что предложили.

Когда Юрка вернулся из отпуска, я отдал ему в конверте всю сумму, которую он оставлял. Узнав, откуда деньги, брат очень расстроился, так как понимал, что теперь я долго не смогу снова купить машину, но я объяснил, что после вопроса следователя просто не мог поступить иначе.

Это жизненное кредо – не быть никому должным – при-
суще мне всю жизнь. Даже если я каким-то образом оказы-
вался в долгу, всегда старался рассчитаться по своим обяза-
тельствам как можно быстрее.

Ротация и рокировка 1986 год

На протяжении ещё нескольких месяцев Геннадий Степанович предлагал мне стать начальником депо, но, поняв, видимо, что результата не добьётся, в марте восемьдесят шестого привёз к нам для знакомства Сердюкова Виктора Васильевича, ранее трудившегося в должности руководителя службы пути Свердловской железной дороги. Виктор был старше меня, с большим опытом работы. Он очень быстро понял службу, да к тому же, как выяснилось позже, считал эту работу временной необходимостью: ждал более достойного места на железной дороге, куда и собирался вернуться.

Познакомившись с командой и уяснив, что и с ремонтом, и с эксплуатацией мы неплохо справляемся без его участия, Виктор Васильевич избрал довольно мудрую тактику: просмотрев рано утром сводки с суточными результатами работы депо и проведя короткую планёрку, он оставлял нас с Володиёвым Ситниковым «обсудить некоторые детали», а заканчивал это обсуждение так:

– Ребята, я вам, по-моему, не нужен – вы и сами без меня хорошо справляетесь. Поэтому, если у вас ко мне ничего нет, то я, с вашего разрешения, исчезаю, – и, пожав друг другу руки, мы с улыбками расходились. Обычно это происходило где-то перед обеденным перерывом.

Через некоторое время он исчез совсем, а мы опять оста-

лись без начальника: проработав в депо несколько месяцев, Сердюков возглавил завод по ремонту железнодорожной спецтехники, что было ему, конечно, гораздо ближе, чем служба в ТТУ.

В этот раз Сергеев, даже не делая попытки «женить» меня на депо – осознал, наконец, что это бесполезно – назначил начальником Килина Петра Родионовича, который в семьдесят пятом вместе с нами открывал депо в должности зама по эксплуатации. Впоследствии он был переведён в Управление начальником службы движения, где и пребывал до того, как снова появиться у нас.

Этот период работы депо оказался весьма спокойным. Мы все прекрасно знали друг друга. На должность старшего мастера, а затем и начальника ремонтных цехов по моей рекомендации был назначен Офицеров Фёдор Алексеевич, который пришёл в депо ещё в бытность мою начальником ремонтных цехов и работал электрослесарем по ремонту подвижного состава. Он без отрыва от производства окончил институт, да и вообще как специалист был на высоте: без труда находил, а затем быстро и качественно устранял неисправности в схемах троллейбуса. С моей лёгкой руки Офицеров и по сей день работает в Орджоникидзевском депо за-мом по ремонту.

Кроме того, Пётр Родионович был человеком, способным на компромисс, и обстановка в коллективе была очень доброжелательной. С Килиным невозможно было повздорить по

какому-либо незначительному поводу, наши с Вовиком полномочия он не ограничивал, а даже, наоборот, делегировал часть своих, лишь бы мы их достойно применяли. Показатели работы Орджоникидзевского депо были на высоте.

Не так обстояли дела в Октябрьском: оно стало хиреть. Долгое время начальником депо был Виктор Колесниченко, который так же, как и я, начинал работать там сначала электрослесарем по ремонту, затем – после окончания института – главным инженером, а уж потом – начальником. Опыт работы у Виктора был большой, но все эти плюсы сводились на нет одним существенным минусом: любил грешник выпить. Это его и сгубило: последние годы работы в депо он пил всё сильнее, поэтому перед Сергеевым встал вопрос о смене начальника Октябрьского депо, тем более что Геннадий Степанович неважную работу предприятия напрямую связывал с неважным поведением его руководителя.

Однажды, уже поздно вечером, у нас в квартире раздался телефонный звонок. На другом конце провода, как ни странно, был Сергеев. Начав с общих фраз, он быстро перешёл к главному вопросу:

– Скажите, Владислав Михайлович, – он всегда и ко всем обращался на «Вы» и по имени отчеству, – а как Вы отнесётесь к тому, что в депо вернётся Сычёв?

– Да ради Бога, Геннадий Степанович, пусть возвращается. А куда Вы Килина денете?

– В Октябрьское.

Оказалось, что Сергеев предварительно переговорил с Сычёвым, который изъявил согласие вернуться. Но только обратно в Орджоникидзево депо – в Октябрьское он не хотел ни за какие деньги, так как хорошо знал сложившуюся там обстановку. Ну, а у Петрухи выбора, к сожалению, не было, хоть уходить от нас он и не хотел.

Для чего Сергеев позвонил мне? Не знаю. Могу только предположить: для того, чтоб не обидеть. За сравнительно небольшой промежуток времени Геннадий Степанович хорошо изучил меня, мой вспыльчивый независимый характер; был в курсе того, как я уже однажды уходил из депо и как вернулся обратно, и что из моего ухода вышло. Видимо, долгая партийная работа сделала из него неплохого дипломата. Эта его черта потом проявится ещё не раз, а оценится только с годами и в сравнении с поступками уже других руководителей ТТУ.

Не успел я положить трубку, как телефон затрещал снова. Звонил Сычёв, который тоже хотел знать моё отношение к тому, что он вернётся обратно в депо: Геннадий Александрович знал, что это кресло мне предлагали не раз. Услышав, что я всё уже знаю и одобряю, он, по-моему, уснул спокойно.

В общем, рокировка удалась. Колесниченко было предложено перейти в отдел снабжения Западного трамвайного депо, Килин принял Октябрьское, а к нам вернулся Сычёв.

Анонимка-2. Весна 1987 года

Уже в последние дни работы Килина в депо проходил обязательный ежемесячный инструктаж водителей. Накануне в приёмную начальника позвонили из Ленинского райкома партии и предупредили, что явка должна быть максимально высокой, а также потребовали обеспечить персонально моё присутствие.

Когда Петр Родионович информировал меня о полученной телефонограмме, вид у него был настолько недоумевающий, что мне его стало жаль больше, чем себя. Я чувствовал, что здесь зарыта какая-то очередная подлянка. Для чего я понадобился партии? За прошедшие годы мне этого общения хватило с лихвой!

Перед началом инструктажа я – не помню уж зачем – зашёл к Килину. Вдруг открывается дверь, в кабинет рысью влетают два представителя райкома и, тыча в лицо Петру Родионовичу мандаты, в один голос спрашивают:

– А Погадаев будет?

– Да вот же он, – Килин нерешительно протянул руку, указав на меня, как будто в помещении был ещё кто-то кроме нас.

Оказалось, что гонцы прибыли по мою душу: в рамках

стартовавшей в январе восемьдесят седьмого года очередной кампании по «демократизации советского общества» и политике «гласности» очередную кляузу было решено не проверять, а зачитать на собрании коллектива!!!

Я выматерился и вышел из кабинета, сопровождаемый растерянным взглядом Килина, для которого – это было заметно – всё происходящее явилось полной неожиданностью.

Видели бы вы, с каким воодушевлением и широко распахнутыми, пылающими праведным гневом глазами глашатаи перестройки, получив слово от председательствующего, который отрекомендовал их как представителей райкома партии, начали с выражением читать эту галиматью! И ведь не мальчики уже – оба старше меня – должны, казалось бы, понимать, что прежде чем публично обвинять кого бы то ни было, нужно разобраться в ситуации, но поди ж тут утерпи! Материалец-то какой смачный, фактик жареный: главный! инженер! снабдил! свою! любовницу! квартирой! Ну, а потом снова про забор, про гараж и ещё кое-что по мелочи.

В зале стояла мёртвая тишина. Казалось: муха пролетит – услышат. Никогда ни на одном собрании депо ни один оратор не пользовался таким успехом!

Но что началось после того, как завершилось чтение!

Водители рвались на сцену, не спрашивая разрешения у председателя. С мест раздавались гневные выкрики вперемышку с матом!

Бедные представители КПСС! Они всего-то и хотели – от-

крыть народу глаза, а тут, того и гляди, свои выцарапают!

– Забыли, что было, когда он от нас ушёл? Машин исправных не хватало! Мы сидели в резерве! Зарплаты не было! Снова хотим того же? Это какие же водители подписали жалобу? Не могли водители написать эту гадость! Покажите их! Сколько можно его проверять? ОБХСС проверял, КРУ проверяло, комиссия обкома проверяла. Что нашли? Ни-че-го! Проверяете одну ложь! – это кричали водители.

Такой реакции я, признаться, не ожидал, ведь многие из них получали от меня не только премии, но и взыскания. Особенно непримирим я был, когда дело касалось алкоголя.

После собрания основные действующие лица – водителей больше звать не стали – собрались в кабинете начальника депо. Один из представителей партии с протянутой рукой и виноватой улыбкой обратился ко мне:

– Ну, вот смотрите, как всё хорошо прошло! А Вы боялись!

И тут, как говорят в боксе, у меня упала планка:

– Это я боялся?!... Это вы сейчас боитесь?!... Кто дал вам право читать про меня все эти гадости?!... Кто дал вам право оскорблять меня перед коллективом, с которым я работаю столько лет?!... Я подам в суд на вас и вашу партию, которая направила вас сюда с такими полномочиями!...

Вот на этой высокой ноте мы и расстались, но спустя несколько дней я перегорел и успокоился, а впоследствии, вспоминая их испуганные рожи и своё собственное выступ-

ление, приправленное матом, уже только хохотал. Сегодня я даже сочувствую этим двум орлам, которые, исполненные служебного рвения, даже не подозревали, в какой переплёт попадут. Они-то считали себя носителями новой идеи, проводниками наступающей гласности, хотели устроить публичную порку – принародно отодрать зарвавшегося управленца, а высекли в итоге сами себя – как та унтер-офицерская вдова.

В суд я подавать, конечно, не стал, хотя, наверное, можно было бы попробовать – авторитет партии на тот момент уже резко катился вниз – но выписку протокола общего собрания сохранил.

На это собрание представители райкома пригласили журналиста, чтобы впоследствии растиражировать «урок гласности» во всех местных изданиях, но не свезло – не вписался этот случай в общую концепцию кампании! Не будешь же, в самом деле, вещать на всю область, как обделался, не проверив изложенные в анонимке «факты», да и в отчёт это мероприятие, наверное, сложно внести как очередной успех перестройки и гласности. Такой вот облом получился.

И только в газете «Электропуть» от 18 марта 1987 года – рабочие называли её «Электромуть» – вышла статья по следам этого собрания.

И хоть мата в статье не было – журналисты сгладили острые углы – но суть дела изложена относительно верно. Почему относительно? А потому, что свой провал герольды пере-

стройки представили как победу гласности, указав буквально следующее: «Собрание вынесло решение: осудить анонимных авторов, предать гласности решение собрания, и впредь рассматривать все жалобы на собраниях трудовых коллективов. Такое обсуждение – это хороший отпор клеветникам, любителям сведения счётов, это хороший урок гласности, высвечивания всех неясных сторон». На самом же деле решение собрания было сформулировано гораздо короче и предельно ясно: анонимки не рассматривать!

Кстати сказать, статья вышла без подписи. Не захотел, видать, автор позориться!

Перестроечные процессы. Все на выборы

По России мчится тройка:
Мишка! Райка! Перестройка!
Перестройка – главный фактор,
Запороли мы реактор.
Затопили пароход,
Пропустили самолёт,
Наркоманов развели,
СПИД в Россию завезли.
Лёня Брежнев, открой глазки,
Нет ни пива, ни колбаски,
Нету водки и вина,
Радиация одна.
В шесть часов поёт петух в деревне Пугачёво.
Магазин закрыт до трёх, ключ у Горбачева.
Водку мы теперь не пьём
И конфет не кушаем,
Зубы чистим кирпичом,
Перестройку слушаем.
Перестройка – мать родная,
Хозрасчёт – отец родной,
Не нужна родня такая,

Лучше буду сиротой.

Водка стоит двести тридцать.

Триста сорок колбаса,

Х... стоит у Горбачева,

У рабочих – волоса.

Эти перестроечные стишки, распечатанные самиздатовским способом, мне вручили в Москве на Арбате. Они вполне отражают ситуацию, царившую в стране в конце восьмидесятых. Народ, с энтузиазмом встретивший приход к власти Горбачёва и выразивший доверие новому руководству, скоро остыл.

Анекдот той поры:

«Результаты недавно проводившегося опроса населения по поводу отношения к правительству:

– послать на... – 30%

– послать к... – 30%

– послать в... – 30%

– не определились – 10%»

Конечно, авария на Чернобыльской атомной станции в апреле восемьдесят шестого и гибель пассажирского теплохода «Адмирал Нахимов» в августе того же года мало кого из горожан коснулись напрямую. Немецкий лётчик, совершивший на своём спортивном самолётике посадку на Красной Площади в День пограничника в мае восемьдесят седьмого, скорее позабавил, нежели напугал граждан сверхдержавы.

Но вот бездумная антиалкогольная кампания, рост цен

и введение талонов на продукты задевали всех и каждого. Из магазинов исчезли все мало-мальски востребованные товары: продукты, средства гигиены, канцтовары. Об одежде, обуви, мебели и стройматериалах даже упоминать не стоит – этого не было и раньше.

Как в анекдоте:

– Что такое перестройка?

– Правда, ещё раз правда и НИЧЕГО кроме правды.

Зато появились талоны – на всё: на колбасу, на масло, на сахар, на мыло. Именно в то время хозяйка, обращаясь к гостям, шутила: «Руки мыли с мылом, значит, чай будете пить без сахара».

Вернувшись в депо, Сычёв досконально ознакомился со всеми показателями – этого у него не отнимешь – и на первой же планёрке честно признался, что не ожидал таких результатов. Его прогноз относительно премий и зарплат хоть и сбылся, но лишь отчасти: без премии мы сидели не два, а лишь один квартал: с приходом Сергеева финансирование было налажено. А главное – нам удалось сохранить коллектив, что для Сычёва тоже было приятной неожиданностью: он полагал, что более зрелые мастера и руководители подразделений при таком раскладе перейдут на соответственно более высокооплачиваемую работу, благо, предприятий в Орджоникидзевском районе хватало. Но ничего этого не произошло, и мне было приятно, когда Геннадий Александрович отметил, что моя роль в этих вопросах была решающей,

и он это хорошо понимает.

Пётр Родионович принял дела в Октябрьском депо, и вот тут ему досталось по полной. Помощники, к сожалению, оказались не на высоте. Выправить ситуацию он так и не смог, хотя очень старался, и в конце восемьдесят девятого года подал заявление на увольнение.

А страну захлестнула волна политических баталий: митинги, теледебаты, дискуссионные клубы, программы «Взгляд», «До и после полуночи», межнациональные конфликты, сепаратистские настроения на окраинах империи.

В декабре восемьдесят восьмого были узаконены альтернативные выборы, и трансляции со второго съезда народных депутатов СССР в декабре восемьдесят девятого смотрели, как захватывающий сериал.

Подходили сроки переизбрания секретаря парткома ТТУ. Эта должность считалась весьма почётной и могла служить трамплином для дальнейшего карьерного рывка. Так, например, Михалев Валентин Павлович – бывший начальник Октябрьского троллейбусного депо – с места секретаря парткома прямиком ушёл руководить предприятием «Спортобувь», отказавшись от предложенной должности председателя Горисполкома.

На тот период, о котором я рассказываю, секретарём парткома ТТУ был Брагинский Вадим Нехимеевич. Мне, хоть и был я беспартийным, как главному инженеру депо было положено присутствовать на совещании партийно-хозяйствен-

ного актива, где в числе прочих вопросов предполагалось выдвинуть кандидатуру нового партсекретаря для дальнейшего утверждения на общем партийном собрании.

После отчёта Брагинского об итогах работы за прошедший период стал вопрос о выдвижении кандидата. Вадим сразу предупредил, чтоб его кандидатуру не рассматривали, но Сергеева словно заклинило: никого другого на этом месте он видеть не хотел. Разгорелись жаркие дебаты: одни Брагинского поддерживали, другие – нет, но самым усердным участником дискуссии был, конечно, сам Сергеев. В итоге Брагинский, не выдержав накала страстей, взял слово:

– Сказал – не буду, значит – не буду. Это вам, Геннадий Степанович, что рыбу коптить, что ТТУ руководить, а я хочу работать по специальности!

В зале установилась мёртвая тишина, многие опустили головы, пряча ехидные усмешки. Такого казуса не ожидал никто.

Пришлось Сергееву срочно менять своё мнение, и в результате кандидатом на пост секретаря парткома ТТУ стал Бирюков, бывший когда-то секретарём комсомольской организации ТТУ.

В это же время возникла и приняла конкретные очертания бредовая идея о выборе руководителей предприятий и организаций. То, что это – очередная дурь, доказало время, и дискутировать по этому поводу бесполезно. На эту тему был такой анекдот: перестройка повредила ногу; сначала думали

– перелом, а потом оказалось – очередной вывих. Но, тем не менее, ТТУ не осталось в стороне и, отдавая дань демократическим преобразованиям в обществе, внесло свою лепту во всеобщий бардак.

Как-то раз к нам прибыла делегация Октябрьского троллейбусного депо. Возглавлял её Саша Черняев. С Сашей мы были давно знакомы: когда-то вместе работали. Он – слесарем, я – электрослесарем. Работник Саша был хороший, но страдал традиционным русским недомоганием. Тем не менее, благодаря неплохим организаторским способностям вырос до начальника участка.

Поймали они меня в цехе. Поздоровались, и Саша с места в карьер начал:

– Владислав, пошли к нам директором – нас мужики к тебе отправили. Мы всё обговорили: скоро выборы, и мы все проголосуем за тебя. Понимаешь, надоело всё: порядка нет, зарплаты нет, народ разбегается. Да ты и сам знаешь: показатели работы каждый месяц печатают в газете.

Я засмеялся:

– Саша, ты с ума сошёл. Я ведь тебя же первого и выгоню. Ты ж знаешь, как я к этому отношусь, – и сунул палец себе под нижнюю челюсть, намекая на его пристрастие к выпивке.

– Да и чёрт с этим, – Саша не унимался, – обрыдло всё! Ну, хочешь, я встану на колени, – и бухнулся прямо на пол цеха. Это было, конечно, кино, в том числе и для наших работников.

Я поднял Сашу и сказал:

– Да мне Сергеев недавно предлагал – я отказался. А вот на выборы к вам приеду обязательно – посмотрю на этот цирк. Очень интересно, кого вы выберете, – список кандидатов я уже знал.

Как водится на Руси, из троих выбрали наихудшего – того, который наобещал с три короба. Причём, опыта работы кандидат не имел и лишь недавно окончил Сибирский электротехнический институт.

Это действительно был цирк:

Кандидат: – Зарплату всем поднимем!

Главный бухгалтер: – А где деньги возьмёте?

Кандидат: – Так, Вы у нас кто? Главный бухгалтер, – широкий взмах руки, указательный палец направлен на главного бухгалтера, – вот вы и найдёте!!!

Аплодисменты в зале...

Мы с Сычёвым только посмеивались, слушая речи этого прожектёра. Но смех этот был сквозь слёзы. Порулил господин Яклюшин недолго: где взять три обещанных короба – не знал, справиться с таким сложным коллективом, да ещё имеющим свои собственные старые традиции – не смог. Да и вдобавок ко всему традиционное русское недомогание – пьянство – не обошло стороной и его: с коллективом оказалось проще слиться, влиться и напиться, чем управлять им.

Пришлось нам пережить ещё одни выборы, главная роль в которых предназначалась мне.

В Облкомхоз уходил Пугачёв Валентин Андреевич. Не ужился он с Сергеевым. Да оно и понятно. Человек, отработавший начальником Северного трамвайного депо, заместителем начальника ТТУ по общим вопросам, главным инженером ТТУ – после ухода Васильева Александра Андреевича, а затем исполняющим обязанности начальника ТТУ – после перевода Диденко Василия Александровича в транспортный отдел Горисполкома. Причём обязанности начальника он совмещал с обязанностями главного инженера, и делал это вполне успешно! И вдруг начальником ТТУ назначают управленца, никогда в этой отрасли не работавшего, не знающего специфики такого сложного предприятия!

Одно слово: номенклатура.

В период назначения Сергеева – в восемьдесят шестом году – КПСС ещё не сдала своих позиций и продолжала оставаться «руководящей силой советского общества». Отсюда и принцип решения кадровых вопросов. Ведь кадры – по известному выражению товарища Сталина – решают всё.

Ну, вот и нарешали.

Расставался я с Пугачёвым с большим сожалением: работать с ним было хоть и сложно, но интересно. Вот, к примеру, такой эпизод.

По проекту Орджоникидзеовское троллейбусное депо, как предприятие первой категории, должно быть запитано с двух различных подстанций. Поскольку на момент пуска депо вторая подстанция ещё не вступила в строй, было решено

запитаться от одной, но с разных ячеек. Правилами эксплуатации электроустановок такое разрешалось, но только временно.

Это, конечно, было весьма рискованно, тем более, оба кабеля располагались в одной траншее, да и сама подстанция находилась в двух километрах и проходила под несколькими дорогами, в том числе и под проспектом Космонавтов. Если же учесть, что кабель был с алюминиевыми жилами, да ещё с кучей соединительных муфт, станет понятно, что система электропитания изначально считалась крайне ненадёжной, что и подтвердилось впоследствии: кабели стали часто выходить из строя. Это, безусловно, сказывалось на эксплуатации депо и организации ремонта троллейбусов.

Но произошло чудо, и в четырёхстах метрах от депо сдали, наконец, требуемую подстанцию – как раз у Северного кладбища. Оперативно нашёлся кабель, да ещё с медными жилами – мечта любого энергохозяйства! Вот только средств на его прокладку в ТТУ на тот момент не оказалось.

Как-то после планёрки Пугачёв оставил меня в кабинете и предложил взять выполнение данного объёма работ на себя, сразу предупредив, что особенно помочь мне в этом вопросе не сможет:

– Надеюсь, справишься сам. Ведь построил забор, не имея ни техники, ни бетона, значит, и здесь сможешь, – вот в таком разрезе состоялся этот разговор.

Трассу прокладки, её размеры и все остальные согласова-

ния мы осуществляли своими силами, благо главным механиком депо в это время был Ильиных Анатолий Дмитриевич, человек с большим опытом работы, особенно в области строительства. Впоследствии он стал начальником технического отдела. Именно Анатолий Дмитрич произвёл разметку трассы и получил все согласования.

В процессе выяснилось, что кабель нужно будет укладывать параллельно магистральной трубе газопровода, а затем и пересекать её. Вот тут требовалась особая осторожность: газопровод нельзя было повредить ни в коем случае. Иначе – авария с непредсказуемыми последствиями!

В течение лета траншея была готова, на дне мелким отсевом отсыпали «постель» для кабеля, оставалось совсем немного: положить кабель чётко на этот отсев. Вот только как? Ни техники, ни специальных приспособлений не было.

Но выход нашёлся.

Во-первых, рассчитали, какое количество людей потребуется, во-вторых, проинструктировали ремонтные бригады депо, в-третьих, второго августа – в день моего рождения – все ремонтные работы в депо закончили на час раньше и собрались у катушки с кабелем, которая уже была установлена на пирамиду-вертушку.

Действовали так: первый человек берёт конец кабеля и разматывает его, двигаясь вдоль края траншеи. Через пять-шесть метров кабель подхватывает второй рабочий и направляется вслед за первым, потом третий, четвёртый, пятый и

так далее: словно бусы, собранные на нитку. Таким способом мы на руках аккуратно уложили кабель в подготовленную траншею в течение буквально тридцати минут.

Когда работа была практически закончена, появились Пугачёв и его помощник Ермошин Владимир Фёдорович: люди приехали поздравить меня с днём рождения, но их встретило практически безлюдное депо, и только диспетчера объяснили, куда подевался весь рабочий класс во главе с главным инженером. Там они меня и нашли: в грязной рубашке, вместе с рабочими, тягающими кабель. Поздравили с днём рождения, поблагодарили за работу, помотали в удивлении головами и отбыли восвояси. Правда, затем, вдогонку уже, пришёл приказ о соответствующем поощрении.

Теперь энергобезопасность депо стала максимальной.

Был ещё ряд технических вопросов, которые мы с Пугачёвым благополучно разрешили. Валентин Андреич умел поставить задачу таким образом, чтобы всемерно задействовать в её решении моё самолюбие.

Так, с приходом в парк новых троллейбусов ЗИУ-9 мы начали осваивать смонтированные на них штангоуловители, которые были технически несовершенны, но крайне необходимы, так как защищали контактную сеть от повреждений при сходе штанг, а, следовательно, сокращали убытки от данного вида аварий. И мы с нашими рационализаторами заставили эти элементы защиты работать весьма успешно.

Впоследствии Пугачёв, обсуждая вопросы эксплуатации

контактной сети и применения штангоуловителей с работниками других депо, на все их возражения отвечал: «А у Погадаева они работают!»

Ушёл Валентин Андреич как-то незаметно: вчера ещё работал в ТТУ, а уже сегодня он – один из руководителей Облкомхоза. На какой-то период его заменил Володя Ермошин, что было вполне логично и закономерно, ведь на тот момент именно Володя являлся помощником Пугачёва, но, поскольку ситуация требовала урегулирования на основе провозглашённых принципов гласности, демократизации и всеобщей выборности, Геннадий Степанович принял решение провести выборы нового главного инженера ТТУ.

Предварительно он вынес этот вопрос на обсуждение в узком кругу начальников всех пяти депо, чтобы узнать их мнение. Не знаю, ожидаемо или неожиданно для него, но мнения всех пяти начальников сошлись на моей кандидатуре.

Затем было назначено собрание, участие в котором приняли все главные инженеры управления: службы пути, энергохозяйства, ВРМ, СПС и пяти депо.

Собрание проходило в формате внеочередной планёрки. Геннадий Степанович сначала довёл мнение начальников депо до сведения присутствующих, потом напомнил им о моей судимости, особо подчеркнул, что я не являюсь членом КПСС и предложил мою кандидатуру даже не обсуждать, а обсудить кандидатуру Ермошина, которую положительно охарактеризовал со всех сторон. Затем – по регламенту –

призвал участников высказать свои мнения.

И вот тут меня захлестнула обида. Много времени прошло с того злополучного собрания. Я часто вспоминаю этот эпизод, и вспоминаю с глубоким сожалением: всё-таки гнев – плохой советчик, уж это мне известно точно, но тогда осознание несправедливости происходящего взяло верх над всеми остальными чувствами. Почему на оценку моей сегодняшней работы должно влиять происшествие двадцатипятилетней давности? Мне было всего восемнадцать, за свой проступок я отсидел пять лет, и с тех пор в течение двадцати лет только и делал, что работал как чёрт! Сколько ещё мне предстоит рассчитывать за ошибку юности, и какие единицы измерения будут применяться к моей деятельности в дальнейшем?

Сергеев упрямо, как и на партактиве при обсуждении кандидатуры Брагинского, пытался услышать высказывания в поддержку кандидатуры Володи Ермошина, но тут неожиданно вылез я со своей раненой душой:

– Геннадий Степанович, а почему не назначить главным инженером Прокофьева Валентина Николаевича? Он работал начальником техотдела, начальником ВРМ и уже продолжительное время работает главным инженером Южного депо. А Ермошин работал только начальником цеха энергохозяйства и начальником техотдела. По-моему, разница приличная! – сказал я в пику Сергееву.

Всё, на этом выборы закончились. Все без исключе-

ния представители технического истеблишмента поддержали меня. Пришлось Сергееву, вопреки своему мнению, принимать решение в пользу Прокофьева: демократия есть демократия...

Даже спустя несколько лет после собрания я продолжал получать от некоторых руководителей депо выговоры за результат этих выборов: не все приняли переход Прокофьева на должность главного инженера положительно. А я – так уж получилось – совершенно ненамеренно подпортил карьеру Володе Ермошину, за что позже очень корил себя.

На этом интерес к выборам в ТТУ иссяк: получив в подчинение двух избранных коллективом управленцев, Геннадий Степанович остановился. Видимо, наблюдал за результатами их деятельности и делал соответствующие выводы. По крайней мере, к данному опыту он больше не возвращался, а вернулся к традиционному назначению.

Перспективы карьерного роста. За? Против? Воздержался!

Спустя некоторое время я снова получил предложение: занять освободившееся место заместителя начальника Управления по общим вопросам. И снова решил не испытывать судьбу. А, может быть, оставило свой след то, что произошло при выборах главного инженера. Сейчас сказать уже трудно.

На эту должность мы с Сычёвым порекомендовали Уфимцева Владимира Степановича, который в то время работал заместителем начальника триста первого отдела завода имени Калинина. Этот отдел занимался детскими садами, столовыми, снабжением рабочих продуктами и решением других хозяйственных задач.

В то время дела на заводе шли уже неважно: финансирование резко упало, предприятиям тяжёлой промышленности и, в частности, военно-промышленного комплекса предлагалось перейти на выпуск товаров народного потребления, то есть, образно говоря, вместо ракет выпускать кофемолки, а вместо танков – стиральные машины. Так называемая конверсия – переход военной промышленности на мирные рельсы.

Анекдот времён перестройки.

ЧТЗ предложили организовать выпуск газонокосилки. После изучения технических и организационных вопросов, руководство завода доложило министерству: «Мы готовы вместо танка производить газонокосилку. Но за те же деньги!»

Благодаря этим преобразованиям деятельность отдела стала резко хиреть, а Володя начал подыскивать себе работу. Однажды, когда он ремонтировал у нас в депо свою старенькую «Волгу», мы разговорились и Володя сказал, что с удовольствием сменил бы место работы, на что я, в свою очередь, поведал ему о предложении Сергеева, моём отказе и посоветовал срочно лететь в Управление – предлагать свою кандидатуру.

Уже следующим вечером мне позвонил Сергеев:

– Владислав Михайлович, как Вы думаете, если на место заместителя директора придёт Уфимцев? Вы же его хорошо знаете – он Ваш друг.

Позвонил он и Сычёву, который тоже неплохо знал Володю. Более того, через Уфимцева Сычёв решал многие вопросы, в том числе и связанные с предоставлением мест в детских садах для детей работниц депо, да и составление расписания движения троллейбусов тоже происходило с учётом интересов завода: для лучшего обслуживания рабочих.

Нечего и говорить, что рекомендации от нас с Сычёвым Володя получил самые наилучшие и немедленно приступил к работе на новом месте.

Исполнителем он был от Бога. Именно такой – с элементами творческого оригинального исполнения поручений – был нужен Сергееву на этом месте. Иногда в ответ на мою критику Уфимцев отвечал: «Владик, я по-другому не могу, я так воспитан. На заводе мне генерал велел сделать – всё, не обсуждается – идёшь и выполняешь». Поэтому с Сергеевым у Володи сложились прекрасные взаимоотношения.

Думаю даже, что Сергеев относился к нему с какой-то отеческой любовью. Когда Володя внезапно умер от инфаркта, Геннадий Степанович каждый год – пока руководил ТТУ – собирал узкий круг, и таким узким кругом мы в день смерти Уфимцева ехали к нему на могилу – помянуть. Это было своеобразной традицией.

Уходил на пенсию заместитель начальника ТТУ по эксплуатации Старостин Александр Михайлович, проработавший в Управлении достаточно долгий отрезок своей жизни. Казалось, он был несменяемым замом, но время взяло своё. И опять выбор Геннадия Степановича пал на меня. Уже ближе к концу рабочего дня мы встретились у него в кабинете и долго разговаривали. Думаю, он понимал, что предыдущие наши взаимоотношения тормозят меня в принятии решения, и в этот раз подготовился более основательно.

Во-первых, пообещал мне хорошую квартиру в центре города, чтоб было недалеко от работы. Как я понял из разговора, Сергеев знал, что та панельная трёшка на Молодёжи, которую я получил в восьмидесятом, построена никудаш-

но: после каждого дождя соседи снизу стучали нам в двери с криками: «Вы нас заливаете!» Заливали их, конечно, не мы, а дождевая вода, которая сочилась из всех щелей: протекали оконные проёмы, протекали швы между панелями. Самое забавное, что эти самые соседи наш дом и строили. Так что, сама себя раба бьёт, коли нечисто жнёт.

Во-вторых, зная мою историю с продажей машины, Сергей и этот вопрос пообещал снять немедленно – как только я дам согласие на перевод.

Несмотря на такие, прямо скажем, убойные аргументы, уговорить он меня не смог и дал время подумать. До утра. Со стороны может показаться, что я просто кочевряжился, набивая себе цену, но на деле это была трезвая оценка ситуации, и время доказало мою правоту.

Первое, мы с Сергеевым совершенно не подходили друг другу по характеру, а работать в постоянном нервном напряжении и в отсутствии взаимопонимания, мало того, что просто тяжело, но ещё и непродуктивно.

Второй причиной была та, что в стране полным ходом шёл второй этап экономических преобразований – этап либерализации и введения элементов рыночной экономики. Предлагалось развивать новые формы хозяйства, различные формы аренды государственной собственности. Не возбранялось участвовать в деле и руководителям предприятий. Это уж после опомнились и наложили некоторые ограничения.

Я видел, как некоторые одиночки и группы товарищей стали создавать кооперативы, какие-то производственные артели, и кое у кого неплохо получалось.

Например, был у нас в депо отличный слесарь Саша Веретнов из хорошей уралмашевской семьи. Отец руководил инструментальным хозяйством на Уралмаше, сын неизбалованный, не пил, прекрасно трудился – такие к нам, прямо сказать, попадали нечасто – и вдруг уволился. Встречаю его через непродолжительное время: улыбается, полностью доволен жизнью. Организовал кооператив, причём, самостоятельно – без папы: наладил изготовление подставок для мелочей в кабину «Жигулей». И дело пошло – товар уходил влёт.

В тот период я тоже приложил руку к открытию на территории депо стоянки автомобилей.

Влетает как-то ко мне в кабинет работник ГАИ Алексей Синичкин, с которым мы познакомились, когда он остановил меня за превышение скорости напротив легкоатлетического манежа «Уралмаш» и с которым у нас завязались приятельские отношения:

– Владислав, давай организуем на территории депо стоянку автомобилей! Всё оформление беру на себя. От тебя – только согласие на выделение части площадей. Об остальном, я думаю, договоримся...

Второго корпуса в депо тогда ещё не было не только в помине, но даже в проекте, площади действительно пустова-

ли. Согласовали вопрос с директором депо Сычёвым и очень быстро провернули все работы: со стороны Коммунистической убрали одну плиту бетонного ограждения, установили самодельный шлагбаум, огородили рабицей внутренний периметр, привезли будку – парковка готова. Документы по регистрации Алексей тоже оформил быстро, и стоянка заработала.

Спустя месяц Алексей появляется снова и кладёт мне на стол конверт, в котором лежит восемьдесят рублей – треть моего оклада. Я начал было отказываться, но потом взял. Прошёл ещё месяц – ситуация повторилась, а на полосе вдоль бетонного забора появился навес, под которым ночью стояли машины – почти сплошь иномарки. По всему выходило, что дела шли неплохо. Вот только на третий месяц влетает ко мне в кабинет Алёшенька-сыночек – глаза квадратные – и прямо с порога:

– Владислав, забери к чёртовой матери у меня эту стоянку!

Тут уже я глаза выпучил:

– А с какого кваса такая необыкновенная щедрость, ведь к её организации я имею косвенное отношение?

Попробуем догадаться? Совершенно верно! Стоянка приглянулась «Уралмашевским» браткам, и навес над своими тачками они же и сварганили. Но убийственно-решающим аргументом для Алексея стало то, что все сторожа на стоянку должны были приниматься только с рекомендациями «урал-

машевцев»! Для тех, кто не понимает, поясню, что, говоря об уралмашевских, я не имею в виду тружеников прославленного предприятия. Речь идёт о членах ОПС «Уралмаш», которое было создано в Орджоникидзевском районе города Свердловска в 1989 году.

Пошли знакомиться с коллективом. И вот он – основной сюрприз: каждый из сторожей имел не менее двух ходок! Коллектив оказался полностью спаянный и споенный. Надо отдать должное Алексею: вначале он честно старался навести на стоянке порядок, но после того, как к его горлу приставили что-то холодное и острое и пообещали – если не угомонится – отрезать башку, сдался и отказался от руководства. Пришлось мне возглавить ещё одно предприятие.

Весь этот период я вспоминаю как одну сплошную веселуху. Рано утром я заходил на стоянку и проверял, нет ли претензий от клиентов, вечером после работы – тоже. Тем не менее, раз, а то и два в неделю мне приходилось ночевать в райотделе: часа в два ночи за мной приезжали сотрудники милиции и увозили с собой оформлять материалы по заявлениям потерпевших. То мои орлы-сторожа сольют у клиентов бензин, то обыграют кого-нибудь в карты, а окажется партнёр неплатёжеспособным – подвесят на дерево за ноги, чтоб не садился играть без денег. Благо, опыт у них был огромный.

Каких только номеров ребяташки ни выкидывали! Бывали случаи, когда стащат с автомобиля какую-нибудь деталь,

зальют глаза и забудут, у кого стащили, а потом ему же пытаются впарить недорого. Кульминацией стал случай, когда эти умельцы за ночь разобрали автомобиль, который довольно долго простоял на стоянке невостребованным.

Пробив его по базе, экспроприаторы выяснили, что машина числится в угоне, разобрали её, а кузов оттащили в ближайший переулок, где его и нашёл хозяин, как на притчу, следующим же утром пришедший на стоянку, чтобы забрать своё авто.

«Виноватой» в этой ситуации оказалась отчасти сама правоохранительная система. По заявлению пострадавшего менты нашли автомобиль, который действительно был угнан, вернули его владельцу, а вот информацию о том, что автомобиль в угоне, из базы не удалили. Владелец же, поставив автомобиль на стоянку и заплатив за несколько дней, куда-то пропал и дальнейшее пребывание машины на парковке не оплачивал.

Таким образом всё и сошлось в точке икс: нерасторопность милицейских, безответственность владельца и предприимчивость сторожей.

В общем, где-то за полгода я познакомился со всей дежурной частью Орджоникидзевского РОВД. А сколько ночей я там провёл! Однажды получил приглашение в Орджоникидзевский исполком по вопросу положения дел на стоянке. Прихожу в зал заседаний, а он полон таких же бедолаг – организаторов кооперативов и других частных произ-

водств. Встаёт майор милиции с толстенным досье и начинает перечислять подвиги начинающих предпринимателей. В отношении одних ограничивается внушениями, у других вообще предлагает закрыть предприятия. Доходит черед до нашей стоянки. Майор перечисляет все фокусы моих башибузуков, а в заключение отмечает... значительное улучшение ситуации на объекте! Так что, как ни странно, в этом «пантеоне славы» нам принадлежало далеко не первое место!

И действительно, потихоньку, помаленьку дела на стоянке пришли в относительный порядок.

Итак, наличие стоянки было второй причиной моего отказа, а третья заключалась в том, что я, много лет проработав в ТТУ на разных должностях, начал терять интерес. Хотелось поработать самостоятельно или как минимум сменить место работы, хотелось чего-то нового, пусть даже более трудного, поэтому, провалявшись без сна всю ночь, принял твёрдое решение, что работать в Управление не пойду.

Утром, только я сел за стол и начал разбирать бумаги, в кабинет зашёл Сычѳв:

– Звонит Сергеев – требует ответа!

Я взял трубку и, поздоровавшись, сказал буквально следующее:

– Геннадий Степанович, но я же вчера сказал, что не пойду!

Наступила продолжительная пауза, за которой последовал вопрос:

– Ты что, всю жизнь будешь главным инженером работать?

– Не знаю, Геннадий Степанович. Может быть, всю жизнь, но к Вам я не пойду.

Последние слова надолго остудили наши взаимоотношения, которые и без того никогда не были особо тёплыми.

Продолжая работать в Орджоникидзеvском депо, я не оставлял мысли сменить обстановку, но возникли некоторые обстоятельства, заставившие меня повременить.

В техническом журнале, названия которого уже и не помню, была опубликована статья о группе молодых инициативных ребят из Риги, которые начали изготавливать счётчики электроэнергии постоянного тока для внедрения на подвижном составе предприятий горэлектротранспорта. Кроме того, они же наладили выпуск магнитофонов-информаторов, предназначенных для облегчения работы водителей и улучшения информационного обеспечения пассажиров.

Не секрет, что во время движения водитель определённое время уделяет работе с микрофоном, и это негативно сказывается на безопасности движения. Не секрет, также, что при эксплуатации трамваев и троллейбусов одной из самых больших частей расходов являются затраты на электроэнергию, а при правильном управлении транспортным средством её экономия может быть весьма существенной.

Вот для решения двух этих вопросов я и был командирован в Ригу, где познакомился с Артуром Шютцем и Сергеем

Бушуевым – именно они и организовали производство, как теперь говорят, инновационного оборудования. В дальнейшем это знакомство очень даже помогло мне в организации коммерческой деятельности.

На первых порах мы закупили два счётчика и довольно приличное количество магнитофонов-информаторов, внедрение которых, как и любое другое нововведение, шло со скрипом.

Сначала их применяли для объявления остановок и другой информации по ходу маршрута, позже пытались использовать для распространения звуковой рекламы, а в итоге от них пришлось отказаться из-за поломок лентопротяжных механизмов. Где только ни искали мы эти механизмы – всё напрасно.

Следующим важным событием было то, что наше депо получило принципиальное согласие Администрации города на проектирование второго здания депо, предназначавшегося для ремонта и обслуживания подвижного состава. Новаторской идеей Сычёв загорелся ещё в первые годы работы в ТТУ, после того, как съездил в командировку в Киев.

Все эти годы Геннадий Александрович отстаивал замысел, сулящий значительные экономические выгоды, а тут город Пышма, являющийся, по сути, предместьем нашего города, проявил интерес к перспективе соединиться со Свердловском посредством троллейбусного сообщения.

Реализация данного проекта неизбежно повлекла бы за

собой увеличение подвижного состава. Так как в нашем депо, рассчитанном на сто единиц, уже было сто тридцать троллейбусов, возникала необходимость строить ещё одно депо или, построив ещё один корпус, расширить наше до двухсот и более машин. Таким образом, решение было принято в нашу пользу.

Получив одобрение в Администрации города, начали готовить техническое задание на проектирование. В нём мы старались максимально учесть и устранить те технологические ошибки, которые имели место в первом – типовом – проекте. Сюда включили и большой актовый зал для проведения инструктажа. Его мы позже, в процессе строительства, втихаря перепрофилировали в спортивный. По-другому никакого спортзала мы бы не имели. Вскоре, получив проект, приступили к строительству второй очереди.

Мысли о необходимости сменить работу всё же не покидали меня, и основной причиной тому являлось резкое падение уровня жизни. В магазинах не было практически ничего, а цены на рынке не соотносились с зарплатами работников бюджетных предприятий. В это время я уже работал один – жена сидела дома – а потому хватался за всё, что приносило хоть какой-то доход.

Тайга – закон, медведь – хозяин

Одной из статей дохода был лесной промысел, к которому я вернулся ещё в семьдесят шестом году с лёгкой руки своего сослуживца – мастера Володи Лаптева. Володя был очень хорошим токарем, окончил техникум и при открытии депо возглавил механический участок цеха ремонтов.

Его большая семья – мать, братья, сёстры, их жёны, мужья и дети – ежегодно уходила в тайгу в район Приобья. Там дружно, всем кагалом, собирали ягоды, грибы, тут же на стане их обрабатывали, укладывали в специально приготовленную тару, а затем везли в Свердловск и продавали на рынке.

Осень семьдесят шестого года выдалась очень тёплой и урожайной, поэтому семья Лаптевых привезла из Приобья огромное количество брусники и белых грибов, которых наросло не меряно. Вот под воздействием Володиных рассказов и лукнулся я в тайгу в гордом одиночестве, так как желающих составить мне компанию не нашлось. Экипировался довольно просто: свитер, штормовка, взятый в займы спальный мешок, трёхведёрная пайва – фляга для ягод, топорик и нож – вот, собственно, и всё снаряжение. Плюс небольшое количество продуктов и обязательная бутылка водки.

Таёжный сезон заканчивался, так как стояла уже поздняя осень.

Сошёл с поезда я – по рекомендации Володи – на станции

Нюрих, небольшом разъезде на полпути между райцентром Советский и посёлком городского типа Зеленоборск.

На этом же разъезде из другого вагона вышли пять человек, которые догнали меня на стрелочных переводах. Разговорились. Оказалось, мужики – работники «Электротяжмаша» – так же, как я, приехали за брусникой. Они с неподдельным интересом рассматривали мою амуницию, но больше всего компанию удивило то, что прибыл я сюда впервые и один. Переварить такое они не могли, а потому предложили держаться вместе, тем более, все были из одного района.

Ушли мы, если смотреть по ходу поезда, на правую от железнодорожного полотна сторону. Углубившись в лес километра на три по старой лесовозной дороге, решили сделать привал. Место выбрали на обочине, у штабеля брёвен. Такие брошенные штабеля не раз можно было встретить на севере области. Пилой, которая имелась у моих спутников, раскρεжевали несколько брёвен для поддержания костра в ночное время и растянули над спальными мешками полог из полиэтиленовой плёнки. Развели костёр, сварили картошку с тушёнкой, а под картошечку раздавили две бутылки водки за начало мероприятия, ну, и, конечно, за знакомство. Как всегда, пошли разговоры. Я рассказал своим новым знакомым о том, как ходили мы с бабушкой за ягодами, как продавали на базаре добытые мною кедровые орехи.

После завтрака отправились в лес, растянувшись цепочкой. Ягода попадалась, но небольшими участками. Насоби-

рал около ведра. По оборышам было видно, что народу прошла уйма, и основной массив выбран подчистую, так что первый день меня разочаровал: не ожидал, что всё будет зачёсано так чисто.

Наутро решил не ходить со всеми, а попытать счастья в одиночку – где-нибудь подальше – несмотря на беспокойство моих случайных товарищей, которые опасались, как бы я один не заблудился.

Дорога продолжалась и уходила вглубь тайги, и я пошёл по ней всё дальше и дальше, стараясь найти место, куда не ступала нога грибника и ягодника. И такое место нашлось: свернув в небольшой березняк, увидел в пожухлой траве нетронутые островки брусники, сверкающие на солнце ярко-рубиновым цветом.

Забыв о времени, я собирал крупные спелые ягоды. Чтоб было легче, сбросил сапоги и остался в одних шерстяных носках. То вставал на колени, то ложился на бок, но продолжал работать, не останавливаясь до тех пор, пока не набил полную трёхведёрную пайву.

На стан вернулся первым и уже начал собираться в обратный путь, когда стали подтягиваться и мои компаньоны.

Только увидев пайву, полную отборной брусники, они до конца поверили в мои рассказы о том, что в тайге я – человек свой. Распрощавшись с мужиками, пошёл на станцию и уже утром был в Свердловске.

Так произошло моё возвращение в тайгу осенью семьде-

сят шестого.

Вернувшись домой, узнал, что своим путешествием причинил большое беспокойство семье Сычёвых, когда выяснилось, что я отправился в тайгу один и даже без обратного билета. Но ещё больше их удивило и впечатлило олимпийское спокойствие моей жены.

В последующие годы у нас сложился определённый коллектив таёжников-заединщиков. Мы старались делать два, а то и три рейса за сезон: за брусникой, за орехами, за клюквой. Это был не только наш небольшой приработок, но и увлечение, о котором я с удовольствием вспоминаю и по которому скучаю.

Состав групп варьировался: в них входил обычно кто-нибудь из моих братьев и общих знакомых, а постоянным и неизменным членом коллектива был Федя Буранов – человек, на которого всегда и во всём можно положиться.

Направления для поездок мы выбирали самые разные, но, в основном, Приобье и Тавдинский район, где очень много клюквенных болот, а Приобье и правый берег Оби – вообще сплошной кедровый массив. Ни разу мы не возвращались пустые.

Особенно памятен мне год, когда я взял в тайгу обоих сыновей: Олега и Игоря. Бригада тогда подобралась знатная: конечно, Федя со своим другом и двое моих братьев – Толя и Валера. Урожай шишек был отменный, и пахать пришлось всем до седьмого пота.

Стан разбили на правом берегу Оби, как раз напротив выхода из протоки.

Мы с Олегом отвечали за переработку, поэтому соорудили на берегу, на сквозняке, мельницу, как обычно делали шишкарки у нас на Платине. Все остальные члены команды занимались тем, что сбивали шишки, собирали их в мешки и подтаскивали на стан. Мы же с Олежкой эти шишки размалывали, отсеивали орехи, а затем провеивали их на растянутом полиэтилене.

За три дня работы было сбито и обработано шестьдесят мешков шишек! Семь мешков чистого ореха! Просушенного, провеянного на ветру!

Как-то вечером Олежка взмолился:

– Папа, ты всех загонишь в гроб, и никому эти орехи твои не нужны будут!

Тем не менее, вечерами он и Игорёшка находили в себе силы и убегали на берег Оби ловить щук. Надо сказать, им это здорово удавалось: за час вдвоём могли надёргать до полведра. Щук, особо не заморачиваясь, просто отваривали в подсоленной воде – получалось довольно вкусно.

Описывать обратную дорогу даже не хочется – было очень трудно! К тому же на водку мы выменяли у местных обитателей штук пятнадцать муксунов, которых, пересыпав солью, сложили в одну из пайв. Со всей этой добычей на перекладных добрались до станции «Приобье», сели в свой поезд, достали последнюю бутылку водки, разрезали послед-

нюю луковицу и отметили окончание путешествия – такая была традиция. Детям, естественно, не наливали.

Проснулись уже в Свердловске.

Много было приключений: о наших походах в тайгу можно написать толстенную книгу.

Помню, однажды пришлось в течение одной ночи под дождём и снегом сделать две ходки за семь километров, чтобы вытащить весь заготовленный орех! Не обращая по обыкновению внимания на трудности и дискомфорт, я до того смозлил ноги, что по прибытии в Свердловск попросту не смог всунуть их обратно в сапоги – так распухли. Ковылял по перрону в привязанных к ступням кедах: опыт научил меня обязательно брать в тайгу сменную обувь, а сапоги использовать только для дальних переходов.

Была встреча с медведем, который сожрал всю похлёбку, оставленную с вечера в ведре. Причём, косолапого не смутил и не отпугнул даже горящий рядом костёр! По уши засунув морду в посудину, мишка, причмокивая, доедал наш ужин, а когда Саша Коптяков, потерявший от такого зрелища дар речи, начал колотить алюминиевой кружкой по железу, Хозяин тайги развернулся и, покачивая широкими боками, неторопливо удалился в лес.

Но о чём расскажу обязательно, так это о том, как я, выросший в тайге и ни разу не плутовавший, заблудился и чудом вышел из леса дважды за один сезон. Ничего подобного ни до, ни после со мной не случилось, и объяснить произошед-

шее я не могу до сих пор.

Как-то осенью мы бригадой из пяти человек отправились на любимый в ту пору Нюрих. По просьбе Сычёва взяли с собой его сына Диму.

Если раньше я ходил по правую сторону от железной дороги, то в этот раз Федя повёл нас вдоль старой заброшенной узкоколейки, которая так только называлась. На самом же деле это была насыпь с торчащими кое-где шпалами и короткими кусками рельсов. Она то появлялась, то надолго пропадала в будылях.

Прошли несколько километров вдоль узкоколейки и пересеклись со старой лесовозной дорогой, каких на Севере очень много. Свернули по этой дороге направо и, спустя какое-то время упёрлись в большое чистое болото: ни деревца, ни кустика, только осока да ещё какая-то болотная трава.

Похоже, что когда-то дорога-лежнёвка, настланная из брёвен, шла напрямиком через болотину. Вдали болото пересекала высокая насыпь железной дороги, по которой как раз в этот момент проходил большой товарный состав.

Перекуриив, вернулись обратно к узкоколейке, и продолжили движение по тропинке вдоль насыпи. Дело шло к вечеру, поэтому, увидев среди сосен подходящую прогалину, решили встать лагерем.

На поляне уже была раскинута палатка, но людей видно не было – верно, ушли собирать ягоды. Мы тоже начали разбивать лагерь: устанавливали палатки, готовили костри-

ще, доставали продукты. Пока вся команда была занята хозяйственными хлопотами, я, сбросив сапоги и штормовку и оставшись в одной тёплой рубашке, надел кеды и отправился на разведку.

Это всегда мне нравилось и всегда удавалось: ходил я быстро, заблудиться даже в мыслях не было, пока команда ставила палатки и готовила ужин, я успевал оббежать обширную территорию и найти большие участки нетронутого ягодника.

Погода стояла прекрасная, ничто не предвещало беды. Я довольно далеко углубился в лес. Среди тайги нашёл делянку, на которой стоял брошенный трелёвочный трактор: почти новый, с разбитым стеклом. Даже аккумуляторы не были сняты. Такое на Севере можно было наблюдать довольно часто. Так, например, напротив станции «Нягань» есть клюквенное болото, в центре которого памятником бесхозяйственности торчит совершенно новенький трактор. Похоже, его перевозили вертолётom, и он, сорвавшись со строп, навсегда остался там, куда свалился. Богатая страна! Видимо, и этот трелёвочник бросили по какой-то неведомой причине.

Занятый такими невесёлыми мыслями, я шёл дальше. Ягод не попадалось, зато начал накрапывать дождь. Сразу потемнело, и тут я понял, что заблудился! На севере, как и на юге, темнеет быстро. Пока шёл в направлении – как мне казалось – лагеря, темнота полностью окутала лес, заморосил

дождь. Резко похолодало. Я уже не шёл, а бежал, опасаясь только одного: как бы не налететь на ветку, ведь я всю жизнь смотрел только одним, правым, глазом, и если это случится – считай, всё!

Подумав так, резко снизил темп и начал прислушиваться. С наступлением темноты в тайге всё замолкает, только шум ветра в кронах деревьев тревожит слух. И вот в этом шуме мне послышались звуки проходящего поезда! Наметив вектор, я начал двигаться в направлении этого звука. Шёл уже не спеша, осторожно, пока не услышал стук поезда более отчётливо. Естественно, я понимал, что это другой состав, но зато появилась уверенность, что иду в направлении железной дороги.

Через некоторое время из темноты проступила насыпь: железная дорога! Вот только куда по ней двигаться? Направо? Налево? Прикинул, в каком направлении шёл по тайге и повернул налево.

Меня уже просто трясло от холода: в это время года ночные температуры на Севере опускаются ниже ноля градусов, к тому же я был весь мокрый от дождя и от пота. Поэтому увеличил темп, а потом просто побежал. Вскоре показались огни. Нюрих!

К дежурной по станции заходить не стал: время было далеко за полночь, и я побоялся напугать бедную женщину, зайдя к ней в такое позднее время и в таком виде. Зашёл в зал ожидания, который, на моё счастье, был открыт, хоть

там и стояла крошечная тьма. Около круглой голландской печи лежали заготовленные дрова и береста, но спичек не было! А самого уже колотило от холода и нервного напряжения так, что стучали зубы. Я бухнулся на колени и начал шарить руками по грязному, замусоренному и заплёванному полу с одной только мыслью: «Не может быть такого, что в этом мусоре нет ни одной оброченной спички!»

Вдруг, точно по волшебству, дождь закончился, ветер разогнал тучи и луна осветила пол, проглянув сквозь мутные оконные стёкла.

Коробок нашёлся сразу, а вот в поисках спички пришлось поползать, но и её отыскал в этом мусоре! Свезло! Насовал в топку дров, запалил бересту – на душе стало веселей. Голландская печь нагревается быстро – уже минут через тридцать рубашка на теле начала подсыхать.

Не знаю, сколько времени я там провёл, но согрелся. В помещении тоже потеплело. Выходить на улицу не хотелось категорически, и только мысль о том, что творится с моими друзьями в лагере, выгнала меня наружу.

Нужно было возвращаться на стан, но как? Вариант: идти прежним путём вдоль насыпи узкоколейки – я отмёл сразу. Насыпь то появлялась, то исчезала, и только Фёдор знал, куда двигаться, чтобы не сбиться с верного направления. Я же боялся, что, потеряв ориентир, снова уйду не туда. И вдруг вспомнил про болото и товарный состав, который шёл прямо через него. Вот это болото мне и нужно найти: на другой его

стороне – дорога, где мы делали перекур!

Я снова рванул по железке: от станции – налево, и вот оно – болото! Спустился по насыпи вниз и, пройдя краем мочажины, нашёл старую дорогу-лежнёвку, уходящую прямоком в воду. Начинался рассвет, и болото предстало во всей своей красе: абсолютно белое от инея. Сделал шаг – под ногами затрещало: это был тонкий ледок, за ночь образовавшийся на поверхности воды...

Почти по колено в жиже брёл я по лежнёвке из брёвен через болото, а потом бежал, чтобы не замёрзнуть, по лесовозной дороге, вдоль насыпи узкоколейки и той тропинке, по которой мы вчера прошли несколько сот метров... В кедах хлюпала вода.

Уже из последних сил подходя к месту стоянки, услышал голоса и закричал. Шёл и кричал...

Тем временем мои товарищи уже отчаялись увидеть меня живым: ведь ушёл в тайгу в рубашке и кедах, и заблудиться не мог, так как никогда не блудил, а, значит, случилось что-то по-настоящему серьёзное.

Заручившись свидетельствами другой группы туристов о том, что в тайгу я ушёл один и добровольно, и обменявшись с ними телефонами, мои спутники сворачивали экспедицию с тем, чтобы найти ближайшую администрацию и заявить о произошедшем. Навели их на эту светлую мысль наши соседи по лагерю. Узнав, что я – главный инженер, а все остальные – рядовые работники депо, соседи научили моих компа-

ньонов, как нужно действовать, чтобы снять с себя подозрение в убийстве группой лиц по предварительному сговору.

Но мне было не до этих душещипательных подробностей. Я упал в неубранную ещё палатку. Федя притащил стакан водки и горячего варева. Проглотив в одно мгновение и то, и другое, я тут же уснул.

Проспал не больше двух часов. Когда проснулся, лагерь был снова разбит, а вся команда собиралась отчалить на сбор ягод. Как Федя меня ни отговаривал, я натянул сапоги и, еле волоча ноги, отправился со всеми, обещая, что далеко от стоянки не уйду. Переживали мои спутники не напрасно, так как, зная меня, понимали, что ходить кучей я, несмотря на вчерашнее приключение, не буду.

Так оно и вышло: спустя некоторое время я свернул в сторону и недалеко от лагеря набрёл на небольшую плантацию совершенно нетронутой ягоды. Собирая бруснику, краем уха всё же ловил голоса своих спутников.

Вечером на стане выяснилось, что собрал я больше всех, а на следующий день моя пятиведёрная пайва уже была полна доверху. Остальные члены команды тоже со своей задачей справились.

Так как билеты были куплены заранее, мы дружно отправились на станцию.

Отдохнув несколько дней дома, я, уже с другой компанией, снова направился за брусникой. Теперь – в Нягань, где у нас было хорошо разведанное место километрах в пятна-

дцати-двадцати от посёлка.

Добраться до него не составило труда, так как в тот район вела бетонка, по которой ходили лесовозы и другая техника. Да и в Нягани было, к кому обратиться за помощью.

Меня, Сашу Третьякова и его жену Милю доставили чётко до места. Договорившись о том, когда поедем обратно, пошли организовывать стан.

Пока Саша с Милей разбивали лагерь и готовили ужин, я, с их согласия, отправился на разведку: искать место, где на следующее утро можно будет плодотворно поработать. Бродил часа два, а когда стало темнеть, снова понял, что не знаю, куда идти! Спасибо Саше с Милей: они начали кричать. На эти крики я и вышел к лагерю.

На следующее утро мы уже вместе нашли приличный ягодник, за два дня набили пайвы под завязку и в оговорённое время выехали на станцию.

Больше подобных неприятностей со мной не случилось, и в лесу я ориентировался по-прежнему отлично.

Не жди от природы милости, сам садочек сади, сам и вырасти

Надо сказать, что ещё году примерно в девяностом, весной, мне, по поручению директора, пришлось взвалить на себя нелёгкую ношу: обеспечить работников депо садовыми участками.

В головах наших вышестоящих руководителей как-то неожиданно родилась и созрела вполне здравая, хоть и несколько запоздалая мысль: если мы не можем накормить народ, пусть народ накормит себя сам. Лучше поздно, чем никогда, и в актовом зале Администрации Орджоникидзевского района собралась куча людей. Педагоги, медработники, работники транспорта и РОВД, короче, бюджетники. Все хотели успеть воспользоваться плодами этого внезапно-го прозрения.

Действительно, в России так мало земли, что на всех не хватает. Видимо, именно поэтому под садовые участки традиционно отводили всякие неудобья: леса, болота и линии электропередач. Всё же любили высокопоставленные строители коммунизма наблюдать, как народец справляется с трудностями. Сами они – я точно знаю – в такие авантюры не лезли.

Вот и теперь нам представилась возможность поделить ха-

отично заросший после пожара участок старой вырубки, который был в довольно приличном состоянии: проехать можно даже на легковушке, если, конечно, таковая имеется в наличии. Другой возможности добраться до места в тридцати километрах от города не было, ну, разве что пешком с рюкзаком за плечами, поскольку от тракта до выделенного участка нужно было километров пять пробираться по старой лесовозной дороге. А на десерт – фи́га с маслом: поблизости ни воды, ни электричества.

Бальзамом на душу было то, что место оказалось очень красивым: пологий склон горы, поросший подлеском и молодыми сосёнками. Спасибо, что не болото!

Не стану подробно описывать подвиги работников депо, скажу только, что за первое лето мы успели немало. Поставили забор из того горелого леса, что остался после пожара, распустив его на доски: на грузовом троллейбусе отвозили брёвна в депо, распиливали циркулярной пилой и везли обратно. Расчистили участок от бурелома, а его было – мама, не горюй! Впоследствии мы ещё несколько лет использовали эти запасы на дрова и на ремонт дороги, по которой теперь не спеша можно было проехать даже на легковом автомобиле. Купили и смонтировали дизельную электростанцию. Но самое главное: нашли воду и пробурили скважину! И всё это – без какой бы то ни было помощи – только за счёт собственных сил и средств. Представляю, какие возможности имелись у врачей и учителей...

Сад разбили на участки, которых хватило всем желающим. Теперь по выходным депо выделяло безлошадным членам товарищества, а таких было большинство, автобус для поездки в сад.

По природе я – торопыга: такой характер, почему мне зачастую и поручали некоторые вопросы, которые требовали немедленного решения. Если я загорался полученным заданием – всё: искры летели из-под каблуков! Именно поэтому следующей весной наш собственный садовый участок мы разработали полностью: выкорчевали все пни, засадили плодовыми деревьями и ягодниками, поставили дом с большой верандой и русскую баню. Как я доставал материал на строительство – отдельная песня. Опять пришлось задействовать старые связи и знакомства по принципу: баш на баш, дашь на дашь.

Лихие девяностые. Вперёд – к капитализму или назад в будущее

14 января 1991 года правительство страны возглавил Валентин Павлов, занимавший ранее пост министра финансов, а девять дней спустя он начал денежную реформу. Государственные розничные цены с апреля девяносто первого выросли примерно в три раза, произошло резкое падение уровня жизни населения. Чтобы платить пенсии и зарплаты бюджетникам, государство вновь запустило денежный станок. В обращение были введены новые банкноты номиналами в двести, пятьсот и тысячу рублей.

В это непростое время произошли события, определившие всю мою дальнейшую трудовую деятельность.

Прежде всего, это – организация в депо частного предприятия, занимающегося строительными-ремонтными работами.

Случилось так, что мой студенческий друг Слава Берсе-нёв, который среди нас считался самым успешным, поскольку, ещё учась на четвёртом курсе, занимал должность заместителя директора Свердловского ликёро-водочного завода, должности этой своей лишился. А виной всему – его непомерная гордыня и амбициозность. Во времена тотального дефицита и развернувшейся антиалкогольной кампании должность заместителя директора «Ликёроводки» была сопоста-

вима с должностью заместителя директора «Уралмаша».

Не поделив с собственным руководством квоты на право распределения продукции завода, Слава не только потерял хлебное место, но, в качестве бонуса, получил волчий билет, и отныне любая приличная вакансия в городе была для него закрыта.

После продолжительного блуждания по предприятиям города Славе, как Максиму Горькому, впору было начать писать «Мои университеты».

Одним из таких университетов и стала для моего друга организация ремонтно-строительного кооператива. Некоторое время тому назад Слава создал и возглавил аналогичное предприятие при «Телефонстрое», но что-то дела у него там пошли неважно, и пришлось мне взять новоиспечённого кооператора под своё крыло.

Разумеется, я принял в этом деле самое непосредственное участие. Более того, для почина передал ему и пресловутую автостоянку. К тому же в это время уже вышло соответствующее постановление, запрещающее руководителям бюджетных предприятий совмещать руководство предприятиями коммерческими.

Объективная необходимость в создании при депо ремонтно-строительного кооператива имела, так как требовалось существенно увеличить объёмы выполняемых работ. Тем более, наше депо в то время шефствовало над несколькими детскими садами и яслями, руководство которых на

условиях взаимовыгодного сотрудничества решало вопросы устройства детей деповчан в садик. Несмотря на то, что несколько лет назад нами был введён в строй собственный детский комбинат на шесть групп на улице Коммунистической, он всё же не мог решить эту проблему полностью. Да и депо нужно было содержать в приличном виде.

Слава взялся за работу довольно резво. А тут как раз подспела очередь выполнять ремонтные работы в детских яслях на Донбасской, куда больше года назад пришла новая заведующая – Ирина Петровна.

Прежняя – Ракова Валентина Ивановна, сменившая на этом посту Плеханову Людмилу Ивановну, с которой у нас за долгие годы сложились тёплые, дружественные отношения, проработала в новой должности недолго: коллектив был сложный, и справиться с ним ей оказалось не под силу.

После того, как Валентина Ивановна обнаружила подсунутую под дверь её кабинета бумажку с угрожающей надписью «Уходи, а то хуже будет», медлить не стала: в бумажку был завёрнут белый порошок, и заведующая всерьёз испугалась, как бы недоброжелатели не устроили вредительства, подкинув отравы в кухонный котёл.

Уходя, Валентина Ивановна взяла с меня слово, что помогать новой заведующей, которую она и видела-то минут двадцать от силы, я не стану. Более того, у своего ближайшего окружения заручилась обещанием, что они уволятся следом за ней. Понятно, что увольняться никто не стал. Хотя нет,

как назло, смотали удочки как раз представители оппозиции. «Вот жопы!» – возмущалась обманутая в лучших ожиданиях Валентина Ивановна.

Я своего слова тоже не сдержал и, конечно, помогал подшефным всем, чем мог.

На приёмку объекта явился с двумя огромными букетами гладиолусов: один – для заведующей, другой – для завхоза Любовь Ивановны, у которой в тот день как раз был день рождения. Называлось это: зайти в гости.

Ирина Петровна, молодая и красивая, оказалась ещё и весьма неглупой. Она неплохо разбиралась в ремонтных работах и дотошно требовала от подрядчика обеспечить качественное выполнение технического задания. А потому весьма тактично, с шутками и прибаутками натыкала меня носом во все косяки и огрехи, допущенные Славиной бригадой. Грамотно чередуя кнут и пряник, Ирина Петровна выставила на стол в качестве презента пол-литра чистого медицинского спирта.

Схватить бутылку и уйти мне не позволило воспитание. К тому же и повод формальный, вроде, имелся: день рождения завхоза! Считаю, второго человека в детском саду.

– За это надо выпить!

– А мы не возражаем!

– А чем будем запивать?

– А чем запивают в детском саду? Компотом!

Хлебнув чистого спирта и запив его компотом из сухо-

фруктов, я растрогался и, положив руку на сердце, заверил ответственную Ирину Петровну, что все недостатки, допущенные на объекте, будут устранены незамедлительно. Она же, в свою очередь, до того прониклась ко мне признательностью и уважением, что спустя весьма непродолжительное время эти чувства переросли в нечто более сильное и, я бы сказал, интимное.

От окружающих наши отношения мы скрывали под грифом служебной надобности и производственной необходимости.

Всё это, конечно, шутка. А если серьёзно, на тот момент мой брак был уже простой формальностью, и, как это часто бывает, держался по одной причине: я не оставлял семью потому, что у меня были несовершеннолетние дети. Что такое стать сиротой при живых родителях, сам знал не понаслышке, и уготовить подобную участь своим детям не хотел и не мог, хоть и давно понял, что мы с Надей не подходим друг другу по многим критериям. Но взялся за гуж – не говори, что не дюж. Родил – воспитывай. И раз мы связали свои жизни, должны были нести эту ношу как минимум до совершеннолетия детей.

12 июня 1991 года Ельцин выиграл всенародные выборы на должность Президента РСФСР и катализировал процесс, названный впоследствии «парад суверенитетов».

19 августа 1991 года группа политиков из окружения Горбачёва объявила о создании Государственного комитета по

чрезвычайному положению – ГКЧП. Они потребовали от находившегося на отдыхе в Крыму президента Горбачёва введения в стране чрезвычайного положения или временной передачи власти вице-президенту Геннадию Янаеву. ГКЧП поддержали две союзные республики – Азербайджанская и Белорусская ССР, остальные акты ГКЧП отвергли.

Уже в первый день событий Ельцин, выступая с танка перед Белым домом, назвал произошедшее государственным переворотом, затем обнародовал ряд указов о непризнании действий ГКЧП.

Вернувшийся в сентябре с Западной Украины Игорь, который ездил в санаторий, рассказывал, как всего за одну ночь в центре города-курорта Трускавец – «жемчужины Украинских Карпат» – снесли памятник Ленину. Вечером он ещё стоял, а утром – как не бывало.

В сентябре девяносто первого мы с близкими по руководящему цеху товарищами зарегистрировали ТОО «Фобос», целью которого было занятие коммерцией, хотя у меня язык не поворачивается называть эту деятельность коммерцией. Скорей уж, спекуляцией – именно так это и трактовалось по советским законам, но пришли другие времена, и ты, ничего не производя, а торгуя разной дребеденью, считался коммерсантом – представителем новой формации.

Учредителями данного общества были: Сычѳв Геннадий Александрович – директор депо; Слава Пахомов – мой друг и поделник по забору, а в то время – заместитель началь-

ника «Автотехснаба», которым руководил Прудников Юрий Александрович; Толик Ижболдин – главный инженер одной строительной организации, его друг – главный инженер одной энергетической фирмы на Уралмаше и я. Как видим, публика вполне достойная.

Задачей моих партнёров было снабжать меня различными материалами, механизмами и прочим, а моя – организовать сбыт всего этого изобилия, благо в те тяжёлые времена всё было дефицитом и пользовалось спросом. Впоследствии как-то так сложилось, что и доставать и реализовывать пришлось мне одному, за редким исключением.

Но этого всего было недостаточно. Пытаясь расширить диапазон коммерческой деятельности и нарастить объёмы, вспомнил о Прибалтике. После моей командировки туда ещё в бытность главным инженером депо я оставил о себе неплохое впечатление.

Старые знакомые откликнулись практически мгновенно и приехали на новом «РАФ»е, полностью забитом женским бельём Рижского производства – в то время одним из лучших в бывшем Союзе.

«РАФ» был продан ими практически сразу и с приличным наваром, а вот остальной товар – оставлен мне на реализацию. Буквально под честное слово! Определили только сумму, которую необходимо вернуть.

Найти магазин для реализации этого богатства не составило труда, и всё было продано в одно мгновение! Многие,

наверное, помнят эти магазины начала девяностых – прообразы современных супермаркетов, на полках которых рядом с продуктами мирно, как в сельпо, уживались трусы и ботинки, книги и стройматериалы.

Позже – после развала Союза и закрытия границ – из Прибалтики пришло ещё два контейнера: с обоями. На тот момент у меня уже были небольшие оборотные средства, поэтому за товар я рассчитался быстро. Гораздо сложнее оказалось оформить растаможку. Дело это было новое и совершенно незнакомое. К счастью, оказалось, что одна из подруг Ирины с недавнего времени работает в таможене. Ничем особым помочь она, конечно, не смогла, но подсказала, в каком направлении нужно двигаться и куда обратиться. Всеми дальнейшими вопросами по декларированию и таможенному оформлению товара занималась уже Ирина.

С реализацией тоже не всё пошло гладко, но об этом – после.

Жизнь на два фронта влекла за собой дополнительные расходы, а, следовательно, требовала дополнительных средств, ведь ущемлять интересы семьи я себе позволить не мог, да и рост заработной платы не успевал за обесценивающимся рублём. Неожиданно помог случай.

В то беспокойное время многие пытались как-то подработать. Мои братья Толя и Валерик, которые уже обзавелись семьями и воспитывали по двое детей, устроились ночными сторожами в офис «Союза ветеранов Афганистана», ко-

торый тогда располагался в самом центре города на улице Добролюбова. Организация была создана для защиты прав воинов-интернационалистов и поддержки семей погибших военнослужащих.

В 1991 году СО РСВА развернулось: на площади Советской Армии афганцы заложили мемориал «Чёрный тюльпан», основали газету «Ветеран Афганистана», а при педагогическом институте, где на факультете физического воспитания и военной подготовки училась целая группа афганцев, открыли музей «Шурави».

Так как Валера и Толик зарекомендовали себя исключительно с положительной стороны, «афганцы» по протекции Толика согласились принять на работу их двоюродного брата Олега из Полевского – сына Васи и Оли, у которых жили мои братья после смерти матери.

Олег к тому времени окончил военное училище, но прослужил недолго, попав под сокращение. В Советском Союзе всюю шла гонка разоружений. Вслед за выводом войск из Афганистана, 12 сентября 1990 года канцлер ФРГ Гельмут Коль и президент СССР Михаил Горбачёв подписали договор, по которому все советские войска, дислоцированные на территории Германии, должны были покинуть её с конца девяностого по девяносто четвёртый год. Военные стране были не нужны! А Олег, несмотря на то, что был ещё довольно молод, уже успел жениться и обзавестись ребёночком. И семью надо было кормить!

Деньги за работу охранника, естественно, платили небольшие, но ни в какое другое место кузен устроиться не мог или не хотел, а потому начал подворовывать то, что ему поручалось охранять. Как в «Фитиле» – киножурнале советских времён: кто что охраняет, тот то и имеет.

В перечне товаров, экспортом которых было разрешено заниматься «афганцам», была медь. Вот на ней-то и остановил свой томный взгляд наш застенчивый воришка.

В одну из ночей, когда он дежурил на пару с Толиком, а тот отлучился поспать – такое практиковалось – Олежа загнал на территорию СВА машину и загрузил в неё всю лишнюю, как он посчитал, медь.

Утром, обнаружив пропажу, «афганцы» взяли Толика с дневной работы и учинили следствие в сочетании с акцией устрашения. Излишне говорить, что Олежа из города исчез, найти его не представлялось возможным, и только спустя несколько лет родственник объявился на северах.

Толику дали срок – надо сказать, довольно приличный – для того чтобы он либо доставил виновника на расправу, либо погасил ущерб. Поскольку гасить было нечем, в один прекрасный день братишка и возник на пороге моего кабинета. Упав в кресло и утирая слёзы, Толик просил помочь ему в поисках вороватого кузена: «Владик, они со мной такое сделают... Я просто не выдержу...» – закончил он.

По предположению Толика виновник его бед умотал к жене: она проживала у родителей в Казахстане – в городе Руд-

ный. Ехать предполагалось на машине, купленной мною у шурина. Благодаря своей теще, которая работала в горкоме партии Чайковского, он сумел достать новый автомобиль, а мне продал свою шестёрку. Самое интересное, что этот металлолом пришлось собирать буквально заново: поменять все крылья – они сгнили до дыр – и провести капитальный ремонт двигателя, который жрал масло чуть меньше, чем бензин.

После вынужденной продажи своей первой машины я так и не сумел купить ничего взамен, и только этот случай помог мне хоть как-то решить вопрос. Надо ли говорить, что взял я эту шестёрку по цене нового автомобиля: даже изъезженные машины в то время дешевле не продавались, а новые – с рук – стоили два с лишним номинала.

Кстати, слово «номинал» вошло в широкое употребление именно во времена перестройки. Продавая или покупая какую-либо вещь, обычно называли её «государственную» цену – номинал – а количество этих самых номиналов обозначало реальную стоимость: два номинала, три номинала. «Продаю по номиналу» значило: за что купил, за то и продаю.

Но я снова отвлёкся, а, между тем, Толика надо было срочно выручать. В ближайшие выходные мы с братом ринулись в Казахстан – на поиски проклятого расхитителя «афганской» собственности.

Половина дороги была мне знакома: как-то с Федей и бра-

том Валерой мы ездили по просторам Казахстана в поисках дикой вишни – в урожайные годы в лесных колках её бывает огромное количество.

В Рудный прибыли поздно вечером, но кузена дома не оказалось. Жена, по всей видимости, тоже не была расположена выдать место схрона. Оно и понятно: что ждало бы любимого супруга, появившись он на базе у «афганцев»? А страдания, в общем-то, постороннего Толи её не трогали. Кстати, в дальнейшем любимый супруг достойно отблагодарил жену за стойкость: бросил вместе с ребёнком. Но это так, к слову.

Утром, не солоно хлебавши, тронулись в обратный путь. Где-то в середине дня, проезжая через Кустанай, решили заскочить на базар – посмотреть, чем богат этот солнечный край. Удивлению не было предела: мясо и изделия из него были представлены в изобилии, от которого мы уже давно успели отвыкнуть, а цены – в два с лишним раза ниже, чем в Екатеринбурге – так с недавнего времени стал называться Свердловск.

Отправляясь в дальнюю дорогу, я выгреб дома всю наличность, поэтому располагал весьма приличной суммой. Мы с азартом принялись торговаться.

Не знаю, чем объяснить, но когда я начинаю заниматься каким-либо новым делом, очень быстро схожусь с людьми, от которых решение этого дела и зависит: на ловца и зверь бежит. Так произошло и в этот раз: моментально разговорились и познакомились с молодыми ребятами-оптовиками.

Они проявили большой интерес к Екатеринбург и некоторым товарам, которые можно было приобрести в нашем городе. В общем, в процессе общения обнаружилось, что мы можем быть очень полезны друг другу. Я сразу прикинул, как очень выгодно закрутить натуральный обмен, нужно только найти канал сбыта – на рынок ведь не попрёшься.

Загрузив мясом полный багажник, обменялись телефонами и покатали на родину. Дома забили морозилки под завязку, а всё, что осталось, я отвёз Ирине и предложил продать по той цене, которую она сочтёт целесообразной. Каково же было моё удивление, когда при следующей встрече Ирина передала мне сумму, значительно превышающую ту, что мы затратили, и кучу заказов на будущее. Вот так это нечаянное путешествие послужило началом регулярных рейсов.

Нет худа без добра. Таможня даёт добро

Деньги моих вновь приобретённых партнёров не интересовали – только товары, бывшие в дефиците на территории Казахстана. Инфляция в те годы скакала галопом.

Вот небольшой пример. Как-то раз мы с Ириной поехали на Богдановичский фарфоровый завод: детскому саду нужна была недорогая и прочная посуда из полуфарфора, купить которую удобнее и выгоднее было непосредственно на производстве. Приехали. Выписали счёт.

Пройдясь по цехам и ознакомившись с ассортиментом, решил взять на реализацию несколько столовых и чайных сервизов – посмотреть, как пойдёт. Посуда ушла махом, правда, маржа оказалась не слишком большой. Тем не менее, в следующий раз, когда отправились получать товар для детского сада, взял ещё несколько коробок. И попал: отпускная цена завода выросла, и сервизы, которые стояли в магазинах, не находя сбыта по причине их высокой стоимости, теперь оказались дешевле, чем взятые непосредственно с завода! Такого я не ожидал! Товар завис!

Зато в Казахстане он оказался весьма востребован, как и водка «Распутин», и спирт «Ройял», которых в Екатеринбурге было – хоть запейся.

По пятницам после работы, предварительно созвонившись с партнёрами и забив машину по самую крышу, в ночь уходили на Кустанай, где нас уже ждали с распростёртыми объятиями. Цену привезённого товара переводили в мясо, грузились и отправлялись в обратный путь, чтобы в субботу вечером быть дома.

Ездил я обычно с Толиком. У меня уже имелось несколько каналов сбыта, у Толика к тому времени появился «Москвич» и объёмы, как и прибыль, естественно, удвоились. К сожалению, это мясоторговое благополучие длилось недолго: с декабря мы с казахами стали жить в разных государствах, а ещё некоторое время спустя нас разделили границы и таможенные посты. Советского Союза больше не было.

Накануне Нового Года поступил звонок из Казахстана: нашим молодым компаньонам нужен был алкоголь, причём, на каких угодно условиях. Оно и понятно: впереди праздники, а водки ёк. Пришлось срочно собираться.

Одна существенная деталь: все эти богатства нас просили поставить в долг, пообещав отоварить говядиной после Нового Года. Причём, с приличной скидкой! Прикинув то количество мяса, которое мы должны были получить в результате этой сделки, я понял, что его будет сложно уместить даже на двух машинах, поэтому решили задействовать «Мультикар». В своё время я помог Феде Буранову приобрести этот мини-грузовичок. Конечно, скорость больше сорока километров на нём развить сложно, тем более по засне-

женной дороге, но подумали, что в сопровождении «Жигулей» и «Москвича» как-нибудь справимся.

Толькин «Москвич» под завязку забили спиртным, добавив туда и несколько коробок с сервизами, продать которые в Екатеринбурге из-за сумасшедшей инфляции было просто нереально: отпускная цена завода росла быстрее, чем проводилась переоценка в магазинах.

Выехали, как всегда, вечером – за сутки до Нового Года, рассчитывая вернуться в аккурат к праздничному столу. Федю тоже взяли с собой, во-первых, чтобы он познакомился с трассой, а, во-вторых, чтобы обтаскался с опытными водителями, так как права получил буквально на днях.

Толик сел за руль, Федя – рядом, пристроив в ноги две коробки «Распутина», а я едва втиснулся на заднее сидение.

Всё расстояние до теперь уже границы ехали без приключений, весело. После пропускного пункта место за рулём, согласно плану, занял Федя. Он очень уверенно переместился на водительское сидение и резко ударил по газам. Мы с Толиком очумели:

– Э-э, Федя! Ты что делаешь?! Давай успокойся и не гони! Зима, резина у машины нешипованная!

В то время достать шипованную резину даже мне при всех моих знакомствах было проблематично: такой это был дефицит! На свои «Жигули» я смог поставить только заднюю пару.

Не слушая нас, Федя гнал, не снижая скорости, демон-

стрируя тем самым, какой он крутой водитель, и на одном из поворотов вместо того, чтобы скинуть газ, так надавил на педаль, что машину закрутило волчком и выбросило с дороги. Слава Богу, это был не Средний Урал, а Казахстан, и дорога шла практически по голой степи!

И надо ж такому случиться, что на этой благодатной земле, в чистом поле, именно на этом самом месте какой-то нерадивый тракторист бросил заднее колесо трактора «Кировец», которое лежало себе незаметно, заметённое снегом. Но Феденька аккуратно и точно нащупал его радиатором «Москвича» и остановился!

Ни одна бутылка водки, ни одна фарфоровая чашка не разбились, и это служит лишним подтверждением тому, что в нашей жизни плохое всегда чередуется с хорошим! Да, попали в аварию, но улетели в чистую степь, а не врезались в скалу! Да, пережили несколько неприятных минут – зато какая радость, что всё наше имущество, до последней чашки, цело! Да, «Москвич» придётся как-то вытаскивать на дорогу, а тут, как на притчу – проходящий «КАМАЗ»! Вытащили!

И только, обследовав машину, мы поняли, что путешествие закончилось! Радиатор был пробит, тосол вытек – короче, закон чередования плохого и хорошего продолжал действовать!

Не зря же говорят: если не повезёт, то и на родной сестре триппер поймашь...

Оглядевшись вокруг, мы заметили на повороте, слева от дороги, дома. Судя по всему, это был какой-то колхоз или отделение совхоза. На окраине, метрах в пятистах, виднелся большой ангар. Вот туда мы и ринулись, благо, за столь короткое расстояние двигатель перегреться не мог.

Парочка обитателей ангара с воодушевлением готовилась к встрече Нового Года, и мы со своим грузом оказались весьма кстати. Загнав машину внутрь, обрисовали мужикам ситуацию, рассчитывая на помощь, но увидели на их лицах только сомнение: этот ангар был последним осколком развалившегося колхоза, ремонтная база которого была разрушена давным-давно .

К счастью, в помещении оказалось сравнительно тепло, а это уже немало. Распечатав коробку «Распутина» и вручив принимающей стороне литровую бутылку водки, я заручился обещанием, что мужики окажут моим спутникам поддержку, а если вдруг найдётся какое-либо решение, то и помощь в производстве ремонта.

Сам же, не надеясь на «авось», решил подстраховаться и пригнать из Екатеринбурга свои «Жигули». Оставив Толику и Феде координаты наших казахстанских компаньонов на случай, если они вдруг в моё отсутствие всё же отремонтируют «Москвич», я бегом рванул обратно на дорогу.

И вот, понимаете, как хотите: посреди чистого поля из пурги на меня выскочил «Урал», везущий вахтовую бригаду прямо в Челябинск! Не надо объяснять, что принят я был

очень тепло и уже в середине дня высажен из вахтовки в аккурат у вокзала, который в Челябинске является одновременно и автовокзалом. И снова удача: Екатеринбургский автобус, который отходит буквально через несколько минут!

Уже во второй половине дня, не заходя домой, я влетел к себе в кабинет, схватил запасные ключи от гаража и спустя буквально полчаса катил обратно в сторону Челябинска! Бак автомобиля был полон, а в багажнике плескалась сорокалитровая канистра с бензином. Таковы суровые реалии времени: бензин тоже был дефицитом, а потому у меня в гараже всегда стояла бочка со стратегическим запасом.

Обратный путь прошёл довольно удачно: все хорошие люди уже праздновали Новый Год, а их, как известно, на свете больше, поэтому дорога была свободна и от гаишников, и от транспорта.

Открыв двери ангара, я поначалу решил было, что в глазах у меня двоится или даже троится от усталости и голода: количество присутствующих заметно возросло. Здесь уже всю кипело веселье, как в том анекдоте: люди-то уже празднуют, а у меня ни в одном глазу! Лишь узрев Толика, плавно покачивавшегося в обнимку с одним из новых приятелей, и Федюню, без чувств распластавшегося на лежанке, я понял, за чей счёт банкет! Из шести литровых бутылок водки уцелела только одна. Пять, как потом выяснилось, были выкушаны нашими радушными хозяевами в компании с моими спутниками.

Воспроизводить свой художественный мат не стану. Во-первых, он непечатный, а, во-вторых, сегодня мне вряд ли удастся достичь той степени накала, до которой я дошёл тогда, и которая явилась прекрасным стимулятором матерного творчества.

В течение нескольких минут при помощи тех, кто ещё хоть как-то держался на ногах, я перегрузил весь товар в свои «Жигули», не забыв прихватить и оставшуюся бутылку водки, которую мои предприимчивые помощники попытались, было, заныкать. Пинком под зад закинул в оставшийся свободным уголок на заднем сидении Толика – как наименее пострадавшего, а потому наиболее перспективного, и немедленно стартанул в сторону Кустаная.

Рано утром первого января нового, девяносто второго, года я въехал в город. Не на белом коне, а на тёмно-синей «Шестёрке». Зашёл в первое попавшееся общежитие и попросил у вахтёрши разрешения позвонить: мобильных телефонов тогда ещё не было, а терять время на поиски телефона-автомата я не хотел.

Компаньоны ждали нас со вполне понятным нетерпением: всё «горючее» у них уже давно закончилось, нас нет, и неизвестно, приедем ли теперь вообще, ведь случиться могло всякое...

И тут – о, радость! – звонок! Да не откуда-нибудь, а из их собственного города!

Надо ли говорить, что не прошло и двадцати минут, как

наши партнёры на такси прилетели принимать товар. Разгрузив машину и договорившись о том, сколько мяса заберу в следующий рейс, безо всякого перекура рванул в сторону Родины.

Толик к этому времени, вроде, пробыгался, поэтому, выехав из города, я посадил его за руль, уповая на то, что в степи, да ещё на утро после Нового Года ГАИ нам не встретится.

К середине дня с Божьей помощью добрались до Ангара (теперь уж с большой буквы). Федюша с трудом перебрался в автомобиль и лежал на заднем сидении синий и, казалось, бездыханный, только иногда срываясь на воздух – так его мутило. Никакой помощи от нашего страдальца ждать, естественно, не приходилось – довести бы живым до дому! Уж больно плохо он выглядел!..

Молил только, чтоб я дал ему хотя бы сто грамм, уповая, видно, на то, что последнюю бутылку из початой коробки я всё же оставил на опохмелку. Да и остальные участники действия глядели на меня с жадным любопытством, надеясь на продолжение банкета.

Толик уже практически пришёл в норму, но вот как доставить домой его «Москвич»? Тащить на буксире – очень далеко!

Открыв капот, я ещё раз убедился, что радиатор можно выбрасывать...

Но вдруг в глаза бросился большой бачок омывателя лобового стекла! А что, если попробовать? На улице – минус

двадцать! Авось проскочим?!

Наши новые приятели насобирали всё, что смогли: какие-то шланги, штуцера, прокладки, и мы с Толиком довольно быстро – мастерство не пропьёшь – модернизировали систему охлаждения двигателя, замкнув её на бачок омывателя и полностью выкинув из системы радиатор.

Вынув из под капота все утеплители двигателя и запасшись водой, договорились, что Толик поедет впереди, включив печку на полную мощность, чтобы максимально оттянуть тепло от двигателя в салон. Приготовили и буксировочный трос на случай перегрева двигателя. Федюшу оставили на заднем сидении «Жигулей», снабдив запасом полиэтиленовых пакетов для удовлетворения естественных нужд, и двинули до дому.

Как ни странно, но всё прошло неплохо. Дорога была без больших подъёмов и спусков, поэтому старались как можно больше идти накатом, используя силу инерции – так двигатель меньше грелся. В первый раз остановились только после Троицка, чтобы долить систему водой.

Челябинск проскочили, практически не задерживаясь на перекрёстках, благо, народ отсыпался после вчерашнего, и на улицах было пусто.

Поздно вечером добрались до Екатеринбурга и, бросив машины около диспетчерской, на дрожащих ногах кинулись по домам встречать Новый Год!

Почти двое суток за рулём, не спавши и не евши – зато

все обязательства выполнены. . .

После праздников, получив сообщение от партнёров, снова двинули в Казахстан. Ехали таким порядком: Федя и Толик на «Мультикаре» – впереди, я на «Жигулях» – сзади. Причём, периодически они менялись: пока один сидел за рулём, второй отогревался у меня в машине. Мороз был приличный, в «Мультикаре» – довольно холодно, Федю спасали только унты – сапоги из собачьей шкуры, поэтому и за рулём он находился дольше, чем Толик.

До Троицка доехали без происшествий, а вот на пропускном пункте через границу произошли некоторые изменения, неприятно нас удивившие: машины пропустили без задержек, но при этом осмотрели и багажник, и кузов, чего раньше никогда не делали.

В Кустанае затарились мясом и курятиной, но по нашим расчётам этого оказалось недостаточно для покрытия долга. Компаньоны объяснили, что больше закупить пока не смогли и предложили компенсировать разницу местной валютой – тенге. Тут, как говорится, без вариантов: произвели перерасчёт и забрали деньги.

На прощание парни предупредили, что машины с российскими номерами досматривают даже на трассе – так подтвердились наши худшие опасения: никаких документов на груз у нас не было!

Тронулись в обратный путь. Теперь уже я ехал на «Жигулях» впереди, а Толик и Федя на «Мультикаре» – за мной. На

подъезде к какому-то крупному населённому пункту я получил видимое подтверждение словам компаньонов: имел возможность понаблюдать, как осуществляется досмотр транспорта сотрудниками автоинспекции.

Пришлось остановиться и провести экстренное совещание. Посовещавшись, решили, что я отвлеку внимание представителей власти, а в это время мои спутники на «Мультикаре» попробуют проскочить пост.

Подъехав к посту, я выскочил из машины и попросил инспекторов помочь мне разобраться в работе двигателя, так как проскакивает какой-то посторонний звук. Открыв капот, гаишники активно начали прослушивать работу мотора, советоваться друг с другом, а я крутился возле них, всячески отвлекая внимание от дороги, пока Феденька на скорости сорок километров – выжать из этого грузовичка больше нельзя было при всём желании – полз мимо.

Наслушавшись советов, последним из которых был: обратиться в автосервис по такому-то адресу, я, повинувшись взмаху милицейского жезла, благополучно отбыл в указанном направлении. Сделав небольшой крюк через посёлок, снова вышел на трассу и присоединился к своим спутникам.

Подъехав к границе, понял, что здесь этот фокус у нас не пройдёт: шерстили всех подряд.

Решили дождаться глубокой ночи или даже утра, когда таможенники – тоже, ведь, люди – утомонятся и лягут поспать.

Расположившись так, чтобы с поста нас не было видно, пе-

ребрались в «Жигули»: отдохнуть, подкрепиться, да и просто погреться. От тепла и горячего чая разомлели и даже начали клевать носами.

Из этого расслабленного состояния нас вывел «ГАЗ»ик с маячком на крыше, подъехавший со стороны границы. Видимо, таможенники на сон грядущий зачищали прилегающую территорию от контрабандистов-любителей: оказались умнее, чем мы полагали. Подошли и вежливо поинтересовались, что это мы тут делаем, а потом заглянули в кузов!..

Дабы не обострять ситуацию, пришлось всё честно рассказать, а чтобы сделать встречу совсем уж приятной, я вытащил всю заграничную наличность – зачем мне в Екатеринбурге тенге? – и предложил их работникам таможенного поста. После несложной процедуры передачи денежных средств мы без дальнейших проблем покинули земли сопредельного государства и устремились на Родину, а вечером следующего дня достигли конечного пункта нашего путешествия – территории Орджоникидзеvского троллейбусного депо.

Таким был наш последний рейс в Кустанай. Наученные горьким опытом, мы справедливо предположили, что в скором времени граница начнёт работать полноценно, и вывозить товар без соответствующих документов выйдет себе дороже. Для того, чтобы этот вид деятельности оставался рентабельным, необходимо было ставить его на легальные рельсы и наращивать объёмы, а, следовательно, с головой погру-

жаться в мясоторговый бизнес, чего мне, честно говоря, совершенно не хотелось. Да и совмещать его с основной работой было нереально. Поэтому наши экономические связи с бывшей братской республикой прервались.

Вот так прошёл девяносто первый год. Это непростое время формировало во мне всё большую самостоятельность и предприимчивость. За минувший год чем я только ни торговал, уже начал входить во вкус, почувствовал интерес к коммерческой деятельности, но особого удовлетворения не получал, хотя, конечно, в смысле материальном это было больше, чем я имел бы, работая только в депо. Но всё как-то мелко, что ли. Я знал, что могу решать более важные и масштабные задачи, а тут получалось какое-то нарожение дисквалификации.

Хотелось попробовать себя на новом поприще. Останавливало только то, что за моей спиной было двое детей и неработающая жена: трудно шагнуть в неизвестность от пусть небольшой, но гарантированной зарплаты, когда на тебе лежит такая ответственность.

Рекламодатели и рекламопроизводители

На решение уйти из ТТУ и заняться организацией своего дела повлияли два события. Однажды зайдя по приглашению директора депо к нему в кабинет, я увидел двух приятных молодых людей, внешне очень похожих друг на друга. Это были братья Ножины: Дмитрий и Павел.

Они пришли к Сычёву с предложением: начать размещать в салонах троллейбусов рекламу кооперативов и других частных предприятий, которые в то время росли, словно грибы после дождя, а вот об их деятельности и предлагаемых товарах и услугах знали немногие.

Братья Ножины предложили проект рекламных конструкций под размещение материалов А2 и А3 форматов. Все вопросы по финансированию изготовления рекламных конструкций и размещению рекламных листовок, а также поиску заказчиков они брали на себя. Кроме того, обещали ежемесячно выплачивать депо арендную плату. Единственное, просили, чтобы она не была чрезмерной, так как дело новое, и пока они могут только предполагать возможный уровень доходов.

Строго говоря, именно Дмитрий и Павел Ножины были пионерами в этом виде рекламы в нашем городе.

Был подписан договор о сотрудничестве, по которому мы изготовили и смонтировали металлические конструкции. Наши партнёры выполнили свою часть обязательств по договору, и буквально через несколько месяцев количество конструкций пришлось увеличить, так как резко увеличилось количество заказчиков.

Впоследствии на тех же условиях были оборудованы рекламными стендами остальные депо, и где-то через полгода данный вид услуг занял своё достойное место в рекламном пространстве города. Следом за ТТУ его внедрили и на автобусах.

Братья Ножины организовали рекламное агентство «Карина».

Вторым толчком послужило появление заказчиков наружной рекламы на транспорте.

Одним из первых разместил рекламу своего детища на новых троллейбусах-сплотках Орджоникидзевского депо известный в городе авторитет и предприниматель Николай Широков. Целый год Уралмаш мог наблюдать эти троллейбусы с логотипом «Урал-Регион».

А на троллейбусах Октябрьского депо красовалась реклама первого в городе казино «Космос», которую проплатил другой авторитет и предприниматель – Олег Вагин.

Правда, некоторое время спустя наши первые рекламодатели погибли.

Примерно в это же время к нам обратились заказчики –

молодые ребята – которые хотели разместить на бортах рекламу изделий своего камнерезного предприятия: сувенирной и ювелирной продукции. Работы по нанесению рекламы выполнялись по их собственным эскизам, и, нужно отметить, весьма качественно, а ведь ни о каком полноцвете мы в те времена и понятия не имели: только краска, буквально, живопись по металлу!

На подписание акта выполненных работ ко мне в кабинет они явились с двумя сумками и начали выкладывать на журнальный столик изделия из поделочного камня и ювелирку: бусы и броши, кольца и серьги и что-то ещё – я уж и не помню. Дав мне время обзреть всю эту красоту, один из них сказал:

– Владислав Михайлович, у нас есть техника, исполнители, сырьё. Идите к нам директором!

Вот такой поворот! Довольно продолжительное время мы обсуждали эту тему: они приводили свои аргументы, я – свои. Расстались с условием, что я ещё подумаю и дам ответ.

Ответа положительного я так и не дал, и ещё года полтора – два после этого случая продолжал работать главным инженером. Особого интереса к работе уже не было, но и решимости, чтобы уйти, не хватало. Ещё одним направлением моей деятельности в «Фобосе» – с разрешения Сычёва – стала работа по поиску заказчиков и размещению рекламы на троллейбусах Орджоникидзевогo депо. С этим делом я справлялся довольно хорошо, и вскоре многие троллейбусы

оказались заняты под рекламу.

В этот период произошёл ещё один неприятный случай. Однажды, возвращаясь в свой кабинет после очередного инструктажа водителей, я встретил в приёмной двух молодых ребят, которые вежливо попросили разрешения зайти в мой кабинет. Могли, конечно, и не просить: дверь была открыта всегда любому и в любое время, если я, разумеется, находился на месте. Никаких часов приёма не было.

Ребятки скромно представили удостоверения сотрудников ОБХСС и так же скромно попросили разъяснить, какая машина приходила вчера на территорию депо, что сюда привезла и что и когда отсюда увезла. Я терпеливо и доходчиво ответил на все эти вопросы. Старался быть спокойным, но в душе поднималась огромная волна негодования: хотелось растоптать и разорвать эту систему на части! Подполковник Насибулин, зарывший в депо соглядатая, ушёл на пенсию. Начальник Орджоникидзевского ОБХСС Махмутов был переведён в транспортную милицию в звании полковника. Пришло новое поколение оперов, но, видимо, агента передали им как эстафетную палочку – вот он и продолжал выполнять свою миссию: стучал, как дятел.

Парни извинились и уже направились к выходу, когда я остановил их и попросил задержаться:

– Ребята, вы и ваши руководители на мне уже диссертацию можете защитить! Вы уже больше десяти лет меня пасёте – и что нашли? Ни-че-го! И не найдёте! Неужели не по-

нимаєте, что не ворую я?!

Парни ещё раз извинились и сказали:

– Больше мы к Вам не придём.

И это было правдой: последние два года ОБХСС меня уже не тревожил.

К чести «афганцев», самые страшные опасения Толика не сбылись: брата не стали гноить, понимая по его действиям, что он пытается, но не может найти вора. Какое-то время Толя ещё нёс свою охранную службу бесплатно, отработывая причинённый ущерб, но через некоторое время всё же уволился, разумеется, с согласия своих работодателей.

В январе девяносто третьего года я – после долгих колебаний – принял, наконец, решение: получив очередное предложение о смене места работы, совсем было собрался перейти на Ремонтный Трамвайно-Троллейбусный завод, но Геннадий Александрович, узнав об этом, посоветовал мне не торопиться, потому что со мной хотят встретиться все начальники депо. И вот в один из вечеров мы собрались в кабинете у Сычёва. Посидели, поговорили откровенно, по душам, и начальники предложили мне заняться организацией размещения рекламы на всём подвижном составе Трамвайно-Троллейбусного Управления.

Ситуация здесь складывалась следующим образом. Если в Орджоникидзеvском депо вся реклама размещалась через «Фобос», то в Октябрьском и Южном рекламу на бортах делали силами депо, а финансировали её «центровые». Вот на-

чальники и предположили, что если и дальше продолжится в том же духе, всё производство окажется под контролем ОПС, а потом и сам Господь Бог не знает, что будет.

Говорили начальники долго, проникновенно, обещали всяческую поддержку – только бы не дать запустить «центровых», которые проявляли живой интерес к этому вновь нарождающемуся бизнесу. Рефреном звучали слова: а на завод ты всегда успеешь – тебя возьмут!

Как оказалось, на эту встречу их благословил сам начальник ТТУ Сергеев Геннадий Степанович.

Я подумал и согласился: захотелось, как и при открытии Орджоникидзевского депо, начать дело с нуля.

Решили так: все договоры с рекламодателями будут заключаться от имени депо, туда же, соответственно, будет поступать оплата. Далее, открывив часть денег себе в качестве аренды, депо перечисляют оставшиеся суммы на счёт «Фобоса».

В то время многие – да, практически, все – посчитали меня сумасшедшим, полагая, что в такое тяжёлое время наплевать на повышение, оторваться от бюджетной кормушки и уйти в неизвестность может только идиот. Десять лет спустя тональность высказываний поменялась на диаметрально противоположную: многие сочли, что для этого дела много ума не надо – справится даже идиот. Они бы, например, тоже смогли.

Проработав год под крылом Фобоса, я понял, что это – не

вариант: нужно организовывать новое предприятие. Вот так и зародилось закрытое акционерное общество «Эскиз-регион», на момент создания которого я отработал в ТГУ – на разных должностях – почти двадцать два года, восемь из них – в должности главного инженера Орджоникидзеvского депо. А впереди ждала неизвестность.

Моей бабушке,

Погадаевой Прасковии Григорьевне,

посвящается

Прожитое, что пролитое – не воротишь.

Пролог

Погадаевы

– Венчается раб Божий Матвей рабе Божьей Параскеве! – голос священника набирает силу. В церкви жарко, меховые воротники прихожан – в каплях растаявшего снега.

– Венчается раба Божия Параскева рабу Божьему Матвею!

В толпе – тугой гул, как под крышкой улея:

– Слыхали? Жених-то невесту увозом взял. Подкараулил на улице, да в кошёвку. А посля такого только и одно, что прикрыть грех венцом...

– Знамо, от такого посрамления и до петли недалеко. А чего ж так-то? Аль родители супротив?

– Невеста не схотела. Их у родителя-то, у Григория Петухова, четыре девки да сын Иван. Старша дочь Татьяна, две средни: близняшки Анна да Прасковья, и меньшая – Анфиса. Так девки-то больно балованы.

– Да будет вам трёкаться, ушники! Всамделе Матвей-то к Анфиске сватался! А Анфиска-то в попадьи ладится, так Матвейке от ворот поворот и вышел, ну, знамо дело, в попадьях-то оно для жизни способнее. Тако что Прасковья сама согласие дала.

– Ну, ты и ботало! Анфиска-то ещё дитё совсем...

– Ой, бабоньки, да какая ж девка такому соколу по своей воле откажет?..

Действительно, был Матвей Погадаев красив какой-то нездешней, немужицкой красотой: тонко выписанное лицо с пухлым, капризно изогнутым ртом той самой формы, что скульпторы называют «лук амура», прямой нос с изящно вырезанными ноздрями. Глядел и впрямь соколом. Под стать ему была и Прасковья со строгим иконописным лицом, обрамлённым кружевом фаты.

* * *

Так или иначе, а только зажили Матвей да Прасковья в деревне Походилова под Екатеринбургом вполне справно. Своё поле обрабатывали, свою скотину держали: тройку лошадей, двух коров и прочую живность без счёту.

А в девятьсот десятом году народили сына и дали ему имя Михаил. Крестили маленького Мишу в новом Походилов-

ском храме, освященном во имя благоверного великого князя Александра Невского.

В обращении с женой и сыном Матвей был крайне суров. Единственного сыночка Мишу, как и всех деревенских, с детства приучал к труду. Запрягать лошадь, пахать, косить, метать сено в стога, ходить за скотиной – эти нелёгкие работы Мишаня освоил вполне, а вот учёбе места отводилось немного, потому и образования отхватил всего четыре класса, впрочем, по тем временам это считалось вполне достаточным.

* * *

По осени, после завершения всех полевых работ, Матвей плёл несколько пар лаптей. Лыко драл сам. Сам готовил котомку со съестным, прощался с семьёй и пешком по грунтовым дорогам шёл в Верхотурье помолиться Симеону Верхотурскому и другим святым. Замаливал грехи. Шёл только пешком туда и обратно, изнашивая при этом все сплетённые лапти, а он точно знал, сколько их нужно запасти. Приходил просветлённый, уже по первому снежку. И вот тут начинались аттракционы.

Работы по хозяйству было уже немного, справлялись жена с сыном, а Матвей уходил в загул. Он, как только выпадало достаточно снега, запрягал в кошёвку тройку лошадей и уезжал в Екатеринбург, где в трактире напивался до одури.

Но самое главное – не это. Когда Матвей возвращался домой и с гиком мчался на тройке по деревне, жена долж-

на была успеть распахнуть ворота, чтоб он влетел во двор на полном ходу. Если же Прасковья задерживалась, Матвей брал плётку в одну руку, наматывал женину косу на другую и нещадно избивал супружницу. Чтобы исполнить ритуал встречи, Прасковья ночи напролёт сидела у окна и ждала, когда её благоверный с криком влетит в деревню. Так сказать, бессменное дежурство: он ведь не сообщал, в какой день и час явится. И телефонной связи тогда не было. Попробуй, угадай, как скоро твой ненаглядный нагуляется и прибудет домой.

* * *

Несмотря на то, что пряталась деревня вдалеке от дорог среди глухих лесов – про неё так и говорили: походи-походи, может, и найдёшь Походилову – эхо событий семнадцатого года докатилось и до этих мест.

Революцию Матвей принял, распорол женину то ли юбку, то ли кофту красную, соорудил флаг и с этим флагом гордо прошёл по деревне.

Да, откалывал Матюша трюки.

Мишка-то, сынок, в этом плане был послабже, но своих трёх жён, видать, по примеру отца, держал в строгости и гонял как сидоровых коз. Особенно, когда напивался.

В первый раз отец женил Мишаню в восемнадцать лет. Родили они с женой двоих сыновей, да только умерли те во младенчестве.

К тому времени Матвея, которому с приходом революции

и отменой страха Божьего все пути оказались открыты, уже кружило, словно щепку в водовороте: всё хозяйство этого «революционера» пошло прахом, семья распалась. Михаил остался при матери, а Матвей растворился в сплошных загубах. В последние годы жизни он обитал где-то в Екатеринбурге, в его трущобах, и был похоронен на Михайловском кладбище. Могилу его уж и не найти.

* * *

Сестра Прасковьи Анфиса вышла замуж за священника и сделалась попадьёй. Судьба её поначалу складывалась удачно: в Походилове, большой и богатой деревне, где насчитывалось более трёхсот дворов, жизнь батюшки и его семьи была вполне сносной. Уцелели они и в непростое время Революции, и в Гражданскую Господь уберёг. А, может, у Советской власти просто руки до них не дошли. К тому же пряталась Походилова в глухом бору, про неё ведь так и говорили: «Походи, брат, походи – найдёшь Походилову»...

Но пришёл и их черёд: в двадцать девятом году в Походилове был организован колхоз, а в начале тридцатых по стране прошла очередная волна гонений на веру: повсеместно закрывали церкви и монастыри, монахов арестовывали и отправляли в лагеря и ссылки.

«Служители культа» уже с восемнадцатого года находились в новом советском сословии «лишенцев», то есть не имели права участвовать в выборах, получать медицинскую помощь и продовольственные карточки, пенсию и пособие

по безработице, а начисляемые на них налоги были выше, чем для остальных граждан Республики. Дети «лишенцев» не могли получить образование выше начального.

Да, в конце концов, и это можно было бы преодолеть, но священнослужителей вновь начали ссылать и отправлять в лагеря. Забирали и высылали целыми семьями – на севера, в безлюдные места. Привозили пароходами, выгружали на берег и оставляли выживать. Голод, холод и эпидемии довершали начатое: выдерживали немногие. Особенно тяжело приходилось семейным клирикам, ведь в первую очередь умирали дети.

Поэтому, когда мужа забрали, матушка Анфиса не стала дожидаться ареста, а, собрав уцелевшее после обысков и национализации барахлишко, с двумя детьми бежала в Свердловск, так как в большом городе затеряться было легче.

Разумеется, устроиться на завод или в контору, не имея соответствующих документов, она не смогла, а посему перебивалась случайными заработками. Когда всё прихваченное из дому было продано и проедено, перед семьёй встала угроза голодной смерти. Осознавая безвыходность положения, Анфиса сама отвела детей в детский дом, строго-настрого запретив им говорить о том, кто их родители, ибо дети репрессированных и в детских домах считались низшей кастой и подвергались унижениям и издевательствам.

* * *

Между тем, Миша Погадаев удачно вписался в новую ре-

альность и как человек, выросший при советской власти, был твёрдо уверен в том, что всё идёт так, как и должно идти: сначала комсомол, затем – ВКП(б), а потом – куда партия пошлёт. Нужно укреплять пожарную безопасность – его направляют руководить пожарной бригадой в Добрянку; нужно поднимать лесную промышленность – отправляют на Платинский лесучасток; нужно насаждать культуру – назначают руководителем клуба на этой самой Платине. Вот такой менеджер-универсал с четырьмя классами церковно-приходской школы.

На фронт Михаил не попал, лишившись – ещё до войны – правого глаза.

Трембовецкие

Трембовецкий Никифор Яковлевич – поляк по национальности, и его супруга Бойко Евдокия – украинка – проживали в селе Писаревка, что находится в двенадцати километрах от станции Кодыма, под Одессой. Никифор Яковлевич служил директором спиртзавода, Евдокия уверенной рукой вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием единственной дочери Оленьки, которая родилась летом двадцать четвёртого года. Их дом в Писаревке, который цел и по сей день, был, что называется, полной чашей.

Всё кончилось разом. Никифора Яковлевича взяли по сфабрикованному ГПУ делу «Союза освобождения Украины», видимо, по национальной принадлежности, но, поскольку к украинской научной интеллигенции, для дискре-

дитации которой и был затеян данный процесс, он имел отношение более чем косвенное, ограничились высылкой за пределы Украины.

Евдокия, подхватив дочь, отправилась следом за мужем в далёкую Сибирь, про которую знала только одно, что когда-то, ещё при царском режиме, туда ссылали каторжан да революционеров. Но сказать: следом за мужем – легко, а найти этот след гораздо труднее. Неведомыми путями она узнавала, где предположительно находится супруг, а, узнав, переселялась туда и, чтобы хоть как-то выжить, занималась натуральным хозяйством. Евдокия даже научилась лазить на кедровые шишки – так они с дочерью добывали кедровые орехи. Вдвоём с маленькой Олей пахали, сеяли хлеб и даже гречиху выращивали, что по местным природным условиям было просто невероятно.

Наконец Никифор Яковлевич оказался в Кривошеинском районе Томской области на должности заведующего сельхозотделом. Но в августе тридцать седьмого года его арестовали и спустя три месяца расстреляли как участника контрреволюционной шпионско-диверсионной организации. Так семья навсегда потеряла его след: сколько бы ни писали, сколько бы ни наводили справки – всё было напрасно...

В сорок четвёртом году, потеряв всяческую надежду на возвращение Никифора, Евдокия вышла замуж во второй раз. Её новый муж, Харченко Сергей, тоже отсидел в сталинских лагерях и после смерти первой жены остался один

с тремя детьми, которых они с Дусей стали растить вместе, поселившись в большой деревне Ярино Пермской области.

* * *

В сорок втором году дочь репрессированного Никифора Трёмбовецкого, которой тогда едва минуло восемнадцать, познакомилась с ссыльным одесситом Теплицким. Спустя некоторое время его забрали на фронт, а через два месяца, в январе сорок третьего, Ольга родила кучерявого темноглазого мальчика, которого назвала Юрием.

После войны Юрочкин отец прислал Оле вызов в Одесу, но она не поехала. Вроде как, мать не пустила, но, скорее всего, причина была совсем в другом: в конце сорок пятого Оля снова была беременна. На этот раз отцом ребёнка был идейно выдержанный и морально устойчивый коммунист Погадаев Михаил Матвеевич, тридцати пяти лет отроду, бездетный и свободный: с первой женой к тому времени он уже успел развестись.

Лето послевоенного сорок шестого года в Пермской области выдалось на удивление щедрым на всякую лесную ягоду. Во второй день августа Оля, будучи уже на сносях, прихватила лукошко и собралась было отправиться за малиной.

– Олюшка, да куда ж ты наострилась-то? – попыталась остановить её Прасковья Григорьевна. – Живот-то на нос лезет – рожать тебе скоро!

– Ой, мама, вон девчата соседские вчера по ведру притащили. Говорят, ягода крупная, сама в руки сыпется – не могу

я такой случай упустить. Да и малинник – сразу за околицей, чего там со мной станется?

Прасковья Григорьевна, зная неуёмный характер невестки, только вздохнула:

– Ну, коли так – иди. За Юрочкой я пригляжу.

Малины и правда было невпроед. Выбрав нетронутый участок, Оля горстями ссыпала в лукошко душистую ягоду. Неподалёку потрескивали кусты. Видать, страдовал кто-то из своих, из поселковых. Ольга знала здесь всех, да и её многие знали. Приглядевшись получше, удивилась: кто ж ходит летом по ягоды в меховой шубе?

Додумывала Оля уже на бегу, что в её положении было крайне рискованно, но и медлить особо не стоило: счастье, что медведь – а это был именно он – лакомился ягодками с наветренной стороны и не учуял за спиной человека. Конечно, в августе зверь уже сыт, но кто ж знает наверняка? А вдруг это – медведица с пестуном?

Оля бежала, не чуя под собой ног, крепко вцепившись в ручку корзины. Вывалить малину на землю ей даже в голову не пришло.

Уже дома начались схватки и роженицу увезли в роддом села Перемское, где она благополучно разрешилась от бремени светленьким горластым мальчонкой.

– Надо бы сына Мишкой назвать, – шутил отец, – да только нам в семье одного Мишки достаточно.

– Да уж, Олька, двух Мишек благодари, – вторила зятю

баба Дуся, приехавшая навестить роженицу.

Вот так это и получилось, как-то очень уж быстро: первого августа зарегистрировали брак Погадаева Михаила и Трёмбовецкой Ольги, а второго родился их сынок Владюшка. Да, умели старые партийцы, воспитанники товарища Сталина, делать свою работу быстро, хоть и не всегда качественно.

Вскоре Михаил получил новое назначение, и семья переехала в Полазну – большой посёлок на берегу Камы, а спустя год у молодых родился ещё один сын, названный Валерием.

Владька

– Владик, ну-ка скажи, почему у тебя сегодня мамка всю ночь редела? – мужик лукаво поглядывает на меня, пряча в бороде усмешку. Его волосы, как снежком, припорошены опилками – бригада вятских плотников ставит у нас в посёлке барак.

Я, естественно, не знаю, что ответить, ведь всю ночь крепко спал с бабушкой на кухне и ничего такого не слышал. Да и не мамка она мне, а вовсе чужая тётка. Ну и что с того, что отец велел её мамкой называть, мою-то маму я помню: красивая, весёлая – она вместе с братьями Юркой и Валеркой осталась где-то в Полазне, а нас с бабулей отец увёз на Платину...

– Ну, чего молчишь? Чего мамка-то редела? – присоединяется к разговору второй мужик.

Я в сплошном недоумении: чего этим дядькам надо? То-

гда из противоположного угла меня подзывает третий и, когда я подхожу, тихо шепчет:

– Да что ты, Владик, теряешься?! Ты им скажи: тебя всю ночь поеби, так и ты заревёшь.

И я громко на весь барак не просто говорю, а кричу:

– А тебя всю ночь поеби, и ты заревёшь!

Ответом мне служит гомерический хохот всей бригады, а я, не осознавая значения сказанного, довольный произведённым эффектом, продолжаю играть с приятелями.

Вообще, Полазну я вспоминаю нечасто: здесь, на Платине, у меня уже появились друзья из местной малолетней шантрапы, и наша команда почти всё время проводит на стройке. Огромный барак ещё не поделён на комнаты, но уже подведён под крышу, потолок тоже сбит. Рабочие, разойдясь по разным углам, заканчивают стелить полы и делают перегородки.

Барак – самый большой в посёлке, и не с коридором, как это обычно делалось, а с отдельным входом с улицы в каждую комнату-квартиру. У каждой семьи свои сени, своя кладовка при входе. Строит барак большая бригада вятских плотников. Судя по тому, как ретиво мужики взялись за меня, моя новая мамка прибыла на Платину именно с ними.

Так продолжается изо дня в день: стоит мне появиться на стройке, вопрос повторяется в неизменном виде. Ответ тоже не заставляет себя долго ждать, затем следует оглушительный хохот, а я страшно горд собой, тем, что могу так лихо

отвечать на вопросы взрослых мужиков.

* * *

Новая мамка, про которую спрашивали плотники – уже не первая в моей жизни: однажды, после очередной поездки в Свердловск папа привёз мне «маму с двумя братиками». Где он откопал это сокровище, для меня так и осталось тайной.

Бабуля очень переживала, и, как оказалось, не зря. Однажды, оставив меня на попечение «папиной жены», бабушка отправилась в Свердловск: со здоровьем у неё не всё было в порядке, намечалась операция. Думаю, поэтому она и переживала, оставляя меня на «новую маму». В городе бабушка остановилась у своей сестры Анфисы – тёти Фисы, как мы её звали.

Поскольку прожила бабушка в городе достаточно долго, она выслала домой несколько посылок. После возвращения решила выяснить, что же из тех посылок перепало мне, и когда узнала, что ничего, состоялся её разговор с отцом. Не знаю, о чём они там говорили, но новую жену батя немедленно отправил туда, откуда привёз. Вместе с «братиками». Характер у бабули был очень мягкий, но не тогда, когда обижали меня.

* * *

А где же моя родная мама?

В Полазне, откуда мы переехали на Платину, случилось происшествие, круто изменившее существование всей нашей семьи.

Проживали мы на первом этаже большого двухэтажного дома, в котором кроме нас и соседей обитали целые полчища крыс. Наша с бабушкой кровать, а спали мы с ней вместе, находилась справа от входной двери. Как-то я проснулся поздно ночью и в тусклом свете висевшей у двери лампочки увидел, как какие-то серые зверьки вылезают из-под пола и бегают по комнате. Их было так много! Слегка попискивая, зверьки шныряли туда-сюда, видимо, в поисках пропитания, а я, в то время ещё не зная, что это крысы, долго, пока не уснул, наблюдал за их манёврами.

В это время в гости к нам приехала баба Дуся с двумя приёмными сыновьями: Николаем и Петром. Места в наших апартаментах было не лишка, потому бабулю уложили на пол, расстелив матрас. Ночью раздался страшный крик. Оказалось, что крыса укусила бабушку за нос, и баб Дуся, проснувшись и увидев, сколько их, естественно, перепугалась. Утром Коля и Петро, которые были значительно старше нас с Юркой и, по всему виду, имели опыт борьбы с этой напастью, начали охоту на крыс: к перекладине нашего большого стола приладили петли из проволоки и разложили приманку. Улов составил три или четыре крысы.

Братья отволокли их подальше от дома, облили керосином и подожгли – первый опыт уничтожения врага прошёл удачно. А вот на следующий день вышла осечка: одна горящая крыса добежала до дома и юркнула в подпол. Только чудо спасло дом от пожара. Ремня от бабки получили оба

предпринимателя, но, как выяснилось, напрасно: оставшиеся крысы ушли, видимо, наученные горьким уроком.

* * *

В комнату на втором этаже, где жили соседи, вела крутая лестница. Вот с этой-то лестницы я и вертанулся, а, падая, поймал гвоздь, который воткнулся прямо под левую коленку. Через несколько дней нога распухла, поднялась температура, ходить я не мог – положили меня в больницу большого города Молотов вместе с бабушкой Пашей. Мне сделали операцию и, по словам бабушки, убрали гноя с целое куриное яйцо. Как оперировали – не помню, а вот перевязки запомнил хорошо: меня клали на операционный стол и держали несколько человек, а я орал: «Тётеньки, вы нехорошие!» Толстый усатый доктор забивал рану бинтом, пропитанным лекарством, а на следующий день, присохший, из раны вытаскивал. Боль была дикая! Бабуля плакала вместе со мной, а доктор приговаривал:

– Терпи, казак – атаманом будешь!

Однажды нас навестил отец, и они о чём-то долго разговаривали с бабушкой – бабуля опять плакала.

Я быстро шёл на поправку, вскоре меня выписали, и мы вернулись домой, но вот мамы с братьями там уже не было. Из разговоров взрослых я узнал, что мама, забрав Юрку и Валерика, убежала неведомо куда. А вскоре и мы с отцом и бабулей переехали на Платину.

Поселили нас в бараке на четыре хозяина. У каждой се-

мьи имелась комната с кухней. Кухня с большой русской печью являлась также столовой, да и одна кровать вмещалась, опять же возле входной двери – наше законное с бабушкой место.

* * *

После переезда на Платину бабуля не оставляла попыток найти мою мать: переписывалась с соседями по дому, с какими-то друзьями отца. Наконец отправилась в Полазну парламентомёр.

Вернувшись, рассказала, что некоторое время после бегства из дома мать с братьями скрывалась у подруги, а потом баба Дуся забрала их к себе в Ярино, где мать устроилась работать учителем начальных классов. Проучительствовала она ровно год, разбив немало линеек о Юркину голову – в том же году брат пошёл в первый класс – а затем вернулась обратно в Палазну и определилась на прежнюю работу – в санаторий.

Нам с отцом надеяться не на что: баба Дуся категорически против воссоединения семьи, да и Оля, похоже, нашла своё счастье с другим. Всё же не напрасно, видимо, отец её ревновал: папочка прилично поддавал, а, приняв на грудь, был крайне несдержан, ревнив – отсюда и боевой задор в разборках с женой. Иногда в приступах ревности отец по целой ночи держал мать под ножом.

Это была не единственная печальная новость – умер мой брат Валера. Его не то уронили, не то толкнули в детском са-

ду. В результате травмы у малыша лопнул желчный пузырь, и пока врачи разбирались, в чём дело, время было упущено, спасти братика не смогли. Причина смерти выяснилась только при вскрытии. Для отца это известие стало сильнейшим ударом: он очень любил Валерку. Тот рос подвижным, бойким и, несмотря на то, что был на год младше меня, старался ни в чём мне не уступать и спуска не давать.

Мне бабуля привезла подарок: брат Юра, который к тому времени уже ходил в школу, увидев у бабушки мою фотографию, забрал её себе и сказал, что будет хранить, а бабушке отдал свою в школьной форме – для меня.

* * *

Отцу после крушения надежд на возвращение жены стало, видимо, совсем невмоготу: уж пятый десяток, а прислупить плечо не к кому. И однажды он привёл в дом девушку значительно моложе себя, как потом выяснилось – на целых двадцать лет. Вскорости мне велено было называть её мамой, что я воспринял без большого энтузиазма – всё ещё ждал свою мать.

Присмотрел батя новую мамку в бригаде сезонных рабочих – вятских плотников

Как он, истинный партиец, не оформив развод с моей матерью, смог окрутиться с беспаспортной девицей – не знаю, но Чагина Анна Алексеевна стала Погадаевой, получила паспорт, а вместе с ним – возможность не вертаться в родную деревню Голодаиху. Так мой отец сделал из крепостной кол-

хозяйницы полноправную гражданку Советского Союза.

Великий вождь и учитель товарищ Сталин, хоть и провёл до войны индустриализацию, но сделал это за счёт крестьянского населения: раскулачивали наиболее работающих хозяев и отправляли в никуда. Многие тогда оказались на строительстве заводов и «перековались» в рабочий класс – это соответствовало требованиям времени. Но после войны вопрос оттока населения из деревни, по моим предположениям, встал очень остро и решился очень просто: коммунистическое рабство. Колхозникам не выдавались паспорта, а без паспорта уехать из колхоза было невозможно, так как в любом городе или рабочем посёлке требовалась прописка. Тех, кто по партизански покидал насиженные места без паспорта, возвращали обратно. Но была одна лазейка: когда в колхозе заканчивались полевые работы, и высвобождалась рабочая сила, можно было получить справку и на зимнее время, до начала весенних работ, уехать на заработки в город.

Строительство и подъём Платинского лесочастка, особенно его левой, промышленной, части осуществлялись именно такими сезонными рабочими, которые приезжали почему-то в основном из Кировской области. У нас их, правда, называли вятскими – видимо, не до конца народ принял переименование древней Вятки в город Киров. Зачастую мужики из одной деревни формировались в бригаду и подражались на строительство: среди них встречались очень приличные столяры и плотники. Шабашники строили бараки,

в которых временно жили и сами, для новых рабочих лесоучастка. Ставили частные дома – для тех, кто мог заплатить.

Были в таких бригадах и женщины, ведь стиральню и постирушки никто не отменял. Вот тут-то мой папаша и нашёл новую молодую мамку с интересным вятским говорком.

Хотя в России крепостное право было отменено царём Александром II, при Сталине оно было, пусть частично, реанимировано. Но, как оказывается, от него можно было освободиться, и, как видим, одним из способов было удачно выйти замуж за истинного партийца.

На горе – колхоз, под горой – совхоз,

А мне миленький задавал вопрос...

Задавал вопрос, сам глядел в глаза:

– Ты – колхозница, тебя любить нельзя.

– Что колхозница, не отрицаюся,

И любить тебя не собираюся.

Я пойду туда, где густая рожь,

И найду себе, кто на меня похож.

* * *

Все эти воспоминания вихрем проносились в моей голове, а глаза тем временем цепко шарили вокруг в поисках подходящей деревяшки: мне очень хотелось деревянный наган с резинкой, который стрелял гнутыми из проволоки пулями.

Не найдя ничего подходящего, я отправился домой.

Дома застал отца за интересным занятием. На расстеленной газете лежали часы-ходики. Раскрыв коричневый фиб-

ровый чемодан с облезлыми углами, папа доставал и раскладывал на столе отвёрточки, щипчики и вовсе непонятные мне инструменты.

В свободное время он ремонтировал часы всему посёлку. Дома имелся целый чемодан миниатюрных инструментов и приспособлений, а также старых часов и механизмов, которые отец использовал в качестве запчастей.

Затаив дыхание, следил я за точными и уверенными движениями его пальцев:

– Папа, а красить будешь? – отец умел растворять фосфор и наносить его на цифры и стрелки, превращая обычные ходики в светящиеся.

– Сегодня, наверно, не успею.

– А завтра будешь?

– Завтра буду.

– Ну, хорошо, только без меня не делай.

– Да уж, конечно, куда ж без тебя.

* * *

Но назавтра я заболел. Поднялась высоченная температура. Бабушка сбегала за фельдшерницей тётей Аней, матерью моего друга Юрки Лебёдкина.

– Да успокойтесь Вы, Прасковья Григорьевна, Бог даст, обойдётся...

– Да как же, Анечка! – зашептала бабуля. – Ты ж ничего не знаешь! Помнишь, в прошлом году цыганка тут ходила? Гадала нам с Владюшкой. Нагадала мне, что доживу до вось-

мидесяти семи лет и помру в Христов день на Пасху. Да не обо мне речь-то! Про Владюшку сказала, что линия у него на ладошке какая-то. Как только соединится она с линией жизни, так и конец, да и вообще навряд до тридцати годков дотянет ...

– Да слушайте вы этих цыган больше: соврут – не дорого возьмут! Гнали бы её со двора! А Вы, поди, ещё и денег дали? – возмущалась тётя Аня.

– Денег не дала – продукты. Да она допреж того взяла-то. Ну, а уж потом-то, конечно, выгнала, да что толку: теперь, чуть он заболит, ручку смотрю – не сошлись ли линии-то...

И, действительно, бабуля, которая и так надышаться на меня не могла, страшно пугалась всякий раз, когда я болел. А поскольку ребёнком я был хилым – переболел всеми детскими болезнями, какие только были – боялась она практически постоянно и постоянно внимательно всматривалась в мою ладошку.

Однажды, ещё в Полазне, я заразился корью. Через Юрку – он притащил инфекцию из санатория, где работала мама и где в то время был карантин. Причём, сам-то не заболел – вот такая хитрая зараза эта корь. Болел я тяжело, а потом ослеп на оба глаза: на них оказались бельма. Лечили народным способом: сахар перетирали в пудру и засыпали в глаза. Боль страшная! Бабушка намучилась со мной: ночами я не мог уснуть и всё время плакал. Бабуля брала меня на руки и носила по комнате. Путь был только один: от двери до ок-

на да обратно. Когда идём к окну – сплошная темнота, когда к двери – вижу тусклый свет: висевшая у двери лампочка просвечивает сквозь бельма. Не знаю, сколько сыпали мне в глаза эту сахарную пудру, но один глаз стал видеть полностью, а другой – чуть-чуть. Бельмо полностью не свелось, и напротив зрачка осталось «облачко» – так сказал доктор.

А ещё – косоглазие, сильно осложнившее мою жизнь: впоследствии мне кулаками приходилось доказывать обидчикам, что дразнить меня не стоит. В драку кидался не раздумывая.

Вот и в этот раз бабушка с тётей Аней, столкнувшись лбами, внимательно рассматривали мою руку.

А температура всё не спадала! Через несколько дней к ней присоединился сильный кашель. Послушав и простукав меня со всех сторон, тётя Аня сказала, что есть подозрение на воспаление лёгких.

Бабушка, в очередной раз проявив характер и сломив сопротивление отца, повезла меня в Свердловск. Не знаю, кто посодействовал, но меня, уже тяжелобольного, положили в институт охраны материнства и младенчества. Одного, без моей бабули! Навещала меня там Людмила, младшая дочь тёти Фисы. Не помню, сколько я пролежал в больнице, наверное, не меньше месяца! Задница распухла от уколов так, что больно было сидеть. Медсёстры йодом рисовали мне на ягодицах сетку, объясняя, что так следы от уколов заживут быстрее. Меня чрезвычайно смешило и новое слово – яго-

дицы, и узоры на ж... Значит – пошёл на поправку.

И вот день выписки. За мной приехала Людмила и повезла домой, на улицу Шейнкмана, девятнадцать, где они всей семьёй проживали в подвале большого красивого дома. Жильцы его, как видно, были не из простых: на скамейках во дворе почти всегда сидели видные тётеньки в нарядных пальто и шубах и прятали руки в красивые меховые муфты. Зимой во дворе заливали каток, на котором ребята играли в хоккей, да и просто катались на коньках. Дом был огромным, двор – широченным. Вот только тёте Фисе и дяде Гане, её второму мужу, досталась одна небольшая комнатка в подвале, да и то потому, что он работал дворником в этом важном доме.

Я знал, что до революции дядя Ганя, обладавший уникальным – так говорили все – голосом, пел в опере. Как случилось, что он оказался с метлой и лопатой, мне никто не рассказывал, да я и не интересовался. Да и поливать двор из огромного шланга мне казалось гораздо интереснее, чем петь песни. В этом огромном дворе дядя Ганя был, без сомнения, главным.

Людмила очень быстро доставила меня до места, так как ОММ – так называлась эта больница – находилась недалеко от их дома. Раздевшись, я оглянулся и оторопел: напротив меня сидели две бабушки, абсолютно одинаковые и лицом, и фигурой. Я мгновенно юркнул под стол и оттуда пытался определить: которая же из них – моя?

В комнате стоял хохот, а я испуганно выглядывал из-под

стола и, переводя взгляд с одной бабушки на другую, пытался узнать свою, и только когда они заговорили, упрашивая меня вылезти, по голосу понял, которая из них – моя. Голос у бабы Анны был низкий, грудной, в остальном же близняшки были похожи друг на друга как две капли воды.

* * *

В одну из наших поездок в Свердловск бабушка привела меня на могилу деда, который был похоронен на Михайловском кладбище. Поплакала. Я спросил, от чего он умер. Бабуля ответила, что от дурной болезни. Я не понял: а разве бывают болезни умные?..